

A dramatic painting of Benjamin Franklin, depicted as an older man with white hair, wearing a dark coat and a red cape. He is holding a key aloft in his right hand, with a lightning bolt striking it. To his left, a cherub plays a violin, and to his right, another cherub holds a bow. In the background, there are scientific instruments like a pendulum clock and a telescope. The sky is dark and stormy.

СТИВЕН
КИНГ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

СТИВЕН КИНГ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

*То не мертво, что вечно недвижимо:
спустя эонов тьмы умрет и смерть*

Говард Филлипс Лавкрафт

Содержание

I. Пятый персонаж. Череп-гора. Мирное озеро.	5
II. Три года. Голос Конрада. Чудо.	33
III. Авария. Рассказ моей матери. Ужасная проповедь. Прощание.	66
IV. Две гитары. «Хромовые розы». Молния на Скайтопе.	110
V. Зыбкое течение времени. Молниеносные портреты. Наркота.	155
VI. Лечение электричеством. Ночная экскурсия. Разозленный оклахомец. Билет на «Горный экспресс».	187
VII. Возвращение домой. Ранчо «Волчья пасть». Господь исцеляет подобно молнии. Глухой в Детройте. Призматика.	213
VIII. Балаган. Ярмарка округа Норрис.	259
IX. Чтение некрологов в постели. Снова Кэти Морс. Латчес.	280
X. Свадебные колокола. Как сварить лягушку. Семейное торжество. «Советую прочесть».	325
XI. Козья гора. Она ждет. Дурные вести из Миссури.	356
XII. Запретные книги. Мои мэнские каникулы. Печальная история Мэри Фэй. Шторм надвигается.	392
XIII. Возрождение Мэри Фэй	432
XIV. Побочные эффекты.	450
От автора	469

Пятый персонаж. Череп-гора. Мирное озеро.

В одном, по крайней мере, наша жизнь и вправду похожа на кино. В главных ролях — родные и друзья. Роли второго плана исполняют соседи, коллеги, учителя и знакомые. Есть и эпизодические персонажи: улыбчивая девушка за кассой супермаркета, рубаха-бармен в местной забегаловке, парни в спортзале, с которыми ты три раза в неделю делишь тренажеры. Наконец, массовка: тысячи людей, протекающих сквозь твою жизнь как вода сквозь решето — увидел и забыл. Подросток, мимо которого ты с извинениями продираешься к стойке с журналами, рассматривает комиксы в книжном магазине. Женщина в соседнем ряду у светофора пользуется моментом, чтобы подкрасить губы. Мать вытирает мороженое с лица ребенка в придорожном ресторанчике, где ты остановился перекусить. Парень продает тебе пакетик арахиса на бейсбольном матче.

Но иногда в твоей жизни появляется человек, не вписывающийся в эти категории. Это джокер, который время от времени выпрыгивает из колоды — зачастую

в самые тяжелые минуты. В кино он известен как «пятый персонаж» или «источник перемен». Когда он возникает на экране, становится ясно, что этот человек появился там по воле сценариста. Но кто пишет сценарии наших жизней? Судьба? Случай? Мне хочется верить в последнее. Хочется верить в это всем сердцем и душой. Когда я вспоминаю о Чарльзе Джейкобсе — моем пятом персонаже, моем источнике перемен, моем проклятии, — то даже и думать не хочу, что его появление в моей жизни было предначертано. Это означало бы, что все последовавшие за этим ужасные события — весь этот кошмар — тоже были предопределены. Если это так, то мы живем в мире, где нет света, а вся наша вера — всего лишь глупая обманка. Если это так, мы живем во тьме, точно дикие звери в норе или муравьи в недрах муравейника.

И в этой тьме есть кто-то еще.

На шестой день рождения Клер подарила мне армию, и в ту октябрьскую субботу 1962 года планировалось крупное сражение.

Я рос в большой семье — четыре мальчика, одна девочка, — и как самому младшему мне всегда доставалась куча подарков. Лучшие всегда дарила Клер. То ли потому, что она была старше всех нас, то ли потому, что была единственной девчонкой... может, всего понемногу. И все равно солдатики стали самым крутым подарком из всех. Две сотни зеленых пластиковых пехотинцев — некоторые с ружьями, некоторые с автоматами, дюжина с какими-то штуками, похожими на цилиндры (Клер сказала, что они называются минометами), восемь грузовиков и двенадцать джипов... Но лучше всего, пожалуй, была коробка, в которой

хранилась эта маленькая армия: картонный солдатский сундучок в зелено-коричневых камуфляжных тонах с трафаретной надписью «Собственность армии США» на одной из сторон. Рядом Клер приписала: «Командующий Джейми Мортон».

Это был я.

— Я увидела рекламное объявление на задней обложке комикса Терри, — сказала она, когда мои радостные вопли утихли. — Он не хотел, чтобы я его вырезала — ведь Терри козьявка...

— Точно, — подтвердил Терри. Ему было восемь. — Старший брат-козьявка.

С помощью указательного и безымянного пальцев он изобразил вилку и воткнул ее себе в нос.

— Прекратите, — вмешалась мама. — Никаких перепалок в дни рождения, пожалуйста и спасибо. Терри, вытащи пальцы из носа.

— Короче говоря, — продолжила Клер, — я скопировала купон и отправила его по почте. Боялась, что посылка не придет вовремя, но она пришла. Рада, что тебе понравилось.

И она поцеловала меня в висок. Она всегда целовала меня туда. Спустя все эти годы я до сих пор чувствую эти нежные поцелуи.

— Я люблю их! — воскликнул я, прижимая сундучок к груди. — Я всегда буду их любить!

Дело было после завтрака. В то утро мы ели мои любимые блины с черникой и бекон. В свой день рождения каждый из нас получал на завтрак то, что любит больше всего, а после этого приходил черед подарков. Прямо там, на кухне с дровяной печью, длинным столом и огромной стиральной машиной, которая вечно ломалась.

— Для Джейми «всегда» — это где-то дней пять, — сказал Кон. Тогда ему было десять и он был тощим (хотя позже и набрал мышечную массу). Уже в то время он имел научный склад ума.

— Неплохо, Конрад, — отметил отец. Он был одет в чистый рабочий комбинезон. На левом нагрудном кармане золотой нитью было вышито его имя: «Ричард». Надпись на правом гласила: «Топливо Мортон». — Я впечатлен.

— Спасибо, па.

— Острый язык заработал тебе возможность помочь маме с посудой.

— Но сегодня очередь Энди!

— Была очередь Энди, — уточнил отец, поливая сиропом последний блин. — Хватай полотенце, остро слов. И постарайся ничего не разбить.

— Балуете вы его, — сказал Кон, но полотенце взял.

Конни не так уж и ошибался насчет моего представления о вечном. Пять дней спустя подарок Энди — игрушечный медицинский набор — пылился под кроватью. Некоторых частей в нем все равно не хватало, потому что Энди купил его за четвертак на распродаже. Туда же отправился и пазл от Терри. Сам Кон подарил стереоскоп, который продержался чуть дольше остальных, но все равно вскоре навсегда оказался в шкафу.

От родителей я получил одежду, потому что мой день рождения выпал на конец августа, а в том году я должен был пойти в первый класс. Новые брюки и рубашки показались мне столь же интересными, как таблица для настройки телевизора, но я постарался произнести слова благодарности как можно более вос-

торженно. Сейчас я понимаю, что они наверняка раскусили меня — притворная радость дается шестилетним не слишком-то хорошо... хотя, должен отметить, учимся мы этому быстро. В любом случае, одежду постирали, высушили на бельевой веревке и сложили в шкаф. Не стоит, наверное, упоминать, что в следующий раз я увидел ее только в сентябре, когда пришла пора идти в школу. Помню, что свитер оказался на удивление крутым — коричневым в желтую полоску. Когда я носил его, то воображал себя супергероем по прозвищу Человек-оса: берегитесь моего жала, злодеи!

Но насчет сундучка с армией Кон ошибся. Я играл с солдатиками почти каждый день, обычно — на полоске голой земли между нашим палисадником и Методист-роуд, которая в те годы и сама была земляной. Тогда все дороги в Харлоу были грунтовыми, кроме шоссе №9 и двухрядки, ведущей к Козьей горе, где находился курорт для богатых. Я помню, как мама иной раз даже плакала из-за того, сколько пыли летит в дом в засушливые летние дни.

Часто по вечерам я играл в солдатиков с лучшими друзьями, Билли Пакеттом и Элом Ноулзом. Но в тот день, когда в моей жизни впервые появился Чарльз Джейкобс, я был один. Не помню, почему не пришли Билли и Эл, зато помню, как радовался, что в кои-то веки могу поиграть без них. Во-первых, можно было не делить армию на три части. Во-вторых, и это было важнее, не пришлось спорить с ними из-за того, кому побеждать в сражении. Честно говоря, я считал, что вообще не обязан проигрывать: солдатиками-то мои, и сундучок тоже.

Как-то жарким днем в конце лета, вскоре после моего дня рождения, я поделился этой мыслью с мамой. Она взяла меня за плечи и посмотрела в глаза. Верный признак, что мне предстоял очередной Жизненный Урок.

— Половина бед в мире проистекает из этого вот «мое-мое», Джейми, — сказала она. — Когда ты играешь с друзьями, солдатики принадлежат вам всем.

— Даже если мы понарошку враги?

— Даже тогда. Когда Билли и Эл уходят домой ужинать, а ты складываешь солдатиков в коробку...

— Это сундучок!

— Хорошо, в сундучок. Когда ты их убираешь, они снова твои. Люди умеют обижать друг друга самыми разными способами, — ты это еще узнаешь, когда подрастешь. Но я считаю, что корень всех зол — обыкновенный эгоизм. Обещай, что не будешь эгоистом, малыш.

Я пообещал. Но мне все равно не нравилось, когда побеждали Билли и Эл.

Тем октябрьским днем 1962-го, когда судьба мира висела на волоске из-за тропического клочка земли под названием Куба, я воевал за обе стороны, а значит, победа в любом случае оставалась за мной. С утра по Методист-роуд проехался грейдер («и не надоело ему камни двигать», обычно ворчал папа), оставив после себя кучки рыхлой земли. Сначала я сделал холмик, который затем превратился в холм, а потом — в холмище, почти мне по колено. Сперва я хотел назвать его Козьей горой, но это показалось мне банальным (ведь до настоящей Козьей горы всего лишь дюжина миль) и скучным. Пораскинув мозгами, я назвал его Череп-го-

рой и даже попытался выкопать в ней глаза-пещеры, но сухая земля тут же их засыпала.

— Ну и ладно, — сказал я россыпи солдатиков в сундучке. — Жизнь — не сахар, всего не заполучишь.

Это была одна из любимых папиных присказок, и с пятью-то детьми он знал, о чем говорит.

— Пещеры будут понарошку.

Половину войск я расставил на вершине Череп-горы, где они смотрелись очень внушительно (особенно впечатляли минометчики). Это у меня были фрицы. Американцев я выстроил у кромки лужайки. Им я отдал все джипы и грузовики, которые так классно будут мчаться по крутому склону горы. Некоторые перевернутся, но хотя бы парочка доберется до вершины. И переедет минометчиков, которые будут с криками молить о пощаде. Пощады им не видать.

— Не на жизнь, а на смерть, — сказал я, расставляя последних героев-американцев. — Гитсмер, ты — следующий!

Я уж было начал выдвигать их вперед, шеренгу за шеренгой, изображая при этом пулеметные очереди в стиле комиксов, но тут на поле брани упала тень. Подняв голову, я увидел мужчину. Он буквально затмил собой послеполуденное солнце, поэтому видел я лишь окруженный золотистым свечением силуэт.

В доме жизнь была ключом, как обычно и бывало по субботам. На длинном заднем дворе Энди и Кон перекидывались с друзьями бейсбольным мячом. Они кричали и смеялись. У себя в комнате наверху Клер с парой подруг слушали пластинки: «Локо-Моушн», «Солдатик», «Палисейдс Парк». Из гаража доносился стук молотка: это Терри с папой работали над старым «Фордом» 51-го года выпуска, который отец называл

«Дорожной ракетой». Или Проектом. Однажды я услышал, как он назвал его куском дерьма. Я горячо полюбил это выражение и использую его до сих пор. Когда вам кисло, обзовите кого-нибудь или что-нибудь куском дерьма. Сразу полегчает.

Вокруг творилось много всего, но в этот миг все как будто замерло. Знаю, что это всего лишь иллюзия, подсунутая памятью (не говоря уже о целом ворохе мрачных ассоциаций), но воспоминание очень яркое. Ни тебе криков детей на заднем дворе, ни играющих наверху пластинок, ни стуков молотка в гараже. Ни пения птиц.

Потом мужчина нагнулся, и из-за его плеча меня ослепили косые лучи солнца. Я прикрыл глаза рукой.

— Прости, прости, — сказал он и подвинулся так, чтобы я мог спокойно, без помех, его рассмотреть. Сверху на нем был черный, для походов в церковь, пиджак и черная же рубашка с отложным воротником; на ногах — синие джинсы и потертые мокасины.

Он словно бы хотел быть двумя разными людьми одновременно. В шесть лет, я делил больших на три категории: молодые взрослые, взрослые и старики. Передо мной стоял молодой взрослый. Уперев руки в колени, он рассматривал воюющие армии.

— Кто вы? — спросил я.

— Чарльз Джейкобс.

Имя показалось мне смутно знакомым. Он протянул мне руку, и я тотчас ее пожал — потому что, несмотря на возраст, был хорошо воспитан. Как и все мы. Родители за этим проследили.

— Почему у вас воротник с дыркой?

— Потому что я священник. По воскресеньям я буду ждать тебя в церкви. А если ходишь на вечерние

собрания Братства юных методистов по четвергам — то и там тоже.

— Раньше нашим священником был мистер Латур, — сказал я, — но он умер.

— Я знаю. И очень сожалею.

— Не надо. Мама говорит, он не мучился и отправился прямоком на небеса. Хотя у него не было такого воротника.

— Это потому, что Билл Латур был светским проповедником. То есть что-то типа добровольца. Он служил в церкви, когда там некому было служить — это очень хороший поступок.

— Кажется, папа знает про вас, — сказал я. — Он один из церковных дьяконов. Ему разрешают собирать пожертвования, но делать это приходится по очереди с другими.

— Делиться — это хорошо, — сказал Джейкобс и опустил рядом со мной на колени.

— Молиться будете? — Эта мысль меня несколько тревожила. Молиться следовало в церкви или на собраниях Братства юных методистов — братья и сестра называли их «четверговой школой». Когда мистер Джейкобс снова начнет их вести, мне тоже придется туда ходить — как и в первый класс обычной школы.

— Если вы хотите поговорить с папой, он с Терри в гараже. Они меняют сцепление «Дорожной ракеты». Ну, папа меняет. Терри только смотрит и подает инструменты. Ему восемь. Мне шесть. Мама, наверное, сидит на заднем крыльце и смотрит, как ребята бросают мяч.

— Когда я был ребенком, мы называли эту игру «Обратка», — сказал он и улыбнулся. Улыбка у него была приятная, и он мне сразу понравился.

— Правда?

— Ну да, потому что когда ты ловил мяч, нужно было тут же швырнуть его назад и попасть по бите. Как тебя зовут, сынок?

— Джейми Мортон. Мне шесть лет.

— Ты уже говорил.

— По-моему, еще никто не молился у нас на лужайке.

— И я не собираюсь. Просто хочу поближе взглянуть на твоих солдат. Кто из них русские, а кто — американцы?

— Ну вот эти, на земле — американцы, конечно, а эти, на Череп-горе, — фрицы. Нашим нужно взять гору.

— Потому что за ней лежит дорога на Германию, — сказал Джейкобс.

— Точно! К главному фрицу, Гитсмеру!

— На совести которого так много зла.

— Что?

— Ничего. Ты не против, если я буду называть плохих парней немцами? Фрицы — это как-то грубовато.

— Да, конечно. Фрицы — это немцы, а немцы — это фрицы. Папа воевал. Правда, только в последний год. Он чинил грузовики в Техасе. А вы где воевали, мистер Джейкобс?

— Нигде. Я тогда был слишком молод. И для Кореи тоже. И как же американцы собираются брать эту гору, генерал Мортон?

— Штурмом! — воскликнул я. — С пулеметами! Тыдыщ! Бух-бух-бух! — И добавил как можно басовитей: — Тра-та-та-та!

— Лобовая атака этой высоты выглядит рискованной, генерал. На вашем месте я бы разделил войска... вот так... — И он переместил одну половину американ-

цев на левый фланг, а другую — на правый. — Так вы сможете взять немцев в клещи, видите? — Он сблизил большой и указательный пальцы. — Ударить с двух сторон.

— Может быть, — ответил я. Мне нравилась идея штурма — реки крови, все такое — но предложение мистера Джейкобса тоже выглядело привлекательным. Оно было хитрым, а от собственной хитрости тоже можно получить удовольствие. — Я хотел вырыть пещеры, но земля слишком сухая.

— Да, вижу. — Он ткнул пальцем в поверхность Череп-горы и убедился, что земля действительно тут же засыпала получившееся отверстие. — У меня есть сын, который через год-другой точно оценит твоих солдатиков.

— Пусть приходит прямо сейчас, поиграем вместе. — Я изо всех сил старался не быть эгоистичным. — Где он?

— Еще в Бостоне, с мамой. Нужно еще кучу вещей упаковать. Думаю, они приедут в среду. Самое позднее — в четверг. В любом случае Морри еще маловат для солдатиков. Он их будет только разбрасывать.

— А сколько ему?

— Два годика.

— Он, наверное, еще писает в штаны! — воскликнул я и захихикал. Возможно, это было и невежливо, но я просто ничего не мог с собой поделать. Дети, писающие в штаны — ну что может быть смешнее?

— Ну да, писает, — сказал Джейкобс и улыбнулся. — Но, уверен, уже совсем скоро перестанет. Говоришь, твой отец в гараже?

— Да. — Теперь я вспомнил, где слышал фамилию этого человека. Как-то раз за обедом мама с папой об-

суждали нового священника, который должен приехать из Бостона. «А не слишком ли он молодой?» — спросила мама. «Так и есть, и это скажется на его зарплате», — ответил папа и ухмыльнулся. Вроде бы они говорили о нем что-то еще, но тогда я пропустил это мимо ушей: Энди, как обычно, пытался заграбастать себе побольше пюре.

— Ты попробуй этот фланговый маневр, — напомнил Джейкобс, уходя.

— Что?

— Клещи, — сказал он и снова изобразил их пальцами.

— А, да, конечно.

И я действительно попробовал. Сработало на ура: все фрицы были уничтожены. Впрочем, битва вышла не очень зрелищной, так что я начал заново и на этот раз ударил в лоб. Грузовики и джипы срывались с крутых склонов Череп-горы, а фрицы, испуская отчаянные предсмертные крики, замертво падали с обратной стороны.

Пока шла битва, папа, мама и мистер Джейкобс сидели на переднем крыльце, пили чай со льдом и обсуждали церковные дела: помимо того, что отец был дьяконом, мама состояла в обществе Дам-попечительниц. Не руководила им, но числилась в администрации. Видели бы вы шляпки, которые она тогда носила! У нее их было не меньше дюжины. Счастливое было время.

Мама подозвала моих сестру и братьев с друзьями, чтобы познакомить их с новым священником. Я тоже было пошел, но мистер Джейкобс сказал маме, что мы уже знакомы. «Продолжайте бой, генерал!», — крикнул он.

Я продолжил. Кон и Энди с друзьями снова принялись бросать мяч. Клер с подружками поднялись наверх и вернулись к своим танцам (хотя мама попросила их убавить громкость — пожалуйста и спасибо). Миссис и мистер Мортон с преподобным Джейкобсом разговаривали долго. Помню, что тогда меня часто удивляла способность взрослых подолгу болтать. Это же так скучно!

Я позабыл о них, потому раз за разом переигрывал сражение на Череп-горе. Больше всего мне нравился план мистера Джейкобса, хотя я и внес в него некоторые коррективы: одна часть американских сил отвлекала внимание немцев штурмом с подножия горы, в то время как другая обходила врага с тыла и устраивала там засаду. Перед тем, как получить пулю в голову, один из фрицев даже успел воскликнуть «Нитшего не понимайт!»

Я уже начал уставать и решил отправиться домой за кусочком пирога, если после дружков Кона и Энди что-то осталось, как надо мной и полем боя снова нависла тень. Я поднял взгляд и увидел мистера Джейкобса со стаканом воды в руках.

— Позаимствовал это у твоей мамы. Можно показать тебе кое-что?

— Конечно.

Он опустился рядом и вылил воду на вершину Череп-горы.

— Буря! — закричал я и попытался изобразить громовой раскат.

— Как скажешь. Молнии и все такое. Смотри.

Он оттопырил мизинец и указательный палец, а затем воткнул их в поверхность горы. На этот раз отверстия остались.

— Вуаля, — сказал он. — Вот и пещеры.

Он взял двух немецких солдат и засунул их внутрь.

— До этих парней будет сложно добраться, генерал, но я уверен, что американские солдаты с этим справятся.

— Ух ты! Спасибо!

— Если снова начнет сыпаться, просто добавь воды.

— Хорошо.

— И не забудь вернуть стакан на кухню, когда сражение закончится. Не хочу поспорить с твоей мамой в первый же свой день в Харлоу.

Я пообещал, а потом протянул ему руку.

— Дайте пять, мистер Джейкобс.

Он рассмеялся и ответил на рукопожатие, а потом пошел вниз по Методист-роуд к пасторату, где он с семьей будет жить следующие три года, пока его не уволят. Я некоторое время смотрел на него, а потом вернулся к Череп-горе.

Но прежде чем я успел начать бой, меня снова накрыла тень. На этот раз это был папа. Он осторожно опустил на колено, стараясь не раздавить американских пехотинцев.

— Ну что, Джейми, что скажешь о новом священнике?

— Мне он нравится.

— Мне тоже. И маме. Конечно, он слишком молод, и если у него все получится, то он уйдет в церковь побольше... но, думаю, мистер Джейкобс справится. Особенно с Братством методистов. Молодость тянется к молодости.

— Пап, смотри, он научил меня строить пещеры. Главное — намочить землю, чтобы она превратилась почти что в грязь.

— Понятно. — Он взъерошил мне волосы. — Перед ужином тебе придется хорошенько умыться.

Он взял стакан.

— Отнести домой?

— Да, пожалуйста и спасибо.

Он пошел в дом, а я вернулся к Череп-горе и обнаружил, что земля высохла и своды пещер осыпались. Оставшиеся там солдаты оказались погребены заживо. Меня это устроило: в конце концов, они были злодеями.

Сейчас секс стал таким щекотливым вопросом, что ни один родитель в здравом уме не отпустит шестилетнего ребенка с новым знакомым мужского пола, живущим в одиночестве (пусть даже всего несколько дней). Но именно это сделала моя мама в следующий понедельник, и без тени беспокойства.

Преподобный Джейкобс — мама велела называть его так, а не мистером, — поднялся на Методистский холм где-то без четверти три и постучал в сетчатую дверь. Я сидел на полу в гостиной и раскрашивал картинки, а мама смотрела «Позвони и выиграй». Она отправила заявку на канал WCSN и надеялась выиграть главный приз этого месяца, пылесос «Электролюкс». Мама знала, что шансов у нее немного, но, как она сказала, «надежды юношей терзают». Это была шутка.

— Можно одолжить вашего младшенького на полчаса? — спросил преподобный Джейкобс. — У меня в гараже есть одна штука, которая может его заинтересовать.

— Какая? — Я уже вставал с пола.

— Сюрприз! Потом ты все расскажешь маме.

— Мам?

— Конечно, — сказала она, — только сперва переоденься из школьного в домашнее, Джейми. Выпьете пока чаю со льдом, преподобный Джейкобс?

— Да, спасибо, — ответил он. — Как вы думаете, у вас получится называть меня Чарли?

Подумав, она сказала:

— Нет, но Чарльзом — могу попробовать.

Я переоделся в джинсы и футболку и вышел во двор подождать школьного автобуса, поскольку они вели взрослые разговоры, когда я спустился. Мы с Коном и Терри ходили в маленькую сельскую школу в четверти мили от нашего дома, на Девятом шоссе. Но Энди учился в Объединенной Средней, а Клер — аж на другом берегу реки, в старшей школе Гейтс-Фоллз, где она была первокурсницей — «новенькой» («Лишь бы не готовенькой», — сказала ей мама. Это тоже была шутка). Автобус довозил их до перекрестка Девятого шоссе и Методист-роуд у подножия Методистского холма.

Стоя у почтового ящика, я увидел, как они выходят и начинают подниматься по склону. До меня доносилась их болтовня. Из дома вышел преподобный Джейкобс.

— Идем? — спросил он, беря меня за руку. Движение вышло совершенно естественным.

— Ага, — отозвался я.

Мы встретились с Энди и Клер на середине склона. Энди спросил, куда я иду.

— К преподобному Джейкобсу. Он покажет мне сюрприз.

— Только ненадолго, — сказала Клер. — Твоя очередь накрывать на стол.

Она взглянула на Джейкобса и тут же отвела глаза, словно ей было трудно на него смотреть. К концу года моя сестра втрескалась в него по уши, как и все ее подружки.

— Я его скоро приведу, — пообещал Джейкобс.

Мы спустились по холму к Девятому шоссе, которое вело налево — в Портленд, и направо — в Гейтс-Фоллз, Касл-Рок и Льюистон. Мы остановились, посмотрели по сторонам, что было нелепо: по Девятому почти никто не ездил, кроме как летом, и зашагали вдоль покосов и кукурузных полей. Сухие стебли кукурузы постукивали на осеннем ветерке. Через десять минут мы уже были в пасторском домике — белом и аккуратном, с черными ставнями. Рядом с ним стояла Первая методистская церковь Харлоу, что тоже было нелепо: никакой другой методистской церкви в Харлоу не было.

Единственным другим домом молитвы была Силомская церковь. Мой отец считал ее прихожан чужаками в степени от умеренной до серьезной. Они не ездили в повозках, запряженных лошадьми, но мужчины и мальчишки не выходили на улицу без черных шляп. Женщины и девочки носили платья до полу и белые чепцы. Папа говорил, что силомиты будто бы знают, когда наступит конец света; это записано у них в какой-то особой книге. Мама считала, что в Америке каждый имеет право верить во что хочет, лишь бы других не трогал... Но и слов отца она не опровергала. Наша церковь была больше Силомской, но очень простая и к тому же без колокольни. То есть когда-то колокольня была, но давным-давно — году в двадцатом — налетел ураган и разрушил ее.

Мы с преподобным Джейкобсом подошли к пасторскому домику по немощеной дорожке. Я с интересом обнаружил, что машина у него классная — синий «Плимут-Бельведер».

— Стандартная передача или кнопочная? — спросил я.

Он удивленно взглянул на меня, но потом улыбнулся.

— Кнопочная. Это свадебный подарок от тестя.

— Тесть — это кто ест много теста?

— Мой — да.

Он засмеялся.

— Ты любишь машины?

— Мы все любим машины, — ответил я, имея в виду всю свою семью. Хотя мама и Клер, наверно, любили их не так сильно. Существом женского пола не дано понять, насколько круты машины. — Когда «Дорожную ракету» отремонтируют, папа выставит ее на гонки на автодроме в Касл-Роке.

— Да ну?

— Ну он не сам будет за рулем. Мама сказала, что нельзя: это слишком опасно. Кто-нибудь другой ее поведет, может, Дуэйн Робишо. Они с родителями держат магазин «Брауни». Он в прошлом году участвовал в гонке на спортивной машине, но у него мотор загорелся. Папа говорит, он ищет новую машину.

— Робишо ходят в церковь?

— Э-э-э...

— Будем считать, что это значит «нет». Заходи в гараж, Джейми.

Внутри было темновато и пахло плесенью. Меня немного пугали тени и запах, но Джейкобса, похоже,

нет. Он повел меня дальше во мрак, потом остановился и указал пальцем. Я ахнул.

Джейкобс хмыкнул, как обычно делают люди, когда чем-то гордятся.

— Добро пожаловать на Мирное озеро, Джейми.

— Ух ты!

— Я собрал его, пока дожидаясь Пэтси и Морри. Надо, конечно, заниматься домом, да я и много что уже сделал: насос починил, например. Но со многими делами придется ждать, пока Пэтс не приедет с мебелью. Твоя мама и остальные дамы-попечительницы здорово потрудились, чтобы отмыть тут все до блеска. Мистер Латур приезжал на службы с острова Оррс, и здесь никто не жил с довоенных времен. Я уже поблагодарил ее, но будет здорово, если ты еще раз передашь ей от меня «спасибо».

— Ага, конечно, — сказал я. Но вряд ли выполнил эту просьбу: я едва слышал его слова. Все мое внимание было приковано к столу, занимавшему почти половину гаража. На нем высились зеленые холмы, рядом с которыми Череп-гора стыдливо меркла. С тех пор я видел немало подобных ландшафтов, чаще всего — в витринах магазинов игрушек. Но по ним всегда бегали электрические поезда. На столе преподобного Джейкобса никаких поездов не было (собственно, это был не стол, а листы фанеры, положенные на козлы). На фанере стоял макет сельского уголка размером двенадцать на пять футов. Его пересекали по диагонали вышки линии электропередач высотой в восемнадцать дюймов, а в центре находилось озеро с настоящей водой, блистающей яркой голубизной даже в таком свете.

— Скоро мне придется его разобрать, — сказал он, — иначе машина не поместится в гараже. Пэтси это не понравилось бы.

Он наклонился, уперев руки в колени, и уставился на холмы, ниточки-провода, большое озеро. У воды паслись пластмассовые овечки и коровы (непропорционально большие, но я этого не заметил, а если бы и заметил — не огорчился бы). Ландшафт украшало множество фонарей, непонятно зачем: ведь там не было ни городка, ни дорог.

— Держу пари, ты мог бы разыграть здесь сражение со своими солдатиками, верно?

— Ага, — сказал я. Здесь можно было бы устроить целую войну.

Он кивнул.

— Но войны здесь не будет, потому что у Мирного озера все живут дружно, и сражения тут запрещены. Совсем как в раю. Как только я открою БЮМ, то перенесу все это в церковный подвал. Может быть, вы с братьями мне поможете. Думаю, детям понравится.

— Еще бы! — сказал я и добавил папину присказку: — Стопудняк.

Он засмеялся и хлопнул меня по плечу.

— Ну что, хочешь увидеть чудо?

— Наверно, — ответил я. Вообще-то я не был в этом уверен. Как-то страшновато это звучало. Я вдруг осознал, что мы с ним одни в старом гараже, где нет машины, зато полно пылищи и запах такой, будто он простоял закрытым многие годы. Дверь во внешний мир оставалось открытой, но казалось, что до нее целая миля. Преподобный Джейкобс мне нравился, но я вдруг пожалел, что не остался дома со своими раскрасками, чтобы узнать, выиграет ли мама «Элек-

тролюкс», который поможет ей одержать верх в вечной борьбе с летней пылью.

И тут преподобный Джейкобс провел рукой над Мирным озером, и я забыл про свои страхи. Из-под импровизированного стола раздалось тихое гудение, похожее на звук, который издавал наш телевизор «Филко», когда нагревался, и все миниатюрные фонари зажглись. Такие яркие, что на них было почти больно глядеть, они заливали волшебным лунным светом зеленые холмы и голубое озеро. Даже пластмассовые коровы и овцы стали больше похожи на настоящих — может, потому, что они отбрасывали тени.

— Господи, как вы это сделали?

Он широко улыбнулся.

— Ничего так фокус, да? «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош». Только я — не Бог, поэтому мне помогает электричество. А это удивительная штука, Джейми. Это такой Божий дар, что мы сами чувствуем себя немножко богами каждый раз, когда включаем свет. Верно ведь?

— Наверно, — сказал я. — Мой дедушка Эймос помнит времена, когда лампочек еще не было.

— Много кто это помнит, — отозвался он, — но довольно скоро никого из них не останется на свете. И тогда никто уже не будет задумываться о том, что это за чудо — электричество. И что за тайна. Мы представляем себе, как оно работает, но одно дело знать, как что-то работает, и совсем другое — знать, что оно такое.

— Как вы включили фонари? — спросил я.

Он указал на полку под столом.

— Видишь красную лампочку?

— Ага.

— Это фотоэлемент. Их можно купить в магазине, но этот я сделал сам. Он испускает невидимый луч. Когда я его прерываю, вокруг Мирного озера включаются фонари. Если я снова это сделаю... вот так...

Он провел рукой над макетом, и фонари потускнели, превратились в слабые искорки и погасли.

— Видишь?

— Клево! — выдохнул я.

— Попробуй ты.

Я протянул руку. Сначала ничего не произошло, но когда я встал на цыпочки, мои пальцы оказались на пути луча. Из-под стола снова раздалось гудение, и фонари загорелись.

— Получилось!

— Стопудняк, — согласился он и взъерошил мне волосы.

— А что это гудит? Похоже на наш телевизор.

— Загляни под стол. Я включу верхний свет, чтобы тебе было лучше видно.

Он щелкнул выключателем на стене, и под потолком зажглась пара пыльных ламп. Они не прогнали затхлый запах (к которому прибавился еще один — чего-то горячего и маслянистого), но частично разогнали тьму.

Я наклонился — в тогдашнем моем возрасте сильно сгибаться мне не пришлось, — и заглянул под стол. С обратной стороны к фанере были прикреплены две-три коробочки. Гудение исходило от них, как и маслянистый запах.

— Батареи — сказал он. — Их я тоже сделал сам. Электричество — мое хобби. И приборы. — Он ухмыльнулся, как мальчишка. — Обожаю приборы. Мою жену это бесит.

— А мое хобби — бить фрицев, — сказал я. Потом вспомнил его слова о том, что так говорить нехорошо. — То есть немцев.

— У каждого должно быть хобби, — сказал он. — И каждому нужно увидеть хоть парочку чудес, просто чтобы знать, что жизнь — это не просто долгий путь от колыбели к могиле. Хочешь посмотреть еще на одно чудо, Джейми?

— Конечно!

В углу стоял второй стол, заваленный инструментами, кусками проволоки, деталями от трех-четырех разобранных радиоприемников, таких, как у Клер и Энди, и обычными батарейками из магазина. И еще там стоял деревянный ящичек. Джейкобс взял его, опустился на одно колено, чтобы оказаться со мной на одном уровне, и вытащил фигуру в белом одеянии.

— Ты знаешь, кто это?

Я знал, потому что этот парень был очень похож на мой флуоресцентный ночник.

— Иисус. Иисус с рюкзаком на спине.

— Это не просто рюкзак, а батарейки.

Он откинул крышечку, державшуюся на петле величиной с иголку. Внутри я увидел пару сверкающих кружочков, похожих на десятицентовики, с пятнами припоя.

— Их я тоже сделал сам, потому что в магазине не продают ни таких маленьких, ни таких мощных. Наверно, их можно запатентовать, и может быть, я так и сделаю когда-нибудь, но... — Джейкобс потрянул головой. — Неважно.

Он снова закрыл крышку и отнес Иисуса к Мирному озеру.

— Надеюсь, ты заметил, какая голубая тут вода?

— Да! Никогда не видел такого голубого озера!

Он кивнул.

— Это, можно сказать, само по себе чудо... пока не приглядишься поближе.

— А?

— На самом деле это просто краска. Я иногда размышляю об этом, Джейми. Когда не спится. О том, как капелька краски превращает мелкие воды в глубокие.

Я решил, что странно размышлять о таких глупостях, но промолчал. Потом он словно бы очнулся и поставил Иисуса возле озера.

— Я собираюсь использовать это в БЮМ — как учебное пособие, — но тебе покажу кое-что заранее, хорошо?

— Ладно.

— Вот что говорится в четырнадцатой главе Евангелия от Матфея. Ты готов впитать в себя мудрость Слова Божия, Джейми?

— Конечно. Наверно, — сказал я, снова почувствовав себя не в своей тарелке.

— Я знаю, что да, — продолжал он, — потому что дольше всего мы помним то, чему научились в детстве. Ну хорошо, слушай. «И тотчас понудил Иисус учеников Своих» — это значит, что он им велел, — «войти в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону, пока Он отпустит народ. И, отпустив народ, Он возшел на гору помолиться наедине...» А ты молишься, Джейми?

— Каждый вечер.

— Молодец. Слушай дальше. «...и вечером оставался там один. А лодка была уже на середине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный. В

четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидев Его идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали. Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь». Вот такая история, да благословит Господь Свое святое Слово. Понравилось?

— Наверно... А противный ветер — это значит, ветер навстречу? Так ведь?

— Так. Хочешь посмотреть, как Иисус ходит по Мирному озеру, Джейми?

— Да! Конечно!

Он просунул руку под белое одеяние Иисуса, и маленькая фигурка задвигалась. Дойдя до озера, она не погрузилась в воду, а продолжила путь, безмятежно скользя по поверхности воды. Секунд через двадцать Иисус уже был на другом берегу. Берег был холмистый, и фигурка попробовала подняться вверх, но я видел, что она вот-вот перевернется. Преподобный Джейкобс вовремя ее подхватил. Он снова просунул руку под хитон и выключил Иисуса

— И правда! — воскликнул я. — Он ходил по воде!

— Ну... — Он улыбался, но улыбка была не совсем веселая. Один уголок его рта загибался вниз. — И да, и нет.

— Это как?

— Ты видел, где он вошел в воду?

— Да...

— Потрогай это место. Посмотрим, что ты там найдешь. Только не задевай провода, потому что в них настоящее электричество. Оно слабенькое, но дернуть тебя может. Особенно если руки мокрые.

Я опустил руку в воду, но осторожно. Вряд ли преподобный собирался надо мной подшутить, как Терри и

Кон, но я был в незнакомом месте с чужим человеком и не был полностью в этом уверен. Казалось, что озеро глубокое, но это была иллюзия, созданная голубой краской и отражением фонарей на поверхности. Мой палец погрузился в воду только на первую фалангу.

— Ты немножко промахнулся, — сказал преподобный Джейкобс. — Сдвинь палец чуть правее. Ты знаешь, где право, где лево?

Я знал. Мама меня научила: «Правая — та, которой пишешь». Конечно, для Клер и Кона это правило не годилось: оба они были левшами.

Я передвинул руку и что-то нащупал в воде. Что-то металлическое, с бороздкой посередине.

— Кажется, нашел, — сказал я преподобному Джейкобсу.

— Похоже на то. Ты касаешься колеи, по которой ходит Иисус.

— Это фокус! — сказал я. Мне случилось видеть иллюзионистов в «Шоу Эда Салливана», а у Кона была коробка с реквизитом для фокусов, подаренная ему на день рождения. Правда, он уже все растерял, кроме Парящих шаров и Исчезающего яйца.

— Верно.

— И то, что Иисус прошел по воде к лодке, — тоже!

— Иногда, — ответил он, — я боюсь, что так и есть.

Вид у него был такой далекий и печальный, что я снова немного испугался, но при этом мне было его жаль. Я, конечно, не понимал, о чем он грустит, когда у него в гараже есть такой классный игрушечный мир с озером.

— Но это очень хороший фокус! — сказал я и похлопал его по руке.

Он вернулся из тех далей, куда исчезал, и улыбнулся мне.

— Ты прав. Наверно, я просто скучаю по жене и своему мальчику. Наверное, поэтому я и позвал тебя сюда, Джейми. Но сейчас пора вернуть тебя маме.

Когда мы подошли к Девятому шоссе, он снова взял меня за руку, хотя ни одной машины не было видно, и так мы шли всю дорогу до Методист-роуд. Я был не против. Мне нравилось держать его за руку. Я знал, что он обо мне заботится.

Через несколько дней приехали миссис Джейкобс с Моррисом. Моррис был всего лишь малявкой в подгузнике, зато его мама оказалась хорошенькой. В субботу, за день до того как преподобный Джейкобс впервые встал за кафедру нашей церкви, Терри, Кон и я помогли ему перенести Мирное озеро в церковный подвал, где по вечерам в четверг будет собираться Братство юных методистов. Без воды сразу было видно, какое озеро мелкое, и что его пересекает желобок.

Преподобный Джейкобс заставил Терри и Кона дать клятву молчания, чтобы, по его словам, не испортить иллюзию для малышей (меня, значит, посчитали большим, и мне это понравилось). Те клятву дали, и не думаю, что они ее нарушили, но лампы в церковном подвале светили намного ярче ламп в гараже пастората, и если присмотреться к ландшафту с близкого расстояния, то было видно, что Мирное озеро — всего лишь широкая лужа. Желобок тоже был замечен. В общем, к Рождеству все уже знали.

— Все это одна большая туфта, — сказал мне как-то Билли Пакетт в один из четвергов. Билли и его брат Ронни терпеть не могли четверговую школу, но с мамой не поспоришь. — Если он еще хоть раз ее покажет и опять заладит про хождение по воде, я блевану.

Я подумал, а не набить ли мне Билли морду, но уж очень он был здоровый. И потом, мы с ним были друзьями. К тому же он был прав.

II

Три года. Голос Конрада. Чудо.

Преподобный Джейкобс лишился работы из-за проповеди, которую он произнес с кафедры 21 ноября 1965 года. С помощью интернета вспомнить дату было несложно: это случилось в воскресенье перед Днем благодарения. Спустя неделю он вовсе исчез из нашей жизни. Пэтси и Моррис (ребята из Братства юных методистов прозвали его Морри-Я-с-вами) сделали это еще раньше. Как и «Плимут-Бельведер» с кнопчным переключением передач.

Три года, что разделили день моего знакомства с Мирным озером и день той жуткой проповеди, я помню удивительно ясно — однако до того, как я начал рыться в памяти, мне так не казалось. Да кто из нас, в конце концов, в деталях помнит себя в возрасте от трех до шести лет? Но вот что замечательно — и вместе с тем ужасно — в мемуарном деле: оно распахивает глубокие колодцы памяти, до той поры наглухо запечатанные.

Мне кажется, что я мог бы оставить на время свою историю и вместо этого написать увесистую книгу о

времени и мире, что так разительно отличается от того, в котором я живу сейчас. Про маму в комбинации у гладильной доски — невероятно красивую в лучах утреннего солнца. Про свой неприятного оливкового цвета купальный костюм с отвисшим задом и про то, как мы купались с братьями в пруду Гарри. Мы любили подкалывать друг друга насчет того, что скользкое дно этого пруда выложено коровьими лепешками, но на самом деле это был всего лишь ил (скорее всего, ил). Про сонные полуденные часы, проведенные в единственной комнате школы Вест-Харлоу, когда мы сидели на своих зимних пальто в Уголке правописания и пытались заставить тугодума Дики Осгуда справиться со словом «жираф». Помню даже, как он упирался: «З-з-зачем м-мне учить т-то, ч-ч-чего я н-н-никогда не увижу?»

Я помню паутину грунтовок, опутавшую наш городок, и как мы играли в шарики на школьном дворе во время холодных апрельских перемен, и как ветер шумел в соснах, когда я, прочитав молитву, ложился спать. Помню, как отец выходил из гаража с гаечным ключом в руке и в надвинутой на лоб кепке с надписью «Топливо Мортон», и даже грязь не могла скрыть сбитые в кровь костяшки его пальцев. Помню, как Кен Маккензи представлял мультики про моряка Попая в «Майти-найнти шоу» и как Клер с подружками отгоняли меня от телевизора, чтобы посмотреть, во что одеты девицы в шоу Дика Кларка. Помню закаты, от которых меня до сих пор бросает в дрожь, — красные, как кровь на кулаках моего отца.

Я помню все это и еще тысячу других мелочей, по большей части приятных, но уселся я за компьютер вовсе не для того, чтобы напялить розовые очки и пре-

даться ностальгии. Избирательность памяти — один из худших грехов, приходящих с возрастом. У меня нет времени на всю эту чушь. Мы жили в провинции, а тогда жизнь в провинции была нелегка. Полагаю, что такова она и теперь.

Рука моего друга Элла Ноулза застряла в машине для сортировки картофеля. Он потерял три пальца, прежде чем мистер Ноулз сумел остановить взбесившийся агрегат. В тот день я был там и помню, как ремни машины вдруг окрасились в красный цвет. Помню, как Эл кричал.

Мой отец (вместе с Терри, своим верным, пусть и не до конца вникающим в суть дела помощником) довел до ума «Дорожную ракету» — Боже, как же ревела ее мотор! — и доверил Дуэйн Робишо участвовать на ней, свежеевыкрашенной, с номером 19 на дверце, в Касл-Рокской гонке. Он перевернулся на первом же круге первого заезда и угробил машину. Дуэйн не получил ни царапины. «Наверное, акселератор заклинило», — идиотски ухмыляясь, сказал он. Только он произнес «оселератор», и отец ответил, что единственный осел в тот момент сидел за рулем.

— Это будет тебе уроком: никому из Робишо не стоит доверять ничего ценного, — сказала тогда мама, а отец засунул руки в карманы брюк так глубоко, что стала видна резинка трусов. Возможно, он пытался удерживать кулаки от необдуманных действий.

Сын почтальона Ленни Макинтош потерял глаз, когда наклонился к пустой жестянке из-под ананасов проверить, почему так долго не взрывается положенная туда петарда.

Мой брат Конрад потерял голос.

Так что — нет, не все тогда было таким уж замечательным.

В то воскресенье, когда преподобный Джейкобс впервые встал за кафедру, в церковь набилось больше прихожан, чем когда-либо собирали проникновенные, но маловразумительные службы пузатого, седого, добродушного мистера Латура. В День матери, который он называл Материнским воскресеньем, в глазах Латура неизменно стояли слезы: об этих подробностях мне рассказала мама, сам я мистера Латура почти не помню. Вместо пары десятков людей собралось вчетверо больше. У меня мурашки побежали по коже, когда их голоса во время Славословия взмыли вверх: «Славьте Господа, что шлет нам благословление, славьте его, мирские создания». Миссис Джейкобс аккомпанировала на органе, и ее светлые волосы, подвязанные простой черной лентой, переливались всевозможными цветами в лучах падающего сквозь единственный церковный витраж света.

Когда после службы мы всей семьей возвращались домой, поднимая парадной воскресной обувью облачка пыли, я оказался позади родителей и услышал, как мама выражает свое удовлетворение службой. И облегчение.

— Все-таки он такой молодой... Я боялась, что он начнет говорить о гражданских правах или отмене призыва, — сказала она. — А вместо этого мы услышали очень поучительную библейскую проповедь. Думаю, люди будут ходить в церковь. Как считаешь?

— Какое-то время будут, — ответил отец.

— О, великий топливный барон. Великий циник, — сказала она и шутливо шлепнула его по руке.

Как выяснилось, они оба оказались по-своему правы. Посещаемость с того дня никогда не опускалась до уровня мистера Латура — около дюжины прихожан, холодными зимними днями жавшихся друг к другу в продуваемом сквозняками зале церкви, отапливаемой дровяной печью, — но она постепенно снизилась до шестидесяти, потом пятидесяти и, наконец, сорока с небольшим человек, где и подрагивала, точно стрелка барометра в переменчивый летний день. И никто бы не смог обвинить в этом мистера Джейкобса, чьи проповеди всегда оставались ясными, приятными и опирающимися на библейские тексты (никаких будоражающих речей о Маршах свободы или атомной бомбе). Кое-кто просто перестал приходить, вот и все.

«Нынче Господь уже не так важен людям, — как-то раз сказала моя мать после особенно малолюдной службы. — Придет день, когда они об этом пожалеют».

Братство юных методистов в течение этих трех лет тоже переживало свой скромный ренессанс. В эпоху Латура оно редко когда собирало по четвергам больше десятка подростков, и четверо из них носило фамилию Мортон: Клер, Энди, Кон и Терри. Меня считали слишком маленьким для этих занятий, за что Терри иногда выписывал мне щелбан и называл везунчиком. Как-то раз я спросил Терри, какой была тогда четверговая школа, и тот скупчиво пожал плечами. «Мы пели псалмы, изучали Библию и клялись никогда не курить и не пить алкогольную отраву. Потом он говорил нам, чтобы мы всегда любили своих матерей, и что кОтолики попадут в ад, потому что поклоняются идолам, и что евреи любят деньги. А если кто-то из ваших дру-

зей, говорил он нам, позволяет себе грязные шутки, помните, что Иисус все слышит».

Под новым руководством посещаемость выросла до трех дюжин ребят в возрасте от шести до семнадцати лет, из-за чего даже пришлось купить в церковный подвал дополнительные складные стулья. И дело было не в механическом Иисусе преподобного Джейкобса, пересекающем Мирное озеро. Восторг от этого зрелища быстро сошел на нет — даже у меня. И фотографии Святой земли, которые Джейкобс развесил по стенам, вряд ли имели к этому какое-то отношение.

В основном дело было в его молодости и энтузиазме. Кроме проповедей, были игры и занятия на свежем воздухе, поскольку, как он часто нам говорил, Иисус чаще всего проповедовал на улицах, и это уже в большей степени касалось христианства, а не церкви. Библию мы тоже изучали, но одновременно с этим играли в «горячие стулья», и кто-нибудь обязательно оказывался на полу во время поисков стиха девятого четырнадцатой главы Второзакония или стиха двенадцатого второй главы Евангелия от Матфея. Это было довольно забавно. Еще была площадка для игр с мячом, которую Кон и Энди помогли Джейкобсу оборудовать на церковных задворках. По четным четвергам мальчишки играли на ней в бейсбол, а девчонки за них болели. По нечетным четвергам площадку занимали девчонки со своим софтболом, и уже мальчишки, всякий раз надеясь, что кто-нибудь из девочек забудет о своей очереди и придет в юбке, болели за них.

Часто в «молодежных беседах» по четвергам проявлялся и интерес преподобного Джейкобса к электричеству. Помню, как-то днем он позвонил нам домой и попросил Энди надеть на ближайшее занятие свитер.

Когда все собрались, он поставил брата перед нами и сказал, что хочет продемонстрировать бремя грехов.

— Впрочем, Эндрю, я уверен, что ты-то уж точно его не несешь, — добавил он.

Мой брат нервно улыбнулся и ничего не ответил.

— Я не хочу вас пугать, ребята, — сказал Джейкобс. — Есть священники, которые считают это правильным, но я не из их числа. Просто чтоб вы знали.

Как позже я выяснил, именно это говорят люди перед тем, как собираются испугать вас до чертиков.

Он надул несколько воздушных шаров и попросил нас представить, что каждый из них весит по двадцать фунтов. Потом взял один из них и сказал:

— Это — ложь.

Он быстро потер его несколько раз о свою рубашку и поднес к свитеру Энди, где шарик завис точно приклеенный.

— А это — воровство, — и Джейкобс повесил на Энди еще один шарик.

— Вот этот — гнев.

Не помню точно, но, кажется, он повесил на Энди семь воздушных шаров, каждый из которых олицетворял смертный грех.

— Больше ста фунтов грехов, — сказал он. — Вот это тяжесть! Но кто берет все грехи мира на себя?

— Иисус! — в один голос с готовностью ответили мы.

— Верно. Когда вы просите его о прощении, происходит вот что.

Он вытащил булавку и проткнул шары один за другим, включая тот, что отцепился от свитера, так что его пришлось прикрепить обратно. Думаю, каждый из нас счел эту часть занятия несколько более захватыва-

вающей, чем часть с демонстрацией силы статического электричества.

В своем самом впечатляющем электрическом представлении он использовал собственное изобретение, которое называл «Лестницей Иакова». Это была металлическая коробка размером с сундучок, в котором жили мои солдатики. Из нее торчали две проволоки, напоминавшие телевизионную антенну. Когда Джейкобс включал прибор в сеть (а работал он от розетки, а не от батареек) и щелкал тумблером, по проволокам начинали подниматься искры — настолько яркие, что на них было практически невозможно смотреть. Искры добирались до верхней части проволоки и исчезали. Иногда он рассыпал над прибором какой-то порошок, и тогда искры становились разноцветными. От этого зрелища девчонки с восхищением ахали.

Все это тоже имело какое-то отношение к религии, во всяком случае, в воображении преподобного Джейкобса, но будь я проклят, если помню, какое именно. Может, что-то насчет Божественной Троицы? Как только «Лестница Иакова» скрывалась с наших глаз, с ее летящими вверх под сердитое кошачье шипение высокого напряжения цветными искрами, подобные экзотические мысли уходили прочь, точно мимолетная лихорадка.

Впрочем, одну из таких небольших лекций я помню очень хорошо. Джейкобс сидел верхом на стуле и смотрел на нас поверх спинки. Его жена устроилась на органной скамье, скромно склонив голову и сложа руки на коленях. Может, она молилась. Может, ей просто было скучно. Точно знаю, что почти все собравшиеся скучали. К тому моменту большая часть Юных методистов уже начала уставать от электричества и его чудес.

— Ребята, наука говорит нам, что электричество — это движение заряженных частиц, которые называются электронами. Когда электроны приходят в движение, возникает напряжение, и оно тем выше, чем быстрее двигаются электроны. Это наука, и наука — это хорошо, но она ограничена. Всякому знанию есть предел. Например, что такое электрон? Заряженный атом, говорят ученые. Ладно, с этим разобрались. Но что такое атом?

Он наклонился через спинку стула, пристально глядя на нас своими голубыми глазами, которые сами по себе казались наэлектризованными.

— *Никто этого не знает!* И вот тут приходит черед религии. Электричество — это одна из божьих дверей в бесконечность.

— Вот если бы он принес электрический стул и поджарил на нем какую-нибудь мышатину, — как-то вечером после молитвы фыркнул Билли Пакетт, — это было бы интересно.

Несмотря на частые (и с каждым разом все более скучные) рассуждения о священном напряжении, почти все мы с нетерпением ждали каждого нового вечернего занятия. На них преподобный Джейкобс, когда не садился на своего электрического конька, рассказывал живые, а зачастую и веселые притчи, основанные на историях из Писания. Они касались наших повседневных проблем, от приставаний в школе до искушения списать у кого-нибудь ответы на контрольной, к которой ты не готов. Нам нравились игры, нам нравились эти рассказы, и нам, конечно же, нравилось петь, потому что миссис Джейкобс здорово играла и никогда не затягивала гимны.

Знала она кое-что и кроме гимнов. Одним незабываемым вечером она сыграла нам три песни «Битлз», и мы все вместе распевали «От меня к тебе», «Она тебя любит» и «Хочу держать тебя за руку». Моя мама утверждала, что Пэтси Джейкобс играет на пианино в семьдесят раз лучше мистера Латура, и когда юная супруга священника попросила потратить немного денег из пожертвований и вызвать из Портленда настройщика, то дьяконы единодушно согласились удовлетворить эту просьбу.

— Но, если можно, в будущем избегайте песен «Битлз», — попросил ее мистер Келтон, дольше всех служивший церковным дьяконом в церкви Харлоу. — Дети вполне могут послушать их по радио. Мы бы предпочли, чтобы вы придерживались... э-э-э... христианских мелодий.

На что миссис Джейкобс, опутив глаза, пробормотала слова согласия.

И еще одно: Чарльз и Пэтси Джейкобс обладали сексуальным притяжением. Я уже говорил, что Клер и ее подружки сходили по священнику с ума. А все мальчишки вскоре повлюблялись в Пэтси, потому что она была красавицей. Светлые волосы, сливочно-белая кожа, полные губы. Ее чуть раскосые глаза были зелеными, и Конни утверждал, что она немножко ведьма, потому что каждый раз, когда эти зеленые глаза обращались на него, он чувствовал, как у него подкашиваются колени. Если бы при такой внешности Пэтси еще и красилась посущественнее, чем символический мазок помадой, пошли бы разговоры. Но в двадцать три года она не нуждалась ни в чем другом. Молодость была ее лучшей косметикой.

По воскресеньям она надевала приличные платья до колена или до щиколоток, хотя в те годы дамские подолы как раз начали укорачиваться. По четвергам на занятиях БЮМ она была в столь же приличных брюках и блузках (от «Шип'н Шор», по словам моей мамы). Но мамы и бабушки нашего прихода все равно пристально следили за ней, потому что эта приличная одежда облегла такую фигуру, что друзья моего брата иной раз закатывали глаза или трясли рукой, словно обжегшись о горячую конфорку. Пэтси играла с девочками в софтбол по четвергам, и как-то раз я подслушал, как мой брат Энди (в то время ему было ближе к четырнадцати) сказал, что когда она оббегает базы, это порождает в нем религиозные чувства.

Она могла играть на пианино в четверговой школе и участвовать в большинстве ее занятий, потому что брала своего малыша с собой. Это был послушный, беспроблемный ребенок. Все любили Морри. Насколько я помню, даже Билли Пакетт, этот начинающий атеист, хорошо относился к Морри, который почти никогда не плакал. Даже упав и ободрав коленки, он всего лишь тихо хныкал, да и то умолкал, стоило кому-то из старших девочек взять его на ручки. Когда мы играли на улице, он неотступно следовал за мальчиками, а если не мог за ними угнаться — то за девочками. Те присматривали за ним во время Библейского часа и раскачивали его в такт, когда мы пели гимны. Потому его и прозвали Морри-Я-с-вами.

Клер любила его особенно сильно. Я ясно вижу картину — созданную, наверно, из множества наложившихся друг на друга воспоминаний: Морри сидит на своем стульчике в уголке с игрушками, а Клер

стоит на коленях рядом с ним и помогает ему раскрашивать картинку или строить змейку из домино.

— Я хочу четверых таких, как он, когда выйду замуж, — как-то сказала Клер нашей маме. Ей тогда было лет семнадцать, и скоро она должна была покинуть БЮМ.

— Удачи тебе, — ответила мама. — В любом случае, надеюсь, что они будут красивее Морри, Клер-Эклер.

Это было не очень добросердечное замечание, но правдивое. Хотя Чарльз Джейкобс был симпатичным мужчиной, а Пэтси Джейкобс — настоящей красавицей, Морри-Я-с-вами был отчаянно некрасив. Его абсолютно круглое лицо напоминало мне Чарли Брауна. Волосы имели неопределенный темный оттенок. Несмотря на то, что отец его был голубоглаз, а глаза матери были колдовского зеленого цвета, Морри достались самые обычные карие. Но девочки любили его, словно тренировались на нем в ожидании тех малышей, которых им предстояло завести в ближайшем десятилетии, а мальчики относились к нему как к младшему брату. Это был наш талисман. Наш Морри-Я-с-вами.

Как-то в феврале после очередного четвергового собрания мы с братьями возвращались домой, раскрасневшиеся от катания на санках (преподобный Джейкобс установил на горке электрические фонари), распевая во все горло «Я — Генрих Восьмой». Помню, Энди и Кон были в особенно смешливом настроении. Они принесли наши салазки и усадили Морри на подушку впереди. Он бесстрашно возвышался на ней, как носовое украшение корабля.

— Вам нравится ходить на эти собрания, верно? — спросил отец. Мне показалось, что в его голосе звучало легкое удивление.

— Да! — ответил я. — У нас сегодня была где-то тысяча вопросов по Библии, а потом мы катались на санках! Миссис Джейкобс тоже с нами каталась, только она все время падала.

Я засмеялся, и он посмеялся вместе со мной.

— Это здорово, но ты там чему-нибудь учишься, Джейми?

— Воля человека должна быть продолжением воли Господа, — повторил я сегодняшний урок, как попугай. — А еще, если соединить проводом положительный и отрицательный полюса батареи, будет короткое замыкание.

— Верно, — согласился отец, — поэтому надо быть очень осторожным, когда «прикуриваешь» двигатель. Но я не вижу, какая тут связь с христианством.

— Это про то, что если делаешь что-то плохое, потому что думаешь, что от этого получится что-то хорошее, то ничего не выйдет.

— А! — Отец взял последний номер «Машины и водителя» с крутым «Ягуаром» на обложке. — Знаешь, как говорят, Джейми: дорога в ад вымощена благими намерениями.

Секунду подумав, он добавил:

— И освещена электрическими фонарями.

Он рассмеялся, и я присоединился к нему, хотя и не понял шутки. Если, конечно, это была шутка.

Энди и Кон дружили с братьями Фергюсонами, Нормом и Хэлом. Мы их называли городскими, то бишь нездешними. Фергюсоны жили в Бостоне, поэтому

общение с ними обычно ограничивалось летними каникулами. У семьи был коттедж на Обзорном озере, где-то в миле от нашего дома. Познакомились две пары братьев в летней библейской школе, на еще одном церковном мероприятии.

У Фергюсонов был семейный абонемент в загородном клубе «Козья гора». Иногда они заезжали за Коном и Энди на своем универсале и отвозили их поплавать в тамошнем бассейне и пообедать. Бассейн, по словам моих братьев, был в тысячу раз лучше пруда Гарри. Ни Терри, ни мне не было до этого никакого дела — нам с друзьями вполне хватало местного лягушатника, а вот Клер сгорала от зависти. Очень уж ей хотелось посмотреть, «как живут другие».

— Живут, как все, золотце, — сказала ей как-то мама. — Тот, кто сказал, что богачи — не такие, как мы с тобой, ошибался.

Клер, прогонявшая белье через выжималку нашей древней стиральной машины, скорчила гримаску.

— Вот уж вряд ли, — ответила она.

— Энди говорит, что в бассейне девочки плавают в бикини, — вставил я.

Мама фыркнула.

— Тогда уж пускай в исподнем плавают.

— А мне бы хотелось иметь бикини, — сказала Клер. Видимо, это была одна из провокаций, которые так любят семнадцатилетние девушки.

Мама ткнула в нее пальцем с покрытым пеной и коротко подстриженным ногтем.

— Именно так, дорогая моя, девочки и беременеют.

Эту подачу Клер отбила мастерски.

— Тогда, может, тебе не стоит отпускать туда Энди с Коном, чтобы девочки не забеременели от них.

— Цыц, — сказала мама и покосилась на меня. — У маленьких кувшинов большие уши.

А то я не знал, как беременеют девочки! Секс. Мальчики ложатся сверху на девочек, и трутся о них, пока им не становится *хорошо*. А когда это происходит, из их краников выливается некая жидкость под названием конча. Она впитывается в живот девочки, а через девять месяцев приходит время пеленок и колясок.

Родители не перестали отпускать Кона и Энди в клуб пару раз в неделю, несмотря на завистливое ворчание моей сестрицы. Когда в 1965-м Фергюсоны приехали на февральские каникулы и пригласили моих братьев покататься на лыжах, родители тут же их отпустили. На крыше универсала потрепанные лыжи Кона и Энди присоединились к новеньким и блестящим лыжам Фергюсонов.

Когда братья вернулись, горло Кона пересекал ярко-красный рубец.

— Ты что, сошел с трассы и вмазался в ветку? — спросил его вернувшийся домой к ужину отец.

Будучи отличным лыжником, Кон возмутился.

— Да что ты, папа! Мы с Нормом катались наперегонки. Мы мчались бок о бок, как черти...

Мама пригрозила ему вилкой.

— Прости, мам, как ракеты. Норм налетел на кочку и почти потерял равновесие. Он выбросил руку вот так, — Кон показал, как, едва не сбив свой стакан с молоком, — и палкой попал мне по горлу. Болело, как... в общем, сильно, но сейчас стало лучше.

Да только лучше не стало. На следующий день ярко-красный рубец превратился в синюшный ошейник, и

Кон охрип. К вечеру он мог лишь шептать. А два дня спустя онемел совсем.

Гиперэкстензия шеи, приведшая к растяжению гортанного нерва. Таков был диагноз доктора Рено. Он сказал, что ему уже такое встречалось, и что через пару недель голос Конрада начнет восстанавливаться. К концу марта, сказал доктор, Конрад будет как новенький, так что волноваться не о чем. Ну да, ведь у самого доктора с голосом было все в порядке. В отличие от моего брата. Уже наступил апрель, а Кон по-прежнему писал записки и жестами показывал, что ему надо. В школу он упорно продолжал ходить, пусть даже одноклассники над ним и подшучивали, особенно с тех пор как Кон решил проблему участия на уроках при помощи написанных на ладонях слов «да» и «нет». Еще у Кона был целый ворох карточек, на которых он написал печатными буквами фразы посложнее. Больше всего одноклассники потешались над вопросом «Можно в туалет?».

Кон, казалось, воспринимал насмешки вполне добродушно, зная, что в противном случае подначки стали бы только хуже. Но однажды вечером я зашел в их с Терри комнату и увидел, что Кон лежит у себя на кровати и беззвучно рыдает. Я подошел к нему и спросил, что случилось. Дурацкий вопрос, знаю, но промолчать было нельзя, и я не промолчал, ведь это не меня огрела по горлу Роковая Лыжная Палка.

«Уйди!», — прошептал он одними губами. Его щеки и недавно запрыщавевший лоб горели. Глаза опухли. «Уйди, уйди!», а потом: «Уйди на хер, хреносос!», от чего меня всего передернуло.

Той весной у мамы в волосах появилась седина. Однажды, когда отец пришел домой особенно усталым, мама сказала ему, что им надо отвезти Кона к специалисту в Портленде.

— Ждать больше нельзя, — сказала она. — Пусть старый дурак Джордж Рено говорит, что хочет, но мы-то с тобой знаем, что на самом деле случилось: тот богатенький шалопай перебил нашему сыну голосовые связки.

Отец грузно уселся за стол. Никто не заметил, что в прихожей я подозрительно долго вожусь со шнурками.

— Мы не можем его себе позволить, Лора, — сказал отец.

— Зато «Топливо Хайрэма» в Гейтс-Фоллз ты себе позволить смог! — воскликнула она противным, едва ли не глумливым голосом, которого я раньше никогда не слышал.

Отец сидел, уставившись в стол, хотя на столе не было ничего кроме клеенки в красно-белую клетку.

— Именно поэтому. Мы сейчас идем по очень тонкому льду. Сама ведь знаешь, какая была зима.

Мы все знали: теплая. Когда доход вашей семьи зависит от продажи топлива для котлов, вы пристально следите за термометром между Днем благодарения и Пасхой и молитесь, чтобы столбик не поднимался слишком высоко.

Мама стояла у раковины, опутив руки по локоть в пену. Где-то там, в мыльном облаке, гремела посуда, словно мама хотела ее разбить, а не вымыть.

— Ну да, тебе ведь не терпелось его приобрести, правда? — продолжила мама тем же тоном. Как же я его ненавидел! Казалось, мама просто провоцировала папу. — Топливный ты наш барон!

— Я заключил сделку еще до происшествия с Коном, — ответил отец, не поднимая взгляд от стола. Он опять засунул руки глубоко в карманы. — Еще в августе. Мы сидели вместе и читали «Фермерский календарь». Зима будет холодной и снежной, говорилось там, самой холодной со времен войны, и мы решили пойти на эту покупку. Ты сама все посчитала на своем арифмометре.

В мыльном облаке тарелки загремели еще сильнее.

— Ну так возьми в долг!

— Лора, я мог бы, но... Послушай. — Папа, наконец, оторвал взгляд от стола. — Может, мне так и придется поступить, чтобы пережить это лето.

— Он твой сын!

— Да знаю я, черт тебя дерит! — взревел отец. Я испугался, и, видимо, мама тоже, потому что на этот раз тарелки в мыльном облаке не просто загремели. Они разбились. А когда мама подняла руки, одна из них кровоточила.

Она показала руку отцу, словно мой безмолвный брат, который показывал «да» или «нет» на уроках, и сказала:

— Смотри, что ты над... — и тут она увидела, что я до сих пор сижу на поленнице в прихожей и смотрю в кухню.

— Кыш отсюда! Иди поиграй!

— Лора, не отыгрывайся на Джей...

— Уходи! — заорала она. Точно так же кричал бы на меня Кон, будь у него голос. — Бог ненавидит шпионов!

Мама заплакала. Я побежал к двери, тоже в слезах. Сбежал вниз по Методистскому холму и пересек Девятое шоссе, даже не посмотрев по сторонам. Я не

собирался бежать в пасторский домик; я был слишком расстроен, чтобы искать совета священника. Если бы Пэтси Джейкобс не стояла во дворе, проверяя, не проклюнулись ли цветы, которые она посадила осенью, я бы бежал, пока не рухнул. Но она там стояла, и она меня позвала. Я уж было хотел пробежать мимо, но, как вы уже знаете, ребенком я был воспитанным, и манеры оставались при мне даже в трудную минуту. Вот я и остановился.

Она подошла ко мне. Я стоял, опустив голову и тяжело дыша.

— Что случилось, Джейми?

Я молчал. Она пальцами приподняла мне подбородок. Я увидел Морри, который сидел на траве у крыльца в окружении игрушечных грузовиков. Он уставился на меня.

— Джейми, что не так?

Нас учили не только быть вежливыми, но и не выносить сор из избы. Так уж устроеныянки. Но доброта Пэтси обезоружила меня, и слова полились потоком: я рассказал о мучениях Кона (степень которых родители не понимали до конца, несмотря на свою искреннюю тревогу), об опасениях мамы, что у Кона могут быть разорваны голосовые связки и что он так никогда и не заговорит, об ее требовании отвезти Кона к специалисту и об ответе отца. Но больше всего — о криках. Я не рассказал Пэтси о том жутком тоне, которым говорила с папой мама, но лишь потому, что не знал, как это выразить словами.

Когда я, наконец, иссяк, она сказала:

— Пойдем-ка на задний двор. Тебе надо поговорить с Чарли.

Теперь, когда «Бельведер» занял свое законное место в гараже, мастерская Джейкобса переехала в сарай на заднем дворе. Когда Пэтси привела меня туда, он возился с телевизионным приемником без кинескопа.

— Вот соберу все это назад, — сообщил он, положив одну руку мне на плечо, а другой вытащив носовой платок из заднего кармана, — и смогу принимать передачи из Майами, Чикаго и Лос-Анджелеса. Вытри слезы, Джейми. Да и носу бы не помешало уделить малость внимания.

Я привел себя в порядок и с любопытством уставился на ослепший телевизор.

— Вы и правда сможете ловить передачи из Чикаго и Лос-Анджелеса?

— Да нет, конечно, я пошутил. Просто хочу воткнуть сюда усилитель сигнала, чтобы можно было смотреть что-нибудь, кроме восьмого канала.

— А у нас ловятся еще шестой и тринадцатый, — сказал я. — Хотя шестой иногда снежит.

— Так ведь у вас внешняя антенна на крыше. Семейство Джейкобсов до сих пор наслаждается комнатной.

— А почему не купите? Их продают в «Вестерн-авто» в Касл-Роке.

Он усмехнулся.

— Отличная мысль! Встану перед дьяконами на ежеквартальном собрании и попрошу выделить из пожертвований небольшую сумму на покупку телевизионной антенны — чтобы Морри мог смотреть «Май-ти-найнти», а мы с супругой — «Петтикоут Джанкшен» по вторникам. Не бери в голову, Джейми. Лучше расскажи, что тебя так расстроило.

Я огляделся в надежде, что миссис Джейкобс избавит меня от необходимости объяснить все еще раз, но она как-то незаметно исчезла. Преподобный обнял меня за плечи и отвел к козлам. Мне как раз хватало роста, чтобы сесть на них.

— Дело в Коне?

Понятно, почему он так решил: той весной, завершая четверговые собрания молитвой, мы каждый раз просили Бога вернуть Кону голос, как просили и за других БЮМовцев, которым не повезло. Чаще всего речь шла о сломанных костях, но были и исключения: Бобби Андервуд пострадал от ожогов, а Кэрри Даути пришлось вынести стрижку наголо и промывку уксусом, когда ее мать с ужасом обнаружила у дочки вшей. Но, как и его жена, преподобный Джейкобс понятия не имел, каким несчастным стал Кон и как это отчаяние заражало всю семью, словно какой-то злой вирус.

— Прошлым летом отец купил «Топливо Хайрэма», — сказал я, снова начиная всхлипывать. Меня это бесило: хныкает только малышня, но я ничего не мог поделать. — Он сказал, что цена слишком хороша, чтобы отказываться, но зима выдалась теплой, и цена на топливо упала до пятнадцати центов за галлон, и теперь они не могут позволить себе доктора, и вы бы только слышали ее, как будто не мама говорит, а кто-то другой, а он иногда засовывает руки в карманы, потому что... — Но тут сдержанность янки взяла-таки надо мной верх. — Потому что не знаю почему.

Джейкобс снова достал платок и, пока я с ним возился, взял со своего верстака металлическую коробку. Из нее отовсюду, словно плохо подстриженные волосы, торчали провода.

— Узри усилитель, — сказал он. — Изобретен твоим покорным слугой. Когда я подключу его, то протяну проволоку через окошко на карниз. Потом я привяжу к ней... *это*.

Он указал на грабли с ржавыми железными зубьями, стоявшие в углу.

— Самодельная антенна Джейкобса.

— И это сработает? — спросил я.

— Не знаю. Должно. Но даже если сработает, я уверен, что дни телевизионных антенн сочтены. Через десять лет ТВ-сигнал будет передаваться по телефонным линиям, и каналов станет куда больше трех. К девяностому году или около того сигнал будет посылаться на землю через спутники. Знаю, звучит как научная фантастика, но такие технологии уже существуют.

У него был такой мечтательный вид, что я подумал: «Он вообще забыл про Кона». Теперь я знаю, что был неправ. Он просто давал мне время прийти в себя, и, может быть, себе — на раздумья.

— Люди сначала поразятся этому, а потом примут как должное. Они будут говорить: «Да, у нас здесь телефонное телевидение» или «А у нас — спутниковое», но в действительности все не так. На самом деле все это — великий дар электричества. Мы используем его так широко и так к нему привыкли, что даже не замечаем этого. Иногда люди говорят о слоне в гостиной, имея в виду нечто настолько значительное, что его невозможно не принимать во внимание, но даже слона можно не замечать, если он простоит в гостиной достаточно долго.

— Разве что когда за ним надо убрать какашки, — сказал я.

Он взорвался хохотом, и я засмеялся вместе с ним, хотя мои глаза еще толком не просохли.

Джейкобс подошел к окну и выглянул на улицу. Какое-то время он молчал, сложив руки на поясице. Потом повернулся ко мне и сказал:

— Я хочу, чтобы сегодня вечером ты привел Кона ко мне домой. Сможешь это устроить?

— Конечно, — отозвался я безо всякого энтузиазма. Мне казалось, что он решил еще раз помолиться, что, конечно, не навредит... но почему-то те молитвы, что во множестве уже были произнесены, Кону ничем не помогли.

Мои родители не возражали против нашего визита в пасторский домик (пришлось просить разрешения у каждого по отдельности, потому что в тот вечер они почти не разговаривали друг с другом). Кого пришлось уговаривать, так это Конни; может быть, потому, что я и сам-то не был вполне уверен. Но я обещал преподобному, и сдаваться не годилось. Вместо этого я заручился помощью Клер. Ее вера в возможности молитвы была куда сильнее моей, и у нее были свои собственные возможности. Наверное, потому, что она была единственной девочкой. Из всех четверых братьев Мортонів только Энди, ближе всех к ней по возрасту, мог устоять против ее молящих глаз.

Когда мы втроем перешли Девятое шоссе — в свете восходящей полной луны за нами тянулись длинные тени, — Кон, которому только что исполнилось тринадцать, темноволосый, худой, в линялой клетчатой куртке, унаследованной от Энди, поднял блокнот, с которым не расставался. Он писал на ходу, так что буквы вышли неровными. “ЭТО ГЛУПОСТЬ”.

— Может, и так, — согласилась Клер, — зато нам достанутся печеньки. У миссис Джейкобс всегда есть печенье.

Нам достался заодно и Морри, к тому времени уже пятилетний, переодетый в пижаму перед сном. Он помчался напрямик к Кону и запрыгнул к нему на руки.

— Ты еще не заговорил?

Кон покачал головой.

— Папа тебя вылечит, — заявил Морри. — Он весь день работал.

Потом он протянул руки к моей сестре.

— Поноси меня, Клер! Поноси меня, Клер-Эклер, и я тебя поцелую!

Она со смехом забрала его у Кона.

Преподобный Джейкобс ждал нас в сарае, одетый в линялые джинсы и свитер. В углу стоял электрокамин с раскаленной красной спиралью, но в мастерской все равно было холодно. Наверно, он был слишком занят своими проектами, чтобы ее утеплить. Временно ослепший телевизор был накрыт грузчицким одеялом.

Джейкобс обнял Клер, поцеловал в щеку, пожал руку Кону, который показал ему свой блокнот. “ОПЯТЬ МОЛИТЬСЯ БУДЕМ?”, — было написано на чистой странице.

Я подумал, что это не очень-то вежливо. Клер тоже так считала, судя по нахмуренным бровям. Но Джейкобс только улыбнулся.

— Не исключено, но сначала я хочу попробовать кое-что другое.

Он повернулся ко мне.

— Кому помогает Бог, Джейми?

— Которые сами себе помогают, — ответил я.

— Не слишком грамотно, но верно.

Он подошел к верстаку и вернулся не то с очень широким ремнем, не то с самым узким в мире электрическим одеялом. Сбоку болтался провод, заканчивающийся пластиковой коробочкой с выключателем. Джейкобс стоял с ремнем в руке и серьезно смотрел на Кона.

— Это проект, над которым я время от времени работал в течение всего года. Я называю его «электро-стимулятор нервов».

— Это ваше изобретение, — сказал я.

— Не совсем. Мысль о том, чтобы использовать электричество для облегчения боли и стимуляции мышц, появилась очень давно. За шестьдесят лет до Рождества Христова римский врач Скрибоний Ларг обнаружил, что боль в руках и ногах уменьшается, если пациент наступит на электрического угря.

— Вы это выдумали! — со смехом обвинила его Клер. Кон не смеялся. Он, как зачарованный, не сводил глаз с ремня.

— Вовсе нет, — сказал Джейкобс. — Но мой прибор питается от маленьких батареек, и вот их-то изобрел я. В центральном Мэне нелегко найти электрического угря, а обмотать им шею мальчика еще труднее. А именно это я намерен сделать с помощью своего ЭСН. Возможно, доктор Рено прав в том, что твои связки не порваны, Кон. Может, их просто надо подзавести. Я готов провести эксперимент, но решать тебе. Что скажешь?

Кон кивнул. В его глазах я увидел выражение, которое в них давно не появлялось: надежду.

— А почему вы не показывали нам прибор в БЮМе? — спросила Клер. Это прозвучало почти как обвинение.

Джейкобс удивился и даже немного смутился.

— Наверное, не знал, как пристегнуть его к уроку христианства. Пока Джейми не зашел ко мне сегодня, я думал его испытать на Эле Ноулзе. Вы же помните, что с ним случилось.

Мы закивали. Пальцы, отрезанные сортировкой для картофеля.

— Он до сих пор чувствует пальцы, которых уже нет, и говорит, что они болят. К тому же рука у него частично потеряла подвижность из-за повреждения нервов. Как я уже сказал, я давно знаю, что электричество может помочь в таких случаях. Но, похоже, моим подопытным кроликом суждено стать тебе, Кон.

— Значит, прибор случайно оказался у вас под рукой? — спросила Клер. Я не мог понять, какое это имело значение, но, видимо, имело. По крайней мере для нее.

Джейкобс взглянул на нее с упреком и сказал:

— Совпадение и везение — так маловеры называют Божью волю, Клер.

Она вспыхнула и уставилась на свои кроссовки. Тем временем Кон что-то царапал в своем блокноте. Он поднял его вверх.

“БУДЕТ БОЛЬНО?”

— Не думаю, — сказал Джейкобс. — Ток очень слабый. Совсем крошечный заряд. Я испробовал его на своей руке — надел как манжету от тонометра — и почувствовал покалывание, как когда затекшая рука или нога начинает отходить. Если все-таки будет больно, подними руки, и я сразу же выключу. Сейчас я надену прибор на тебя. Он будет сидеть плотно, но не туго. Ты сможешь дышать свободно. Застежки нейлоновые. Металл в таких штуках использовать нельзя.

Джейкобс надел ремень Кону на шею. Он был похож на толстый зимний шарф. Глаза у Кона расширились от страха, но когда Джейкобс спросил, готов ли он, мой брат кивнул. Клер сжала мою руку. Пальцы у нее были холодные. Я ждал, что Джейкобс прочтет молитву об успехе лечения. В каком-то смысле, пожалуй, он это и сделал. Наклонился к Кону, заглянул ему в глаза и сказал:

— Ожидай чуда.

Кон кивнул. Я увидел, как приподнялась и опала ткань ремня на его горле, когда он с усилием сглотнул.

— Ну хорошо. Начнем.

Когда преподобный Джейкобс передвинул выключатель, я услышал слабое гудение. Голова Кона качнулась. У него дернулся уголок рта, потом второй. Он быстро зашевелил пальцами, и руки непроизвольно вздрогнули.

— Больно? — спросил Джейкобс. Его указательный палец завис над выключателем, готовый отрубить ток.

— Если больно — протяни руки вперед.

Кон покачал головой. Потом, голосом, который словно бы пробивался через полный рот гравия, сказал:

— Не... больно. Тепло.

Мы с Клер обменялись потрясенными взглядами, почти телепатически передавая друг другу мысль: «Мне не слышалось?». Она сжимала мою руку уже до боли, но мне было все равно. Когда мы повернулись к Джейкобсу, он улыбался.

— Не пытайся говорить. Еще рано. Я выключу пояс через две минуты по моим часам. Если тебе не станет больно. А если станет — вытяни руки, и я выключу сразу же.

Кон не вытянул рук, хотя продолжал перебирать пальцами, словно играл на невидимом пианино. Несколько раз его верхняя губа приподнялась, обнажив зубы, а глаза время от времени принимались моргать. Один раз, все тем же скрипучим «гравийным» голосом, он сказал:

— Я... снова... могу говорить!

— Тс-с-с! — строго остановил его Джейкобс. Он по-прежнему держал указательный палец над выключателем и следил за секундной стрелкой часов. Казалось, прошла вечность, прежде чем он передвинул ползунок, и тихое гудение прекратилось. Он расстегнул ремень и снял его с Кона через голову. Тот сразу схватился руками за шею. Кожа на ней слегка покраснела, но вряд ли дело было в электричестве. Скорее просто следы от ремня.

— Кон, а теперь скажи: «Моя блоха купила петуха». Но если заболит горло, сразу же остановись.

— Моя блоха, — сказал Кон своим странным царапающим слух голосом, — купила петуха.

И добавил:

— Мне надо сплюнуть.

— У тебя болит горло?

— Нет, просто надо сплюнуть.

Клер открыла дверь сарая. Кон высунулся наружу, прочистил горло с неприятно металлическим звуком, похожим на скрип ржавых петель, и выхаркнул ком размером с дверную ручку, как мне показалось. Он снова повернулся к нам, растирая горло рукой.

— Моя блоха...

Голос у него по-прежнему не был похож на Кона, которого я знал, но слова звучали отчетливее и как-

то более по-человечески. Слезы выступили у него на глазах и покатились по щекам.

— ...купила петуха.

— На сегодня хватит, — сказал Джейкобс. — Мы зайдем в дом, и ты выпьешь стакан воды. Большой стакан. Тебе надо много пить. Сегодня и завтра. Пока голос снова не зазвучит нормально. Хорошо?

— Да.

— Когда придешь домой, можешь поздороваться с родителями. Но потом отправляйся напрямую в свою комнату, встань на колени и поблагодари Бога за то, что он вернул тебе голос. Хорошо?

Кон яростно закивал. Он плакал все сильнее, и не он один. Мы с Клер тоже заливались слезами. Только у преподобного Джейкобса глаза были сухие. Наверно, он был слишком потрясен, чтобы заплакать.

Не удивилась только Пэтси. Когда мы вошли в дом, она только сжала плечо Кона и сказала будничным тоном:

— Вот и умница.

Морри обнял моего брата, а Кон так стиснул его в ответ, что у малыша выпучились глаза. Пэтси налила в стакан воды из-под крана, и Кон выпил все до дна. Когда он благодарил ее, его голос звучал почти как раньше.

— Не за что, Кон. Морри давно пора спать, а вам уже время идти домой.

Взяв Морри за руку и направившись с ним к лестнице, она добавила, не оборачиваясь:

— Наверно, ваши родители очень обрадуются.

Это было преуменьшение столетия.

Родители молча сидели в гостиной и смотрели сериал «Вирджинец». Несмотря на всю мою радость и возбуждение, я почувствовал, что холодок между ними никуда не делся. Наверху, как обычно, топтались и переругивались Энди с Терри. Вязавшая плед мама наклонилась к корзинке с пряжей, чтобы распутать нитку, когда Кон сказал:

— Привет, мам. Привет, пап.

Отец воззрился на него, открыв рот. Мама замерла с одной рукой в корзинке, а другой придерживая спицы. Она медленно подняла голову.

— Что?... — пробормотала она.

— Привет, — повторил Кон.

Мама вскрикнула. Она пулей вылетела из кресла, сбив по пути корзинку с пряжей, подбежала к Кону и схватила его за плечи. Обычно она так делала, когда хотела встряхнуть кого-нибудь из малышей за какую-то провинность. В тот вечер никто никого не тряс. Обливаясь слезами, мама крепко обняла Кона. Я слышал, как по лестнице со второго этажа несутся Энди и Терри. Хотели узнать, что стряслось.

— Скажи еще что-нибудь, — воскликнула мама.

— Скажи еще что-нибудь, а то я подумаю, что мне померещилось!

— Ему нельзя... — начала было Клер, но Кон ее прервал. Ведь теперь он мог это сделать.

— Я люблю тебя, мама, — сказал он. — Я люблю тебя, папа.

Отец взял Кона за плечи и присмотрелся к его горлу, но смотреть было особо не на что: красная отметина исчезла.

— Слава Богу, — сказал он. — Слава Богу, сынок.

Мы с Клер переглянулись, и опять слова нам не понадобились: преподобный Джейкобс тоже заслужил благодарность.

Мы объяснили, что Кону пока нужно побереечь горло, а когда сказали про воду, Энди пошел на кухню и вернулся с папиной шуточной кофейной кружичей с канадским флагом и надписью «1 имперский галлон кофеина». Пока Кон пил, мы с Клер наперебой рассказали о наших приключениях. Пару раз в историю вклинивался Кон. Он рассказал про покалывания, которые почувствовал, когда преподобный включил ремень. И каждый раз Клер отчитывала Кона за разговоры.

— Поверить не могу, — снова и снова повторяла мама. Она не могла отвести от Кона взгляд. Несколько раз она его хватала и крепко обнимала, словно боясь, что тот отрастит ангельские крылья и улетит.

— Если бы за обогрев его дома не платила церковь, — сказал отец, когда мы закончили, — преподобному Джейкобсу больше никогда бы не пришлось платить за топливо.

— Мы что-нибудь придумаем, — пробормотала мама. — А пока что у нас праздник. Терри, принеси мороженое, которое мы берегли для дня рождения Клер. Кону для горла будет полезно. Вы с Энди выставьте его на стол. Съедем всё, поэтому принесите большие миски. Ты же не против, Клер?

Та покачала головой.

— Это даже лучше, чем день рождения.

— Мне надо в туалет, — сказал Конни. — Воды перепил. А потом я должен помолиться. Так сказал преподобный. А вы пока оставайтесь тут.

Кон ушел наверх. Энди с Терри пошли на кухню за неаполитанским, которое мы называли клуб-ван-шоком (как я это вспомнил — сам не знаю). Мама с папой вернулись в свои кресла и невидящим взором уставились в телевизор. Я увидел, как мама протянула руку, и отец взял ее не глядя: он словно бы знал, что она там будет. Меня это обрадовало и успокоило.

И тут потянули за руку уже меня. Клер. Она провела меня через кухню, где Энди с Терри спорили о размерах порций, и вывела в прихожую. Сестра смотрела на меня широко распахнутыми, блестящими глазами.

— Ты его видел? — с жаром спросила Клер.

— Кого?

— Преподобного Джейкобса, дубина! Ты видел его лицо, когда я спросила, почему он никогда не показывал свой электрический ремень в БЮМе?

— Ну... да...

— Он тогда сказал, что работал над ним целый год, но это неправда, иначе бы он обязательно им похвастался. Ведь он хвастается всеми своими изобретениями!

Я вспомнил, как он смутился, словно бы Клер застала его врасплох (я и сам частенько так выглядел, когда врасплох заставляли меня), но...

— Так он что, по-твоему, врал?

Клер энергично закивала.

— Ну конечно! Врал! А его жена? Она знала! Думаю, он начал работать сразу после твоего ухода. Может, у него и была какая-то идея — у него в голове их крутятся тысячи, — но над этой до сегодняшнего дня он ни разу не работал.

— Да ладно, Клер, вряд ли...

Клер все еще держала мою руку, но теперь она нетерпеливо за нее дернула, словно пытаюсь вытащить меня из трясины.

— Ты видел их стол на кухне? На нем стояла пустая тарелка и пустой стакан! Он даже ужинать не стал, так заработался. Трудился как угорелый, судя по его рукам: они у него были красные, а на двух пальцах вздулись волдыри.

— И все это ради Кона?

— Не думаю, — ответила она, не отводя от меня взгляд.

— Клер! Джейми! — позвала мама. — Мороженое ждет!

Клер даже не оглянулась.

— Из всех БЮМских ребят тебя он встретил первого, и ты ему нравишься больше всех. Он сделал это ради тебя, Джейми. Ради тебя.

И она ушла на кухню, оставив меня ошеломленно стоять у поленницы. Если бы Клер осталась чуть подольше, и у меня было бы время опомниться, то я бы высказал ей свою собственную догадку: преподобный Джейкобс удивился не меньше нашего.

Он не ожидал, что ремень сработает.

Авария. Рассказ моей матери. Ужасная проповедь. Прощание.

Теплым и ясным октябрьским днем 1965 года Патриция Джейкобс усадила Морри-Я-с-вами на переднее сиденье «Плимута-Бельведер» — свадебного подарка от ее родителей — и отправилась в супермаркет «Ред-энд-Уайт» в Гейтс-Фоллз. Поехала закупаться, как говорили янки в те годы.

В трех милях от нее фермер по имени Джордж Бартон, вечный холостяк по прозвищу Джордж-Одиночка, вывел на дорогу свой «Форд Ф-100» с прицепленной к нему картофелекопалкой. Он собирался отвезти ее на свое поле — всего в одной миле от дома по Девятому шоссе. С таким прицепом он мог ехать не быстрее десяти миль в час и потому держался у обочины, чтобы движущиеся на юг машины могли спокойно его обгонять. Джордж-Одиночка всегда думал о других. Он был хорошим фермером, добрым соседом, членом школьного совета и дьяконом в нашей церкви. А еще Джордж был «пепилептик», как он почти с гордостью сообщал людям. Но, тут же добавлял он, доктор Рено

прописал ему таблетки, и теперь приступов у него не бывает «почти совсем». Может, и так, но в тот день приступ случился с ним прямо за рулем пикапа.

— Наверно, ему вообще не следовало водить машину, разве что по полям, — сказал позже доктор Рено, — но как можно просить человека с таким родом занятий отказаться от водительских прав? У него ведь не было ни жены, ни взрослых детей, чтобы усадить их за руль. С тем же успехом я мог предложить ему продать свою ферму тому, кто больше заплатит.

Вскоре после того, как Пэтси и Морри отправились в «Ред-энд-Уайт», миссис Адель Паркер спустилась с холма Сируа — крутого и опасного участка дороги, где случалось много аварий. Она ехала очень медленно и потому хоть и с трудом, но успела остановиться, не сбив женщину, которая размахивала руками посреди шоссе. Женщина одной рукой прижимала к груди мокрый комок. Одной — потому что вторая рука Пэтси Джейкобс была оторвана до локтя. По ее лицу потоками лилась кровь. Кусок кожи с головы висел у нее за плечами. Окровавленные пряди волос развевал осенний ветерок. Правый глаз вытек на щеку. Вся ее красота была уничтожена в один момент. Хрупкая это вещь — красота.

— Помогите моему ребенку! — крикнула Пэтси, когда миссис Паркер остановила свой старый «Студебеккер» и вышла. За спиной окровавленной женщины миссис Паркер видела «Бельведер», перевернутый вверх колесами и охваченный огнем. В нем застряла передняя часть пикапа Джорджа-Одиночки. Сам Джордж висел на руле. За его машиной перевернутая картофелекопалка перегораживала Девятое шоссе.

— Помогите моему малышу!

Пэтси протянула сверток, и когда Адель Паркер увидела, что *это*, — не младенец, а маленький мальчик с сорванным лицом, — она закрыла глаза руками и начала кричать. Когда она снова взглянула на Пэтси, та встала на колени, словно для молитвы.

Еще один пикап вывернул из-за Сируа и чуть не врезался в зад «Студебеккера» миссис Паркер. За рулем был Фернальд Девитт, который в тот день обещал помочь Джорджу копать картошку. Он выпрыгнул из кабины, подбежал к миссис Паркер и посмотрел на женщину, стоящую на коленях посреди дороги. Потом он побежал к месту столкновения.

— Что вы делаете? — завопила миссис Паркер. — Помогите ей! Помогите этой женщине!

Фернальд, который служил в морской пехоте на Тихом океане и всякого там навидался, не останавливаясь, крикнул через плечо:

— Ей и малышу конец. А Джордж, может, и выживет.

И он не ошибся. Пэтси умерла задолго до того, как из Касл-Рока прибыла «скорая помощь», а Джордж-Одиночка Бартон дожил до восьмидесяти лет с гаком. И больше ни разу не садился за руль автомашины.

Вы спросите: «А откуда тебе все это знать, Джейми Мортон? Тебе было всего девять лет!»

Но я знаю.

В 1976-м у моей мамы, все еще относительно молодой женщины, диагностировали рак яичников. Я тогда учился в университете Мэна, но во втором семестре второго курса взял академический отпуск, чтобы оставаться с ней до конца. Хотя все дети Мортонів уже выросли (Кон так вообще улетел за горизонт на

Гавайи, где он исследовал пульсары в обсерватории Мауна-Кеа), мы все приехали побыть с мамой и поддержать убитого горем отца, от которого в таком состоянии пользы было немного: он либо бесцельно бродил по дому, либо подолгу гулял в лесу.

Мама захотела провести свои последние дни дома, и мы по очереди кормили ее, давали лекарства или просто сидели с ней. К тому времени от мамы остались кожа да кости, а из-за болей она все время пребывала под действием морфия. Вообще морфий — забавная штука. Он обрушивает стену — ту знаменитую скрытность янки, — которая иначе оставалась бы непроницаемой. Однажды февральским днем, где-то за неделю до смерти мамы, я дежурил у ее постели. За окнами бушевала выюга, и стоял жуткий холод. Северный ветер сотрясал дом и завывал под свесами крыши, но внутри было тепло. Даже жарко. Как вы помните, мой отец торговал топливом, и после того страшного года в середине шестидесятых, когда ему грозило разорение, он не просто преуспел, но даже, можно сказать, разбогател.

— Откинь одеяла, Терренс, — попросила мама. — Зачем мне так много? Я вся горю.

— Я Джейми, мам. Терри в гараже с папой. — Я откинул единственное одеяло, обнажив жутковато-веселенькую розовую ночнушку, в которой, казалось, никого не было. Волосы у мамы (поседевшие еще до рака) почти все выпали; губы отошли от зубов, от чего те казались слишком большими, чуть ли не лошадиными; только ее глаза оставались прежними. Молодые глаза, в которых стоял скорбный вопрос: «Что со мной происходит?»

— Джейми, Джейми, я так и сказала. Можно мне таблетку? Сегодня что-то совсем плохо. Мне никогда еще не было так больно.

— Через пятнадцать минут, мам. — Вообще-то до следующей дозы было еще два часа, но теперь-то какая уже разница? Клер как-то предложила дать ей все и сразу, чем потрясла Энди, который, в отличие от остальных, остался верным своему строгому религиозному воспитанию.

«Ты что, хочешь отправить ее в ад?» — спросил тогда он.

«Она не попадет в ад, если таблетки ей дадим мы, — резонно, на мой взгляд, ответила Клер. — Ведь она ни о чем не догадается». А потом Клер воспользовалась одной из любимых маминых присказок, чем едва не разбила мне сердце: «Она уже не знает, пешком она или верхом».

«Ты этого не сделаешь», — сказал Энди.

«Нет, — вздохнула Клер. Ей тогда было уже под тридцать, и она была красива как никогда. Может, потому, что наконец-то нашла свою любовь? Если да, то какая это горькая ирония. — У меня духу не хватит. У меня лишь хватает духу смотреть, как она страдает».

«На небесах ее страдания развеются, как туман», — сказал Энди, поставив точку. По крайней мере, для себя.

Был ветер, старые стекла единственного окна в спальне ходили в раме ходуном, и мама сказала:

— Я стала такая тощая, просто ужас. Когда-то была красавицей-невестой, все так говорили, но теперь Лора Макензи такая тощая.

Уголки ее губ опустились в клоунской гримасе горя и боли.

Я должен был пробыть в комнате еще три часа, прежде чем Терри меня сменит. Рано или поздно мама должна была заснуть, но сейчас не спала. Ее организм сжирал себя, а я всячески пытался ее от этого отвлечь. И ведь мог заговорить о чем угодно — но так случилось, что речь зашла о Чарльзе Джейкобсе. Я спросил, знает ли она, куда Джейкобс отправился после того, как покинул Харлоу.

— Жуткое было время, — сказала она. — То, что случилось с его женой и сыном, ужасно.

— Да, — сказал я. — Знаю.

Умиряющая мать взглянула на меня с холодным презрением.

— Нет, не знаешь. Тебе не понять. Никто не был виноват, вот в чем ужас. И уж точно не Джордж Бартон. С ним просто случился приступ.

И она рассказала мне то, что я уже рассказал вам. Сама она слышала это из уст Адели Паркер, которая говорила, что никогда не сможет выбросить из головы образ умирающей женщины.

— А чего никогда не забуду я, — сказала мама, — так это того, как он кричал у Пибоди. Я и понятия не имела, что мужчина может издавать такие звуки.

Мама узнала обо всем от Дорин Девитт, жены Фернальда. У той хватило ума сначала позвонить Лоре Мортон.

— Ты должна ему рассказать, — заявила она.

Эта перспектива привела маму в ужас.

— Нет! Я не могу!

— Придется, — терпеливо сказала Дорин. — Такие новости не сообщают по телефону, а ты — его ближайшая соседка, не считая этого старого пугала, Майры Харрингтон.

— Я набралась храбрости, но пришлось вернуться от дверей: у меня схватило живот, и я помчалась в сортир, — рассказывала моя мать, чью сдержанность от морфина как рукой сняло.

Она спустилась с нашего холма, перешла Девятое шоссе и направилась к пасторскому домику. Хотя она этого и не сказала, но думаю, это был самый долгий путь в ее жизни. Она постучала в дверь, но Джейкобс открыл не сразу, хотя слышно было, как в доме играет радио.

— Да и как бы он меня услышал? — спросила она у потолка. — В первый раз я едва коснулась двери костяшками.

Она постучала еще раз, сильнее. Он открыл дверь и взглянул на нее через сетчатый экран. В руке он держал большую книгу, и даже столько лет спустя она помнила, какую: «Протоны и нейтроны. Тайный мир электричества».

— Здравствуйте, Лора, — сказал он. — С вами все в порядке? Вы такая бледная. Заходите, заходите!

Она вошла. Он спросил, что случилось.

— Произошла страшная авария, — ответила она.

Он встревожился еще больше.

— Дик или кто-то из детей? Хотите, чтобы я поехал с вами? Присядьте, Лора, вы на грани обморока.

— С моими все в порядке, — сказала она. — Чарльз... Это Пэтси. И Морри.

Он аккуратно положил большую книгу на столик в коридоре. Наверное, тогда она и заметила заглавие,

и меня не удивляет, что оно ей запомнилось. В такие моменты человек видит все и все запоминает. Я знаю это из собственного опыта. А лучше бы не знать.

— Они сильно пострадали? — И, не успела она ответить: — Их отвезли в Сент-Стиви? Конечно, это же ближайшая больница. Мы можем взять вашу машину?

Больница Сент-Стивен находилась в Касл-Роке, но, конечно, их отвезли не туда.

— Чарльз, приготовьтесь к страшному удару.

Он взял ее за плечи — мягко, сказала она. Не больно. Но когда наклонился, чтобы взглянуть ей в лицо, его глаза сверкали.

— Что случилось? Лора, они сильно пострадали? Моя мать заплакала.

— Они погибли, Чарльз. Мне очень жаль.

Он отпустил ее и уронил руки.

— Да нет же, — сказал он тоном человека, говорящего об общеизвестном факте.

— Надо было мне приехать на машине, — сказала мама. — Я как-то не подумала. Просто пришла пешком.

— Да нет же, — повторил Джейкобс. Он отвернулся от нее и прижался лбом к стене. — Нет!

Он стукнулся головой о стену так сильно, что закачалась картина, изображавшая Иисуса с ягненком. Стукнулся снова, и картина сорвалась с крюка.

Она взяла его за руку — вялую и слабую.

— Чарльз, не надо. — И добавила, словно обращаясь к одному из своих детей: — Не надо, милый.

— Нет! — Он снова ударился лбом. — Нет! — И еще раз. — Нет!

На сей раз она обхватила его обеими руками и оттащила от стены.

— Хватит! Прекратите сейчас же.

Он ошарашенно уставился на нее. На лбу у него осталась ярко-красная отметина.

— И что это был за взгляд, — сказала она мне двадцать лет спустя, когда лежала и умирала в своем доме. — Я не могла его вынести, но пришлось. В таких делах, если уж начнешь, приходится доходить до конца.

— Пойдемте к нам, — сказала она ему. — Я налью вам виски из запасов Дика, потому что вам надо выпить, а я знаю, что здесь ничего такого нет...

Он засмеялся — внезапный, шокирующий звук.

— А потом я отвезу вас в Гейтс-Фоллз. Они у Пибоди.

— У Пибоди?

Она дала ему переварить это сообщение. Он не хуже ее знал, кто такой Пибоди. К тому времени преподаватель Джейкобс отслужил на десятках похорон.

— Пэтси не могла умереть, — сказал он терпеливо и наставительно. — Сегодня среда. Среда — день спагетти «Принц», так говорит Морри.

— Пойдемте, Чарльз.

Она взяла его за руку и потянула к дверям, а затем наружу, под ласковое осеннее солнце. В то утро он проснулся рядом с женой и позавтракал, сидя напротив своего сына. Они про что-то говорили, как обычно делают люди. Никогда не знаешь заранее. Любой день может оказаться последним, и ты никогда не знаешь заранее.

Дойдя до Девятого шоссе, залитого солнцем, молчаливого и, как обычно, пустого, Джейкобс вскинул голову, как пес, услышав сирены со стороны холма

Сируа. На горизонте виднелась полоска дыма. Он взглянул на мою мать.

— И Морри тоже? Это точно?

— Пойдем, Чарли. («Это был единственный раз, когда я так его назвала», — сказала она мне). Пойдем, мы стоим посреди дороги.

Они отправились в Гейтс-Фоллз на нашем старом «Форде», и поехали они через Касл-Рок. Так получалось миль на двадцать длиннее, но к тому времени мама немного оправилась от шока и могла мыслить трезво: она не собиралась проезжать через место аварии, пусть даже из-за этого и приходилось делать изрядный крюк.

Похоронный дом Пибоди находился на Гранд-стрит. На подъездной дорожке уже стоял серый «Кадиллак» — катафалк; еще несколько машин были припаркованы у обочины. Среди них был и похожий на корабль «Бьюик» Реджи Келтона. А еще мама с облегчением заметила фургон с надписью «Топливо Мортон» на борту.

Пока мама вела по дорожке покорного, словно ребенок, преподобного Джейкобса, из похоронного дома вышли отец и мистер Келтон. По словам мамы, преподобный все время смотрел вверх, словно пытаясь определить, когда осенняя листва заполыхает вовсю.

Папа обнял Джейкобса, но тот на объятия не ответил: он просто стоял, опустив руки, и смотрел на листву.

— Чарли, мне очень жаль, — пробасил Келтон. — Нам всем очень жаль.

В доме их встретил приторный аромат цветов. Из потолочных колонок лилась тихая органная музыка,

и в этом было что-то ужасное. Майра Харрингтон, которую все в Западном Харлоу называли Бабулей, уже была там (наверное, потому, что подслушивала на общей телефонной линии, когда Дорин позвонила моей матери). Подслушивание было ее хобби. Подняв свою тушу с дивана в фойе, она притянула преподобного Джейкобса к обширному бюсту.

— Ваша милая красавица-жена! И ваш малыш! — скорбно замяукала она. Мама с папой переглянулись и дружно передернулись. — Теперь они на небесах! Это ли не утешение! Кровь Агнца спасла их, а теперь их баюкает у себя на руках Всевышний!

По щекам Бабули потекли слезы, проделывая дорожки в толстом слое розовой пудры.

Преподобный Джейкобс покорно стоял в ее объятиях. Через пару минут («Я уж было подумала, что она не успокоится, пока не задушит его своими сисищами», — сказала мама) он отстранился. Не грубо, но твердо.

— Я хочу их увидеть, — сказал он, повернувшись к отцу и мистеру Келтону.

— Чарли, Чарли, пока не надо, — сказал мистер Келтон. — Подожди немножко. Как только мистер Пибоди приведет их в поря...

Джейкобс прошел через прощальный зал, где в гробу из красного дерева лежала какая-то старушка в ожидании своего последнего появления на публике. Прошел дальше, в заднюю часть дома. Уж кто-кто, а он знал дорогу.

Отец с мистером Келтоном поспешили за ним. Мама присела, а Бабуля села напротив. Глаза ее сияли под облаком белых волос. Бабуле уже было за восемьдесят, и когда у нее не гостили ее многочисленные внуки

и правнуки, только трагедии и скандалы придавали ее жизни вкус.

— Как он воспринял новости? — театральным шепотом спросила Бабуля. — Ты преклонила с ним колени?

— Не сейчас, Майра, — ответила мама. — Я очень устала. Сейчас мне хочется одного — закрыть глаза и немного отдохнуть.

Но отдохнуть у нее не получилось, потому что в этот миг из недр похоронного дома раздался крик.

— Звучал он так, как сегодняшний ветер за окном, — сказала мама, — но только в сто раз хуже. — Она, наконец, отвела взгляд от потолка. Лучше бы она этого не делала, потому что за светом в ее глазах я увидел смертную тьму. — Поначалу слов не было — только этот загробный вой. И пусть бы он так воем и оставался, но не тут-то было. «Где его лицо?! — закричал он. — Где лицо моего малыша?!»

Кто будет отпевать покойных? Вот вопрос («Кто бреет брадобрея?»), который меня беспокоил. Позже я все узнал, но на сами похороны меня не взяли. Мама заявила, что пойдут только они с папой и Клер с Коном. Для остальных это может быть слишком тяжело (она, несомненно, помнила о тех леденящих кровь криках, доносившихся из мертвецкой Пибоди). Так что Энди остался присматривать за мной и Терри. Я был не в восторге, потому что Энди иной раз вел себя как настоящая какашка, особенно когда родителей не было рядом. Для истинного христианина он слишком любил выкручивать руки и раздавать щелбаны, да так, что из глаз искры сыпались.

Но в ту субботу, когда хоронили Пэтси и Морри, обошлось без щелбанов. Энди сказал, что если наши не вернутся к ужину, он разогреет нам спагетти с тефтелями из банки. А пока что — всем заткнуться и смотреть телик. С этими словами он поднялся наверх и больше не спускался. Энди, конечно, любил поворчать и покомандовать, но он был привязан к Морри-Я-с-вами не меньше остальных и, конечно, был влюблен в Пэтси (опять же как и все остальные, не считая разве что Кона, которого девушки не интересовали ни тогда, ни потом). Может быть, он пошел наверх, чтобы помолиться, — «уйди внутрь своего жилища и затвори дверь», советует нам апостол Матфей, — а может, просто хотел посидеть, подумать и попытаться понять, в чем тут смысл. Эти две смерти не сломили его веры — он оставался несгибаемым христианским фундаменталистом до конца жизни, но наверняка серьезно ее поколебали. Моя вера тоже не была сломлена аварией. Ее уничтожила Ужасная проповедь.

Преподобный Дэвид Томас из церкви Гейтс-Фоллз отслужил поминальную службу по Пэтси и Морри в нашей церкви, и это никого не смутило, потому что, как сказал папа, «между конгрегационалистами и методистами нет особой разницы».

Зато немало удивления вызвало то, что Джейкобс пригласил Стивена Гивенса читать погребальные молитвы на кладбище Уиллоу-Гроув. Гивенс был пастором (преподобным он себя не называл) церкви Силома, чьи прихожане в то время еще придерживались вероучения Фрэнка Уэстона Сэндфорда, апокалиптика, который советовал родителям пороть детей даже за мелкие прегрешения («Вы должны быть Христовыми

учителями», говорил он им) и настаивал на тридцатичасовых постах... даже для младенцев.

После смерти Сэндфорда Силомская церковь сильно изменилась (и сегодня мало отличается от других протестантских течений), но в 1965 году вокруг нее ходило много слухов, которые подпитывала странная одежда прихожан и их вера в то, что конец света наступит очень скоро — может быть, на той неделе. Но оказалось, что наш Чарльз Джейкобс и их Стивен Гивенс годами встречались в Касл-Роке за чашечкой кофе и вообще дружили. После Ужасной проповеди кое-кто из горожан утверждал, что преподобный Джейкобс «заразился силомитством». Может, оно и так, но по словам мамы с папой (а также Клер и Кона, чьим свидетельствам я верю больше) Гивенс держался спокойно, а его краткая погребальная служба была уместной и утешительной.

— Он ничего не говорил про конец света, — сказала Клер. Помню, какая она была красивая в тот вечер в своем темно-синем платье (самом близком к черному из тех, что у нее были) и в чулках как у взрослой. Помню и то, что за ужином она почти ничего не ела, только гоняла еду по тарелке, пока она вся не перемешалась и не стала походить на собачьи какашки.

— Какой текст читал Гивенс? — спросил Энди.

— Первое послание к Коринфянам, — сказала мама. — Ну то, где про тусклое стекло.

— Хороший выбор, — важно одобрил мой старший брат.

— Ну как он там? — спросил я у мамы. — Как преподобный Джейкобс?

— Он... молчал, — сказала она с ноткой тревоги.

— Молился про себя, наверное.

— Да нет же, — сказала Клер, отодвигая тарелку. — Он был как оглушенный. Сидел на складном стульчике возле могилы, и когда мистер Гивенс предложил ему бросить первую горсть земли в могилу и присоединиться к нему в молитве-благословении, преподобный так и остался сидеть, свесив руки между колен и опустив голову. — У нее потекли слезы. — Я как будто во сне, в дурном сне.

— Но он потом все-таки встал и бросил землю, — напомнил отец, обнимая ее за плечи. — Не сразу, но бросил. По горсточке на крышки обоих гробов. Верно, Клер-Эклер?

— Да, — проговорила она, еще сильнее залившись слезами. — Когда этот силомит его буквально силой поднял на ноги.

Кон ничего не сказал, и до меня дошло, что его уже вообще нет за столом. Я увидел, что он стоит во дворе, возле вяза, на котором висели наши качели из шины. Он обнимал дерево, прислонившись лбом к коре, и плечи его сотрясались.

Но он, в отличие от Клер, съел свой ужин. Я это хорошо помню. Съел все, что ему дали, и попросил добавки ясным и громким голосом.

На следующие три воскресенья дьяконы вызвали священников из других церквей, но пастор Гивенс в их число не вошел. Несмотря на то, что он держался спокойно, а его краткая погребальная служба была уместной и утешительной, с ним, думаю, на этот счет никто даже не разговаривал. Янки по своей природе и воспитанию не только сдержанны, но и предрасположены к удобным для себя расовым и религиозным предрассудкам. Три года спустя я услышал, как один

из моих преподавателей в старшей школе Гейтс-Фоллз с удивлением и возмущением сказал другому: «Ну и кому вообще пришло в голову стрелять в преподобного Кинга? Господи, он же был *хорошим* ниггером!»

После случившегося Братство юных методистов больше не собиралось. Думаю, мы все были этому только рады — даже Энди, известный также как Император библейских опросов. Мы не были готовы встретиться с преподобным Джейкобсом лицом к лицу — как и он с нами. На Игрушечный уголок, где Клер с подружками развлекали Морри (и себя), было невыносимо смотреть. И кто теперь сядет за пианино, когда придет пора Музыкальной минутки? Наверно, кто-нибудь в городе мог бы попробовать, но Чарльз Джейкобс находился не в том состоянии, чтобы кого-то об этом просить, да и все равно это было бы совсем не то — без Пэтси с ее светлыми волосами, мотающимися в такт жизнерадостным гимнам вроде «Мы идем на Сион». Ее светлые волосы теперь лежали на атласной подушке под землей и постепенно разлагались в темноте.

Как-то серым ноябрьским днем, когда мы с Терри выводили на окнах по трафаретам индеек и рога изобилия, зазвонил телефон: один длинный звонок, один короткий — значит, нам. Мама ответила, недолго поговорила, а потом положила трубку и улыбнулась нам с Терри.

— Это был преподобный Джейкобс. Он собирается в это воскресенье встать за кафедру и произнести проповедь в честь дня Благодарения. Разве это не здорово?

Через много лет — я учился в старшей школе, а Клер приехала на каникулы из Мэнского университета — я спросил сестру, почему его никто не остановил. Мы были на заднем дворе и раскачивали взад-вперед качели из старой покрышки. Ей не нужно было уточнять, кого я имею в виду; та воскресная проповедь оставила шрам на каждом из нас.

— Наверное, потому что он говорил таким *разумным* тоном. Так *нормально*. Когда люди поняли, о чем речь, было уже поздно.

Может, и так, но я помню, как ближе к концу проповеди Реджи Келтон и Рой Истербрук пытались ему помешать. Сам я понял, что что-то не так, еще до ее начала, потому что Джейкобс не завершил чтение библейского отрывка своим обычным заключением: «Да благословит Господь Свое священное Слово». Он никогда об этом не забывал, даже в тот день, когда я его встретил и он показал мне маленького электрического Иисуса, шагающего по Мирному озеру.

В день Ужасной проповеди он выбрал выдержку из тринадцатой главы Первого послания к Коринфянам, ту самую, что пастор Гивенс прочел над двумя свежими могилами на кладбище Уиллоу-Гроув: «Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан».

Он закрыл массивную Библию, лежащую на кафедре — с негромким, но отчетливым стуком. В то

воскресенье Методистская церковь Харлоу была переполнена, ни одной свободной скамьи, но внутри стояла мертвая тишина, никто не смел даже кашлянуть. Помню, как я молил Бога, чтобы Джейкобс справился со всем этим, чтобы он не ударился в рыдания.

Майра Харрингтон — Бабуля — сидела на передней скамье, спиной ко мне, но я мог представить себе ее алчно сверкающие, заплывшие жиром глаза. Мы с семьей, как обычно, устроились на третьей скамье. Лицо мамы казалось спокойным, но я видел, как ее руки в белых перчатках так стиснули большую Библию в мягкой обложке, что та согнулась едва ли не пополам. Клер сгрызла с губ всю помаду. Пауза между чтением выдержки из Библии и тем, что с тех пор в Харлоу стали называть Ужасной проповедью, длилась не дольше пяти секунд, десяти — максимум, но для меня она растянулась на целую вечность. Джейкобс склонил голову над огромной Библией с ярко-золотым обрезаем, а когда в конце концов поднял ее и все увидели его спокойное, сдержанное лицо, то по скамьям прокатился короткий вздох облегчения.

— Для меня это было трудное и горестное время, — сказал он. — Вам я могу об этом не говорить — мы живем тесно сплоченной общиной и прекрасно знаем друг друга. Вы все протянули мне руку помощи, и я всегда буду вам за это благодарен. Хочу сказать отдельное спасибо Лоре Мортон, которая сообщила мне весть об утрате со всей чуткостью и мягкостью.

Он кивнул ей. Она кивнула в ответ, а потом подняла руку в белой перчатке и смахнула слезу.

— Со дня моей утраты я много размышлял и читал. Хотел бы добавить «и молился», но сколько я ни преклонял колени — Божьего присутствия я не

чувствовал, так что пришлось ограничиться чтением и размышлениями.

Тишина. Все глаза устремлены на него.

— Я пошел в местную библиотеку и попытался отыскать там «Нью-Йорк таймс», но у них в архиве только «Уикли энтерпрайз», так что я отправился в Касл-Рок, где есть «Таймс» на микрофильмах. «Ищите, да обрящете», — сказал нам апостол Матфей, и как же он был прав.

В ответ на это в зале раздалось несколько одобрительных смешков, но они быстро стихли.

— Я ездил туда день за днем, я прокручивал микрофильмы, пока голова не начинала раскалываться, и сейчас я хочу поделиться с вами кое-чем из того, что обнаружил.

Он достал из кармана своего черного пиджака несколько карточек.

— В прошлом июне по городку Мэй в штате Оклахома пронеслись три торнадо. Материальный ущерб был велик, но никто не погиб. По такому случаю жители города собрались в местной Баптистской церкви, чтобы воздать хвалу и произнести благодарственные молитвы. Когда они там находились, на город обрушился четвертый торнадо, высшей категории по шкале разрушительности, и уничтожил церковь. Сорок один человек погиб. Еще тридцать получили серьезные травмы, включая детей, лишившихся ног и рук.

Он переместил верхнюю карточку в низ стопки и взглянул на следующую.

— А вот об этом кое-кто из вас может помнить. В августе прошлого года мужчина с двумя сыновьями катался на лодке по озеру Виннипесоки. С ними была их собака. Она упала за борт, и оба мальчика бросились

ее спасать. Когда отец увидел, что сыновья тонут, то прыгнул и сам, случайно опрокинув лодку. Все трое погибли. Собака выбралась на берег.

Он взглянул на нас и даже на какую-то секунду улыбнулся — словно солнце выглянуло сквозь пелену облаков в холодный январский день.

— Я пытался выяснить, что случилось с этой собакой — оставила ли ее себе женщина, потерявшая мужа и сыновей, или же избавилась от животного, — но не нашел никакой информации.

Я украдкой бросил взгляд на братьев и сестру. Терри и Кон выглядели озадаченными, а вот лицо Энди побелело от гнева или ужаса. Может, от всего сразу. Руки он стиснул на коленях. Клер беззвучно плакала.

Следующая карточка.

— Прошлый октябрь. По Уилмингтону в Северной Каролине прокатился ураган. Погибло семнадцать человек, в том числе шестеро малышей в детском саду при церкви. Еще одного ребенка объявили пропавшим без вести. Его тело обнаружили неделю спустя на дереве.

Следующая.

— Этот случай касается семьи миссионеров, решивших помочь продуктами, медикаментами и Святым Словом беднякам в Бельгийском Конго — сейчас, полагаю, это Заир. Их было пятеро. Всех убили. В статье прямым текстом об этом не говорится — «Нью-Йорк таймс» публикует только новости, подходящие для печати, вы же знаете, — однако ее тон намекает, что убийцы могли быть людоедами.

Поднялось неодобрительное бормотание, в центре которого был Реджи Келтон. Джейкобс это услышал и поднял руку — жест, похожий на благословение.

— Наверное, дальше можно не продолжать — обо всех этих пожарах, наводнениях, землетрясениях, бунтах, убийствах, — хотя я бы мог. Наш мир ежедневно содрогается от подобных вещей. Впрочем, знакомство с этими историями в какой-то мере утешало меня, поскольку они доказывали: я не одинок в своем страдании. Утешение это, тем не менее, было относительным, потому что такие трагедии, как гибель моей жены и сына, выглядят такими жестокими и бессмысленными. Нам сказано, что Христос вознесся на небо в своем теле, однако слишком часто мы, несчастные смертные на этой земле, оказываемся перед уродливыми грудями изувеченного мяса и задаем все тот же повторяющийся вопрос: почему? Почему? *Почему?*

Всю свою жизнь я читал Писание — сначала на материнских коленях, потом в Братстве юных методистов, потом в школе богословия — и могу сказать вам, друзья, что нигде в Писании нет ответа на этот вопрос. Максимум, что может предложить Библия — тот самый кусок из послания к Коринфянам, где апостол Павел, в сущности, говорит: «Не стоит даже спрашивать, братия, потому что вы все равно ничего не поймете». Когда же Иов задал этот вопрос лично Богу, то получил еще более грубый ответ: «Где был ты, когда Я полагал основания земли?» Что в переводе на язык наших юных прихожан значит «Отвали, тупица».

В этот раз никто не засмеялся.

Он смотрел на нас, слабая улыбка блуждала в уголках его губ, а свет, пробивающийся в церковь сквозь витраж, рисовал на его левой щеке голубые и красные ромбы.

— В трудные времена религия призвана утешать нас. Господь наш жезл и наш посох, как утверждает

Великий Псалом, и он будет с нами, когда придет пора этой неизбежной прогулки через Долину смертной тени; он будет поддерживать нас. Другой псалом уверяет, что Господь — наше пристанище и наша сила, хотя те, кто погиб в той оклахомской церкви, могли бы с этим поспорить — если бы им было чем говорить. А отец с сыновьями, утонувшие в попытке спасти свою собаку — интересовались ли они у Бога, что происходит? В чем дело? И отвечал ли он им, пока вода заливала их легкие и смерть туманила их разум: «Скажу через пару минут, ребята»?

Давайте скажем прямо, что имел в виду апостол Павел, когда говорил о тусклом стекле. Он имел в виду, что мы должны все принять на веру. Если наша вера будет сильна, мы попадем на небеса, и как только там окажемся, то все сразу поймем. Словно вся наша жизнь — какая-то шутка, а небеса — место, где нам наконец объяснят, в чем ее вселенская соль.

Теперь в церкви были слышны слабые женские всхлипы, а мужских недовольных голосов стало еще больше. Но даже тогда никто не встал, не попросил преподобного Джейкобса остановиться и прекратить богохульство. Все были еще слишком ошеломлены.

— Когда я устал читать обо всех этих бессмысленных и зачастую ужасно болезненных смертях невинных людей, то обратился к изучению различных ветвей христианства. Елки-палки, друзья, я и не подозревал, что их так много! Целая Башня догматов! Католики, епископалы, методисты, баптисты — общие и частные, англикане, лютеране, пресвитериане, унитарии, свидетели Иеговы, адвентисты Седьмого дня, квакеры, шейкеры, православные, древне-православные, силомиты — не стоит их забывать — и еще полсотни других.

Здесь, в Харлоу, у нас у всех спаренные телефонные линии, и мне кажется, что религия — это самая большая спаренная линия из всех. Только представьте, какую нагрузку она испытывает по утрам в воскресенье! И знаете, что я нахожу удивительным? Каждое религиозное течение, проповедующее учение Христа, считает, что только у него есть по-настоящему *прямая* связь со Всемогущим. Черт возьми, я даже не говорю о мусульманах, иудеях, теософах, буддистах и тех, кто поклоняется самой Америке — так же горячо, как в течение восьми или двенадцати кошмарных лет немцы поклонялись Гитлеру.

И вот тогда люди стали уходить. Сначала — несколько человек с задних рядов, склонив головы и сгорбив плечи (будто их только что отшлепали), потом все больше и больше. Преподобный Джейкобс, казалось, этого даже не замечал.

— Некоторые из этих сект и конфессий миролюбивы, но большая часть — самые *успешные* из них — стоят на крови, костях и предсмертных криках тех, кто имел наглость не разделять их божественные идеи. Римляне скармливали христиан львам; христиане четвертовали тех, кого считали еретиками, колдунами или ведьмами; Гитлер принес в жертву ложному богу расовой чистоты миллионы евреев. Миллионы людей были сожжены, застрелены, повешены, изувечены, отравлены, убиты током и разорваны на куски собаками... и все во имя Бога.

Моя мама к этому времени уже рыдала в голос, но я на нее не смотрел. Просто не мог. Меня словно парализовало. От ужаса, конечно, — в конце концов, мне было всего девять. Во мне нарождалось почти ликующее ощущение того, что мне, наконец, сказали правду.

Все как есть, без прикрас. Отчасти я надеялся, что он замолчит, но в глубине души хотел продолжения, и мое второе желание сбылось.

— Христос учил нас подставлять другую щеку и любить своих врагов. На словах мы разделяем эти убеждения, но когда доходит до дела, большинство из нас стремится отплатить обидчику вдвойне. Христос выгнал торговцев из храма, но мы все прекрасно знаем, что эти мастера быстрой наживы недолго оставались за дверями. Если вы когда-нибудь с азартом играли в церковное бинго или слышали, как очередной радио-проповедник клянчит пожертвования, то понимаете, о чем я говорю. Исайя предрек, что наступит день, когда мы перекуем мечи на орала, но в эти смутные времена мы всего лишь перековали их на атомные бомбы и межконтинентальные баллистические ракеты.

Поднялся Реджи Келтон. Его лицо было таким же багровым, как лицо Энди — бледным.

— Садитесь, пожалуйста, преподобный. Вы не в себе.

Преподобный Джейкобс не сел.

— И что нам воздалось по нашей вере? За все те столетия, что мы жертвуем той или иной церкви свои кровь и богатства? Уверения в том, что в конце концов мы попадем на небеса, где нам объяснят, в чем же была соль, и мы скажем: «Ну конечно же! Вот *теперь* я все понимаю». Отличная награда. Это вбивается в наши головы с младенчества: небеса, небеса, небеса! Там мы встретим наших погибших детей, там наши матери снова примут нас в свои объятия! Это пряник. Кнут, которым нас хлещут — это ад. Ад! Ад! Преисподняя вечных мук и проклятий. Мы угрожаем нашим детям — даже таким маленьким, как мой дорогой мертвый

мальчик — вечным пламенем, если они украдут конфету или солгут насчет промокших ног.

Нет никаких доказательств того, что эти потусторонние места существуют, никакого научного обоснования, только пустые обещания вместе с нашим отчаянным желанием верить, что во всем этом *действительно есть смысл*. Но когда я стоял в задней комнате похоронного дома Пибоди и смотрел на изуродованные останки моего сына, который гораздо больше хотел попасть в Диснейленд, чем на небеса, мне было откровение. Религия — это духовный эквивалент страховой конторы, куда вы год за годом перечисляете свои взносы, а когда приходит черед получать возмещение, которое вы с таким — простите за каламбур — религиозным рвением оплачивали, выясняется, что конторы, что взяла ваши деньги, на самом деле не существует.

Тут в стремительно пустеющем зале встал Рой Истербрук. Это был здоровенный небритый детина, живший в ржавом трейлерном парке на восточной окраине города, неподалеку от границы с Фрипортом. Он, как правило, посещал церковь только в Рождество, но сегодня сделал исключение.

— Преподобный, — сказал он. — Я слышал, что в бардачке вашей машины нашли бутылку хмельного. А Мерт Пибоди сказал, что когда склонился над телом вашей жены, от нее несло выпивкой. Вот вам и причина. Вот ваш смысл. У вас не хватает духу принять Божью волю? Отлично. Но оставьте в покое остальных.

После этого Истербрук развернулся и потопапал к выходу.

От этих слов Джейкобс замер. Он стоял, вцепившись в кафедру, глаза на его бледном лице яростно

сверкали, губы были сжаты так плотно, что их почти не было видно.

Поднялся мой отец.

— Чарльз, спускайтесь.

Преподобный Джейкобс тряхнул головой, словно хотел ее очистить.

— Да, — сказал он. — Вы правы, Дик. Все равно, что бы я ни сказал — ничего не изменится.

Но кое-что изменилось. Во всяком случае, для одного мальчика — изменилось.

Он сделал шаг назад, потом огляделся, точно забыл, где находится, затем снова шагнул вперед, хотя к этому моменту в церкви не осталось никого, к кому он мог обратиться, кроме нашей семьи, дьяконов и Бабули, которая так и осталась сидеть с вытаращенными глазами.

— И еще кое-что. Мы прах и в прах возвратимся. Может, там что-то и есть — но я уверен, что Бога, как его понимает любая из существующих церквей, там точно нет. Послушайте лепет соперничающих конфессий и тоже это поймете. Они нейтрализуют друг друга и в сумме дают ноль. Если вам нужна правда, сила, которая действительно сильнее вас самих — взгляните на молнию. Миллиарды вольт в каждом разряде, сила тока в сотню тысяч ампер и температура в *пятьдесят тысяч градусов по Фаренгейту*. Вот тут точно есть высшая сила, гарантирую. Но здесь? В этом здании? Нет. Верьте во что хотите, но вот что я вам скажу: за тусклым стеклом апостола Павла нет ничего, кроме лжи.

Он оставил кафедру и вышел в боковую дверь. Семья Мортонів сидела в тишине, которая, должно быть, наступает для людей, переживших взрыв бомбы.

Придя домой, мама ушла в большую дальнюю спальню, попросила ее не трогать и закрыла за собой дверь. Она оставалась там до конца дня. Клер приготовила ужин, и мы поели в почти полном молчании. Энди начал было цитировать какой-то отрывок из Писания, полностью опровергавший слова преподобного, но папа велел ему заткнуться. Энди взглянул на папины руки, засунутые глубоко в карманы, и заткнулся.

После ужина папа ушел в гараж, где в то время возился с «Дорожной ракетой-2». На этот раз Терри — обычно его верный помощник, можно сказать, его мальчик-алтарник, — не присоединился к нему, так что это сделал я... хотя и не без колебаний.

— Пап, можно спросить?

Он лежал на салазках под «Ракетой», держа в одной руке зарешеченный фонарь. Наружу торчали только ноги в брюках защитного цвета.

— Ну попробуй, Джейми. Если только не про эту утреннюю чертовщину. Потому что если речь об этом, то тебе тоже лучше заткнуться. Сегодня я не собираюсь это обсуждать. Хватит и того, что завтра нам придется писать в Союз методистов Новой Англии с просьбой, чтобы его уволили, а им, в свою очередь, придется обращаться к епископу Мэтьюзу в Бостоне. Херова вышла история, и если ты когда-нибудь скажешь маме, что я употребил при тебе это слово, она меня отлупит, как мачеха рыжего пасынка.

Я не знал, относился ли мой вопрос к Ужасной проповеди, но был уверен в одном: я должен его задать.

— То, что сказал мистер Истербрук, — это правда? Она была пьяная?

Фонарь под машиной перестал двигаться. Отец выехал из-под нее на салазках, чтобы взглянуть на меня. Я

боялся, что он разозлится, но вид у него был не злой. Просто несчастный.

— Были такие разговоры, а теперь, когда этот болван Истербрук брякнул это при всех, сплетня разойдется еще быстрее. Но вот что я тебе скажу, Джейми: это неважно! У Джорджа Бартона случился эпилептический припадок, он выехал на встречу, а она вывернула из-за «слепого» поворота. И все — капец котенку. Неважно, была ли она трезвая или валялась под приборной доской. Сам Марио Андретти не избежал бы этого столкновения. Преподобный был прав в одном: люди всегда хотят понять, отчего случается что-то плохое. Иногда причины просто нет.

Он поднял руку, свободную от фонаря, и наставил на меня испачканный в смазке палец.

— А все прочее — бред убитого горем человека, и никогда об этом не забывай.

В среду перед Днем благодарения у нас в школе был короткий день, но я пообещал миссис Морэн остаться после уроков, чтобы вытереть доски и привести в порядок нашу потрепанную библиотечку. Когда я предупредил маму, та лишь рассеянно отмахнулась и сказала мне быть дома к ужину. Она как раз засовывала в духовку индюшку, но я знал, что это не нам: на семерых такой не хватило бы.

Как оказалось, Кэти Палмер (большей подлизы вы в жизни не найдете) тоже осталась помочь, поэтому управились мы за полчаса. Я хотел было пойти в гости к Элу или Билли — поиграть в войнушку или еще чего, но я знал, что им захочется поговорить об Ужасной проповеди и о том, как в стельку пьяная миссис Джейкобс угробила и себя, и Морри (слух, который

уже успел превратиться в непреложную истину). Поскольку мне этого не хотелось, я пошел домой. Стоял не по сезону жаркий день, окна у нас были открыты, вот я и услышал, как моя сестра ругается с мамой.

— Почему я не могу пойти? — спросила Клер. — Пусть знает, что хоть кто-то в этом дурацком городишке по-прежнему на его стороне.

— Потому что мы с папой думаем, что вам, детям, стоит держаться от него подальше, — ответила мама. Они были на кухне, а я к тому времени уже притаился у открытого окна.

— Я не ребенок, мам, мне уже семнадцать!

— Извини, но в семнадцать ты все еще ребенок. И если к нему пойдет молодая девушка, то на нее будут смотреть косо. Ты уж поверь.

— А тебе, значит, можно? Ты ведь знаешь, что Бабуля тебя увидит, а через двадцать минут разболтает по телефону на всю округу! Если идешь сама, то возьми и меня с собой!

— Я сказала, нет, и точка.

— Он вернул Кону голос! — не отступала Клер. — Как ты можешь быть такой черствой?

— Поэтому я и иду к нему. Не для того, чтобы у него завтра было чем поужинать, а чтобы выразить ему нашу благодарность, несмотря на все его жуткие слова.

— Ты ведь знаешь, почему он так говорил! Он потерял жену и сына, и был в полном смятении! Наполовину не в себе!

— Знаю. — Мама заговорила тише, и мне приходилось напрягать слух, потому что Клер расплакалась.

— Но люди от этого испугались не меньше. Он зашел слишком далеко. Слишком. На следующей неделе он уезжает — оно и к лучшему. Когда знаешь, что тебя

вот-вот уволят, увольняйся сам. Так хотя бы можно сохранить толику самоуважения.

— И уволят его, конечно же, дьяконы, — прошептала Клер. — То есть папа.

— У отца нет выбора. Повзрослеешь — поймешь и посочувствуешь. У Дика сердце кровью обливается.

— Что ж, иди, — сказала Клер. — Посмотришь, смогут ли пара кусочков индюшатины с картошкой скрасить то, как к с ним обошлись. Да он, наверное, и есть их не станет.

— Клер... Клер-Эклер...

— Не называй меня так! — крикнула Клер, и я услышал, как она побежала к лестнице наверх. Некоторое время она, конечно, подуется и поплачет у себя в комнате, но потом оклемается: такое уже было пару лет назад, когда мама сказала Клер, что в пятнадцать лет слишком рано разъезжать по кинотеатрам с Донни Кантвеллом.

Я решил побыстрее смыться на задний двор, пока мама не вышла со своим угощением. Уселся на качели из крыши, не то чтобы прячась, но и не совсем на виду. Через десять минут я услышал, как закрылась входная дверь. Притаившись за углом дома, я наблюдал, как мама спускается к дороге с накрытым фольгой подносом в руках. Фольга блестела на солнце. Я вошел в дом и поднялся на второй этаж. Постучался к сестре в комнату, на двери которой красовался большой плакат с Бобом Диланом.

— Клер?

— Уходи! — крикнула она. — Не хочу с тобой разговаривать!

Ее проигрыватель орал во всю глотку песни «Новобранцев».

Мама вернулась примерно через час, — довольно долгой получилась передача угощения, — и хотя к тому времени мы с Терри сидели в гостиной перед телевизором и боролись за лучшее место на диване (посередине, где пружины не впивались нам в задницу), она едва нас заметила. Наверху Кон играл на гитаре, подаренной ему на день рождения. И пел.

В первое воскресенье после Дня благодарения проповедь нам снова читал Дэвид Томас из конгрегационалистской церкви Гейтс-Фоллз. Народу опять было полно. Может, всем было интересно, не появится ли преподобный Джейкобс и не наговорит ли еще каких-нибудь ужасов. Но он не явился. А если бы попробовал — не успел бы взять разгон как следует, как ему бы заткнули рот, а может, даже вынесли из церкви. Янки серьезно относятся к религии.

На следующий день, в понедельник, путь в четверть мили от школы до дома я проделал бегом, а не пешком. У меня была идея, и я хотел попасть домой раньше школьного автобуса. Дождавшись его, я схватил Кона за руку и затащил на задний двор.

— Какая муха тебя укусила? — спросил он.

— Ты должен пойти со мной в пасторский домик, — сказал я. — Преподобный Джейкобс скоро уедет, может, даже завтра. Мы должны повидаться с ним до отъезда. И сказать, что мы все равно его любим.

Кон вырвался и вытер руку о свою футболку «Лиги плюща», как будто боялся, что я напущу на него вшей.

— Ты рехнулся? Не пойду я к нему. Он сказал, что Бога нет.

— А еще он полечил твоё горло электричеством и вернул тебе голос.

Кон неловко пожал плечами.

— Он бы и так вернулся. Так сказал доктор Рено.

— Он сказал, что голос вернется через неделю-две. Это было в феврале. А в апреле ты так и ходил немым. Через два месяца!

— И что? Ну все прошло не так скоро, только и всего.

Я не мог поверить своим ушам.

— Ты что, боишься?

— Попробуй повтори — будешь на земле валяться.

— Не можешь даже спасибо ему сказать?

Он смотрел на меня, весь красный, с поджатыми губами.

— Нам к нему нельзя, мама с папой запретили. Он псих, и небось еще и пьяница, как его жена.

Я не мог вымолвить ни слова. Глаза мои наполнились слезами — не от печали, а от ярости.

— И вообще, — сказал Кон, — надо наносить дров до того, как вернется папа, а то он мне задаст. Так что лучше заткнись, Джейми.

Он развернулся и ушел. Мой брат, который стал потом одним из самых известных в мире астрономов, — в 2011-м он открыл четвертый так называемый двойник Земли, планету, где возможна жизнь, — развернулся и ушел. И больше никогда не произносил имени Чарльза Джейкобса.

На следующий день, во вторник после уроков, я снова бежал по Девятому шоссе. Но не домой.

У домика пастора стояла новая машина. Ну, не новая: это был «Форд-Ферлэйн» пятьдесят восьмого года со ржавыми порожками и трещиной в боковом стекле. В открытом багажнике я увидел два чемодана и гро-

моздкий электрический прибор, который преподобный Джейкобс показывал нам как-то раз в БЮМе — осциллоскоп. Сам пастор был в своем сарае-мастерской. Я слышал, как там что-то грохочет

Я стоял у новой-старой машины, думая о «Бельведере», превратившемся в обгорелый остов, и боролся с искушением развернуться и броситься домой. Интересно, насколько иной оказалась бы моя жизнь, если бы я так и сделал. Писал бы я сейчас эти строки? Кто ж его знает. Апостол Павел был прав насчет мутного стекла. Мы смотрим в него всю жизнь, не видя ничего, кроме собственного отражения.

Вместо того чтобы убежать, я собрал всю свою храбрость и вошел в сарай. Джейкобс складывал электронное оборудование в деревянный ящик, прослаивая его смятой упаковочной бумагой. Он не сразу меня заметил. На нем были джинсы и простая белая рубашка. Воротничок с прорезью исчез. Дети не очень-то замечают перемены, происходящие со взрослыми, но даже я в свои девять лет видел, что он похудел. Джейкобс стоял в луче солнечного света из дверей. Услышав мои шаги, он поднял голову. На его лице виднелись морщины, которых не было раньше, но при виде меня он улыбнулся, и они разгладились. Улыбка была такая печальная, что мне словно стрела вонзилась в сердце.

Не задумываясь, я подбежал к нему. Он подхватил в меня в объятия и поцеловал в щеку.

— Джейми! — воскликнул он. — Ты есть Альфа и Омега!

— А?

— Книга Откровений, глава первая, стих восьмой. «Аз есмь Альфа и Омега, начало и конец». Ты был первым из детей, кого я увидел по приезде в Харлоу,

и ты же — последний. Я очень, очень рад, что ты пришел.

У меня потекли слезы. Я не хотел плакать, но не мог удержаться.

— Мне ужасно жаль, преподобный Джейкобс. Ужасно жаль, что все так вышло. Вы правильно говорили в церкви, это несправедливо.

Он поцеловал меня во вторую щеку и поставил на землю.

— Кажется, я выразился несколько иначе, но суть ты уловил. Только не надо принимать всерьез то, что я наговорил; я был не в себе. Твоя мама это знает. Она так и сказала, когда принесла угощение на День благодарения. И пожелала мне всего наилучшего.

От этих слов мне стало чуть-чуть полегче.

— А еще она дала хороший совет: уехать подальше из Харлоу и начать все сначала. Сказала, что, может быть, на новом месте я смогу заново обрести веру. В этом я сильно сомневаюсь, но она права насчет того, что мне надо уехать.

— Я вас больше никогда не увижу.

— Никогда так не говори, Джейми. В этом мире пути людей постоянно пересекаются, иногда — в самых неожиданных местах.

Он вытащил платок из заднего кармана и вытер мне слезы.

— В любом случае, я тебя не забуду. И надеюсь, что ты тоже время от времени будешь меня вспоминать.

— Буду.

И, вспомнив, я добавил:

— Стопудняк!

Он вернулся к своему печально опустевшему верстаку и запаковал последнее, что там оставалось, — пару

больших квадратных батарей, которые он называл «сухими элементами». Закрыв крышку ящика, он принялся обвязывать его двумя кусками толстой веревки.

— Конни хотел тоже прийти и сказать вам спасибо, но у него сегодня... кажется, хоккейная тренировка. Или что-то такое.

— Ничего страшного. Да и сомневаюсь, что я ему чем-то помог.

Я был потрясен.

— Вы вернули ему голос, Господи Боже! Вылечили его своим прибором!

— Да-да. Мой прибор.

Он завязал вторую веревку и туго стянул узел. Под засученными рукавами перекачивались впечатляющие мышцы. Раньше я их не замечал.

— Электрический нейростимулятор.

— Вы должны его продать, преподобный Джейкобс! Заработаете кучу денег.

Он оперся локтем на ящик, положил голову на ладонь и посмотрел на меня.

— Ты так считаешь?

— Да!

— Я в этом сильно сомневаюсь. И сомневаюсь, что мой ЭНС имеет какое-то отношение к исцелению твоего брата. Видишь ли, я его смастерил в тот же день.

— Он засмеялся. — И приделал к нему маленький японский моторчик из Робота Роско, игрушки Морри.

— Правда?

— Правда. Идея-то верная, я это чувствую, но такие модели, собранные на коленке, без экспериментов, проверяющих промежуточные этапы, очень редко работают как надо. Но я считал, что у меня есть шанс,

потому что ни минуты не сомневался в диагнозе доктора Рено. Растяжение нерва, не более того.

— Но...

Он подхватил ящик. Мышцы на его руках вздулись, выступили вены.

— Пойдем со мной, малыш.

Я пошел к машине вслед за ним. Он поставил ящик возле заднего крыла, заглянул в багажник и сказал, что придется переставить чемоданы на заднее сиденье

— Возьмешь маленький, Джейми? Он не тяжелый. Когда едешь далеко, лучше путешествовать налегке.

— А куда вы поедете?

— Понятия не имею. Наверно, почувствую, когда доберусь до места. Если, конечно, эта колымага не сломается. Она жрет столько бензина, что может осушить весь Техас.

Он переставил чемоданы внутрь «Форда». Потом, крикнув от натуги, забросил ящик в багажник, захлопнул крышку и прислонился к ней, внимательно глядя на меня.

— У тебя прекрасная семья, Джейми, и прекрасные родители, которые в самом деле внимательны к своим детям. Если бы я попросил их описать вас, они бы наверняка сказали, что Клер — заботливая, Энди любит покомандовать...

— Вот это уж точно.

Он усмехнулся.

— В каждой семье такой есть. Они сказали бы, что Терри любит мастерить, а ты — мечтать. Как бы они описали Кона?

— Он любит учиться. Или петь народные песни — с тех пор, как у него есть гитара.

— Может быть, но вряд ли это пришло бы им в голову в первую очередь. Ты обращал внимание на ногти Кона?

Я засмеялся.

— Он грызет их как подорванный! Один раз папа обещал ему бакс, если он продержится неделю, но Кон не смог.

— Кон — нервный, Джейми. Вот что сказали бы твои родители, если были бы полностью откровенны. Тот из детей, который к сорока годам наживет язву. Когда его ударили лыжной палкой по горлу так, что пропал голос, он начал волноваться, что онемееет навсегда. Голос не возвращался, и Кон решил, что так теперь и будет.

— Доктор Рено сказал...

— Рено — хороший врач. Внимательный. Он мигом приехал к нам, когда Морри подхватил корь, и потом, когда у Пэтси была... женская проблема. И оба раза вел себя как настоящий профи. Но у него нет той уверенности в себе, которую излучают лучшие терапевты, когда говорят: «Это пустяки, вы мигом выздоровеете».

— Но он как раз так и сказал!

— Да только Конрад ему не поверил, потому что Рено не умеет убеждать. Он умеет лечить тело, но мозг? Не очень. А исцеление наполовину происходит в мозгу. Или даже больше, чем наполовину. Кон подумал: «Он мне лжет, чтобы я привык жить без голоса. А потом скажет всю правду». Так уж твой брат устроен, Джейми. Он живет на нервах, а у таких людей случается, что их разум обращается против них.

— Он сказал, что не пойдет со мной к вам, — сказал я. — Я соврал.

— Вот как?

Непохоже было, чтобы Джейкобс удивился.

— Да. Я его попросил, но он боится.

— Никогда не сердись на него за это, — сказал Джейкобс. — Боязливые люди живут в своем личном аду. Можно сказать, что они сами его создают, — вот как Кон сам вызвал свою немоту, — но это не их вина. Так уж они устроены. И заслуживают нашего сочувствия и сострадания.

Он обернулся к пасторскому домику, который уже выглядел покинутым, и вздохнул. Потом снова повернулся ко мне.

— Может быть, ЭНС и в самом деле ему помог — у меня есть все основания считать, что теория, на которой он основан, верная. Но я в этом сомневаюсь. Джейми, скорее всего я обманул твоего брата. Заморочил ему голову. Этому учат в богословской школе, только там это называется «подпитать веру». У меня всегда хорошо получалось, и я и стыдился этого, и радовался. Я сказал твоему брату, чтобы он ожидал чуда, и включил свой, можно сказать, игрушечный электрошокер. Как только Кон задергался и заморгал, я понял, что все получится.

— Это же потрясающе! — сказал я.

— Да. И в то же время низко.

— А?

— Неважно. Главное, никогда ему об этом не рассказывай. Вряд ли он снова потеряет голос, но это не исключено.

Он взглянул на часы.

— Знаешь что? Наверное, мне пора сворачивать разговор, или я сегодня не успею доехать до Портсмута. А тебе надо домой. И твой сегодняшний визит тоже останется между нами, хорошо?

— Да.

— Ты ведь не мимо Бабули сюда шел?

Я закатил глаза, словно не веря его глупости, и Джейкобс снова засмеялся. Приятно было, что я могу его рассмешить, несмотря на все, что случилось.

— Я прошел напрямик через поле Марстеллара.

— Умница.

Я не хотел уходить, и еще меньше хотел, чтобы он уехал.

— Можно еще что-то спросить?

— Можно, только быстро.

— Когда вы читали свою... — Я не хотел произносить слово «проповедь»; казалось, в нем таилась какая-то опасность. — Когда вы говорили в церкви, то сказали, что температура молнии пятьдесят тысяч градусов. Это правда?

Его лицо осветилось, как бывало только при упоминании электричества. Его конек, как сказала бы Клер. А отец скорее всего назвал бы это одержимостью.

— Чистая правда! Молния — самая мощная сила в природе, кроме разве что землетрясений и приливов. Мощнее, чем торнадо, намного мощнее ураганов. Ты когда-нибудь видел, как молния ударяет в землю?

Я покачал головой.

— Только в небе.

— Прекрасное зрелище. Прекрасное и пугающее.

Он поднял глаза, словно надеясь на молнию, но небо в тот день было чистое, только маленькие облачка проплывали на юго-запад.

— Если когда-нибудь захочешь увидеть это вблизи... Ты ведь знаешь Лонгмедоу?

А как же. На полпути к Козьей горе находился общественный парк. Это и был Лонгмедоу. Оттуда

открывался прекрасный вид на восток. В ясный день можно было даже разглядеть Пустыню штата Мэн во Фрипорте, а иногда — и Атлантический океан позади нее. БЮМ в августе устраивал там ежегодный пикник.

Он сказал:

— Если проехать дальше за Лонгмедоу, то увидишь ворота клуба «Козья гора»...

— ...куда пускают только членов клуба и гостей.

— Верно. Классовая система во всей своей красе. Но перед самыми воротами влево отходит гравийная дорога. По ней может ездить кто угодно, потому что она принадлежит штату. Через три мили она заканчивается обзорной площадкой под названием Скайтоп. Я никогда вас туда не возил, потому что это опасное место — просто гранитный склон, заканчивающийся пропастью глубиной в две тысячи футов. Ограждения там нет, только табличка, предупреждающая, чтобы не подходили к краю. А на вершине стоит железный столб высотой двадцать футов. Он уходит глубоко в гранит. Понятия не имею, кто и зачем его там поставил, но это было очень давно. Столб должен был бы проржаветь насквозь, но он не ржавый. Знаешь, почему?

Я покачал головой.

— Потому что в него столько раз ударяла молния. Скайтоп — необычное место. Оно притягивает молнии, а этот железный шест — их средоточие.

Он мечтательно смотрел в сторону Козьей горы. Она, конечно, была невысокой по сравнению со Скалистыми горами (или даже с Белыми в Нью-Гэмпшире), но на фоне холмов западного Мэна выглядела внушительно.

— Там гром звучит громче, Джейми, а тучи ближе. Когда видишь, как они надвигаются, то чувствуешь

себя совсем маленьким. А когда человека одолевают тревоги... или сомнения, то быть маленьким не так уж плохо. Ты заранее ощущаешь, что вот-вот ударит молния, потому что воздух становится неподвижным. Ощущение... не знаю, как сказать... горения без огня. Волосы встают дыбом, в груди тесно. Кожа словно бы трепещет. Ты ждешь, и когда ударяет гром, он не гремит. Он трещит, как обледеневшая ветка, когда она наконец ломается, только в сотню раз громче. Наступает тишина... и потом щелчок, похожий на звук, который издает старомодный выключатель. Ты слышишь громовой раскат, и тут является молния. Приходится щурить глаза, чтобы не ослепнуть, иначе ты не увидишь, как железный шест становится из черного бело-фиолетовым, а потом красным, как подкова в кузничном горне.

— Ух ты, — сказал я.

Он моргнул и очнулся. Пнул колесо своей новой-старой машины и сказал:

— Прости, малыш. Иногда меня заносит.

— Здорово там, наверно.

— О, там не просто здорово. Когда вырастешь, съезди туда и убедись сам. Только поосторожнее возле шеста. Из-за молний там все покрыто отколовшимся щебнем, и если он начнет оползать, можно и не суметь затормозить. А теперь, Джейми, мне правда пора.

— Как жалко, что вам надо уезжать.

Мне снова хотелось плакать, но я сдержался.

— Я ценю твои слова и тронут ими, но знаешь, как говорят: если бы да кабы, да во рту росли грибы...

— Он раскинул руки. — Иди сюда, обнимемся еще разок.

Я стиснул его изо всех сил, глубоко дыша, стараясь вобрать в себя запах его мыла и тоника для волос — «Виталиса», как у моего папы. И как у Энди.

— Ты был моим любимцем, — сказал он мне на ухо. — Это, наверное, тоже лучше держать в секрете.

Я просто кивнул. Не стоило говорить ему, что Клер и так это знает.

— Я кое-что оставил для тебя в подвале дома, — сказал он. — Если захочешь, можешь забрать. Ключ под ковриком.

Он поставил меня на ноги, поцеловал в лоб и открыл дверцу машины.

— Так себе машинёшка, приятель, — сказал он, подражая выговору янки, и я улыбнулся, несмотря ни на что. — Но надеюсь, что она не развалится по дороге.

— Я люблю вас, — сказал я.

— И я тебя люблю, — сказал он. — Только больше не плачь, Джейми. Сердце мое и так разбито, и больше я просто не выдержу.

Я не заплакал при нем. Стоял и смотрел, как машина едет к дороге; смотрел, пока он не скрылся из виду. Потом я пошел домой. У нас на заднем дворе тогда еще была колонка, и я умылся ледяной водой, прежде чем войти в дом. Не хотелось, чтобы мама заметила, что я плакал, и начала задавать вопросы.

Навести порядок в пасторском домике должны были дамы-попечительницы — провести генеральную уборку, уничтожить следы пребывания несчастной семьи Джейкобсов и подготовить комнаты к приезду нового священника, — но отец сказал, что нужды торопиться нет. Жернова Новоанглийской методистской епархии

крутятся медленно, и нам повезет, если новый священник появится к следующему лету.

«Пусть пока все останется как есть», — предложил отец, и попечительницы с радостью его послушались. За метлы, щетки и пылесосы они взялись только после Рождества (проповедь мирянина в тот год читал Энди, и родителей просто распирало от гордости). До той поры пасторский домик пустовал, и некоторые мои одноклассники стали говорить, будто там водятся привидения.

Один раз, впрочем, там побывал посетитель: я. Это было в субботу после полудня, и мне опять пришлось срезать путь через кукурузное поле Дорранса Марстеллара, чтобы избежать всевидящего ока Бабули Харрингтон. Я открыл дверь ключом, который лежал под ковриком, и вошел внутрь. Было страшно. Байки о привидениях в доме казались мне смешными, но стоило здесь оказаться, как мысли о разлагающихся Пэтси и Морри-Я-с-вами, рука об руку стоящих у меня за спиной, стали казаться вполне правдоподобными.

«Не глупи, — сказал я себе. — Они ушли в иной мир или в черную пустоту, про которую говорил преподобный Джейкобс. Так что перестань трусить. Перестань трястись как мышонок».

Но я не мог перестать — как не мог быунять желудочные колики после того, как переборщил с хот-догами в субботу вечером. Впрочем, я и не убежал. Мне хотелось увидеть, что он мне оставил. Мне нужно было это увидеть. Поэтому я прошел через дверь, на которой все еще висел плакат с Иисусом, держащим за руки двух ребятишек (они были похожи на Дика и Джейн из моего букваря), и табличка с надписью «Пустите детей приходить ко Мне».

Я включил свет, спустился по ступенькам, и увидел складные стулья, приставленные к стене, и пианино с закрытой крышкой, и Игрушечный уголок, где стоял маленький столик — теперь пустой, без домино, раскрасок и мелков. Но Мирное озеро все так же стояло на своем месте, как и маленькая деревянная коробка с электрическим Иисусом внутри. Вот что он оставил, и это меня жутко разочаровало. Тем не менее я открыл коробку и вытащил из нее электрического Иисуса. Я поставил его на краешек озера, где, как мне хорошо было известно, начиналась колея, и принялся нащупывать переключатель под его одеянием. А потом испытал прилив такой ярости, какой еще никогда не испытывал — такой же внезапный, как те удары молнии на площадке Скайтоп, про которые рассказывал преподобный Джейкобс. Я размахнулся и швырнул Иисуса в стену напротив.

— Ты не настоящий! — крикнул я. — Ты не настоящий! Все это глупые фокусы! Будь ты проклят, Иисус! Будь ты проклят, понял? Проклят, проклят, проклят!

И я побежал вверх по лестнице — рыдая так, что едва мог что-то видеть.

Другого священника у нас так и не появилось. Некоторые местные служители пытались взять на себя эту ношу, но посещаемость со временем упала практически до нуля, так что к году моего выпуска из средней школы церковь оказалась закрытой и запертой на замок. Меня это мало волновало. Моя вера иссякла. Понятия не имею, что стало с Мирным озером и электрическим Иисусом. В следующий раз, когда я спустился в комнату Братства юных методистов, — а случилось это много лет спустя, — она была пуста. Пуста как небеса.

IV

Две гитары. «Хромовые розы». Молния на Скайтопе.

Оглядываясь назад, мы воображаем, что наша жизнь образует некую последовательность; каждое событие кажется логичным, будто что-то — или Кто-то — предопределяет все наши деяния (и злодеяния). Взять хоть отставника-сквернослова, который нечаянно предопределил для меня занятие на ближайшие двадцать пять лет. Что это, судьба или случайность? Не знаю. Откуда мне знать? Меня даже не было рядом в тот вечер, когда Гектор-Парикмахер разыскал свою старую гитару «Сильверстоун». Когда-то я сказал бы, что мы выбираем свой путь случайным образом: происходит что-то одно, затем другое, в результате — третье... Теперь я знаю, что это не так.

За всем стоят силы.

В 1963 году, еще до того, как на сцену вырвались «Битлз», Америку охватило недолговечное, но бурное увлечение фолкlorной музыкой. На его волне появилась телепередача «Напевы», где выступали белые

исполнители негритянских песен, такие как трио Чада Митчелла и «Новые менестрели». (Белых исполнителей — «коммуняк», вроде Пита Сигера и Джоан Баэз, на шоу не приглашали). У моего брата Конрада был лучший друг Ронни, старший брат Билли Пакетта, и они каждую субботу смотрели «Напевы» у Пакеттов дома.

В то время дедушка Ронни и Билли жил с ними. Его называли Гектор-Парикмахер, поскольку он отдал этому ремеслу почти пятьдесят лет, хотя представить его в этой роли было нелегко. Парикмахеры, как и бармены, по идее должны быть обаятельными говорунами, а Гектор-Парикмахер нечасто открывал рот. Он сидел себе в гостиной, подливал в кофе виски и покуривал сигарки «Типарильо», чьим запахом пропитался весь дом. А когда все же что-то произносил, то щедро пересыпал свои речи ругательствами.

Но «Напевы» он любил и всегда смотрел их вместе с Коном и Ронни. Как-то вечером, когда очередной белый паренек пропел очередную песню о том, как его покинула его малышка и как он страдает, Гектор-Парикмахер фыркнул:

- Говно это, ребятки, а не блюз.
- В смысле, дедушка? — поинтересовался Ронни.
- Блюз — крутая музыка. А этот поет, будто напрудил в постельку и боится, что мама узнает.

Мальчики засмеялись — отчасти потому, что это правда было смешно, отчасти от удивления, что Гектор вдруг выступил как музыкальный критик.

— Погодите, — сказал он и начал с трудом подниматься по лестнице, цепляясь за перила узловатой рукой. Гектор отсутствовал так долго, что мальчики почти забыли о нем, когда он наконец спустился с по-

трепанной гитарой «Сильверстоун», которую держал за гриф. Ее изношенный корпус скрепляла размахрившаяся веревка. Колки были перекошены. Гектор уселся, кряхтя и пердя, и водрузил гитару на костлявые колени.

— Выключите это говно, — велел он.

Ронни послушался; передача все равно уже кончалась.

— Я не знал, что ты играешь, дедушка, — сказал он.

— Сто лет не играл, — ответил тот. — Забросил, когда артрит начал меня изводить. Не знаю, смогу ли я настроить эту хрень.

— Папа, не выражайся, — крикнула из кухни миссис Пакетт.

Гектор-Парикмахер не обратил на нее ни малейшего внимания; он вообще замечал ее, только когда хотел, чтобы она передала блюдо с пюре. Он медленно настроил гитару, ругаясь себе под нос, и наконец сыграл аккорд, действительно похожий на музыку.

— Заметно было, что гитара все равно расстроена, — сказал Кон, когда поведал мне эту историю, — но играл он круто.

— Ух ты! — сказал Ронни. — Это что за аккорд, дедушка?

— Е. Все это говно начинается с ми-мажор. Погодите, вы еще ничего не слышали. Попробую вспомнить, как играть на этой блядище.

Из кухни:

— Папа, не выражайся!

Гектор снова проигнорировал призыв, перебирая струны старой гитары и используя толстый, пожелтевший от никотина ноготь вместо медиатора. Сначала он играл медленно, бормоча себе под нос запрещенные

слова, но постепенно раскачался и набрал темп, так что мальчишки уставились друг на друга в изумлении. Его пальцы скользили по грифу, сперва неловко, потом, когда в мозгу ожили старые нейронные связи, — более плавно: от си-бемоль к ля-мажор и соль мажор и обратно к ми-мажор. Эту последовательность я сыграл сотни тысяч раз, хотя в 1963 году не отличил бы ми-мажор от тренажера.

Высоким, ноющим голосом, не похожим на тот, которым он обычно говорил (когда вообще говорил), дедушка Ронни пел: «Приляг, красотка, дай взглянуть папаше... Что-то не по нраву мне затеи ваши...»

Миссис Пакетт вышла из кухни, вытирая руки посудным полотенцем, с таким видом, будто увидела посреди Девятого шоссе какую-то экзотическую птицу типа страуса эму. Билли и маленькая Ронда Пакетт, которой тогда было не больше пяти, спустились до середины лестницы, перегнулись через перила и уставились на старика во все глаза.

— Этот ритм, — сказал мне потом Кон. — Совсем он не был похож на то, что играют в «Напевах».

Гектор-Парикмахер притопывал ногой в такт и ухмылялся. Кон сказал, что сроду не видел, чтобы старик улыбался, и ему стало даже страшновато, будто тот превратился в какого-то поющего вампира.

«Мамаша не велит мне всю ночь гулять... боится, что девица меня станет... — Он тянул ноту. — Ста-а-анет обижать!».

— Жми, дед! — завопил Ронни, смеясь и хлопая в ладоши.

Гектор перешел ко второму куплету, где валет бубен сказал даме пик, чтобы она строила свои козни, но тут лопнула струна: дзынннь.

— Ах тыблядь такая, — сказал он, и на этом закончился импровизированный концерт Гектора-Парикмахера. Миссис Пакетт вырвала у него гитару (причем оборванная струна едва не выхлестнула ей глаз) и велела ему идти посидеть на крыльце, коли он решил так выражаться.

Гектор-Парикмахер не пошел на крыльцо, но впал в привычное молчание. Больше мальчишки ни разу не слышали, чтобы он пел и играл. Дед умер следующим летом, и Чарльз Джейкобс, который все еще оставался на своем месте в 1964 году — году «Битлз», отслужил на его похоронах.

На следующий день после исполнения этой сокращенной версии песни «Мамаша не велит» Артура Крудапа по прозвищу «Бигбой» Ронни Пакетт нашел гитару в одной из бочек на заднем дворе, куда ее забросила его разъяренная мать. Ронни принес гитару в школу, где миссис Калхун, учительница английского и по совместительству преподаватель музыки, показала ему, как поменять струну и настроить инструмент по первым трем нотам «Чижики-пыжика». Еще она дала Ронни экземпляр фолк-журнала «Запевай!», где можно было найти аккорды и тексты песен вроде «Барбары Аллен».

После этого несколько лет подряд (за исключением кратковременной паузы, когда Лыжная Палка Судьбы заставила Конни замолчать) двое мальчишек разучивали одну народную песню за другой, передавая гитару из рук в руки и осваивая те же базовые аккорды, которые, без сомнения, выводил Ледбелли во время своей долгой каторги. Оба играли скверно, но у Конни был неплохой голос — хотя несколько сладковатый для

его любимых блюзов, — и их дуэт даже несколько раз выступал на публике под названием «Кон и Рон» (чтобы определить, чье имя окажется на первом месте, они бросили монетку).

В конце концов Кон обзавелся собственной гитарой, акустическим «Гибсоном» с отделкой вишневым деревом. Она была в разы лучше старого «Сильверстоуна» Гектора-Парикмахера, и именно на ней они играли вещи вроде «Седьмого сына» или «Сахарной страны» в «Эврике» на вечернем шоу талантов. Наши родители очень гордились этим, да и самим ребятам все было в радость; мусорное правило в случае с гитарой работает точно так же, как и в информатике: хлам на входе — хлам на выходе.

Я мало обращал внимания на попытки Кона и Рона обрести местную славу в качестве фолк-дуэта и не заметил, в какой момент интерес моего брата к «Гибсону» стал угасать. Когда преподобный Джейкобс покинул Харлоу на своей новой-старой машине, в моей жизни словно образовалась дыра. Я разом потерял и Бога, и единственного взрослого друга, так что еще долгое время после случившегося грустил и чувствовал неясную тревогу. Мама пыталась меня подбодрить, Клер — тоже. Даже папа пытался. Я и сам старался вновь обрести счастье и в конце концов в этом преуспел, однако 1965 год сменился 1966-м, потом 1967-м, а то, что сверху все реже стали раздаваться нестройные аккорды мелодий вроде «Не думай дважды», меня никак не трогало.

К тому времени Кон с головой ушел в легкую атлетику (где он проявил себя гораздо лучше, чем в игре на гитаре), а что касается меня... в городе появилась новая девчонка, Астрид Содерберг. У нее были свет-

лые шелковые волосы, василькового цвета глаза и небольшие холмики под кофточкой, которые в будущем могли превратиться в настоящую грудь. Первые годы, что мы учились вместе, она, наверное, даже и не думала обо мне, за исключением случаев, когда нужно было списать домашку. Я же, напротив, только о ней и думал. Мне казалось, что если она позволит коснуться ее волос, я тут же упаду без чувств. Как-то раз я взял с полки с учебниками словарь Вебстера, вернулся за свою парту и аккуратно вывел имя «АСТРИД» поперек толкования слова «поцелуй»; сердце у меня колотилось, кожу покалывало. Не зря такое состояние называется «втрескаться»: именно так я себя и чувствовал — как будто кто-то треснул меня мешком.

Мне даже в голову не приходило прикасаться к «Гибсону» Кона. Если хотелось послушать музыку, я включал радио. Но талант — штука пугающая, и когда приходит нужное время, он заявляет о себе: негромко, но твердо. Как и определенные виды наркотиков, он приходит к тебе как друг... задолго до того, как ты поймешь, что на самом деле это жестокий тиран. Я понял это в тот год, когда мне исполнилось тринадцать.

Сначала одно, потом другое, а следом и все остальное.

Мои музыкальные способности были весьма скромными, но гораздо лучше, чем у Кона — или любого другого члена семьи, если уж на то пошло. Они обнаружились однажды в скучную субботу осенью 1969 года. Все — даже Клер, которая приехала из колледжа на выходные, — в тот день отправились в Гейтс-Фоллз на футбольный матч. Кон тогда играл в юниорской команде за «Гейтс-Фоллз Гейторс». Я остался дома,

потому что у меня скрутило живот — хотя и не так сильно, как я это изобразил. Просто я не очень любил футбол и, кроме того, было похоже, что пойдет дождь.

Я немного попиялился в телик, но там тоже показывали футбол — причем по двум каналам. По третьему шел гольф, что было еще хуже. Старая спальня Клер теперь принадлежала Конни, но в шкафу по-прежнему пылились ее книги в мягкой обложке, и у меня возникла мысль взяться за Агату Кристи. Клер говорила, что ее легко читать, а расследовать преступления вместе с мисс Марпл или Эркюлем Пуаро было довольно интересно. Я зашел в комнату и увидел в углу «Гибсон» Кона, вокруг которого в беспорядке валялись старые номера журнала «Запевай!». Я посмотрел на давно забытую гитару, заткнутую в угол, и подумал: «Интересно, получится ли у меня сыграть на ней «Вишенку»?»

Я помню этот момент так же ясно, как свой первый поцелуй, потому что эта мысль была внезапной гостьей, не имевшей никакого отношения к тому, о чем я думал, когда входил в комнату Кона. Могу поклясться в этом на стопке Библий. Это даже не было похоже на мысль. Это было похоже на голос.

Я взял гитару и присел на кровать. Поначалу даже не касался струн — просто размышлял о той песенке. Я знал, что на акустической гитаре Кона она будет звучать здорово, потому что «Вишенка» построена на акустическом риффе (хотя тогда я этого слова не знал). Я услышал ее в своей голове и поразился тому, что видел переходы между аккордами так же четко, как их слышал. Я знал о них все — кроме мест на гитарном грифе, где они прятались.

Я схватил первый попавшийся номер «Запевай!» и стал искать блюз — любой блюз. Нашел «Твой ко-

шелек обзавидуется», увидел, как строится ми-мажор («Все это говно начинается с ми-мажор», как сказал Гектор-Парикмахер Кону и Ронни), и сыграл его. Аккорд прозвучал глуховато, но правильно. «Гибсон» был отличным инструментом и, несмотря на то, что гитара долго стояла заброшенной, она не расстроилась. Тремя пальцами левой руки я сильнее прижал струны к грифу — было больно, но я не обращал на это внимания. Потому что ми-мажор был то, что надо. Ми-мажор звучал божественно, потому что в точности соответствовал тому, что я слышал в своей голове.

Кон разучивал «Дом восходящего солнца» шесть месяцев — и все равно делал паузу, чтобы верно поставить пальцы при переходе с ре-мажор на фа-мажор. Я выучил трехаккордную «Вишенку» — ми-мажор, ля-мажор, ре-мажор и снова ля-мажор — за десять минут, а потом сообразил, что на тех же аккордах могу сыграть кингсменовскую «Луи, Луи» и «Глорию», которую исполняли «Тени рыцаря». Я играл до тех пор, пока кончики пальцев не взвыли от боли, а левая рука почти перестала разгибаться. Остановился я не потому, что захотел, а потому, что больше просто не мог. И вместе с тем мне не терпелось начать снова. Мне не было дела ни до «Нью Кристи Минстрелс», ни до «Яна и Сильвии», ни до кого из этих поющих народные песни придурков, но я мог играть «Вишенку» весь день напролет: она срывала мне башню.

«Если я научусь играть получше, — подумал я, — Астрид Содерберг, возможно, заинтересует не только моя домашка». Но даже эта мысль была вторичной, потому что игра на гитаре заполнила мою внутреннюю дыру. Игра на гитаре была самодостаточной и искренней. Она заставила меня вновь ощутить себя живым.

Три недели спустя, тоже в субботу, Кон вернулся с очередной игры чуть раньше — решил не оставаться на традиционный послематчевый пикник, который организовывали спонсоры. Я сидел на верхней ступеньке лестницы и брэнчал «Дикарку». Я думал, что он разозлится и отберет гитару... может, даже обвинит меня в том, что кощунственно играть трехаккордную ерунду «Троглодитов» на инструменте, предназначенном для исполнения таких содержательных песен протеста, как «По ветру».

Но Кон в тот день сделал три тачдауна и установил рекорд школы по длине пробежек, а его команда сумела пробиться в плей-офф. Все, что он сказал — «Это тупейшая песня, которую когда-либо крутили по радио».

— Не, — ответил я. — Я думаю, эта награда достанется «Перелетной птице». Могу и ее сыграть, если хочешь.

— Господи, нет. — Он не боялся поминать Господа всуе, потому что мама была в саду, папа с Терри — в гараже, где трудились над «Дорожной ракетой-3», а наш религиозный старший братец дома больше не жил. Как и Клер, он учился в Мэнском университете (где, по его словам, было полным-полно «бесполезных хиппи»).

— Но ты не против, если я на ней поиграю, Кон?

— Да на здоровье, — ответил он, проходя мимо меня по лестнице. От него пахло потом, на щеке красовался яркий кровоподтек. — Но если сломаешь — заплатишь.

— Не сломаю.

Гитару я не сломал, но струн порвал великое множество. Рок-н-ролл, в отличие от фолка, их не щадит.

В 1970-м я пошел в старшую школу в Гейтс-Фоллз, на другом берегу Андроскоггина. Кон, учившийся в выпускном классе, был там большим человеком благодаря своим атлетическим успехам и высоким оценкам. Он не обращал на меня ни малейшего внимания. Это то ладно, но меня игнорировала и Астрид Содерберг, хотя на классных часах и уроках английского мы с ней сидели в одном ряду. Она носила конский хвост и юбки на пару дюймов выше колена. Каждый раз, когда она закидывала ногу на ногу, я умирал. Моя влюбленность была сильна как никогда, но, подслушивая ее разговоры с подружками на трибунах в спортзале во время обеда, я понял, что их интересуют только старшекласники. Я был всего лишь очередным статистом в грандиозной драме их жизни в новой школе.

Зато на меня обратил внимание кое-кто другой — худой длинноволосый парень из выпускного класса, похожий на «бесполезного хиппи» в терминологии Энди. Он нашел меня как-то раз, когда я обедал на трибуне в спортзале, сидя в двух ступеньках от Астрид и ее свиты хихикальщиц.

— Ты — Джейми Мортон? — спросил он.

Я с некоторой опаской подтвердил это. На нем были мешковатые джинсы с заплатками на коленях, а под глазами — темные круги, как будто он спал не больше двух-трех часов в сутки. Или много дробил.

— Пошли в оркестровую, — сказал он.

— Зачем?

— Затем, что я так говорю, салага.

Я последовал за ним, лавируя среди учеников, которые смеялись, орали, толкались и хлопали дверцами шкафчиков. Хотелось надеяться, что меня не побьют. Второкурсник еще мог бы отлупить новичка из-за ка-

кой-нибудь ерунды, — по идее дедовщина в школе была запрещена, но на практике процветала, — но только не старшекурсник. Они вообще редко замечали салаг, в том числе и мой брат.

В оркестровой было пусто. Я с облегчением перевел дух. Если этот парень и собирался на меня наехать, по крайней мере, он не прихватил толпу друзей себе в помощь. Но он не стал меня бить, а протянул руку. Я пожал ее. Рука была вялая и влажная.

— Норм Ирвинг.

— Очень приятно.

На самом деле я не был уверен, приятно мне или нет.

— Говорят, ты играешь на гитаре, салага.

— Кто тебе сказал?

— Твой брат. Мистер Футбол.

Норм Ирвинг открыл шкаф, где лежала куча гитар в футлярах. Он вытащил один, открыл защелки, и я увидел роскошную угольно-черную электрическую «Ямаху».

— SA-30, — небрежно пояснил он. — Купил два года назад. Все лето красил дома с батарей. Включи усилочек. Нет, не большой. Вон тот «Буллноуз» прямо перед тобой.

Я подошел к мини-усилителю, поискал переключатель или кнопку и не нашел.

— С обратной стороны, салага.

— А.

Я нашел тумблер и щелкнул. Зажегся красный огонек, и послышался тихий гул. Мне сразу понравился этот гул. Это был звук мощи.

Норм вытащил шнур из шкафа с гитарами и подключил его. Он провел пальцами по струнам, и из

маленького усилителя вырвался короткий звук — «бронк!». Атональный, немзыкальный, абсолютно прекрасный. Норм протянул мне гитару.

— Что? — Я ощущал одновременно тревогу и восторг.

— Твой брат говорит, ты играешь ритм. Ну давай, валяй. Сыграй ритм.

Я взял гитару, и из маленького «Буллноуза» снова донесся «бррронк». Гитара была намного тяжелее, чем акустика Кона.

— Я никогда не играл на электрической, — сказал я.

— Это то же самое.

— А что играть?

— Ну давай «Зеленую реку». Можешь?

Он полез в карман мешковатых джинсов и протянул мне медиатор.

Я умудрился не уронить его.

— С ми-мажор?

Хотя что тут спрашивать. Все эта херня начинается с ми-мажор.

— Это уж ты решай, салага.

Я перекинул ремень гитары через голову и поправил подплечник. «Ямаха» висела низко — Норман Ирвинг был намного выше меня, но мне и в голову не пришло отрегулировать ремень. Я сыграл аккорд Е и подпрыгнул — так громко он прозвучал в пустой оркестровой. Норм ухмыльнулся, обнажив зубы, которые должны были доставить ему много проблем в будущем, если он не начнет за ними следить. У меня отлегло от души.

— Дверь закрыта, салага. Прибавь громкость и жарь.

Усилитель стоял на пятерке. Я прибавил до семи и услышал греющий душу громкий «бангггг».

— Петь я вообще ни хера не могу, — сказал я.

— Петь тебе не надо. Я буду петь. Ты только играй ритм.

У «Зеленой реки» базовый рок-н-рольный ритм — не совсем как у «Вишенки», но близко. Я снова сыграл Е, мысленно прокрутил в голове первую фразу песни и решил, что все правильно. Норман запел. Гитара почти перекрывала его голос, но я слышал достаточно, чтобы понять, что дыхалка у него в порядке. «Отвези меня туда, где прохладная вода...»

Я перешел на А, и он умолк.

— Там и дальше Е, да? — сказал я. — Пардон, пардон.

Первые три строки все были в ми-мажор, но когда после них я переключился на ля мажор, которым играется большая часть роковых мелодий, то опять не угадал.

— Где переходить? — спросил я Нормана.

Он молча смотрел на меня, засунув руки в карманы. Я послушал мелодию у себя в голове и начал заново. На четвертой строке я перешел на С — до-мажор — и оказался прав. Мне пришлось еще раз начать сначала, но дальше все уже пошло как по маслу. Нам нужны были только ударные, бас... и, конечно соло-гитара. Джон Фогерти из «Криденс» лабал на соло так, как я и мечтать не мог.

— Давай гитару, — сказал Норман.

Я неохотно вернул ее.

— Спасибо, что дал на ней поиграть, — сказал я и повернулся к выходу.

— Минутку, Мортон. — Не бог весть что, но все же повышение по сравнению с «салагой». — Прослушивание не закончено.

— Прослушивание?

Он достал из шкафа футляр поменьше, открыл и извлек потрепанную полуакустическую «Кай» — 900G, если вы ведете статистику.

— Подключи к большому усилку, только убавь до четверки. Этот «Кай» фонит как сволочь.

Я сделал, как он велел. «Кай» был удобней, чем «Ямаха»; мне не приходилось сгибаться в три погибели. В струны был вставлен медиатор, и я вытащил его.

— Готов?

Я кивнул.

— Раз... два... раз-два-три-и...

Я нервничал, играя простую ритмическую последовательность «Зеленой реки», но если бы я знал, как хорошо играет Норман, то вообще не смог бы ничего из себя выдавить. Просто сбежал бы. Он играл соло-партию Фогерти в точности так, как надо, воспроизводя все его запылы со старого сингла «Фэнтези». Я был потрясен.

— Громче! — проорал он мне. — Прибавь громкость, и пусть обфонится нахер.

Я поставил большой усилочек на восьмерку и снова заиграл. Голос Нормы потерялся за грохотом двух гитар и пронзительным шумом резонанса. Это не имело значения. Я просто следовал за его соло, словно несясь на гребне волны, которая катилась к берегу, не разбиваясь, две с половиной минуты подряд.

Наконец песня кончилась, и настала тишина. У меня звенело в ушах. Норм задумчиво посмотрел в потолок, затем кивнул.

— Не супер, но и не кошмар. Немного потренируешься и будешь лучше Снаффи.

— Кто такой Снаффи? — спросил я. В ушах все еще звенело.

— Парень, который переезжает в Массачусеттс, — сказал он. — Давай попробуем «Как на иголках». «Сёрчерз» поют, знаешь?

— Е?

— Не, там D, но не просто D. Надо с ним поиграться.

Он показал, как цеплять «ре» мизинцем, и я сразу же все понял. Получалось не точно как на пластинке, но более-менее похоже. Когда мы закончили, я был мокрый как мышь.

— Ладно, — сказал он, снимая ремень гитары с шеи. — Пошли в курилку. Курить охота.

Курилка находилась за мастерскими. Здесь тусовались укурки и хиппи, а также обильно покрашенные девчонки в мини-юбках и висячих сережках. У дальнего конца слесарной сидели на корточках два парня. Как и Нормана, я их уже видел раньше, но лично не знал. Один — светловолосый и прыщавый. Другой — рыжий, чьи курчавые волосы иголками торчали во все стороны. На вид — явные неудачники, но мне было все равно. Норман Ирвинг тоже выглядел неудачником, но лучшего гитариста мне вживую слышать не доводилось.

— Ну как он? — спросил белобрысый. Вскоре я узнаю, что зовут его Кенни Лафлин.

— Получше Снаффи, — ответил Норман.

— Это еще ни хера не значит, — осклабился рыжий.

— Да, но нам по-любому кто-то нужен, иначе мы не сможем сыграть в «Эврике» в субботу вечером.

— Норман выудил пачку «Кул» и протянул мне. — Будешь?

— Не курю, — сказал я. А потом (уж не знаю, зачем) добавил:

— Извини.

Не обратив на это внимания, Норман прикурил от зажигалки «Зиппо» с выгравированной на ней змеей и надписью «На меня не наступай».

— Это Кенни Лафлин. Басист. Рыжего зовут Пол Бушар. Барабанщик. А этот гаврик — брат Конни Мортон.

— Джейми, — уточнил я. Мне отчаянно хотелось понравиться этим ребятам, влиться в их компанию, но начинать мои с ними отношения в ранге «младшего брата мистера Футбола» мне не улыбалось. — Джейми меня зовут. — И протянул руку.

Рукопожатие у них было таким же вялым, как и у Нормана. После того первого прослушивания, которое мне устроил в школьной оркестровой Норман Ирвинг, я выступал с сотнями музыкантов, и почти у всех было такое вот дохлое рукопожатие. словно бы рокеры считали, что все силы нужно беречь только для работы.

— Так что скажешь? — спросил Норман. — Хочешь к нам в группу?

Хотел ли я? Да если бы он сказал мне сожрать мои шнурки в качестве ритуала посвящения, я бы тут же их вытащил и заработал челюстями.

— Конечно, но мне нельзя играть там, где подают выпивку. Мне ведь всего четырнадцать.

Ребята удивленно переглянулись и рассмеялись.

— О выступлениях в «Холли» и «24-м пехотном» будем думать, когда раскрутимся, — сказал Норман, выпуская дым из ноздрей. — А пока что мы играем на

молодежных танцульках. Таких, как в «Эврике». Ты ж из тех краев, так? Из Харлоу?

— Так ты у нас харлик, — ухмыльнулся Кенни Лафлин. — Харлик из Харлоу.

— Слушай, ты же хочешь играть, так? — сказал Норм. Он поднял ногу и затушил сигарету о подошву потертого «битла». — Твой брат говорит, что ты играешь на его «Гибсоне», у которого нет звукозаписывающей аппаратуры, но ты ведь можешь и «Кай» взять.

— А музыкалка разрешит?

— В музыкалке ни о чем не узнают. Приходи в «Эврику» в четверг после полудня. Гитару я принесу, только смотри ее не расхуярь. Порепетируем. И захвати блокнот, чтобы записать аккорды.

Прозвенел звонок. Один за другим ребята тушили окурки и шли на урок. Одна девчонка, проходя мимо Нормана, поцеловала его в щеку и похлопала по задку в отвисших джинсах. Норман, казалось, ее даже не заметил, чем весьма меня впечатлил. Мое уважение к нему подскочило еще на один пункт.

Поскольку никто из моих сокурсников не спешил, я пошел один. Но тут я кое-что вспомнил и обернулся.

— А как называется группа?

— Раньше мы были «Стрелками», — ответил Норм, — но народ посчитал такое название слишком воинственным. Так что теперь мы «Хромовые розы». Это Кенни придумал по обкурке, когда мы смотрели у моего отца дома программу для садоводов. Нехило, правда?

За последующую четверть века я успел поиграть в таких составах как «Джей-тоны», «Хей-Джеи» и «Робин и Джеи» (под руководством лихого гитариста

Джея Педерсона). Я играл с «Кочегарами», «Жмурами», «Могильщиками», «Последним зовом» и «Андерсонвилльскими рокерами». В период расцвета панка я наяривал в «Помаде Пэтси Клайн», «Детях из пробирки», «Последе» и «Мире, полном кирпичей». Я даже играл в рокабилли-группе «Там-Там звонит ментам». Но лучшего названия, чем «Хромовые розы», не придумали, на мой взгляд, до сих пор.

— **Ну не знаю,** — сказала мама. Непохоже было, что она будет меня ругать. Скорее она выглядела так, словно ее мучает мигрень. — Тебе только четырнадцать, Джейми. Конрад говорит, что эти парни гораздо старше.

Мы ужинали за столом, который теперь, когда Клер и Энди уехали, казался намного больше.

— Они курят?

— Да нет, — ответил я.

Мама повернулась к Кону.

— Правда?

Кон, передававший Терри протертую кукурузу, и ухом не повел.

— Ага.

Я готов был его расцеловать. Между нами случались разногласия, как у любых братьев; но, как и все братья, в трудную минуту мы готовы были помочь друг другу.

— Мы не будем играть в барах, ничего такого, — сказал я... где-то в глубине души понимая, что бары будут, и намного раньше, чем самый молодой участник «Хромовых роз» отпразднует двадцать первый день рождения. — Только в «Эврике». У нас репетиция в этот четверг.

— Одной не обойдетесь, — высокомерно сказал Терри. — Дайте мне еще одну отбивную.

— Волшебное слово, Терренс, — рассеянно поправила его мама.

— *Пожалуйста*, дайте мне еще одну отбивную.

Папа передал ему блюдо. Он молчал. Это могло быть как добрым знаком, так и дурным.

— И как вы попадете на эту репетицию? Если уж на то пошло, как вы вообще будете добираться на свои... выступления?

— У Норма есть минивэн «Фольксваген». Ну, не у Норма, а у его отца, но он разрешил ему написать название группы на борту.

— Этому Норму не больше восемнадцати, — сказала мама. Она даже перестала есть. — Откуда мне знать, что он ездит аккуратно?

— Мам, я им *нужен!* Парень, который играл у них на ритм-гитаре, переехал в Массачусеттс. А если они не найдут другого гитариста, то не смогут выступить в субботу! — Внезапная мысль метеором ворвалась в мою голову: Астрид Содерберг тоже может прийти на танцы. — Это важно! Правда важно!

— Мне это не нравится. — Теперь она терла виски. В конце концов папа подал голос.

— Пусть едет, Лора. Я знаю, ты переживаешь, но у него неплохо получается.

Она вздохнула.

— Ну хорошо. Наверное.

— Мам, спасибо! Пап, спасибо!

Мама взялась за вилку, потом положила ее на место.

— Только пообещай, что не будешь курить — сигареты или марихуану, неважно. И выпивать.

— Обещаю, — сказал я и держал слово целых два года.

Или около того.

Первое, что вспоминается мне о том выступлении в «Эврике», — запах собственного пота, которыйшибанул мне в нос, когда мы вчетвером вышли на сцену. Никто не сможет перепотеть четырнадцатилетнего подростка. Я двадцать минут стоял под душем перед своим первым шоу — пока не кончилась горячая вода, но, склонившись за взятой напрокат гитарой, ощутил, что от меня несет страхом. «Кай», как мне показалось, весил фунтов двести. Мне было чего бояться. Хотя рок-н-ролл от природы простая штука, но выполнить поставленную передо мной Нормом задачу — выучить тридцать песен с вечера четверга по вечер субботы — было невозможно, и я так ему и сказал.

Он пожал плечами и дал мне самый полезный совет за всю карьеру музыканта: «Сомневаешься — пропусти».

— И потом, — добавил он, обнажив гниловатые зубы в дьявольской ухмылке, — я буду играть так громко, что тебя все равно никто не услышит.

Пол отбил короткий рифф на своих барабанах, чтобы привлечь внимание публики, и завершил его ударом тарелок. Все заплодировали в предвкушении. Глаза собравшихся (миллионы глаз, как мне казалось) устремились на маленькую сцену, где мы сгрудились в свете прожекторов. Помню, каким идиотом я себя чувствовал в расшитом стекляшками жилете (жилеты остались от краткого периода, когда «Хромовые розы» звались «Стрелками») и как гадал, вырвет меня или нет. Казалось бы, блевать мне было нечем — я почти ничего

не ел за обедом, а ужинать вообще не смог, — но меня все равно тошнило. Потом я подумал: «Обморок. Я не сблую, а упаду в обморок».

Может, я и лишился бы чувств, но Норм не дал мне на это времени.

— Привет, мы — «Хромовые розы». Вставайте и танцуйте. — И, обращаясь к нам: — Раз, два... поехали.

Пол Бушар сыграл на том-томе начало песни «Постой, Слуши», и понеслось. Норм пел сольную партию; он солировал во всех песнях, кроме одной-двух, которые брал на себя Кенни. Мы с Полом были на подпевках. Сначала я страшно стеснялся, но это прошло, когда я услышал, насколько по-другому — по-взрослому — звучит мой голос, усиленный динамиками. Позже я понял, что на бэк-вокал все равно никто не обращает внимания... хотя они заметили бы, если бы он исчез.

Я увидел, что парочки начали выходить на середину и танцевать. Для этого они и пришли — хотя в глубине души я не верил, что кто-то станет танцевать под музыку, к которой я имею какое-то отношение. Когда стало ясно, что нас не прогонят со сцены свистом, я почувствовал волну эйфории, близкой к экстазу. С тех пор я загрузил в себя столько наркоты, что ей можно было бы потопить боевой корабль, но ни разу не достиг уровня того первого прихода. Мы играли. Они танцевали.

Мы играли с семи до половины одиннадцатого, с двадцатиминутным перерывом около девяти часов, когда Норм и Кенни сбросили с плеч гитары, выключили усилители и выскочили на улицу покурить. Для меня все эти часы прошли как во сне, так что я не удивился, когда во время одного из медляков — кажется, «Кто

остановит этот дождь», — мимо провальсировали мои мама с папой.

Мамина голова лежала у отца на плече. Ее глаза были полузакрыты, а на губах блуждала мечтательная полуулыбка. Но папа глаз не закрывал и подмигнул мне, когда они проплывали мимо сцены. Я мог не смущаться из-за их присутствия: школьные вечера и танцульки Полицейской спортивной ассоциации на роллердроме в Льюистоне были только для школьников, но когда мы играли в «Эврике», в Клубе лосей или в Ассоциации ветеранов в Гейтсе, там всегда было полно взрослых. Единственное, что было не так с этим первым выступлением, — то, что хотя на него пришли многие подруги Астрид, самой ее не было.

Мои предки ушли рано, и Норм отвез меня домой в старом микроавтобусе. Мы все были опьянены успехом, смеялись, вспоминали прошедший вечер, и когда Норм протянул мне десятку, я не понял, к чему это он.

— Твоя доля, — сказал Норм. — Нам заплатили пятьдесят баксов. Двадцать мне, потому что автобус мой и я солист, а вам всем по десятке.

Я взял ее, все еще чувствуя себя как во сне, и открыл боковую дверь левой рукой, которая до сих пор ныла.

— Репетиция в четверг, — сказал Норм. — В оркестровой после уроков. Но я не смогу отвезти тебя домой. Отец хочет, чтобы я помог ему красить дом в Касл-Роке.

Я сказал, что ничего страшного: если Кон меня не подвезет, я проголосую. Большинство из тех, кто ездит по Девятому шоссе между Гейтс-Фоллз и Харлоу, знают меня и не откажутся помочь.

— Тебе надо поработать над «Кареглазой». Ты здорово отставал.

Я сказал, что поработаю.

— Джейми, и знаешь что?

Я взглянул на него.

— В остальном ты играл нормально.

— Лучше Снаффи, — подтвердил Пол.

— Намного лучше, чем этот тормоз, — добавил Кенни.

Это почти компенсировало отсутствие Астрид.

Папа уже ушел спать, но мама сидела за кухонным столом с чашкой чаю. Она переоделась во фланелевую ночную рубашку, но не смыла косметики, и я подумал, какая она хорошенькая. Когда мама улыбнулась, я заметил слезы в ее глазах.

— Мам, что с тобой?

— Ничего, — сказала она. — Я просто рада за тебя, Джейми. И немного боюсь.

— Не надо, — сказал я и обнял ее.

— Ты же не начнешь курить с этими парнями? Обещаешь мне.

— Мам, я уже пообещал.

— Обещай еще раз.

Я повиновался. В четырнадцать лет давать обещания не сложнее, чем вспотеть.

Наверху Кон читал в своей постели научную книжку. Мне было трудно поверить, что кто-то может читать их для удовольствия (особенно такой крутой футболист), но Конни вот мог. Он отложил ее и сказал:

— А ты ничего так играл.

— Откуда ты знаешь?

Он улыбнулся.

— Заглянул туда на минутку. Вы играли эту придурочную песню.

— «Дикарку».

Можно было даже не спрашивать.

В следующую пятницу мы выступали в Ассоциации ветеранов, а в субботу играли на школьных танцах, где вместо «Я не буду больше выедасть себе сердце» группы «Раскалз» Норм спел «Я не буду больше выедасть тебя, солнце». Наши дуэньи-взрослые ничего не заметили — они вообще никогда не обращали внимания на слова, — зато молодежь заметила и оценила. Благодаря своим размерам школьный спортивный зал служил сам себе усилителем, поэтому шороху мы наводили будь здоров (особенно на таких громких песнях как «Люби меня»). В общем, перефразируя «Слейд», мы были шумные ребята. Во время перерыва Кенни вместе с Нормом и Полом отправились в курилку, и я пошел с ними.

Там уже стояли несколько девиц, включая Хэтти Грир, которая шлепнула Норму по задку в день моего прослушивания. Она обняла Норму за шею и прильнула к нему. Засунув руки в ее задние карманы, тот прижал ее еще сильнее. Я старался на них не пялиться.

— Джейми? — робко окликнули меня сзади.

Я обернулся. Астрид. На ней была прямая белая юбка и синяя блузка-безрукавка. Ее обычно забранные в строгий школьный хвостик волосы сегодня были распущены.

— Привет, — сказал я. И, решив, что этого мало, добавил:

— Привет, Астрид. Я тебя в зале не видел.

— Я опоздала, потому что пришлось ехать с Бонни и ее папой. Ребята, вы просто супер!

— Спасибо.

Норм с Хэтти энергично сосались. Норм целовался шумно, чем-то напоминая мамин «Электролюкс». Поцелуями у них дело не ограничивалось, но Астрид, казалось, ничего не замечала. Ее блестящие глаза ни на миг не отрывались от моего лица. В ушах у нее были сережки-лягушки. Синие лягушки, в тон блузке. В такие мгновения подмечаешь все детали.

Кажется, она ждала, что я скажу что-нибудь еще, поэтому я развил свою предыдущую фразу:

— Спасибо большое.

— Ты будешь курить?

— Я? — У меня мелькнула мысль, что Астрид — мамина шпионка. — Я не курю.

— Тогда проводишь меня назад?

Я проводил. От курилки до черного хода в зал было четыреста ярдов. Жаль, что не четыре мили.

— Ты одна или с кем-то? — спросил я.

— Только с Бонни и Карлой, — ответила она. — Не с парнем, нет. Родители не разрешают встречаться с мальчиками, пока мне не исполнится пятнадцать.

А потом, словно бы показывая, какая это глупость, она взяла меня за руку. У черного хода в зал она посмотрела на меня. Я ее тогда почти поцеловал, но струсил.

Как же мальчишки иногда тупят.

Когда после танцев мы загружали ударную установку Пола в автобус, Норм заговорил со мной — строго, почти отечески.

— После перерыва ты здорово налажал. Что стряслось?

— Не знаю, — ответил я. — Прости. В следующий раз буду играть лучше.

— Надеюсь. Тут такое дело: не лажаем — есть концерты. Лажаем — концертов нет. — Он похлопал по ржавому борту автобуса. — Бетси пытается не мыльными пузырями, да и я тоже.

— Все из-за той девчонки, — сказал Кенни. — Красотки-блондиночки в белой юбке.

До Норма дошло. Он положил мне руки на плечи и по-отцовски встряхнул — видимо, одного голоса было недостаточно.

— Замути с ней, чувачок. И как можно быстрее. А там и игра попрет.

Потом он дал мне пятнадцать долларов.

В канун Нового года мы играли в «Эврике». Шел снег. Астрид тоже пришла. На ней была парка с капюшоном с меховой опушкой. Я отвел ее к пожарному выходу и поцеловал. Ее помада отдавала клубникой. Когда я оторвался от нее, Астрид смотрела на меня своими огромными глазами.

— А я думала, ты так и не решишься, — сказала она и хихикнула.

— Тебе понравилось?

— Повтори, тогда решу.

Мы стояли и целовались под пожарной лестницей до тех пор, пока на мое плечо не легла рука Норма.

— Перерыв, ребята. Пора что-нибудь сыграть.

Астрид чмокнула меня в щеку.

— Сыграй «Дикарку», мне она нравится, — сказала она и побежала к задней двери, скользя по снегу в своих танцевальных туфлях.

Мы с Нормом двинулись следом.

— Яйца не свело? — спросил он.

— Чего?

— Забей. Сыграем ее песню первой. Ты же знаешь, как это работает, верно?

Я знал, потому что мы часто играли на заказ. Даже был счастлив, потому что теперь чувствовал себя уверенней — с «Каем» наперевес, моим электрическим щитом, подключенным к усилителю и готовым к бою.

Мы вышли на сцену. Пол выдал свой обычный барабанный рифф, чтобы все знали: группа вернулась и готова зажигать дальше. Норм подтянул гитарный ремень, который в этом не нуждался, и кивнул мне. Я подошел к главному микрофону и проревел:

— Эта песня по просьбе Астрид, а еще потому, *дикарка, что я ЛЮБЛЮ тебя!*

И хотя это обычно делал Норм — он в группе был главным, это было его прерогативой, — но в тот раз песню начал я: раз, два, поехали. На танцполе подружки Астрид щипали ее и визжали. Щеки у нее полыхали. Она послала мне воздушный поцелуй.

Астрид Содерберг послала мне воздушный поцелуй.

В общем, у ребят из «Хромовых роз» были подружки. Или, может быть, фанатки. Или и то и другое. Когда ты играешь в группе, иногда трудно провести различие. У Нормы была Хэтти. У Пола — Сюзанн Фурнье. У Кенни — Кэрол Пламмер. А у меня была Астрид.

Иногда Хэтти, Сюзанн и Кэрол втискивались с нами в микроавтобус, когда мы ездили на выступления. Астрид это запрещалось, но если Сюзанн удавалось выпросить машину у родителей, ей разрешали поехать с девочками.

Иногда они выходили потанцевать друг с другом, но чаще просто стояли своей тесной компашкой и наблюдали. Мы с Астрид целовались в перерывах, и я начал замечать, что от нее пахнет табаком. Это меня не смущало. Когда она это поняла (девочки как-то умеют замечать такие вещи), то начала курить при мне и пару раз выдыхала остатки дыма мне в рот во время поцелуя. Это вызывало у меня такой стояк, что я мог бы проломить им бетон.

Через неделю после того, как Астрид исполнилось пятнадцать, ей разрешили поехать с нами на танцы ПСЛ в Льюистоне. Всю обратную дорогу мы целовались, и когда я просунул руку ей под куртку и обхватил грудь, которая теперь уже была значительно больше яблочка, она не оттолкнула меня, как раньше.

— Мне приятно, — прошептала она мне на ухо. — Я знаю, что это нехорошо, но мне все равно приятно.

— Может, как раз поэтому, — ответил я. Иногда мальчишки не тупят.

Только через месяц она позволила мне просунуть руку к ней в лифчик, и только через два — залезть под юбку, но когда я наконец туда добрался, она признала, что это тоже приятно. Однако дальше она идти не желала.

— Я знаю, что залечу с первого раза, — прошептала она мне на ухо как-то вечером в машине на парковке, когда обстановка особенно сильно накалилась.

— Я могу купить кое-что в аптеке. Поеду в Льюистон, там меня никто не знает.

— Кэрол говорит, иногда эти штуки рвутся. У них с Кенни так было один раз, и она тряслась целый месяц. Говорит, думала, что месячные никогда не придут. Но можно делать всякое другое. Она мне рассказывала.

Всякое другое оказалось вполне ничего себе.

Я получил права в шестнадцать — единственный из детей в семье, кто с первого раза сдал вождение. В чем-то этому помогли занятия в автошколе, но большей частью это заслуга Цицерона Ирвинга. Норм жил с матерью — добродушной крашеной блондинкой, которая владела домом в Гейтс-Фоллз, — но выходные чаще всего проводил у отца. Тот жил в грязном трейлерном парке в Моттоне, рядом с границей Харлоу.

Если мы выступали в субботу вечером, группа — вместе с подружками — к обеду подтягивалась в трейлер Цицерона на пиццу. Травки там тоже хватало, и после года отмазок я в конце концов сдался и тоже попробовал. Поначалу затягиваться было непросто, но, как многие из читателей знают по себе, со временем это становится все легче. В те дни я много не курил — самую малость, чтобы расслабиться перед концертом. Я играл лучше, когда в голове еще немного шумело после косяка, и как же мы ржали до усрачки в том старом трейлере.

Когда я сказал Цицерону, что на следующей неделе иду сдавать на права, он спросил меня, где будет проходить экзамен — в Касл-Роке или «за городом» (что означало Льюистон-Обурн). Мне выпал второй вариант, и он, узнав об этом, со знанием дела кивнул.

— Значит, будешь сдавать Джо Кафферти. Он занимается этим уже двадцать лет. Когда я был констеблем в Касл-Роке, мы с ним иногда выпивали в «Захмелевшем тигре». Это было еще до того, как городок разросся и получил собственное полицейское управление.

Было трудно представить, что Цицерон Ирвинг — седой, красноглазый, худой как щепка, обычно в хаки и майке-алкоголичке — служил в рядах правопорядка, но люди меняются; иногда они поднимаются по лестнице, иногда спускаются с нее. Спустившиеся часто находят утешение в различных веществах — вроде того, к которому Цицерон так пристрастился и которым щедро делился с друзьями сына.

— У старины Джоуи редко кто сдает с первого раза, — сказал он. — Он, похоже, вообще не верит, что это возможно.

Я об этом знал: Джо Кафферти завалил и Клер, и Энди, и Кона. Терри сдавал другому инспектору (может, офицер Кафферти в тот день приболел), и, хотя водил отлично с того самого момента, как сел за баранку, на экзамене нервничал так сильно, что зацепил задом пожарный гидрант во время параллельной парковки.

— Если хочешь получить права — запомни три вещи, — сказал Цицерон, протягивая только что скрученный косяк Полу Бушару. — Первое: держись подальше от этого дерьма, пока не сдашь вождение.

— Ясно.

На самом деле я даже почувствовал облегчение. Травка мне нравилась, но каждая затяжка напоминала об обещании, которое я дал матери и теперь нарушал, успокаивая себя тем, что по-прежнему не курил табак

и сторонился выпивки. Получалось, что свое слово я держал на шестьдесят шесть процентов.

— Второе: зови его «сэр». «Спасибо, сэр» когда садишься в машину, «спасибо, сэр» — когда выходишь. Ему это нравится. Усек?

— Усек.

— Третье и самое важное — подстригись, блядь. Джо Кафферти ненавидит хиппи.

Эта идея мне не понравилась. Рос я быстро — с тех пор, как присоединился к группе, вырос на три дюйма, но волос это не касалось. Мне потребовался год, чтобы отрастить шевелюру до плеч. Из-за этого мы часто ругались с родителями, которые говорили, что с такими волосами я похож на бомжа. Энди высказался еще прямее: «Если хочешь выглядеть, как девчонка, Джейми, почему бы сразу не надеть платье?» Нет ничего лучше, чем разумное христианское поучение, правда же?

— Да брось, если я подстригусь, то стану похож на придурка!

— Ты и так похож на придурка, — сказал Кенни, и все засмеялись. Даже Астрид (но потом положила руку мне на бедро, чтобы я не обижался).

— Ну да, — сказал Ирвинг. — Будешь похож на придурка с правами. Поли, ты собрался вечно сидеть и любоваться этим косяком или, наконец, его раскуришь?

На какое-то время я перестал курить траву. Я называл офицера Кафферти «сэром». Я сделал себе деловую стрижку, которая разбила мое сердце и наполнила радостью материнское. Когда я сдавал параллельную

парковку, то коснулся бампера машины, стоявшей сзади, но офицер все равно выдал мне права.

— Я доверяю тебе, сынок, — сказал он.

— Спасибо, сэр, — ответил я. — Я вас не подведу.

Когда мне исполнилось семнадцать, родители устроили вечеринку в нашем доме, дорога перед которым теперь была заасфальтирована — прогресс не стоял на месте. Астрид, разумеется, была среди приглашенных. Она вручила мне собственноручно связанный свитер, который я сразу надел, несмотря на августовскую жару.

Мама подарила мне романы Кеннета Робертса в твердых обложках (и я их действительно прочитал). Энди — Библию, переплетенную в кожу (которую я тоже прочел, в основном ему назло), с моим именем, вытисненным золотом. На форзаце он написал цитату из Откровения, 3: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему». Содержавшийся в ней намек на то, что я Отдалился От Церкви, имел под собой определенные основания.

Клер, которой исполнилось двадцать пять лет и которая теперь преподавала в школе в Нью-Гэмпшире, подарила мне шикарную куртку. Кон, скуповатый, как всегда, преподнес шесть наборов гитарных струн. По крайней мере, не самых дешевых.

Мама внесла торт, и все затянули традиционную песню. Если бы там присутствовал Норм со своим рок-н-рольным голосом, он скорее всего задул бы им свечи. Но его не было, и их задул я сам. Пока мама раздавала угощение, я вдруг сообразил, что ничего не получил от папы и Терри — даже хипповского галстука они мне не подарили.

После торта и мороженого (клуб-ван-шок, разумеется) я заметил, как Терри с папой переглянулись. Папа посмотрел на маму, и она нервно полуулыбнулась в ответ. Только сейчас я задним числом вспоминаю, как часто видел на ее лице эту нервную улыбку, когда ее дети один за другим оперялись и уходили в большой мир.

— Пойдем-ка в амбар, Джейми, — сказал отец, вставая. — Мы с Терренсом кое-что для тебя приготовили.

«Кое-что» оказалось «Фордом-Галакси» 1966 года. Он был чистенький, лакированный и сверкал, как лунный свет на снегу.

— О Боже, — пролепетал я, и все засмеялись.

— Кузов был нормальный, но с мотором пришлось повозиться, — сказал Терри. — Мы с батей отшлифовали клапаны, поменяли свечи, поставили новый аккумулятор и все такое.

— Покрышки новые, — сказал папа, указывая на них. — Ничего особенного, даже без белого канта, зато не подержанные. Нравится, сын?

Я его обнял. Я обнял их обоих.

— Только обещай нам с мамой, что никогда не сядешь за руль даже после одной рюмки. Не хочется мне, чтобы когда-нибудь мы с ней взглянули друг другу в глаза с мыслью: «Наш сын или кто-то другой пострадал из-за нашего подарка».

— Обещаю, — сказал я.

Астрид — чей косяк я добыю, отвозя ее домой в своей новой машине, — сжала мою руку.

— А я прослежу, чтобы он сдержал слово.

После второго рейса к пруду Гарри (пришлось съездить дважды, чтобы развезти всех по домам) история

повторилась. Я почувствовал, что меня дергают за рукав. Это была Клер. Она увлекла меня в прихожую, как в тот день, когда преподобный Джейкобс вернул Конни голос своим электрическим нейростимулятором.

— Мама хочет, чтобы ты еще кое-что пообещал, — сказала она, — но стесняется попросить об этом сама. Я обещала ей это сделать.

Я ждал.

— Астрид хорошая девочка, — продолжала Клер. — Она курит — от нее пахнет табаком, но это не значит, что она плохая. И у этой девочки хороший вкус. Иначе она не встречалась бы с тобой три года.

Я ждал.

— Она к тому же умница. И обязательно поступит в колледж. Так что обещай мне, Джейми, что не сделаешь ей ребенка на заднем сиденье этой машины. Обещаешь?

Я чуть было не улыбнулся. Эта улыбка была бы наполовину иронической, наполовину — болезненной. В последние два года у нас с Астрид было кодовое слово: «переменка». Оно означало взаимную мастурбацию. Я еще несколько раз заговаривал о презервативах и даже приобрел тройную упаковку «троянцев» (один хранился у меня в бумажнике, два — в тайнике под половицей у меня в комнате), но она была уверена, что при первой же попытке презерватив порвется или протечет. Так что... переменка.

— Сердишься на меня, да? — спросила Клер.

— Нет, — ответил я. — На тебя — никогда, Клер-Эклер.

Это была правда. Мой гнев сберегался для того чудовища, за которого она вскоре выйдет замуж, и этот гнев так никогда и не прошел.

Я обнял ее и пообещал не делать Астрид ребенка. Это обещание я выполнил, хотя пару раз был близок к его нарушению еще до того дня в хижине на Скайтопе.

В те годы мне иногда снился Чарльз Джейкобс (во сне он выкапывал пальцами пещеры в моей понарошной горе; произносил Ужасную проповедь, а голову его, словно электрическая диадема, венчало синее пламя), но сознательно я о нем не вспоминал до того июньского дня в 1974-м. Мне было восемнадцать. Астрид тоже.

Школа кончилась. У «Хромовых роз» на все лето были расписаны концерты (включая и парочку баров, на что родители скрепя сердце дали мне письменное разрешение). Днем же, как и в прошлом году, я собирался работать на ферме Марстелларов. Да, у «Топлива Мортон» дела шли отлично, и родители могли заплатить за мое обучение в Мэнском университете, но ожидалось, что я тоже внесу свою лепту. Поскольку до фермы оставалась еще целая неделя, мы с Астрид много времени проводили вместе. Иногда шли ко мне домой, иногда — к ней. Вечерами мы колесили по проселочным дорогам на моем «Галакси». Парковались в каком-нибудь укромном местечке и устраивали... переменку.

В тот день мы были в заброшенном песчаном карьере на Девятом шоссе, передавая друг другу косяк с нешибко качественной местной травкой. Стояла духота, на западе сгущались грозовые тучи. Прогредел гром, и, наверное, ударила молния: я ее не увидел, но радио на приборной панели кашлянуло статикой, которая заглушила песню «Курим в туалете» (в тот год «Розы» исполняли ее на каждом выступлении).

Именно тогда в мою голову вернулся незваным гостем преподобный Джейкобс, и я завел машину.

— Давай, бычкуй, — сказал я. — Поедем прокачимся.

— Куда?

— В место, о котором мне рассказали много лет назад. Если оно еще там.

Астрид положила окурок в коробочку из-под «Сакретс» и засунула ее под сиденье. Проехав пару миль по Девятому шоссе, мы свернули на Козью гору. Деревья там плотно обступали дорогу, а солнце к тому времени уже скрылось за тучами.

— Если ты в загородный клуб, то нас туда не пустят, — сказала Астрид. — Предки отказались от своего абонеента. Сказали, что придется экономить, иначе колледж в Бостоне мне не светит. — Она сморщила носик.

— Нет, не в клуб, — ответил я.

Мы проехали Лонгмедоу, где когда-то БЮМ проводило ежегодные пикники. Тревожно поглядывая на небо, народ подхватывал одеяла и кулеры и разбежался по машинам. Гром грохотал, словно небесный товарняк, и я увидел, как где-то на другой стороне Скайтопа ударила молния. Меня охватило возбуждение. «Прекрасное зрелище, — сказал Чарльз Джейкобс в день нашего прощания. — Прекрасное и пугающее».

Мы проехали знак «Клуб «Козья гора» — 1 миля. Пожалуйста, приготовьте абонементы».

— Джейми...

— Тут где-то должен быть поворот на Скайтоп, — сказал я. — Может, уже и нет, но...

Поворот никуда не делся, как и гравийное покрытие. Повернул я немного быстрее, чем следовало, отчего «Галакси» пару раз вильнул задом.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — сказала Астрид. Судя по голосу, она не боялась нашей поездки навстречу грозе. В нем слышалось любопытство и легкое волнение.

— Я тоже надеюсь.

Подъем становился все круче. «Галакси» изредка повиливал на гравии, но по большей части держался молодцом. Две с половиной мили спустя деревья расступились, и мы выехали на Скайтоп. Затаив дыхание, Астрид подалась вперед. Я ударил по тормозам, и машина с хрустом остановилась.

Справа от нас стояла ветхая хижина с замшелой дырявой крышей и выбитыми окнами. Вместо краски стены хижины покрывала вязь из граффити, но такая блеклая, что ничего не разобрать. Впереди над нами возвышалась огромная гранитная глыба, из вершины которой, как Джейкобс и рассказал мне полжизни назад, торчал железный стержень. Он тянулся к тучам, таким черным и низким, что до них, казалось, можно было дотронуться. Слева от нас, куда и смотрела Астрид, в сторону океана бежали поля, холмы и серо-зеленые мили лесов. Там все еще светило солнце, заставляя мир сиять.

— Бог ты мой, и это место все время было здесь? И ты меня сюда ни разу не приводил?

— Да я и сам тут ни разу не был, — ответил я. — Мой бывший священник рассказал мне...

Ничего больше я сказать не успел. С неба ударила ослепительная молния. Астрид взвизгнула и обхватила голову руками. На миг — странный, ужасный, чудес-

ный миг — мне показалось, что воздух превратился в наэлектризованное масло. Я почувствовал, как все мои волосы, даже тоненькие волоски в носу и ушах, встали дыбом. Потом раздался щелчок, будто бы щелкнул пальцами невидимый великан, и второй заряд ударил прямо в стержень, окрасив его в ярко-синий цвет, сполохи которого танцевали вокруг головы Чарльза Джейкобса в моих снах. Мне пришлось закрыть глаза, чтобы не ослепнуть. Когда я их открыл, шест полыхал вишнево-красным. «Как подкова в кузничном горне», — сказал тогда преподобный, и так оно и было. Гром не заставил себя ждать.

— Хочешь, уедем отсюда?! — проорал я, чтобы перекрыть звон в своих собственных ушах.

— Нет! — крикнула она в ответ. — Туда! — указала она на остатки хижины.

Я хотел было сказать ей, что в машине безопаснее (вроде быя где-то слышал, что резиновые шины служат заземлителем и защитят от молнии), но ведь над Скайтопом пронеслась не одна тысяча гроз, а старая хижина все еще стояла. И пока мы, держась за руки, бежали к ней, я понял, почему: молнии притягивал стержень. По крайней мере, до сих пор.

Когда мы добрались до открытой двери хибары, по граниту забарабанил град размером с гальку.

— Ай! Ай! Ай! — кричала Астрид... и в то же время смеялась. Она влетела внутрь. Я — за ней, как раз тогда, когда мелькнула очередная молния. Эдакая канонада на поле брани Судного дня. На этот раз молнии предшествовал треск, а не щелчок.

— Смотри! — Астрид схватила меня за плечо.

Вторую атаку на стержень я пропустил, но зато ясно увидел ее последствия: по покрытому каменной

крошкой склону шариками катились огни святого Эльма. Полдюжины огней. Один за другим они потухли.

Астрид обняла меня, но этого оказалось мало: сцепив руки на моей шее, она вскарабкалась на меня и обхватила ногами.

— Это просто сказка! — крикнула она.

Град сменился ливнем. Скайтоп скрыла завеса дождя, но стержень виднелся отчетливо, потому что в него не переставая били молнии. Он светился голубым и лиловым, потом алым. А потом гас только для того, чтобы запылывать снова.

Такие сильные ливни редко бывают долгими. Когда дождь поутих, мы увидели, что гранитный склон под стержнем превратился в реку. Гром потихоньку терял свою ярость и переходил на ворчание. Повсюду слышалось журчание воды, словно бы сама земля что-то нам нашептывала. На востоке все еще светило солнце: над Брунсвиком, Фрипортом и Салимовым Уделом, где мы увидели не одну, не две, а целых полдюжины радуг, которые пересекали друг друга, словно олимпийские кольца.

Астрид развернула меня к себе.

— Мне нужно кое-что тебе сказать, — прошептала она.

— Что? — Мне вдруг почудилось, что она испортит эти непередаваемые минуты заявлением, что хочет порвать со мной.

— В прошлом месяце мама отвела меня к доктору. Она якобы не хочет знать, насколько у нас все серьезно, мол, это не ее дело, но ей нужно удостовериться, что я забочусь о себе. Так она выразилась. А еще: «Скажешь доктору, что они тебе нужны из-за нерегу-

лярных и болезненных месячных. Когда он увидит, что ты пришла со мной, то все поймет».

Я сначала не понял, о чем это она.

— Противозачаточные, дурачок. — Астрид стукнула меня в грудь. — «Оврал». Нам теперь можно, потому что с тех пор, как я начала его принимать, у меня уже были месячные. Я ждала подходящего случая, и если это не он, то другого не будет.

Она отвела от меня взгляд блестящих глаз и принялась кусать губы.

— Только... только не слишком увлекайся, ладно? Думай обо мне и будь нежным. Потому что мне страшно. Кэрол мне сказала, что ей в первый раз было очень больно.

Мы раздели друг друга, наконец-то — полностью. За это время из-за туч выглянуло солнце, а журчание воды потихоньку стихло. Руки и ноги Астрид уже успели загореть. Все остальное было белым, как снег. Золотистые волосы у нее на лобке скорее не скрывали, а подчеркивали ее лоно. В углу хижины, там, где крыша оставалась целой, лежал старый матрас: не мы первые использовали это место по его сегодняшнему назначению.

Направив меня, Астрид заставила меня остановиться. Я спросил, все ли хорошо. Она сказала, что да, но ей хочется все сделать самой.

— Замри, милый. Просто замри.

Я замер. Какая мучительно-приятная агония. Она подняла бедра. Я вошел глубже. Еще выше. Еще глубже. Помню, как я смотрел на матрас с его истертым узором, пятнами грязи и одиноко ползущим по нему муравьем. Как Астрид снова подняла бедра, и я вошел в нее до конца.

- Боже! — задохнулась она.
 - Тебе больно? Астрид, тебе...
 - Нет, все чудесно. Наверное... можешь начинать.
- Я начал. Мы начали.

То было наше лето любви. Мы занимались ею в самых разных местах — однажды в трейлере Цицерона Ирвинга даже сломали кровать в спальне Норма, и нам пришлось собирать ее заново, — но чаще всего пользовались хижинкой на Скайтопе. Она стала нашим местом, и мы нацарапали свои имена среди сотен прочих на одной из стен. Другой такой грозы, впрочем, не было. По крайней мере, не в то лето.

Осенью я уехал в Мэнский университет, а Астрид — в Саффолкский университет в Бостоне. Мне казалось, что эта разлука временна: мы могли видеться на каникулах, а в туманном будущем, когда получим свои дипломы, даже пожениться. И вот одна из немногих вещей, которые я с тех пор усвоил насчет фундаментальных различий между полами: мужчины предполагают, а женщины располагают.

В тот грозовой день, когда мы возвращались домой, Астрид сказала:

— Я рада, что ты был у меня первым.

Я ответил, что тоже рад, даже не поняв, что значат ее слова.

Шумного разрыва у нас не было. Мы просто разошлись, и если кто-то стоял за этим постепенным увяданием отношений, так это Делия Содерберг, милая, тишайшая мама Астрид, неизменно любезная, но всякий раз смотревшая на меня так, как продавец смотрит на подозрительную двадцатидолларовую купюру. «Может, с ней все и нормально, — думает продавец,

— но что-то тут малость не так». Если бы Астрид забеременела, мои предположения о нашем будущем могли бы оказаться верными. Какого черта, мы могли бы стать образцовой семьей: трое карапузов, гараж на две машины, бассейн на заднем дворе и все такое. Но я в этом сомневаюсь. Думаю, постоянные выступления — и девушки, которые вечно трутся около рок-групп, — сделали бы свое дело. Оглядываясь назад, я вынужден признать, что подозрения Делии Содерберг были оправданными. Я и в самом деле был поддельной двадцаткой. Достаточно высокого качества, чтобы фальшивку не заметили в большинстве магазинов... но только не в ее собственном.

Обошелся без сцен и разрыв с «Хромовыми розами». Когда я в первый раз приехал из университета на уик-энд, мы играли в Доме ветеранов в пятницу и в пабе «У Скутера» — на следующий день. Звучали мы как никогда здорово, а гонорар за выступление составлял уже сто пятьдесят долларов. Помню, как спел в тот раз главную партию «Вильни кормой» и запил матерое соло на губной гармошке.

Но когда я вернулся домой на День благодарения, то обнаружил, что Норм нанял нового ритм-гитариста и сменил название группы на «Рыцари Норманна».

— Прости, мужик, — сказал он, пожимая плечами. — Было столько приглашений, а втроем мы работать не можем. Ударные, бас и две гитары — вот что такое рок-н-ролл.

— Все нормально, — сказал я. — Переживу.

И пережил, потому что он был прав. Или почти прав: ударные, бас, две гитары и все в тональности ми-мажор.

— Мы завтра играем в Уинтропе, в «Шелудивом пони», не хочешь присоединиться? Приглашенный артист или типа того. Что скажешь?

— Я пас. — Я слышал их нового гитариста. Он был моложе меня и уже играл лучше — выдавал такие чокнутые штуки, что будь здоров. Кроме того, это значило, что я могу провести субботнюю ночь с Астрид. Подозреваю, что в то время Астрид уже встречалась с другими парнями — слишком красивая, чтобы сидеть одной, — но она была осмотрительна. И любила меня. Хороший выдался День благодарения. И я не скучал по «Хромовым розам» (или «Рыцарям Норманна» — название, под которым мне никогда не пришлось выступить, и слава богу).

Ну... вы понимаете.

Почти не скучал.

Как-то перед рождественскими каникулами я заглянул в «Берлогу» — забегаловку в кампусе Мэнского университета — за гамбургером с колой. На обратном пути остановился перед доской объявлений. Среди множества предложений о продаже подержанных учебников и машин, а также поиске попутчиков я заметил вот что:

«ХОРОШАЯ НОВОСТЬ! Группа «Камберленд» возрождается! **ПЛОХАЯ НОВОСТЬ!** У нас нет ритм-гитариста! Мы играем каверы И **ГОРДИМСЯ ЭТИМ!** Если ты можешь играть «Битлов», «Стоунзов», «Бэдфингер», «Маккоев», «Барбарианс», «Стэнделлс», «Бёрдс» и так далее, бери свою лопату и приходи в Камберленд-Холл, комн. 421. А если любишь «Эмерсон, Лейк и Палмер» или «Кровь, пот и слезы» — иди в жопу».

К тому времени у меня был ярко-красный «Гибсон SG», и в тот же день после лекций я притащил его в Камберленд-холл, где и познакомился с Джемом Педерсоном. В часы, отведенные для занятий, шуметь в общежитии запрещалось, и мы поиграли «понарошку» в его комнате. Позже в тот же вечер мы сыграли в комнате отдыха уже по-настоящему. После получасового джема я получил место в группе. Он играл намного лучше меня, но к этому мне было не привыкать: в конце концов, я начинал свою рок-н-рольную карьеру с Нормом Ирвингом.

— Я подумываю переименовать группу в «Кочегаров», — сказал Джей. — Как тебе?

— Если у меня будет время заниматься на неделе и если выделите бабло по-честному, называйтесь хоть «Адскими мудаками».

— А что, неплохо. В стиле «Дуга и его психов». Но я боюсь, нас бы тогда не стали приглашать на школьные танцы.

Он протянул мне руку, и мы совершили то самое дохлое рукопожатие.

— Добро пожаловать, Джейми. Репетиция в среду вечером. Кто не пришел — тот дурак.

Кем бы я ни был, но уж совершенно точно не дураком. Я пришел. И приходил почти двадцать лет, сменив десяток групп и объехав сотню городов. Ритм-гитарист всегда найдет работу, даже если он упоротый настолько, что стоять не может. Ты должен быть в состоянии сделать две вещи: прийти на выступление и сыграть аккорд E.

Проблемы начались, когда я перестал приходить.

V

Зыбкое течение времени. Молниеносные портреты. Наркота.

Когда я закончил университет (на итоговых экзаменах не хватило самой малости, чтобы войти в список лучших выпускников), мне было двадцать два. Когда я снова встретил Чарльза Джейкобса, мне было тридцать шесть. Он казался моложе своих лет — возможно, потому, что когда я видел его в последний раз, он был изможден и раздавлен горем. Я же к девяносто второму году выглядел гораздо старше своего возраста.

Мне всегда нравилось кино. В восьмидесятых я пересмотрел великое множество фильмов — чаще всего в одиночестве. Иногда засыпал по ходу (например, на «Смертельном влечении» — вот уж действительно редкостная тягомотина), но чаще всего досматривал до конца, обкуренный или нет — меня завораживали цвета, звуки и невероятно прекрасные девушки в откровенных нарядах. Ничего не имею против книг, сам много читал; и телевизор — отличный вариант, когда нужно переждать дождь в номере мотеля, но для Джейми Мортонa ничто не могло сравниться с филь-

мом на большом экране. Я, попкорн и большой стакан колы. Ну и, конечно же, героин. Я брал на кассе вторую соломинку, разрывал ее зубами пополам и вдыхал с ее помощью порошок с запястья. Я не кололся до девяностого или девяносто первого, но в конце концов сел на иглу. Почти все из нас садятся. Уж можете мне поверить.

Больше всего в кино мне нравилось зыбкое течение времени. Ты только что смотрел на занудного ботаника — ни друзей, ни денег, паршивые родители, — и вдруг бац, он превращается в Брэда Питта во всей красе. Единственное, что отделяет ботаника от красавца — титр «Четырнадцать лет спустя».

«Подгонять время — грех», — поучала мама, когда мы были детьми и отчаянно тосковали по летним каникулам в феврале или с нетерпением ждали Хэллоуина. Может, она была права, но я не могу отделаться от мысли, что такие прыжки во времени весьма пригодились бы тем, чья жизнь не задалась — а между пришествием администрации Рейгана в 1980-м и Талской ярмаркой в 1992-м я жил очень паршиво. С провалами во времени, но безо всяких титров. Я был вынужден просыпаться каждый день, и когда случались проблемы с травой, день мог тянуться сотню часов.

Как вам такое начало: «Камберленды» становятся «Кочегарами», «Кочегары» превращаются в «Джей-тонов». Наше последнее выступление в качестве университетской группы состоялось в 1978 году и оказалось действительно грандиозным. Мы играли в Мемориальном зале университета на выпускном с восьмью вечера до двух ночи. Вскоре после этого Джей Педерсон нанял популярную местную певичку, которая к тому же суперски играла и на тенор-саксофоне, и на альт-сак-

софоне. Ее звали Робин Шторс. Она легко влилась в группу, и к августу «Джей-тоны» уже назывались «Робин и Джей». Мы стали одной из самых популярных групп для вечеринок в штате, от приглашений не было отбоя. Жизнь была прекрасна.

Затемнение.

Четырнадцать лет спустя Джейми Мортон проснулся в Талсе. Не в хорошем отеле и даже не в приличном сетевом мотеле, а в клоповнике под названием «Фейрграундс Инн». Келли Ван Дорн любил так экономить. Было одиннадцать утра, и постель была мокрая. Я не удивился. Если продрыхнуть девятнадцать часов в объятиях мадам Г., это почти неизбежно. Наверное, даже если ты умрешь в своем наркотическом полузабытии. Хотя тут есть своя светлая сторона: больше не придется просыпаться в луже мочи.

Я, как зомби, поплелся в ванную, шмыгая носом, утирая слезящиеся глаза и сдирая на ходу трусы. Первым делом схватился за бритвенный прибор... но не для того, чтобы побриться. Там я хранил шприц и пакетик для завтраков, содержащий пару граммов. Вряд ли кто стал бы вламываться в номер ради такого скудного запаса, но проверять заначку — вторая натура наркомана.

Покончив с этим, я перешел к унитазу и избавился от той мочи, которая успела скопиться после ночной аварии. Стоя над толчком, я сообразил, что упустил из виду нечто важное. Кантри-группа, в которой я на тот момент состоял, накануне должна была играть на разогреве у «Сойер Браун» на ярмарке штата Оклахома в Талсе. Это был хороший шанс, особенно для группы

типа «Белой молнии», недотягивающей до уровня Нэшвилля.

— Саундчек в пять, — сказал мне Келли Ван Дорн.

— Ты же придешь?

— Конечно, — ответил я. — За меня можешь не волноваться.

Ой-ой.

Выйдя из ванной, я увидел подsunутую под дверь записку. Мне было в общем-то ясно, что в ней сказано, но для верности я поднял листок и прочитал. Записка была краткой и нелюбезной.

«Я позвонил на музыкальную кафедру местной школы, и мне повезло найти пацана, который умеет держать гитару в руках и в состоянии тебя подменить. Он с радостью забрал твои 600 баксов. Когда ты это прочтешь, мы будем на полпути к Уайлдвуд-Грин. Даже не думай нас догонять. Ты уволен. Мне страшно жаль, но всему есть предел.

Келли

PS. Вряд ли ты меня послушаешь, Джейми, но если ты не завяжешь — через год будешь в тюрьме. Это если тебе повезет. А если нет — в могиле».

Я попытался засунуть записку в задний карман, и она упала на зеленый ковер с проплешинами: я забыл, что стою голый. Подняв записку, я кинул ее в мусорную корзину и выглянул в окно. На парковке было пусто, не считая старого «Форда» и какого-то пикапа-развалюхи. «Эксплорер», в котором ездили члены группы, и фургон с оборудованием, который водил наш звуковик, исчезли. Келли не шутил. Чертовы лабухи меня бросили. Ну и хорошо. Мне иногда казалось, что если я сыграю еще хоть одну песенку

про пьянки и гулянки, то потеряю остатки здравого рассудка.

Прежде всего я решил заняться продлением аренды номера. Проводить еще одну ночь в Талсе мне не хотелось, особенно рядом с грохочущей ярмаркой, но нужно было время, чтобы обдумать следующий шаг в моей карьере. Кроме того, мне необходимо было ширнуться, а если ты не можешь найти дозу на ярмарке — значит, плохо ищешь.

Я пнул в угол мокрые трусы — «чаевые горничной», мелькнула ехидная мыслишка — и растегнул сумку. В ней не было ничего, кроме грязной одежды (вчера я собирался в прачечную-автомат, что тоже вылетело у меня из головы), но по крайней мере это была сухая грязная одежда. Одевшись, я потащился через асфальтированный двор в контору мотеля, постепенно переходя с зомбиобразного шарканья на зомбиобразную рысцу. Горло болело, когда я сглатывал. Только этого не хватало.

За стойкой сидела сурового вида деревенская девица лет пятидесяти, украшенная копной рыжих волос. На экране ее маленького телевизора ведущий оживленно беседовал с Николь Кидман. Над телевизором висела картинка в раме: Иисус дарит мальчику и девочке щенка. Это меня не удивило. В глубинке часто путают Христа с Сантой.

— Ваша группа уже выехала, — сказала она, найдя мое имя в регистрационной книге. Ее местный выговор звучал как расстроенное банджо. — Пару часов назад. Сказали, что едут в Северную Каролину.

— Знаю. Я больше не в группе.

Она подняла бровь.

— Творческие разногласия, — пояснил я.

Бровь поползла еще выше.

— Я останусь еще на одну ночь.

— Ага, хорошо. Наличка или кредитка?

У меня было около двух сотен наличными, но эти средства предназначались для приобретения дури на ярмарке, так что я протянул ей «БанкАмерикард». Она набрала номер банка и ждала, зажав телефон мясистым плечом и уставившись в рекламу бумажных полотенец, которые, похоже, могли вобрать в себя лужи размером с озеро Мичиган. Я тоже смотрел на экран. Когда рекламная пауза кончилась, к Николь Кидман присоединился Том Селлек, а деревенская девица все еще ждала ответа. Ее это, похоже, не смущало, в отличие от меня. Почесуха уже началась, и больная нога пульсировала. Шоу снова прервала реклама, и деревенская девица оживилась. Она крутанулась в кресле, взглянула в окно на ослепительно-голубое небо Оклахомы, сказала пару слов в трубку и повесила ее. Затем она вернула мне кредитку.

— Отклонена. И я теперь сомневаюсь и насчет вашей налички. Если, конечно, она у вас есть.

Это было грубо с ее стороны, но я все равно осиял ее самой любезной улыбкой.

— Карточка в порядке. Они просто ошиблись. Это часто бывает.

— Тогда вы сможете устранить недоразумение в любом другом мотеле, — сказала она. («Устранить»! Какие умные слова знает эта деревенская девица!). — Тут рядом еще четыре штуки, но они все так себе.

«В отличие от этого придорожного «Риц-Карлтона», — подумал я, но вслух сказал:

— Попробуйте позвонить еще раз.

— Лапочка, — ответила она, — мне достаточно на тебя поглядеть.

Я чихнул, уткнувшись в короткий рукав футболки с эмблемой «Оркестра Чарли Дэниелса». Все равно она была не очень свежая. Или очень несвежая.

— Что вы этим хотите сказать?

— Хочу сказать, что я бросила мужа, когда он со своими двумя братцами начал курить крэк. Не обижайся, но я тебя насквозь вижу. За прошлую ночь заплачено — с кредитки группы, но раз ты теперь, как говорится, выступаешь соло, то расчетный час — тринадцать ноль ноль.

— На двери сказано, что три.

Она указала ногтем с облупленным лаком на объявление, висевшее слева от календаря с Иисусом — дарителем щенков: «Во время проведения ярмарки, с 25 сентября по 4 октября, ращетный час — 13-00».

— «Расчетный» пишется не так, — сказал я. — Эту ошибку надо устранить.

Она бросила взгляд на объявление, потом снова повернулась ко мне.

— Твоя правда, но про время там все правильно.

— Она посмотрела на часы. — Значит, у тебя полтора часа. Не заставляй меня вызывать полицию, дорогуша. Во время ярмарки их тут как мух на собачьем дерьме, и приедут они быстро.

— Ну что за херня, — сказал я.

Я смутно помню все то, что происходило со мной в те времена, но ее ответ звучит у меня в ушах так четко, будто я услышал его две минуты назад:

— Нет, солнышко, это жизнь.

И она снова отвернулась к телевизору, где какой-то придурок бил чечетку.

Я не собирался искать ширево днем — даже на ярмарке — и потому оставался в «Фейрграундс Инн» до половины второго (просто чтобы позлить эту деревенскую девку). Потом взял дорожную сумку в одну руку, чехол с гитарой в другую и пошел куда глаза глядят. На заправке «Тексако», где Норт-Детройт-авеню переходит в Саут-Детройт-авеню, я остановился передохнуть. К тому времени я хромал на левую ногу, а бедро пульсировало в такт сердцебиению. В мужском туалете я достал половину своих припасов, смешал дозу и ввел ее под левую ключицу. Меня немного отпустило. Боль в горле и ломота в ноге стали утихать.

Неприятность с левой ногой случилась в солнечный летний день восемьдесят четвертого года. Я ехал на «Кавасаки», а по встречной полосе катил какой-то старый пердун на «Шевроле» размером с прогулочный катер. Его вынесло на мою полосу, и мне пришлось выбирать из двух вариантов: свернуть на обочину или принять его в лоб. Разумеется, я сделал очевидный выбор, и пердун спокойно проехал мимо. Ошибкой стала моя попытка вернуться на дорогу на скорости сорок миль в час. Совет всем мотоциклистам-новичкам: не виляйте по гравию на скорости сорок миль в час. Меня вышвырнуло из седла. Я сломал ногу в пяти местах и раздробил бедро. Вскоре после этого я открыл для себя Счастье Морфия.

Ноге стало лучше, почесуха и тряски на некоторое время ушли, так что от заправки я зашагал чуть быстрее. Дойдя до автовокзала, я уже спрашивал себя, какого черта так долго торчал с Келли и его косорукой кантри-группой. Мое призвание не в сопливых

балладах (в тональности до-мажор, спаси и помилуй). В конце концов я рокер, а не какой-нибудь говнодав.

Я купил билет до Чикаго на завтрашний полдень, что дало мне право оставить сумку и «Гибсон SG» (единственное из ценного, что у меня осталось) в камере хранения. Билет обошелся мне в двадцать один доллар. Сидя в туалетной кабинке, я пересчитал оставшиеся деньги. Вышло сто пятьдесят девять долларов — примерно то, на что я и рассчитывал. Будущее засияло новыми красками. Раздобуду дурь на ярмарке, где-нибудь перекантуюсь ночью — может, в местном приюте для бездомных, может, на улице, — а завтра «Грейхаунд» отвезет меня в Город ветров. Как и в любом другом большом городе, там есть тусовка музыкантов, где те общаются друг с другом, рассказывают анекдоты, делятся сплетнями и пытаются пробить концерт. Кому-то это сделать сложнее (аккордеонистам, например), но хороший ритм-гитарист всегда нарасхват, а я играл чуть лучше, чем просто хорошо. К 1992 году я мог заменить соло-гитариста — если возникала необходимость и я был в адекватном состоянии. Оставалось только попасть в Чикаго и пробить концерт до того, как Келли Ван Дорн пустит слушок, что на меня нельзя положиться, — а этот музодзвон на такое был вполне способен.

До вечера нужно было скоротать минимум шесть часов, и я приговорил остаток своей заначки. Когда с этим было покончено, я купил в киоске вестерн в мягкой обложке, сел на скамейку, открыл книжку где-то на середине и вырубился. Проснулся я от собственного чиха. На часах было семь вечера. Для бывшего ритм-гитариста «Белой молнии» настало время отправиться на охоту за дурью.

Когда я добрался до ярмарки, от заката на западе осталась лишь жалкая оранжевая линия. Я, конечно, хотел приберечь деньги на покупку дури, но пришлось разориться на такси, потому что чувствовал я себя отвратно. И дело не только в обычных для наркомана трясучке и ломоте. У меня снова разболелось горло. В ушах стоял резкий гул, и я весь горел. Я убеждал себя, что последнее — это нормально, потому что вечер выдался неимоверно жарким. Что же до остального, то после шести-семи часов сна все как рукой снимет. Выплюсь в автобусе. Мне хотелось привести себя в порядок перед очередным призывом в Армию Рок-н-ролла.

Главный вход на ярмарку я обошел стороной, ведь только идиот будет искать героин на выставке ремесел или демонстрации скота. Дальше был парк развлечений Белла. Сейчас этого парка уже нет, но в сентябре 1992-го он работал в полную силу. Вагончики обеих американских горок — деревянного «Зинго» и более современной «Дикой кошки» — сновали туда-сюда не переставая, и на каждом повороте и крутом спуске округу оглашали веселые крики пассажиров. У водных горок, «Гималаев» и дома ужасов «Фантасмагория» стояли длинные очереди.

Я пошел по центральной аллее парка, мимо киосков с едой, из которых пахло жареным тестом и сосисками. Сегодня от этих обычно заманчивых запахов меня затошнило. У шалмана «Бросай и выигрывай!» я заметил подходящего вида парня, и я уж было хотел к нему обратиться, но, подойдя ближе, понял, что это нарик, а не дилер: слишком крикливой была его футболка с надписью «Кокаин! Завтрак чемпионов!». Я пошел дальше, мимо тира, деревянного шалмана

«Сбей бутылки», «Скиболла» и «Колеса Фортуны». Чувствовал я себя все хуже и хуже: жар усиливался, как и гул в ушах. Горло болело так, что при каждом глотке я вздрагивал.

Впереди показалось поле для мини-гольфа. Там тусовалась веселая молодежь, и, кажется, я добрался до места назначения: где бы ни собиралась толпа подростков для вечерних забав, поблизости непременно будет ошиваться дилер, который поможет им выжать максимум из этих самых забав. И я уже заметил парочку подходящих типов. Ибо сказано, что по хитрым глазкам и невымытым волосам узнаешь их.

За мини-гольфом аллея заканчивалась развилкой: один поворот вел на ярмарку, другой — на гоночный трек. Ни на ярмарку, ни на трек меня не тянуло, но справа до меня доносился электрический треск, за которым следовали аплодисменты, смех и восторженные возгласы. Теперь, когда я почти дошел до развилки, я увидел, что треск сопровождался ярко-синими вспышками, которые напомнили мне о молниях. О молниях на Скайтопе, если быть точным, о которых я не вспоминал многие годы. У балагана собралась большая толпа, и я решил, что дельцы, отиравшиеся около мини-гольфа, могут и подождать пару минут: до закрытия такие ребята никогда не уходят, а мне хотелось посмотреть, кто там мечет молнии в этот жаркий и ясный оклахомский вечер.

— А сейчас, когда вы увидели мощь моего Творца Молний — единственного в мире, уверяю вас, — вещал усиленный микрофоном голос, — я продемонстрирую вам чудесный портрет, приобрести который вам поможет портрет Александра Гамильтона в вашем кошельке или бумажнике. Пр продемонстрирую один раз, прежде

чем открою свое Электроателье, где предоставлю вам шанс сделать лучшую фотографию в вашей жизни! Но сначала мне понадобится доброволец, чтобы вы увидели воочию, на что вы так удачно потратите свои десять долларов! Есть добровольцы? Кто-нибудь? Вы ничем не рискуете, уверяю вас! Ну же, друзья! Я слышал, торопыги-оклахомцы славятся своей храбростью!

Перед помостом собралась приличная толпа — человек пятьдесят-шестьдесят. На нем был брезентовый задник шести футов в ширину и минимум двадцати в высоту. На заднике, словно на большом экране, была фотография с изображением красивой молодой женщины в танцевальном зале. Ее черные волосы были собраны в замысловатую прическу, на которую явно понадобилось несколько часов. На женщине было вечернее платье с открытым верхом и низким вырезом, приоткрывавшим соблазнительную грудь. В ушах у дамы были бриллиантовые сережки, а губы накрашены кроваво-красной помадой.

Напротив фотографии великанши в танцевальном зале стоял старомодный фотоаппарат: в стиле девятнадцатого века, на треноге и со шторкой, которую фотограф накидывал себе на голову. С такого расстояния он мог рассчитывать на снимок великанши от коленок и ниже. Тут же на подставке стоял поднос с магниевым порошком. Балаганщик в черном костюме и цилиндре небрежно положил руку на камеру. Я сразу его узнал.

Все это я помню четко, но охотно признаю, что моим воспоминаниям о том, что произошло дальше, доверять не стоит. Ведь я был наркоманом со стажем и уже два года как перешел на иглу (сначала кололся под кожу, но чем дальше, тем чаще метил в вену). Я плохо питался и весил намного меньше нормы. К тому

же я температурил. У меня начался грипп, и развивался он быстро. Утром казалось, что это обычный героиновый насморк, максимум простуда, но к тому времени, как я увидел Чарльза Джейкобса с его старомодной фотокамерой на фоне задника с девушкой-великаншей и надписью «Молниеносные портреты», я чувствовал себя словно во сне. Меня не удивило явление моего бывшего священника, чьи волосы на висках уже тронула седина, а рот обрамляли (неглубокие еще) морщины. Да я бы не удивился при виде покойных матери и сестры, если бы те присоединились к нему на помосте в костюмах дамочек из «Плейбоя».

В ответ на призыв Джейкобса несколько мужчин подняли руки, но тот со смехом указал на огромную красавицу у себя за спиной.

— Ребята, я уверен, что вы смелее дьявола в субботнюю ночь, но вряд ли это платье будет вам к лицу.

Публика добродушно засмеялась.

— Мне нужна девица, — сказал человек, который показал мне Мирное озеро, когда я был всего лишь карапузом в коротеньких штанишках. — Красивая девица! Красавица-оклахомочка! Как вам, ребятки? Согласны?

Народ захлопал в ладоши, показывая, что все согласны, да еще как. И Джейкобс, который уже заранее приметил свою жертву, указал беспроводным микрофоном на кого-то в первом ряду.

— Как насчет вас, мисс? Вы у нас девица — загляденье!

Я стоял в заднем ряду, но толпа, казалось, расступалась передо мной, словно бы я обладал какой-то магией отторжения. Наверное, я просто проталкивался вперед, но я такого не помню, и если кто-то толкал

меня в ответ, то этого я тоже не помню. Казалось, я просто плыл сквозь толпу. Краски вокруг стали ярче, а звуки карусельной каллиопы и крики пассажиров «Зинго» — громче. Гул у меня в ушах усилился до мелодичного звона: кажется, G7. Я плыл сквозь ароматное облако из духов, лосьона и дешевого лака для волос.

Красавица-охладомочка запротестовала, но ее друзья и слышать ни о чем не хотели. Они подтолкнули ее вперед, и она поднялась по ступенькам с левой стороны помоста, сверкая загорелыми ногами под бахромчатым подолом короткой джинсовой юбки. На девушке, длинноволосой блондинке, была зеленая блузка с глухим воротом, но игриво приоткрывавшая живот. Несколько мужчин присвистнули.

— У каждой красивой девушки есть свой положительный заряд! — сообщил Джейкобс толпе, сдернув с головы цилиндр. Я увидел, как Джейкобс его стиснул. На миг я ощутил себя так, как не чувствовал с того самого дня на Скайтопе: руки покрылись гусиной кожей, волосы на затылке встали дыбом, воздух в легких, казалось, загустел. А потом поднос рядом с камерой вспыхнул так, как никакому магниевому порошку и не снилось, и брезентовый задник ослепительно засиял синим. Лицо девушки в вечернем платье утонуло в этом сиянии. Когда блеск померк, я увидел (или мне показалось), что ее сменила деревенская бабища пятидесяти с чем-то лет, которая часов девять назад вытурила меня из гостиницы. Но вскоре вернулась девушка в бальном платье.

Толпа приняла трюк на ура, да и я тоже... но меня он не слишком удивил: очередной фокус-покус преподобного Джейкобса, вот и все. Не удивило меня и то,

что когда Джейкобс приобнял девушку и развернул ее к нам, мне показалось, что это шестнадцатилетняя Астрид Содерберг со своей вечной боязнью залететь. Астрид, которая иногда выдыхала мне в рот дым своих «Вирджиния Слимз», вызывая у меня дикий стояк.

Но передо мной уже снова стояла красавица-охладомочка, только что с фермы и в поисках веселья.

Помощник Джейкобса, прыщавый пацан с паршивой прической, вынес на помост деревянный стул. Поставив его перед камерой, мальчишка принялся нарочито стряхивать пыль со старомодного сюртука босса.

— Присаживайтесь, милочка, — сказал Джейкобс, подводя девушку к стулу. — Скоро вы *затрепещете* от восторга.

Он пошевелил бровями, а его юный помощник изобразил электрическую дрожь. Зрители засмеялись. Глаза Джейкобса остановились на мне (я теперь стоял в первом ряду), двинулись дальше, потом вернулись. Помедлив секунду, он снова отвел взгляд.

— А больно не будет? — спросила девушка, и теперь я увидел, что она совсем не похожа на Астрид. Да и с чего бы? Она намного младше моей первой подруги... и где бы сейчас ни была Астрид, ее фамилия скорее всего уже не Содерберг.

— Ни капельки, — заверил ее Джейкобс. — И в отличие от всех последующих дам, которые выйдут на эту сцену, ваш портрет...

Джейкобс вновь повернулся к толпе, устремив взгляд прямо на меня.

— ...я сделаю совершенно бесплатно.

Не переставая болтать, Джейкобс усадил девушку на стул, но, казалось, что-то выбило его из колеи, и он потерял нить разговора. Он все время поглядывал

на меня, пока его помощник завязывал девушке глаза шелковой повязкой. Публика не замечала его рассеянности: ведь хорошенькую девчонку вот-вот сфотографируют у ног гигантской красавицы — да еще с завязанными глазами! — и все это очень интересно. Не меньший интерес вызывали голые ноги девушки и глубокое декольте великанши.

— Кому нужна... — начала девушка, и Джейкобс тут же подсунул ей микрофон, чтобы вопрос услышали все зрители. — ...моя фотография с повязкой на глазах?

— Зато все остальное у тебя на виду, золотце! — крикнул кто-то, и публика добродушно заулюлюкала. Красотка на стуле сдвинула коленки, но улыбаться не перестала. Мол, я девушка не промах.

— Дорогая моя, тебя ждет сюрприз, — сказал Джейкобс и повернулся к толпе:

— Электричество! Хотя мы все так к нему привыкли, это величайшее чудо природы, по сравнению с которым пирамида Хеопса — всего лишь жалкий муравейник! Оно лежит в основе современной цивилизации! Некоторые считают, будто понимают его, дамы и господа, но никто не понимает тайного электричества, той силы, которая объединяет вселенную в единое гармоничное целое. Понимаю ли его я? Нет. Не совсем. Но я знаю, что оно может разрушать, исцелять и творить волшебную красоту! Как вас зовут, мисс?

— Кэти Морс.

— Кэти, есть старая присказка, что красота — в глазах смотрящего. Мы с вами и со всеми здесь присутствующими сегодня убедимся в правдивости этой присказки, и когда вы отсюда уйдете, вы унесете с собой портрет, который будете потом показывать внукам. А они — своим внукам! И если эти ваши еще не

рожденные потомки не будут восторгаться им, то не быть мне Дэном Джейкобсом.

«Ты и так не Дэн», — подумал я.

Я раскачивался вперед-назад, словно в такт каллиопе и музыке, которая звенела у меня в ушах. Попытался остановиться, но понял, что не могу. Ноги у меня подгибались, как если бы из них дюйм за дюймом вытаскивали кости.

«Ты же Чарльз, а не Дэн. Думаешь, я не узнаю человека, который вернул голос моему брату?»

— А теперь, дамы и господа, советую вам защитить глаза!

Помощник театральным жестом прикрыл рукой свои. Джейкобс развернулся, подошел к камере и накрылся шторкой.

— Закройте глаза, Кэти! — крикнул он. — Даже повязка не защитит вас от электрического импульса такой яркости! Считаю до трех! Раз... и... два... и... три!

И снова я почувствовал, как воздух загустел. И не только я: публика подалась назад на пару шагов. Затем кто-то будто бы щелкнул пальцами у моего правого уха. Мир полыхнул синим.

«Аааахххххх», — вырвалось у зрителей. А потом, когда они увидели, что произошло с задником: «ААА-ААХХХХХХ!»

Вечернее платье осталось тем же — серебристым, с низким вырезом. Затеяливая прическа тоже не изменилась. Но грудь стала меньше, а черные волосы посветлели. Изменилось и лицо: в танцевальном зале стояла Кэти Морс. Потом я моргнул, и красавица-охладомочка исчезла. Я снова увидел Астрид, Астрид в шестнадцать лет, любовь моих дней и в конце концов утоленная страсть моих ночей.

Толпа ошеломленно охнула, и у меня мелькнула сумасшедшая, но убедительная мысль: они тоже видели людей из своего прошлого, которых либо уже нет, либо их изменило зыбкое течение времени.

Потом осталась лишь Кэти Морс, но подивиться тоже было чему: Кэти Морс двадцати футов ростом в дорогушем бальном платье, которое в действительности она никогда не сможет себе позволить. Бриллиантовые серьги никуда не делись, а вот губы у сидящей на стуле девушки были покрашены в карамельно-розовый, тогда как у гигантской Кэти позади нее они были ярко-красными.

И никакой повязки на глазах.

«Старый-добрый священник Джейкобс, — подумал я, — но трюки у него теперь похлеще, чем электрический Иисус на Мирном озере или матерчатый ремешок с игрушечным моторчиком».

Выскочив из-под шторки, Джейкобс вытащил из фотоаппарата пластинку. Когда он показал ее зрителям, те снова заахали. Джейкобс поклонился и повернулся к Кэти. Выглядела девушка весьма озадаченной.

— Можете снять повязку, Кэти. Уже можно, — сказал он, протягивая ей пластинку.

Она стянула повязку и увидела изображение: каким-то чудом девчонка из Оклахомы превратилась в роскошную куртизанку французского полусвета. Девушка поднесла ладони ко рту, но Джейкобс с микрофоном был тут как тут, поэтому ее «Боже!» услышали все.

— А теперь повернитесь! — воскликнул Джейкобс.

Она встала, повернулась и подалась назад при виде двадцатифутовой себя в шикарном наряде и побрякушках. Джейкобс придержал ее за талию. Рука, в кото-

рой он держал микрофон (и прятал какой-то приборчик), снова сжалась, и на этот раз из толпы раздались не только охи, но и несколько криков.

Громадная Кэти Морс сделала модельный поворот, и публика увидела, что сзади вырез у платья гораздо ниже, чем спереди. Она оглянулась... и подмигнула зрителям.

Все это время Джейкобс не забывал о микрофоне — опыта ему явно было не занимать, — и народ услышал еще одно восклицание девушки:

— Охренеть!

Публика смеялась. Публика весело свистела. А когда увидела, что девушка зарделась, засвистела еще сильнее. А над ними гигантская Кэти постепенно менялась. Ее светлые волосы тускнели. Ее лицо таяло, но красная помада оставалась все такой же яркой, словно улыбка Чеширского Кота из «Алисы».

И вот уже на нас смотрела прежняя девушка. Изображение Кэти Морс исчезло.

— Но эта версия не поблекнет никогда, — сказал Джейкобс, снова показывая всем старомодную пластинку. — Мой помощник распечатает ее и вставит в рамку, чтобы вы смогли забрать ее домой.

— Эй, ловкач! — выкрикнул кто-то из первого ряда. — Девка сейчас в обморок хлопнется!

Но та лишь немного покачнулась.

В обморок хлопнулся я.

Открыв глаза, я обнаружил, что лежу в двуспальной кровати, укрытый одеялом до подбородка. Справа была стена, отделанная панелями под дерево, слева — аккуратненькая кухня: холодильник, мойка, микроволновка. Дальше виднелся диван, обеденный стол с

четырьмя стульями и даже кресло в зоне гостиной перед встроенным телевизором. Я не мог вытянуть шею достаточно далеко, чтобы увидеть кабину водителя, но, будучи странствующим музыкантом и проехав десятки тысяч миль в подобных средствах передвижения, я и так знал, где нахожусь. Большой трейлер, возможно, «Баундер». Чей-то дом на колесах.

Мне было жарко, я весь горел. Во рту все пересохло, как дорожная пыль. И нестерпимо хотелось ширнуться. Я сбросил одеяло, и меня сразу же начала бить дрожь. На меня легла чья-то тень. Это был Джейкобс, и он держал в руке нечто прекрасное: апельсиновый сок в высоком стакане с изогнутой соломинкой. Единственное, что могло бы быть лучше, — это шприц с наркотой, но всему свое время. Я протянул руку за стаканом.

Он снова укрыл меня одеялом, потом опустился на колени у кровати.

— Не спеши, Джейми. Боюсь, что ты у нас сейчас не самый здоровый из американцев.

Я выпил. Горлу стало намного легче. Я попытался забрать стакан и осушить его до дна, но он отодвинул его подальше.

— Я же сказал: не спеши.

Я опустил руку, и он дал мне выпить еще глоток. Все шло хорошо, но на третьем глотке у меня скрутило живот, и озноб вернулся. Это уже было не от гриппа.

— Мне нужна доза, — сказал я. Не так мне хотелось бы возобновить отношения со своим бывшим духовником и первым взрослым другом, но наркоман в поисках дозы не знает стыда. Да и потом, у него в шкафу, возможно, тоже таилась парочка скелетов.

Иначе зачем бы он назвался Дэном Джейкобсом вместо Чарльза?

— Да, — сказал он. — Я видел следы. И я собираюсь поддержать тебя, по крайней мере пока ты борешься с вирусом. Иначе тебя начнет рвать всем, чем я попытаюсь тебя накормить, а мы ведь этого не хотим, правда? Ты и так вешишь по крайней мере на пятьдесят фунтов меньше, чем надо.

Он вытащил из кармана коричневый пузырек. К его крышечке была приделана миниатюрная ложка. Я потянулся за ним. Джейкобс покачал головой и убрал пузырек подальше.

— И опять же: я сам тебе все дам.

Он открутил крышечку, зачерпнул крошечной ложкой грязно-белый порошок и поднес ее к моему носу. Я втянул порошок правой ноздрей. Он зачерпнул еще раз, и я втянул новую порцию в левую ноздрю. Это было не то, что нужно, — точнее, не столько, сколько нужно, — но дрожь начала утихать, и я почувствовал, что смогу удержать в себе тот вкусный, холодный апельсиновый сок.

— Теперь можешь подремать, — сказал он. — Или покемарить, если ты так это называешь. Я сделаю тебе куриный суп. Всего-навсего «Кэмпбелл» из банки; не такой, как варила твоя мама. Но уж чем богат.

— Не знаю, смогу ли его осилить, — ответил я. Как оказалось, смог. Допив все, что было в кружке, которую он поднес к моим губам, я попросил еще дозу. Он выдал мне две весьма скудных понюшки.

— Где вы его взяли? — спросил я, когда он засунул пузырек обратно в карман джинсов, которые теперь носил.

Он улыбнулся. Улыбка осветила его лицо, и я снова увидел двадцатипятилетнего молодого человека, у которого была любимая жена и обожаемый сын.

— Джейми, — сказал он, — я уже давно работаю в парках развлечений и на ярмарках. Надо быть идиотом или слепым, чтобы не знать, где найти наркотики.

— Мне нужно еще. Мне надо уколоться.

— Нет, ты *хочешь* уколоться, и в этом от меня помощи не жди. Я не собираюсь помогать тебе поймать кайф. Просто не хочу, чтобы ты умер в страшных корчах в моем трейлере. Спи давай. Уже почти полночь. Если завтра тебе станет лучше, мы о многом поговорим, в том числе о том, как снять с твоей спины ту обезьяну, которая ее оседлала. Если не станет, то я отвезу тебя либо в больницу Святого Франциска, либо в университетский медицинский центр.

— Посмотрел бы я, как вы будете уговаривать их меня взять, — сказал я. — Я практически без гроша, а вместо страховки у меня тайленол из аптеки на углу.

— Как говорила Скарлетт О'Хара, мы подумаем об этом завтра, потому что завтра будет новый день.

— Чепуха! — процитировал я ту же героиню.

— Как скажешь.

— Дайте мне еще немножко.

Крошечное количество порошка, которое он мне выдал, было для меня все равно что «Мальборо-лайт» для заядлого курильщика «Честерфилд-Кинг». Но всё же лучше, чем ничего.

Подумав, он выдал еще две понюшки. Еще более скудные, чем предыдущие.

— Давать героин человеку с тяжелым гриппом, — хмыкнул он. — Не иначе, я рехнулся.

Я заглянул под одеяло и увидел, что он раздел меня до трусов.

— А где моя одежда?

— В кладовке. Пришлось изолировать ее от моей, уж извини. Она пованивает.

— Бумажник в переднем кармане джинсов. В нем квитанция из камеры хранения на сумку и гитару. Одежда — черт с ней, но гитара мне нужна.

— Автовокзал или железнодорожный?

— Авто.

Хотя я закинулся всего лишь порошком, да и то в лечебной дозе, но то ли он был очень уж хорошего качества, то ли моему ослабевшему организму не так много было надо. В животе ощущалась приятная тяжесть от теплого супа, и глаза закрывались сами собой.

— Спи, Джейми, — сказал он, слегка сжав мне плечо. — Тебе нужно много спать, чтобы одолеть этот вирус.

Я откинулся на подушку. Она была намного мягче, чем в номере «Фэйрграундс Инн».

— Почему вы называете себя Дэном?

— Потому что меня так зовут. Чарльз Дэниел Джейкобс. А теперь спи.

Я и собирался спать, но сперва хотел задать еще один вопрос. Взрослые люди меняются, конечно, но если их не изуродовала какая-нибудь болезнь или несчастный случай, обычно их можно узнать. Дети — другое дело.

— Вы меня узнали. Я это сразу понял. Как?

— Потому что твоя мать смотрит на меня с твоего лица, Джейми. Надеюсь, у Лоры все хорошо.

— Она умерла. И Клер тоже.

Не знаю, как он воспринял эту весть. Я закрыл глаза и через десять секунд уже спал.

Когда я проснулся, жар ушел, но во всем своем великолепии вернулась дрожь. Джейкобс приложил к моему лбу термометр-полоску, подержал около минуты, затем кивнул.

— Жить будешь, — сказал он и выдал мне еще две понюшки из коричневого пузырька.

— Сможешь подняться и осилить болтунью?

— Сначала в ванную.

Он указал, куда идти, и я, держась за стены, проковылял в маленькую кабинку. Мне нужно было только отлить, но стоять я не мог, так что пришлось сесть и сделать все по-девчачьи. Когда я выбрался наружу, Джейкобс жарил яичницу и насвистывал. В желудке заурчало. Я попытался вспомнить, когда я ел что-то существеннее супа из банки. Единственное, что пришло на ум — бутерброды за кулисами пару дней назад. Если после этого что и было, память этого не сохранила.

— Ешь не спеша, — сказал он и поставил тарелку на стол. — Ты же не хочешь, чтобы тебя вывернуло наизнанку, верно?

Я не стал торопиться и умял все дочиста. Все это время он сидел напротив и цедил кофе. Когда я попросил дать его и мне, он налил полчашки, добавив туда еще столько же молока.

— Трюк с фотографией, — сказал я. — Как вы это делаете?

— Трюк? Обижаешь. Фоновое изображение покрыто флуоресцирующей краской. Фотоаппарат работает еще и как электрический генератор...

— До этого я и сам допер.

— Его вспышка очень мощная и... необычная. Она проецирует изображение субъекта на ту девушку в вечернем платье. Долго оно не держится, слишком большая площадь. Впрочем, изображение на снимках, что я продаю, гораздо устойчивей.

— И что, она действительно сможет показать фотографию внукам?

— Ну, — ответил он, — нет.

— И насколько ее хватит?

— На пару лет или около того.

— А вас к тому времени уже и след простыл.

— И то правда. Но важнее всего те картины, которые хранятся здесь. — Он постучал себя по виску.

— Для всех нас. Согласен?

— Но... преподобный Джейкобс...

На короткое мгновение я увидел перед собой человека, который когда-то давно, когда Джонсон еще был президентом, прочел Ужасную проповедь.

— Пожалуйста, не зови меня так. Просто старина Дэн. Вот кто я теперь. Дэн, Молниеносный Портретист. Или Чарли, если тебе так больше нравится.

— Но она же обернулась. Девушка на фоновом изображении сделала полный оборот.

— Обычный фокус с движущейся проекцией. — Говоря это, он отвел взгляд. Потом снова посмотрел на меня. — Ты хочешь поправиться, Джейми?

— Я и так поправился. Должно быть, обычная простуда.

— Это не простуда, а грипп, и если ты решишь слить отсюда на автовокзал, он вернется с новой силой к полудню. Остайся, и тебе действительно станет

лучше. Где-нибудь через пару дней. Но я имел в виду не грипп.

— Со мной все в порядке, — сказал я, но теперь пришла моя очередь опускать глаза. Впрочем, стоило мне заметить коричневый пузырек в руках Джейкобса, как я снова поднял взгляд. Он держал его за мерную ложку и раскачивал на маленькой серебряной цепочке, точно гипнотизер. Я протянул руку за пузырьком, и Джейкобс его отдернул.

— Давно торчишь?

— На героине? Около трех лет. — На самом деле шесть. — Попал в аварию на мотоцикле. Разворотил к черту ногу и бедро. Сначала мне давали морфий...

— Само собой.

— ...а потом перевели на кодеин. Только он ни черта не помогал, так что я начал мешать с таблетками сироп от кашля. Терпингидрат, слышали о таком?

— Шутишь? У нас, ярмарочников, его называют солдатским джином.

— Нога зажила, но не до конца. И один парень — я тогда играл в «Андерсонвилльских рокерах», или они уже назывались «Гигантами Джорджии» — дал мне попробовать прометазин. Если говорить о борьбе с болью, это был настоящий прорыв. Слушайте, вам правда интересно?

— Даже не сомневайся.

Я пожал плечами, словно это не имело никакого значения, но мне хотелось выговориться. До того дня в фургоне Джейкобса такой возможности у меня не было. Никогда. В группах, с которыми я играл, все просто пожимали плечами и не обращали на это внимания — лишь бы ты выходил на сцену и помнил аккорды

«В полночный час», а это не квантовая механика, уж поверьте.

— Другой сироп от кашля. Мощнее терпингидрата, но только если знаешь, что делать. Нужно обвязать горлышко бутылки веревкой и крутить что есть мочи. Центробежная сила разделит сироп на три части. То, что нужно — гидрокодон — окажется в середине. Берешь соломинку и выпиваешь.

— Восхитительно.

«Не очень», — подумал я.

— Позже, когда это перестало помогать, я снова перешел на морфий. Потом обнаружил, что героин вставляет не хуже, а стоит вдвое дешевле. — Я улыбнулся. — Издержки рынка, знаете ли. Когда все перешли на крэк, герыч ушел в пике.

— По-моему, с твоей ногой все нормально, — мягко сказал он. — Там жуткий шрам, и, очевидно, недостает мышечной ткани, но не слишком много. Тобой занимался хороший врач.

— Ну да, ходить могу. Но попробуйте постоять на ноге, в которой туча штифтов, болтов и заклепок, по три часа каждый вечер — под светом прожекторов и с девятифунтовой гитарой наперевес. Можете поучать меня сколько влезет — в конце концов, вы позаботились обо мне, когда я вырубился, и, наверно, я должен быть вам за это благодарен, — только не говорите мне о боли. Этого не поймешь, пока не испытаешь на своей шкуре.

Он кивнул.

— Как человек, кому довелось понести... утрату... могу с этим согласиться. Но есть кое-что, о чем ты, готов спорить, и сам в глубине души знаешь. Эта боль у тебя в мозгах, а уж они перекладывают ответствен-

ность на ногу. Мозги в этом смысле очень изобретательны.

Он сунул пузырек в карман (на что я смотрел с глубоким сожалением) и наклонился вперед, глядя мне прямо в глаза.

— Я думаю, что смогу помочь тебе с помощью электротерапии. Гарантий нет, и лечение может дать лишь временный эффект, но я верю, что могу подарить тебе то, что в спорте называется вторым дыханием.

— Как вы вылечили Конни, когда ему прилетело лыжной палкой, да?

Похоже, мои слова его удивили.

— Ты помнишь, надо же.

— Конечно! Как я мог забыть?

А еще я помнил, как Кон отказался идти со мной к преподобному Джейкобсу после Ужасной проповеди. Не совсем как в той истории, где апостол Петр отрекся от Иисуса, но из той же оперы.

— Сомнительное излечение, Джейми. Скорее, то был эффект плацебо. Я же предлагаю тебе настоящее лекарство. То, которое — по крайней мере, я на это надеюсь — закоротит болезненный процесс ломки.

— Ну это вы сейчас так говорите.

— Ты судишь меня по ярмарочному образу. Но это всего лишь образ, Джейми. Когда я не ношу этот сценический костюм и не зарабатываю себе на хлеб, то стараюсь говорить правду. Черт возьми, даже со сцены я чаще всего говорю правду. Этот снимок действительно будет поражать друзей мисс Кэти Морс.

— Ага, — сказал я. — Пару лет или около того.

— Перестань увливать и ответь на мой вопрос. Ты хочешь выздороветь?

Мне на ум пришел постскрипtum записки, оставленной Келли ван Дорном у меня под дверью. «Если ты не завяжешь — через год будешь в тюрьме», — написал он. Это если повезет.

— Я пытался завязать три года назад. — Почти правда, хотя в то время я участвовал в программе «Замещающая терапия марихуаной». — Все делал как надо, прошел через почесуху, приливы и спонтанный понос. Нога болела так, что я едва мог ходить. Там что-то с нервами.

— Думаю, с этим я тоже справлюсь.

— Вы что, какой-то чудо-целитель? Вы хотите, чтобы я в это поверил?

Он сидел на ковре рядом с кроватью и теперь поднялся.

— На сегодня хватит. Тебе нужно поспать. Впереди еще долгая дорога к выздоровлению.

— Так дайте что-нибудь, что мне поможет.

Он сделал это без разговоров, и мне действительно полегчало. Да вот только недостаточно. К 1992 году моя настоящая помощь жила на кончике иглы. Нельзя было взять и избавиться от этого дерьма взмахом волшебной палочки.

По крайней мере, я так думал.

Большую часть недели я прожил в его «Баундере» на супе, бутербродах и мизерных дозах героина, которых как раз хватало, чтобы тряски становились терпимыми. Он принес мою гитару и сумку. В сумке должен был быть запасной шприц, но когда я заглянул в нее (во второй вечер, пока Джейкобс развлекал публику своими «Молниеносными портретами»), то ничего не

нашел. Я умолял его вернуть шприц и дать мне столько героина, чтобы я смог ширнуться.

— Нет, — сказал он. — Если хочешь уколиться в вену...

— Я только под кожу!

Он взглянул на меня, словно говоря: «Да-да, конечно».

— Если ты этого хочешь, то ищи все необходимое сам. Сегодня, может, ты еще не в состоянии выйти, но завтра точно сможешь, и я уверен, что в таком месте тебе не придется долго искать. Только сюда не возвращайся.

— А когда состоится так называемое чудесное излечение?

— Когда ты достаточно окрепнешь, чтобы выдержать небольшой электрический заряд в лобную долю.

При мысли об этом я похолодел. Спустив ноги с его кровати (сам Чарльз спал на выдвижной раскладушке), я стал наблюдать, как он снимает костюм для выступлений, аккуратно вешает в шкаф и надевает простую белую пижаму, в какой мог бы разгуливать статист из фильма ужасов про сумасшедший дом. Иногда мне казалось, что именно там ему и место — в сумасшедшем доме, и не потому, что он по сути дела стал ярмарочным фокусником. Иногда — особенно если Джейкобс заговаривал о целебных свойствах электричества — в его глазах зажигался нездоровый огонь. Примерно с таким же взглядом он когда-то читал проповедь, лишившую его работы в Харлоу.

— Чарли... — Так я его теперь называл. — Вы говорите о лечении электрошоком?

Он серьезно посмотрел на меня, застегивая свою дурдомовскую пижаму.

— Да и нет. Безусловно «нет» в общепринятом смысле, потому что я не собираюсь лечить тебя обычным электричеством. То, что я говорю на ярмарке, кажется невероятным, потому что этого жаждет публика. Они приходят сюда не за реальностью, Джейми; они приходят за фантазией. Но тайное электричество в самом деле существует, и способы его применения многообразны. Просто пока я не сумел открыть некоторые из них, в том числе тот, который интересует меня больше всего.

— Не хотите рассказать?

— Нет. Я дал несколько утомительных представлений и хочу спать. Надеюсь, утром ты все еще будешь здесь, но если нет — что ж, это твой выбор.

— В былые времена вы сказали бы, что никакого выбора нет — на все Божья воля.

— То был другой человек. Юноша с наивной верой. Ну что, спокойной ночи?

Я пожелал ему того же и лег на кровать, которую он мне уступил. Пусть Чарли перестал быть священником, но он во многом остался добрым самаритянином. Я не был наг, как тот человек, наткнувшийся на грабителей по пути в Иерихон, но геройн ограбил меня, отняв так много. Джейкобс накормил меня, дал кров и достаточно наркоты, чтобы не дать мне рехнуться окончательно. Вопрос теперь состоял в том, дам ли я ему шанс полностью убить мой мозг. Или вообще убить меня, шибанув по голове своим «особым электричеством».

Раз пять, а может, и десять или всю дюжину, у меня возникало желание выйти в парк и таскаться по аллее, пока не найду то, что мне нужно. Эта потребность, словно бур, все глубже и глубже вгрызалась в мою

голову. Понюшки героина ее не утоляли. Тут нужна была хорошая доза прямо в центральную нервную систему. Один раз я даже спустил ноги с кровати и потянулся за рубашкой, полный решимости встать и покончить с этим делом, но потом снова лег, дрожа, дергаясь и обливаясь потом.

Наконец я начал задремывать. Погружаясь в сон, я думал: «Завтра. Я уйду завтра». Но я остался. И на пятое утро — кажется, на пятое — Джейкобс сел за руль своего «Баундера», повернул ключ зажигания и сказал: «Давай прокатимся».

Выбора у меня не было — разве что открыть дверь и выпрыгнуть, потому что мы уже ехали.

VI

Лечение электричеством. Ночная экскурсия. Разозленный оклахомец. Билет на «Горный экспресс».

Мастерская Джейкобса находилась в западной части Талсы. Не знаю, как этот район выглядит сейчас, но в 1992 году там была промышленная зона, где большинство предприятий, судя по виду, пришло в упадок или уже умерло. Он припарковался у полупустого торгового центра на Олимпия-авеню, напротив вывески «Автомастерская Уилсона».

— Агент сказал, что помещение давно пустует, — объяснил Джейкобс. Он стоял передо мной в линялых джинсах и голубой тенниске, волосы — чистые, аккуратно причесанные, глаза сияют от возбуждения. От одного его вида мне становилось не по себе. — Пришлось заключить договор на год, но все равно аренда обошлась мне дешевле грязи. Пошли.

— Вы бы сняли вывеску и повесили свою, — заметил я и изобразил ее очертания лишь слегка дрожащими руками. — «Молниеносные портреты. Ч. Д. Джейкобс, правообладатель». Смотрелось бы неплохо.

— Я не задержусь в Талсе надолго, — сказал он, — а портреты просто помогают мне прокормиться, пока я занимаюсь своими опытами. Я многого достиг с тех пор, как был пастором, но до конца еще далеко. Ты и представить себе не можешь, насколько. Входи, Джейми, входи.

Он отпер дверь и впустил меня в офис, где не было никакой мебели, хотя на грязном линолеуме виднелись следы от ножек стола. Настенный календарь был открыт на апреле 1989 года.

Крыша у гаража была из гофрированного металла, и я ожидал, что сентябрьское солнце накалило его, как духовку. Но внутри оказалось на удивление прохладно. Я услышал шорох кондиционеров. Джейкобс протянул руку к выключателям — недавно переделанным, судя по тому, как провода торчали из незакрытых щитками отверстий, — и загорелось с десятков ярких ламп. Если бы не заляпанный маслом пол и два прямоугольных отверстия на месте бывших подъемников, гараж можно было бы принять за операционную.

— Наверно, кондиционирование стоит диких денег, — сказал я. — Да еще со всеми этими лампами.

— Дешевле грязи. Кондиционеры я сконструировал сам. Они потребляют совсем мало тока, и большую его часть я произвожу сам. Мог бы и все потребности покрывать, но тогда сюда заявятся инспектора из энергетической компании Талсы проверить, не ворую ли я электричество. А лампы... Их можно потрогать рукой и не обжечься. Даже кожа не нагреется.

Наши шаги эхом отдавались в пустом помещении, как и голоса. Нас словно бы окружали призраки. «Это просто потому, что у меня напряжены нервы», сказал я себе.

— Слушайте, Чарли... Вы ведь тут не балуетесь с радиоактивными веществами?

Он скривился и покачал головой.

— Ядерная энергия интересует меня меньше всего. Это для идиотов. Тупиковый путь.

— А как же вы производите ток?

— Электричество порождает электричество, если знать, что делаешь. И хватит об этом. Подойди сюда, Джейми.

В дальнем конце комнаты стояло три-четыре длинных стола со всякими электрическими штуками. Я опознал осциллоскоп, спектрометр и пару приборов, похожих на усилители «Маршалл», хотя они могли быть и батареями. Был там и полуразобранный приборный щиток, и несколько панелей с потемневшими циферблатами. Повсюду, как змеи, вились толстые провода. Одни уходили в металлические контейнеры, похожие на ящики для инструментов; другие соединялись с каким-то оборудованием.

«Может быть, все это — фантазия, — подумал я. — Приборы работают только в его воображении». Но Молниеносные портреты не были выдумкой. Я понятия не имел, как он их делал, а его объяснения были, мягко говоря, туманными, — но он их действительно делал. И хотя я стоял прямо под одной из нестерпимо ярких ламп, от нее не исходило никакого жара.

— Тут почти ничего нет, — с сомнением сказал я.

— Я ожидал большего.

— Мигающие огоньки! Хромовые рубильники, торчащие из научно-фантастических пультов управления! Телеэкраны, как в «Звездном пути»! Может быть, телепортатор или голограмма Ноева ковчега в диффузионной камере!

Он весело рассмеялся.

— Ну нет, конечно, — сказал я, хотя он в общем-то попал в точку. — Просто тут как-то... пустовато.

— Так и есть. Пока что мне не удалось продвинуться дальше. Кое-что из оборудования я продал. Другие приборы — более рискованного характера — разобрал и отправил на склад. Я хорошо поработал в Талсе, особенно с учетом того, как мало у меня было времени. Не так-то просто заработать на поддержание штанов, как тебе, несомненно, известно.

Да, несомненно.

— Но мне удалось продвинуться к конечной цели. Теперь мне надо подумать, а это трудно сочетать с дюжиной выступлений за вечер.

— И какая же у вас конечная цель?

Он снова проигнорировал мой вопрос.

— Подойди сюда, Джейми. Хочешь немного подзарядиться, пока мы не начали?

Я не был уверен, что вообще хочу начинать, но подзарядиться хотел — это уж точно. Не в первый раз я подумал, что хорошо бы было выхватить у него коричневый пузырек и сбежать. Но он, скорее всего, догнал бы меня и отнял добычу. Хотя я был моложе и уже почти оправился от гриппа, он все же оставался сильнее. Начнем с того, что его нога не была раздроблена после аварии.

Он поставил перед одним из черных ящиков, похожих на усилители «Маршалл», заляпанный краской стул.

— Садись.

Но я не спешил. На одном из столов стояла фотография в рамке с картонной подпоркой. Он увидел,

что я тянусь к ней, и протянул было руку, чтобы остановить меня, но передумал.

Песня, услышанная по радио, может окунуть вас в прошлое с невероятной мощью (хотя, к счастью, ненадолго): первый поцелуй, веселая гулянка с друзьями, трагическое происшествие. Песня «Флитвуд Мак» «Иди своим путем» всегда напоминает мне о последних неделях жизни моей матери, наполненных болью. Той весной она, казалось, звучала по радио каждый раз, когда я его включал. Фотография может обладать такой же силой. Один взгляд на снимок в рамке — и мне снова было восемь лет. Моя сестра помогала Морри выстроить домино в Игрушечном уголке, а Пэтси Джейкобс, раскачиваясь, играла на пианино «Вяжем мы снопы», и ее светлые волосы летали из стороны в сторону.

Это был студийный портрет. Пэтси была одета в просторное платье до щиколоток, которое давным-давно вышло из моды, но на ней смотрелось красиво. Малыш сидел у нее на коленях, одетый в шорты и вязаную жилетку. На макушке у него торчал вихор, который я так хорошо помнил.

— Мы называли его «Морри-Я-с-вами», — сказал я, легко коснувшись пальцами стекла.

— Правда?

Я не поднял на него взгляда. Боялся того, что мог увидеть в его глазах.

— Да. И все мы, мальчишки, были влюблены в вашу жену. И Клер тоже. Наверно, она мечтала стать такой, как миссис Джейкобс.

При мысли о сестре мои глаза начали наполняться слезами. Я мог бы сказать вам, что дело было в моей

физической слабости и желании получить дозу, и это была бы правда — но не вся правда.

Я провел рукой по лицу и поставил фотографию на место. Когда я взглянул на Джейкобса, он возился с регулятором напряжения, с которым с виду все было в порядке.

— Вы больше не женились?

— Нет, — ответил он. — Даже не думал. Я не хотел никого, кроме Пэтси и Морри. Мне никто не нужен. Не проходит ни дня, чтобы я не вспоминал о них; ни месяца, чтобы мне не приснилось, что они живы и здоровы. Это авария была страшным сном, думаю я. А потом просыпаюсь. Скажи мне вот что, Джейми. Твоя мать и сестра. Ты никогда не думаешь о том, где они сейчас? И есть ли они где-нибудь?

— Нет.

Если от моей веры что-то и уцелело после Ужасной проповеди, старшая школа и колледж развеяли и эти остатки.

— Понятно.

Он бросил регулятор и включил штуку, похожую на усилитель «Маршалл» — мало какие группы из тех, в которых я играл, могли его себе позволить. Штука загудела, но не так, как «Маршалл». Звук был более низкий и почти музыкальный.

— Ну что ж, приступим?

Я посмотрел на стул, но не сел.

— Вы собирались сначала дать мне дозу.

— Твоя правда. — Он вытащил коричневый пузырек, задумчиво посмотрел на него и протянул мне. — Поскольку можно надеяться, что это твой последний раз, может, давай ты сам?

Ему не пришлось меня упрашивать. Я дважды мощно втянул в себя порошок и повторил бы процедуру, если бы он не выхватил у меня пузырек. Тем не менее в моем мозгу открылось окно с видом на тропический берег. Подул мягкий бриз, и внезапно мне стало все равно, что случится с моим мозгом. Я уселся на стул.

Он открыл один из настенных шкафов и вытащил пару потрепанных, склеенных изолентой наушников с покрытыми металлической сеткой подушечками. Он подключил их к «усилителю» и протянул мне.

— Если я услышу «В райском саду» — только вы меня и видели, — предупредил я.

Он улыбнулся, но ничего не сказал.

Я надел наушники. Сетка холодила уши.

— Вы их на ком-нибудь испытывали? — спросил я. — Будет больно?

— Не будет, — ответил Джейкобс, пропустив мимо ушей первый вопрос. Словно наперекор своим словам он подал мне капу вроде тех, которыми пользуются боксеры, и улыбнулся при виде выражения моего лица.

— На всякий случай. Давай, вставляй.

Я вставил.

Он вынул из кармана белую пластмассовую коробочку размером с дверной звонок.

— Я думаю, ты...

Но тут он нажал кнопку, и продолжения я не услышал.

В глазах у меня не потемнело, провала во времени я не почувствовал, ничего такого. Просто раздался щелчок, очень громкий, как если бы Джейкобс щелкнул пальцами у меня над ухом — хотя от меня до него

было не меньше пяти футов. И тут я вдруг обнаружил, что Джейкобс уже стоит надо мной, а не около псевдо-«Маршалла». Белая коробочка исчезла, а с моими мозгами творилось неладное. Их заклинило.

— Что-то, — сказал я. — Что-то, что-то, что-то. Случилось. Случилось. Что-то случилось. Что-то случилось, случилось, что-то случилось. Случилось. Что-то.

— Прекрати. С тобой все в порядке. — Но его голос звучал неуверенно. В нем слышался испуг.

Наушники исчезли. Я попытался встать, но вместо этого выбросил вверх руку, будто второклассник, который знает верный ответ, и ему не терпится, чтобы его вызвали.

— Что-то. Что-то. Что-то. Случилось. Случилось, случилось. Что-то случилось.

Он отвесил мне пощечину, причем неслабую. Меня отбросило назад, и я наверняка упал бы, если бы стул не стоял впрытик к металлической стене мастерской.

Я опустил руку и замолчал. Потом просто уставился на Джейкобса.

— Как тебя зовут?

«Сейчас отвечу «что-то случилось», — подумал я.

— Имя Что-то, фамилия — Случилось».

Но вместо этого я сказал:

— Джейми Мортон.

— Второе имя?

— Эдвард.

— Кто я?

— Чарльз Джейкобс. Чарльз Дэниел Джейкобс.

Он достал пузырек с героином и дал его мне. Я посмотрел на него и протянул обратно.

— Пока хватит. Вы же только что мне давали.

— Неужели?

Он показал мне свои часы. Мы пришли сюда еще утром, а сейчас они показывали четверть третьего.

— Этого не может быть.

Он взглянул с интересом.

— Почему?

— Потому что все произошло мгновенно... Хотя, наверное, нет?

— Да, мы с тобой беседовали довольно долго.

— И о чем же?

— О твоём отце. О твоих братьях. О смерти твоей матери. И Клер.

— Что я говорил о Клер?

— Что она вышла замуж за жестокого человека и молчала об этом три года, потому что ей было стыдно. В конце концов она рассказала обо всем твоему брату Энди и...

— Его звали Пол Овертон, — сказал я. — Он преподавал английский в элитной подготовительной школе в Нью-Гэмпшире. Энди приехал туда и подкараулил Овертона на парковке. Когда тот объявился, Энди выбил из него все дерьмо. Мы все любили Клер — даже Пол Овертон, наверное, по-своему любил ее, — но Клер с Энди самые старшие, они были особенно близки. Об этом я тоже рассказал?

— Практически слово в слово. Энди сказал: «Если ты еще раз ее тронешь, я тебя убью».

— Что я еще сказал?

— Что Клер бросила его, добилась охранный ордер и подала на развод. Она переехала в Норт-Конвей и нашла новую работу. Через полгода после развода Овертон приехал туда и застрелил ее прямо в классе,

где она после уроков проверяла работы учеников. Потом застрелился сам.

Да. Клер мертва. На ее похоронах наша большая, шумная и обычно счастливая семья собралась вместе в последний раз. Был солнечный октябрьский день. Когда все закончилось, я поехал во Флориду — просто потому, что никогда там не был. Через месяц я уже играл в Джексонвилле с «Помадой Пэтси Клайн». Цены на бензин кусались, климат оказался теплым, так что я сменил машину на «Кавасаки». Как выяснилось позже, не самая удачная идея.

В углу комнаты стоял маленький холодильник. Джейкобс открыл его, вытащил бутылку яблочного сока и дал мне. Я опустошил ее в пять глубоких глотков.

— Давай посмотрим, сможешь ли ты встать.

Я поднялся из кресла, меня повело. Чарльз удержал меня за локоть.

— Отлично. Теперь походи немного.

Я прошелся по комнате, и хотя поначалу меня шатало, как пьяного, в конце концов все пришло в норму. Четкий Эдди вернулся.

— Хорошо, — сказал Джейкобс. — Походка ровная, хромоты нет. Давай-ка двигать на ярмарку. Тебе нужно отдохнуть.

— Но что-то все же случилось, — сказал я. — Что именно?

— Я думаю, небольшая перестройка твоей мозговой активности.

— Вы думаете.

— Да.

— Но не знаете наверняка, так?

Он, казалось, обдумывал эту мысль очень долго — хотя, может, на самом деле прошло всего несколько секунд. Более или менее нормальное восприятие времени вернулось ко мне лишь через неделю. Наконец он произнес:

— Некоторые важные книги крайне сложно раздобыть, поэтому мои исследования продвигаются не так быстро. Иногда из-за этого приходится идти на определенные риски. Приемлемые, само собой. Но с тобой же все хорошо, не так ли?

Я подумал, что еще рано об этом судить, но промолчал. В конце концов, дело было сделано.

— Пойдем, Джейми. У меня впереди тяжелый вечер, и мне самому нужно отдохнуть.

Когда мы добрались до его трейлера, я попытался открыть дверь и вместо этого снова вытянул руку вверх. Локоть отказывался сгибаться, словно сустав вдруг стал чугунным. На одно жуткое мгновение мне показалось, что рука так никогда и не опустится, и я так и останусь на всю жизнь с поднятой рукой «Можно я, можно я отвечу!». Но потом меня отпустило. Я опустил руку, открыл дверь и вошел внутрь.

— Это пройдет, — сказал он.

— Откуда вы знаете, если даже не знаете точно, что именно сделали?

— Потому что уже видел такое раньше.

На ярмарке, припарковавшись на своем обычном месте, Джейкобс снова показал мне пузырек с героином.

— Можешь заправиться, если хочешь.

Но я не хотел. Чувство было такое, будто после праздничной трапезы из девяти блюд тебе предлагают банановый сплит: ты знаешь, что десерт хорош, и что

при других обстоятельствах ты бы с радостью его слопал, но только не после сытного ужина. После сытного ужина банановый сплит — не предмет вожделения, а просто предмет.

— Может, позже, — ответил я, но «позже» не наступило до сих пор. И сегодня, когда я, пожилой уже человек с зачатками артрита, пишу о тех давних временах, я знаю, что уже и не наступит. Он исцелил меня, осознавая опасность такого исцеления: когда мы говорим о приемлемых рисках, вопрос в том, *приемлемых для кого?* Чарли Джейкобс был добрым самаритянином. А еще он был полубезумным ученым, и в тот день в заброшенной автомастерской я послужил ему очередным подопытным кроликом. Он мог меня убить, и иногда — часто, чего уж там, — я жалею, что этого не случилось.

Остаток дня я проспал, а вечером проснулся бодрым и с ясной головой, как в старые добрые времена. Скинув ноги с кровати, я наблюдал, как Джейкобс одевается к выступлению.

— А скажите... — начал я.

— Если ты о нашем приключеньице на западе Талсы, то я бы помолчал. Давай просто подождем и посмотрим, останешься ли ты в твоём теперешнем состоянии, или тебя снова заломает... Чертов галстук, никак не могу его правильно завязать, а от Бриско толку немного.

Бриско звали его помощника, который нарочито переигрывал и, когда нужно, отвлекал публику.

— Подождите, — сказал я. — Вы тут здорово намудрили. Дайте мне.

Встав у него за спиной, я завязал ему галстук. Теперь, когда руки не дрожали, мне это далось легко. В них, как и в моей походке, прибавилось уверенности.

— Где ты этому научился?

— После той аварии, когда я снова мог выстоять на сцене пару часов и не упасть, я играл в группе под названием «Гробовщики». — Не бог весть какая группа, как и любая другая, в которой я был лучшим музыкантом. — Мы выступали в сюртуках, цилиндрах и галстуках-ленточках. Барабанщик подрался с басистом из-за девушки, группа распалась, но зато я обзавелся новым навыком.

— Что ж... спасибо. О чем ты хотел меня спросить?

— О молниеносных портретах. Вы фотографируете только женщин. Мне кажется, вы теряете из-за этого половину клиентов.

Он улыбнулся своей мальчишеской улыбкой, какой улыбался во время игр в подвале пастората.

— Когда я изобрел портретную камеру — помесь генератора и проектора, как ты сам, конечно же, догадался, — я *попытался* фотографировать и мужчин, и женщин. Было это в небольшом парке развлечений под названием «Джойленд» на побережье Северной Каролины. Он уже закрылся, но, Джейми, это было прекрасное место. Оно мне очень нравилось. Там, на центральной аллее, — называлась она Джойленд-авеню, — рядом с Зеркальным дворцом Мистерио располагалась Галерея Бунтарей. В ней стояли картонные фигуры в человеческий рост с прорезями для лиц: пират, гангстер с автоматом, крутая деваха с «Томми-ганом», Джокер и Женщина-Кошка из комиксов о Бэтмене. Люди вставляли лица в прорези, а парковые

фотографы — Голливудские девушки — щелкали их на камеру.

— И это навело вас на мысль?

— Да. В то время я представлялся мистером Электрико — аллюзия на Рэя Брэдбери, пусть вряд ли хоть кто-то из лохов это понял. И хотя уже тогда я изобрел более грубую версию моего нынешнего проектора, у меня и мысли не возникло задействовать его в моем шоу. В основном я использовал катушку Теслы и генератор искр под названием Лестница Иакова. Я показывал вам, детям, ее уменьшенную версию, когда был вашим священником. С помощью химикатов я окрашивал искры-ступеньки в разные цвета. Помнишь?

Я помнил.

— Галерея Бунтарей заставила меня задуматься о возможностях моего проектора, и я придумал молниеносные портреты. Очередная замануха, скажешь ты... но она помогла мне продвинуться в моих исследованиях, и помогает до сих пор. В «Джойленде» кроме задника с красавицей в бальном платье я использовал задник с мужчиной в дорогом черном галстуке. Некоторые мужики соглашались на снимок, но на удивление мало. Наверное, над ними потешались дружки, когда видели их одетыми с иголки. Женщины же над таким не смеются никогда, потому что сами *обожают* одеваться с иголки. Завидев мое творение, они выстраиваются в очередь.

— И долго вы уже гастролируете?

Прищурив глаз, он начал подсчитывать, а потом удивленно воскликнул:

— Уже почти пятнадцать лет!

Я покачала головой и улыбнулся.

— Из проповедников в зазывалы.

Тут я понял, что ляпнул бестактность, но мысль о том, что мой бывший духовник теперь обрабатывает толпы зевак, по-прежнему не укладывалась у меня в голове. Однако Джейкобс не обиделся. Взглянув еще разок в зеркало на свой безупречно повязанный галстук, он мне подмигнул.

— Разницы никакой. И те, и другие окучивают лохов. А теперь, с твоего разрешения, я пойду торговать молниями.

Героин Джейкобс оставил на столике, стоявшем посередине «Баундера». Время от времени я поглядывал на него, даже повертел пузырек в руке, но желания вмазаться не испытал. Честно говоря, я не мог понять, почему угробил на это немалую часть своей жизни. Та безумная тяга теперь казалась сном. Неужели все чувствуют себя так же, когда их жажда проходит? Я не знал.

И не знаю до сих пор.

Бриско, как это часто бывает с ярмарочными подсобниками, отправился на поиски лучшей доли, и когда я предложил Джейкобсу свои услуги, он тотчас же согласился. Не то чтобы работа была сложной — просто это избавило его от необходимости искать местного дурачка, который таскал бы проектор, подавал цилиндр и притворялся, что его бьет током. Он даже предложил мне во время представления наигрывать что-нибудь на своем «Гибсоне». «Что-нибудь тревожное, — инструктировал Джейкобс. — Так, чтобы эти лоховские головы поверили, что девчонка и вправду сейчас поджарится».

Это было несложно. Чередование аккордов «ля-минор» и «ми-мажор» (на которых, если вам интерес-

но, построены «Дом восходящего солнца» и «Беда на Спрингхиллской шахте») всегда намекает на обреченность. Мне нравилась эта партия, хотя я не мог отделаться от мысли, что с глубоким медленным ритмом ударных она звучала бы несколько эффектней.

— Не слишком-то ко всему этому привыкай, — как-то посоветовал мне Джейкобс. — Я планирую двигать отсюда. Когда ярмарка закроется, парк практически опустеет.

— Двигать куда?

— Пока не знаю, но я привык путешествовать в одиночку, — и он похлопал меня по плечу. — Просто чтоб ты знал.

Он мог мне этого и не говорить. После смерти жены и сына Чарли Джейкобс выступал исключительно соло.

Его визиты в мастерскую становились все короче. Он начал переносить обратно кое-что из оборудования и складывать в маленький трейлер, прицепленный к фургону. Усилители, которые не были усилителями, как и две из четырех длинных металлических коробочек, так и не появились. Я предполагал, что он хочет начать все заново — как если бы он прошел до конца одну дорогу и решил ступить на другую.

Я понятия не имел, что мне делать со своей жизнью — отныне свободной от наркоты (и хромоты тоже), но путешествия с Королем Высокого Напряжения в мои планы точно не входили. Я был ему благодарен, но не так сильно, как вы могли бы подумать, — просто все ужасы героиновой зависимости уже начали стираться из моей памяти. Так, наверное, женщина забывает боль, которую испытывала во время родов. Кроме того, он меня пугал. Он и его тайное электричество.

Джейкобс говорил о нем с таким пафосом — секрет мироздания, ключ к высочайшему знанию, — но сам знал об этом не больше, чем карапуз знает о пистолете, найденном в отцовском шкафу.

И к слову о шкафах. Ну да, я рылся в его вещах. И нашел альбом с фотографиями Пэтси, Морри и всех трех Джейкобсов вместе. Страницы были замусолены почти до дыр, переплет едва держался. Не нужно было быть Сэмом Спейдом, чтобы понять, что Джейкобс часто заглядывает в этот альбом — но я никогда не видел его за этим занятием. Альбом был тайной.

Как его электричество.

Ранним утром третьего октября, незадолго до того, как ярмарка в Талсе закрыла свои двери до следующего года, я испытал последний побочный эффект устроенной мне Джейкобсом встряски. Он выдал мне жалованье (намного больше, чем следовало), и я на неделю снял комнату в четырех кварталах от места, где стояла ярмарка. Ему явно хотелось остаться одному, как бы он мне ни симпатизировал (если, конечно, симпатизировал). К тому же я чувствовал, что уже давно пора освободить его кровать.

Я улегся в полночь, где-то через час после того, как мы завершили последнее вечернее выступление, и мгновенно вырубился. Так случалось почти всегда. Избавившись от наркоты, я спал хорошо. Но той ночью я проснулся, проспав всего два часа — на поросшем сорняками заднем дворе пансиона. Над головой висел ледяной серп луны. Под ней стоял Джейми Мортон — голый, если не считать одного носка и резиновой трубки, стянувшей бицепс. Я не знал, откуда она взялась, но выше жгута вздулись вены — в любую из которых

можно было с легкостью вмазаться, — а ниже рука была белой, холодной и быстро немела.

— Что-то случилось, — сказал я. В кулаке я сжимал вилку (которую тоже бог знает где взял) и раз за разом втыкал ее во вздувшееся плечо. Кровь стекала вниз дюжиной ручейков. — Что-то. Случилось. Что-то случилось. Мама, что-то случилось. Что-то, что-то.

Я приказал себе остановиться, но удалось это не сразу. Я не владел собой, но, вероятно, мною владел кто-то другой. Мне вспомнился Электрический Иисус, пересекающий гладь Мирного озера по спрятанному рельсу. Сейчас я был на него похож.

— Что-то.

Тычок.

— Что-то случилось.

Тычок, еще один.

— Что-то...

Я высунул язык и прикусил его. Снова раздался щелчок, только в этот раз не над ухом, а глубоко в голове. Позыв говорить и тыкать себя исчез, вот так — раз и все. Вилка выпала из ладони. Я стянул с себя самодельный жгут, и руку начало покалывать — кровь вновь устремилась по венам.

Поежившись, я взглянул на луну, пытаюсь понять, кто или что управляло мной. Потому что мной действительно управляли. Когда я вернулся в свою комнату (радуясь, что никто не видит, как мой конец болтается на ветру), то увидел, что где-то наступил на стекло и здорово порезал ногу. Это должно было меня разбудить, но не разбудило. Почему? Потому что я не спал. В этом я был уверен. Что-то вышвырнуло меня из себя и завладело мной, управляя телом точно машиной.

Я промыл ногу и вернулся в постель. Джейкобсу я так и не рассказал о случившемся — ничего хорошего бы из этого не вышло. Он бы заметил, что порез на ноге во время небольшого ночного приступа — невеликая цена за чудесное исцеление от героиновой зависимости, и был бы прав.

Тем не менее.

Что-то случилось.

В том году ярмарка в Талсе заканчивалась десятого октября. Я прибыл к фургону Джейкобса около половины шестого. Времени, чтобы настроить гитару и повязать ему галстук (что уже стало нашей традицией), было предостаточно. Я как раз этим и занимался, когда в дверь постучали. Чарли, нахмурившись, пошел открывать. Предстояло отыграть шесть представлений, включая финальное, в полночь, и ему не нравилось, когда кто-то мешал подготовке.

Он открыл дверь, успел произнести: «Если это не крайне важно, вам лучше прийти поз...» — а потом фермер в комбинезоне и бейсболке (типичный взбешенный оклахомец) вмазал ему по зубам. Ошеломленный Джейкобс сделал шаг назад, запутался в собственных ногах и упал, едва не стукнувшись головой об обеденный столик, что почти наверняка отправило бы его в нокаут.

Наш гость ворвался внутрь и схватил Джейкобса за лацканы. Они были почти ровесники, но фермер выглядел куда здоровее. К тому же он был в ярости. Я подумал, что это может плохо кончиться. Все и так уже было плохо, но дело могло дойти и до продолжительного визита в больницу.

— Это из-за тебя ее арестовали! — заорал он. — Будь ты проклят! Теперь на нее завели дело, и ей с этим жить до конца своих дней! Как щенку с жестяной на хвосте!

Не раздумывая, я схватил пустую кастрюлю из раковины и ударил оклахомца по голове. Не сильно, однако он отпустил Джейкобса и в изумлении уставился на меня. По обеим сторонам его шнобеля потекли слезы.

Пошатываясь и держась за стены, Чарли заковылял вглубь трейлера. С его нижней губы, разорванной в двух местах, капала кровь.

— Что ж вы не выбрали противника себе по росту? — спросил я. Не слишком логичное заявление, знаю, но в стычках мы вновь оказываемся на воображаемом школьном дворе.

— Она теперь под суд пойдет! — проорал он с акцентом, похожим на звук расстроенного банджо. — И все из-за этого говнюка! Из-за этого сраного паразита! Ишь, сбежал, как окаянный краб!

Окаянный. Он так и сказал: окаянный.

Я поставил кастрюлю на плиту, показал ему, что безоружен, и сказал самым умиротворяющим голосом, на который был способен:

— Не знаю, о ком выговорите, и уверен, что... — я чуть не сказал «Чарльз». -...Дэн тоже не в курсе.

— Доча моя! Моя доча Кэти! Кэти Морс! Он сказал, что снимок ничего не будет ей стоить, потому что она первая вышла на сцену, да как бы не так! Дорого ей обошлась эта фотка! Всю ее окаянную жизнь порушила!

Я с опаской обнял его за плечи, думая, что он может ударить меня в ответ. Но теперь, когда первоначаль-

ная злость прошла, он выглядел просто грустным и растерянным.

— Давайте выйдем, — сказал я. — Найдём скамейку и спокойно в теньке все обсудим.

— А кто вы такой?

Я уже собрался произнести «ассистент мистера Джейкобса», но вовремя понял, что это не самая лучшая идея. И тут годы, проведенные в музыкальном бизнесе, сослужили мне хорошую службу.

— Его агент.

— Да? И вы выплатите мне компенсацию? Потому что она мне нужна. Я на одних адвокатах разорюсь. — Он ткнул пальцем в Джейкобса. — Из-за тебя! Чтоб тебя черти сожрали!

— Я... я понятия не имею... — Чарльз вытер с подбородка обильно заливавшую его кровь. — Понятия не имею, о чем выговорите, мистер Морс, уверяю вас.

Я уже увел Морса к двери и не хотел терять ни пяди завоеванной территории.

— Обсудим это на свежем воздухе.

Он позволил вывести себя наружу. На углу служебной парковки стояло небольшое кафе, где в тени изодранных зонтов прятались ржавые столики. Я купил большую колу и протянул ее Морсу. Тот сначала пролил немного на стол, а потом осушил половину бумажного стакана в несколько глотков. Затем поставил стакан и потер запястьем лоб.

— Сколько раз говорил себе не пить такую ледяную, — сказал он. — Словно гвоздь в голову вбивает, а?

— Да, — сказал я и вспомнил, как стоял голым в слабом лунном свете и втыкал вилку в раздутое плечо. *Что-то случилось.* Со мной — и, похоже, с Кэти Морс тоже.

— Расскажите мне, что стряслось.

— Чертов снимок, который он ей дал — вот что стряслось. Она повсюду с ним таскалась. Ее подружки даже начали смеяться над ней из-за этого, но Кэти было все равно. Она всем говорила: «Вот как я выгляжу *на самом деле*». Как-то вечером я решил выбить эту дурь из ее головы, но мать велела мне прекратить и сказала, что все пройдет само. И оно вроде бы прошло. Два или три дня снимок оставался в ее комнате. Она даже ходила без него в свою парикмахерскую школу. Мы думали, что все кончилось.

Но ничего не кончилось. Три дня назад, седьмого октября, она вошла в ювелирный магазин Дэвида в Брукен-Эрроу, городке к юго-востоку от Талсы. С собой у нее была хозяйственная сумка. Оба продавца узнали девушку, потому что она несколько раз заглядывала к ним после своего звездного часа на представлении Джейкобса. Один из продавцов спросил, чем ей помочь. Кэти, не говоря ни слова, прошла мимо к витрине, где лежали самые дорогие украшения. Она достала из сумки молоток и разнесла витрину вдребезги. Не обращая внимания на вой сигнализации и два пореза, которые пришлось потом зашивать («И от них останутся шрамы», — сокрушался ее отец), она сунула руку внутрь и достала пару бриллиантовых сережек.

— Они мои, — сказала она. — Подходят к моему платью.

Морс уже заканчивал свою историю, когда рядом возникли два здоровяка в черных футболках с надписью «Охрана».

— Какие-то проблемы? — спросил один из них.

— Нет, — сказал я. Так оно и было. То, что он мне все рассказал, окончательно развеяло остатки его ярости — и это было хорошо. Но при этом он словно бы сдулся, и это уже было не так хорошо. — Мистер Морс как раз уходит.

Он поднялся, сжимая в руках стакан с остатками колы. Кровь Чарли Джейкобса на его костяшках уже начинала высыхать. Он смотрел на нее и как будто не понимал, как она там оказалась.

— Науськивать на него копов ведь без толку, верно? — спросил он. — Они скажут, что он всего лишь сделал снимок. Черт, да он даже денег за него не взял.

— Пойдемте, сэр, — сказал один из охранников. — Если вы хотите посетить ярмарку, я с радостью поставлю вам на руку печать.

— Нет, сэр, — ответил Морс. — Моей семье хватило этой ярмарки сполна. Я иду домой.

Он пошел, потом обернулся.

— Такое уже случалось, мистер? Он уже свихнул кому-нибудь мозги так же, как моей Кэти?

«Что-то случилось, — подумал я. — Что-то, что-то, что-то».

— Нет, — сказал я. — Никогда.

— Так вы мне и сказали. Вы же его агент.

Потом он ушел, опустив голову и не оборачиваясь.

Джейкобс уже сменил запачканную кровью футболку и прижимал к распухающей губе кухонное полотенце со льдом. Я пересказал ему историю Морса, он выслушал ее и сказал:

— Повяжи мне галстук заново, пожалуйста. Мы уже опаздываем.

— Так, — сказал я. — Подождите. Вам нужно что-то с ней сделать. Вернуть все на место, как вы сделали со мной. С этими наушниками.

Он посмотрел на меня почти с презрением.

— Думаешь, дорогой папаша даст мне приблизиться к ней хоть на милую? Кроме того, эта проблема... эта ее мания... пройдет сама по себе. С ней все будет в порядке, и любой более или менее приличный адвокат докажет, что она была не в себе. Бедняжка отделается предупреждением.

— Все это для вас не в новинку, верно?

Он пожал плечами, глядя в мою сторону, но избегая смотреть в глаза.

— Иногда случаются побочные эффекты, да, но таких впечатляющих случаев, как с мисс Морс, еще не бывало.

— Вы только учитеесь, так? Все ваши клиенты — подопытные кролики. Просто они об этом не знают. Я был подопытным кроликом.

— Тебе сейчас лучше или нет?

— Лучше.

Если не считать ночной сцены с вилкой, конечно.

— Тогда, пожалуйста, повяжи мне галстук.

Я едва не отказался. Но, хотя я на него и злился — особенно на то, что он прокрался через заднюю дверь и вызвал охрану, — я был у него в долгу. Он спас мне жизнь, и это само по себе уже что-то да значило, но главное — теперь эта жизнь была трезвой.

Так что я повязал ему галстук. Мы провели представление — и не одно, а целых шесть. В небо взмыли прощальные ярмарочные фейерверки, и толпа ахнула, но когда Дэн, Молниеносный Портретист, творил свою магию, она ахала куда как громче. И когда девушки

под мои гитарные переходы с ля-минора на ми-мажор изумленно-мечтательно смотрели, как их лица появляются на огромной декорации, я гадал, которая из них вскоре обнаружит, что частично лишилась рассудка.

Конверт, подсунутый под мою дверь. Дежа вю, снова и снова, как сказал бы Йоги. Только в этот раз постель я не намочил, нога не болела, грипп меня не мучил, дрожь от жажды немедленно вмазаться меня не колодила. Я наклонился, поднял конверт и открыл его.

Мой пятый персонаж не любил долгих прощаний, что правда — то правда. В конверте лежал другой конверт, с билетом на поезд, к которому был прицеплен листок бумаги. На листке была написана фамилия и адрес в городе Недерленд, штат Колорадо. Ниже Джейкобс нацарапал три фразы: «Этот человек поможет с работой, если она тебе нужна. Он мой должник. Спасибо за галстук. Ч. Д. Дж.»

Я открыл второй конверт и обнаружил там билет в один конец на «Горный экспресс» из Талсы до Денвера. Я долго смотрел на него, раздумывая, не обменять его в кассе на деньги. Или доехать до Денвера и устроиться там в какую-нибудь группу. Только мне понадобилось бы время, чтобы вернуться в форму. Пальцы ослабли, навыки подрастерялись... к тому же нельзя было забывать и про наркоту. Когда ты на гастролях, она окружает тебя со всех сторон. Магия «Молниеносных портретов» рассеивается через пару лет или около того, сказал Джейкобс, и откуда мне было знать, не произойдет ли то же самое и с чудом моего исцеления? Откуда мне было знать, если он сам не знал?

В тот день я взял такси и поехал в автомастерскую, которую он снимал в Западной Талсе. Она была аб-

совершенно пуста, если не считать куска проволоки на грязном от машинного масла полу.

«Вот место, где со мной что-то случилось», — подумал я. Вопрос был в другом: надел бы я наушники, если бы была возможность начать все сначала? Я решил, что надел бы, и каким-то мне самому не до конца понятным образом эта мысль помогла определиться с билетом. Я использовал его по назначению, и когда достиг Денвера, сел на автобус до Недерленда — городка, раскинувшегося высоко на западном склоне Скалистых гор. Там я встретил Хью Йейтса, и моя жизнь началась в третий раз.

VII

Возвращение домой. Ранчо «Волчья пасть». Господь исцеляет подобно молнии. Глухой в Детройте. Призматика.

Мой отец умер в 2003 году, пережив жену и двух детей из пяти. Клер Мортон-Овертон не было даже тридцати, когда ее убил бывший муж. И мама, и старший брат умерли в пятьдесят один год.

Вопрос: где твое, смерти, жало?

Ответ: да везде, блядь.

Я вернулся в Харлоу на поминальную службу по отцу. Большинство улиц в городе теперь были заасфальтированы, не только наша и Девятое шоссе. Там, где мы раньше купались, теперь стоял жилой комплекс, а в полумиле от Силомской церкви построили большой универмаг. И все же во многом город остался прежним. Наша церковь все так же стояла рядом с домом Майры Харрингтон (хотя сама Бабуля уже давно отправилась на посиделки к Всевышнему), а качели из покрывки так и висели на заднем дворе нашего дома. Наверное, на них качались дети Терри — хотя сейчас

они уже выросли из подобных забав. Веревка истерлась и потемнела от времени.

«Я могу ее поменять», — подумалось мне. Но зачем? Для кого? Уж точно не для своих детей — у меня их нет. Да и дом этот уже не мой.

На подъездной дорожке стояла единственная машина — потрепанный «Форд» 1951 года. Он был в точности похож на самую первую «Дорожную ракету», но, конечно, ею быть не мог: Дуэйн Робишо разбил «Дорожную ракету» в Касл-Роке, на первом же круге ее единственного гоночного заезда. И все же на багажнике красовалась наклейка «Делко Бэттерис», а на двери — цифра 19, выведенная ярко-красной, как кровь, краской. Сверху спикировала ворона и взгромодилась на капот. Я вспомнил, как отец учил нас делать пальцами «козу» при виде ворон — от сглаза («Может, это и ерунда, но хуже не будет», — говорил он). Я подумал: «Мне это не нравится. Здесь что-то не так».

Я мог понять, почему не приехал Кон — Гавайи отсюда значительно дальше, чем Колорадо, — но где Терри? Он и его жена Аннабель все еще жили тут. А семейство Боуи? И что насчет Клаки? Пакеттов? Парней из «Топлива Мортон»? Не мог же отец пережить их всех.

Я припарковался, вышел из машины и увидел, что это не «Форд Фокус», взятый напрокат в Портленде, а «Галакси» 66 года, который отец с братом подарили мне на семнадцатилетие. На пассажирском сиденье лежала стопка книг Кеннета Робертса, подаренных мамой: «Оливер Уизвелл», «Арундел» и все остальные.

«Это сон, — подумал я. — Я его уже видел».

Облегчения эта мысль не принесла; ужас лишь стал сильнее.

На крышу дома, где я вырос, села ворона. Еще одна — на ветку, где висели качели: кора с ветки облупилась, и она торчала из дерева, точно кость.

Я не хотел идти в дом, потому что знал, что там найду. Тем не менее ноги сами понесли меня вперед. Я шел, шаг за шагом, и хотя Терри восемь (или десять) лет назад прислал мне фотографию нового крыльца, та самая доска, вторая сверху, издала привычный недовольный скрип, когда я на нее ступил.

Они ждали меня в столовой. Не вся семья, только мертвые. Мама была похожа на мумию — в точности как в том холодном феврале, когда она умирала. Отец, бледный и высохший, мало отличался от самого себя на фотографии, которую Терри прислал мне на Рождество незадолго до его последнего сердечного приступа. Энди был пухловат — мой тощий брат, достигнув среднего возраста, здорово располнел, — но его гипертонический румянец уступил место могильной восковой белизне. С Клер все оказалось хуже всего. Спятившему экс-муженьку недостаточно было просто убить ее. Клер осмелилась уйти, а это можно было искупить лишь полным уничтожением. Он выстрелил ей в лицо трижды. Последние две пули всадил, когда она уже лежала мертвой на полу классной комнаты, после чего застрелился сам.

— Энди, — произнес я. — Что с тобой случилось?

— Простата, — ответил он. — Надо было мне тебя слушать, братик.

На столе, весь в плесени, стоял торт. На моих глазах его глазурь вздыбилась, треснула, и наружу выполз черный муравей размером с перечницу. Он вска-

рабкался по руке моего мертвого брата ему на плечо, а затем — на лицо. Мама повернула голову. Я услышал, как заскрипели сухожилия — звук ржавой пружины, на которой едва держится старая кухонная дверь.

— С днем рождения, Джейми, — сказала она. Ее голос тоже был скрипучим, невыразительным.

— С днем рождения, сынок.

Папа.

— С днем рождения, мелкий.

Энди.

Потом ко мне повернулась Клер — хотя смотреть она могла только единственной оставшейся глазницей. «Молчи, — подумал я. — Если ты заговоришь, я сойду с ума».

Но она заговорила; слова донеслись из дыры, в которой торчали осколки зубов.

— Смотри не заделай ей ребенка на заднем сиденье этой машины.

Мать кивала, как кукла чревовещателя, а из старого торта лезли все новые муравьи.

Я хотел заслонить глаза, но руки вдруг оказались слишком тяжелыми и просто вяло повисли по бокам. За спиной болезненно скрипнуло крыльцо. Не один раз — дважды. Еще два гостя, и я знал, кто это.

— Нет, — сказал я. — Хватит. Пожалуйста, хватит.

Но на плечо мне уже легла рука Пэтси Джейкобс, а Морри-Я-с-вами обхватил мое колено.

— Что-то случилось, — прошептала Пэтси мне на ухо. Ее волосы щекотали лицо, и я знал, что они торчат из ее скальпа, сорванного с головы во время аварии.

— Что-то случилось, — согласился Морри, сильнее прижимаясь к ноге.

А потом они все начали петь. Это была песенка «С днем рожденья тебя», только с другими словами.

— Что-то случилось... С ТОБОЙ! Что-то случилось... С ТОБОЙ! Что-то случилось, милый Джейми, что-то случилось С ТОБОЙ!

И вот тогда я закричал.

Впервые это приснилось мне в поезде по пути в Денвер, и тогда, на счастье пассажиров, с которыми я делил вагон, вместо криков из моего горла вырвались только гортанные хрипы. В течение следующих двадцати лет я видел этот сон раз двадцать и каждый раз просыпался с одной и той же панической мыслью: что-то случилось.

Энди тогда был еще здоров. Я начал регулярно названивать ему и уговаривать проверить простату. Поначалу он лишь смеялся надо мной, потом ему надоело, и он напомнил мне, что наш отец здоров как бык и, судя по всему, проживет еще лет двадцать.

— Может, и так, — сказал я ему. — Но мама умерла от рака, и умерла молодой. Как и ее мать.

— Если ты не заметил, ни у кого из них не было простаты.

— Думаю, богам наследственности на это плевать, — ответил я. — Они просто швыряют опухоль туда, где она лучше приживется. Бога ради, в чем проблема? Это всего лишь палец в заднице! Все займет от силы десять секунд, и если ты не почувствуешь рук доктора на своих плечах, тебе не о чем беспокоиться.

— Обследуюсь в пятьдесят, — сказал он. — Доктора так советуют, так я и поступлю. И давай закончим на этом, Джейми. Я рад, что ты слез с иглы. Я рад, что ты смог найти серьезную работу в музыкальном бизне-

се. Но все это не дает тебе права лезть в мою жизнь. В этом я уповаю на Господа.

«В пятьдесят будет слишком поздно, — подумал я. — Когда тебе стукнет полтинник, эта штука уже пустит корни».

Поскольку я любил брата (пусть он, по моему скромному мнению, и превратился с возрастом в несколько назойливого проповедника), то предпринял последнюю попытку и отправился к его жене Франсин. Ей я мог сказать то, от чего Энди бы отмахнулся — что у меня есть предчувствие, и достаточно сильное. «Пожалуйста, Франсин, *пожалуйста*, заставь его пройти это обследование».

Он согласился сдать тест на простатспецифический антиген («только чтоб вы оба заткнулись») после своего сорок седьмого дня рождения и все ворчал, что результаты таких тестов недостоверны. Может, и так, но даже мой брат, боящийся врачей и пересыпающий речь цитатами из Библии, не мог поспорить с результатом: полновесная десятка. Сразу за этим последовал визит к урологу в Льюистон и операция. Через три года ему сказали, что болезнь ушла. Еще через год с ним случился инсульт, когда он поливал газон, и Энди оказался в объятиях Иисуса еще до того, как скорая добралась до больницы. Это произошло в штате Нью-Йорк; там его и похоронили. Поминальной службы в Харлоу не было. Я был этому только рад. Слишком часто я отправлялся домой во снах — побочном эффекте антинаркотической терапии Джейкобса. А что это именно побочка, я не сомневался.

В ясный июньский понедельник 2008 года я в очередной раз проснулся от этого сна и лежал в постели

минут десять, пытаюсь прийти в себя. В конце концов мое дыхание успокоилось, и я поборол мысль, что если открою рот, то смогу только снова и снова повторять «что-то случилось». Я напомнил себе, что больше не принимаю наркотики, и это по-прежнему главное событие в моей жизни — событие, изменившее мою жизнь к лучшему. Теперь сон снится реже, и прошло не меньше четыре лет с последнего раза, когда я проснулся от того, что чем-то тыкаю в себя (в тот раз — безвредной кухонной лопаткой). «Это как шрам после операции», — говорил я себе, и обычно это помогало. И лишь в первые мгновения после пробуждения от кошмара мне казалось, будто что-то прячется там, за пеленой сна, что-то злобное. И эта дрянь женского пола, даже тогда я был в этом уверен.

Когда я принял душ и оделся, сон уже превратился в слабый туман. Вскоре он и вовсе рассеется, я знал это по собственному опыту.

У меня была квартира на втором этаже дома на Боулдер-Каньон-драйв в Недерленде. К 2008 году я мог позволить себе и дом, но не хотелось связываться с ипотекой. Меня, холостяка, квартира вполне устраивала. В ней стояла огромная «королевская» кровать, похожая на ту, что была в фургоне Джейкобса, и недостатка в принцессах, готовых разделить ее со мной, я не испытывал уже много лет. Сейчас их было все меньше, да и временные промежутки между ними становились все больше, но этого, думаю, стоило ожидать. Скоро мне должно было исполниться пятьдесят два — примерно в этом возрасте привлекательные тусовщики неизбежно начинают превращаться в старых лохматых козлов.

Кроме того, мне нравилось наблюдать за тем, как понемногу растут мои сбережения. Меня никак нельзя назвать скрягой, но и совсем незначительной ерундой деньги я никогда не считал. Воспоминание о том, как я, больной и разбитый, проснулся в номере «Фейрграундс Инн», всегда оставалось со мной. Как и лицо рыжеволосой провинциалки, возвращающей мне заблокированную кредитную карту. «Попробуйте позвонить еще раз», — сказал я ей. «Лапочка, — ответила она, — мне достаточно на тебя поглядеть».

«Да, но взгляни на меня теперь, кикимора», — думал я, направляясь на запад по Карибу-роуд за рулем внедорожника «Тойота-Фораннер». С того вечера, когда я в Талсе встретил Чарльза Джейкобса, мой вес увеличился на сорок фунтов, но при росте в шесть футов и один дюйм я все еще выглядел отлично. Ну да, пузо слегка отвисло и последний холестеринковый тест показал неопределенный результат, но тогда я вообще был похож на узника Дахау. Мне не суждено было выступать в Карнеги-холле или с Брюсом Спрингстином, но я по-прежнему играл, и довольно часто. Мне нравилась моя работа, и я хорошо ее делал. Если кто-то хочет большего, часто говорил я себе, он искушает богов. Так что не искушай их, Джейми. И когда вдруг услышишь, как Пегги Ли поет по радио классическую грустную песню Лейбера и Штоллера «И это все?» — просто смени станцию и найди старый добрый рок-н-ролл.

Я свернул у знака «Ранчо «Волчья Пасть» — 2 мили», как раз там, где Карибу-роуд начинает круче забираться в горы. У ворот я ввел свой код и остановился на гравийной парковке с табличкой «Для

сотрудников и артистов». Полностью забитой я видел эту парковку лишь однажды, когда в Волчьей Пасти записывала свой сингл Рианна. В тот день машины стояли даже на подъездной дороге — почти до самых ворот. У этой цыпочки была та еще свита.

Пейган Старшайн (настоящее имя — Хиллари Кац) должна была покормить лошадей два часа назад, но я все равно пошел в конюшню и угостил их кусочками яблок и моркови. Почти все лошади были большими и красивыми — иногда я думал о них как о лимузинах с копытами. Мой любимчик, впрочем, скорее походил на битый «Шевроле». Бартлби, серый в яблоках жеребец, не имел родословной и уже квартировал в «Волчьей пасти», когда я появился там, не имея за душой ничего, кроме гитары, рюкзака и нервного расстройства. Причем даже тогда Бартлби не был юнцом. Почти все зубы у него выпали, но он, лениво двигая челюстями, сжевал оставшимися свой кусок яблока. Кроткие темные глаза неотрывно смотрели мне в лицо.

— Хороший ты парень, Барт, — сказал я, поглаживая его морду. — А мне нравятся хорошие парни.

Он кивнул, словно говоря мне, что он в курсе.

Пейган Старшайн, для друзей Пэйдж, кормила цыплят перед амбаром. Помахать мне она не могла, так что просто крикнула «Привет!», добавив две первые строчки из песни «Время пюре». Вторую я пропел вместе с ней: «Самое новое, самое лучшее» и т. д., и т. п. Раньше Пейган выступала на бэк-вокале, и, когда была в ударе, звучала как одна из «Пойнтер систерз». Еще она дымила как паровоз, поэтому к сорока годам голосом напоминала скорее Джо Кокера в Вудстоке.

Первая студия была закрыта. Я включил свет и проверил по списку, какие сессии запланированы на се-

годня. Их было четыре: в десять, в два, в шесть и в девять — последняя, скорее всего, затянется за полночь. Расписание второй студии будет таким же плотным. Недерленд — небольшой городок с прекрасным воздухом на западном склоне гор с населением в полторы тысячи человек, но его значение в музыкальном мире несоизмеримо его размерам. Наклейки на бамперах со словами «Недерленд — место, где Нэшвилл балдеет!» не слишком преувеличивают. Джо Уолш записал свой дебютный альбом в первой студии «Волчьей пасты», когда делами там заправлял еще отец Хью Йейтса, а Джон Денвер свой последний — во второй. Хью как-то включил мне дубли с этой записи, где Денвер хвастался музыкантам своим последним приобретением — экспериментальным самолетом «Лонг-И-Зед». У меня от этих записей пошли мурашки.

В центре города находилось девять баров, где в любой вечер можно было послушать живую музыку, и три студии звукозаписи, не считая нашей. Впрочем, «Волчья пасть» была крупнейшей и лучшей. Когда я застенчиво вошел в офис Хью и сказал ему, что меня прислал Чарльз Джейкобс, на стенах уже висело по меньшей мере две дюжины постеров — в том числе Эдди ван Халена, «Линерд Скинерд», Акселя Роуза и U2. Однако больше всего Хью гордился фотографией «Стейплс Сингерс» (и она была единственной, на которой можно было увидеть самого Хью). «Мейвис Стейплс — богиня, — сказал он мне. — Лучшая певица Америки. Никто и рядом не стоял».

В ранние годы я иногда записывался для дешевых синглов и дрянных инди-альбомов, но никогда не делал этого на крупном лейбле... до тех пор, пока не заменил на одной из сессий слегшего с ангиной ритм-гитариста

Нила Даймонда. В тот день я жутко переживал — само собой, я просто облажаюсь и опозорюсь со своим «Гибсоном», — но с тех пор записывался множество раз, чаще всего на подмену, но иногда и по чьей-нибудь просьбе. Больших денег я не зарабатывал, но и маленькими их тоже никак нельзя было назвать. По выходным я играл с группой в местном баре «Комсток Лоуд» и не брезговал подработками в Денвере. Кроме того, я давал уроки начинающим музыкантам в рамках летней программы, запущенной Хью после смерти его отца. Она называлась «Рок-Атомик».

— Я не могу, — запротестовал я, когда он предложил мне заняться этим. — Я ведь даже не умею ноты читать!

— Ну да, ноты — не умеешь, — ответил он. — А табулатуры — вполне, а большего этим ребятам и не нужно. К счастью для нас и для них. Сеговию ты в этих краях не найдешь, дружище.

Он оказался прав, и как только мандраж прошел, я начал получать от этих занятий удовольствие. С одной стороны, уроки напомнили мне о «Хромовых розах». С другой... наверное, мне должно быть стыдно за эти слова, но от занятий с ребятами в «Рок-Атомик» я получал удовольствие того же рода, что от кормления Бартлби яблоками и почесывания его носа. Этим ребятам нужен был РОК, и в большинстве своем они в конце концов понимали, что могут его играть... как только освоят аккорд Е через баррэ, разумеется.

Во второй студии тоже было темно, но Муки Макдональд оставил микшерский пульт включенным. Я все выключил и пообещал себе поговорить с ним по этому поводу. Муки был хорошим звукорежиссером, но сорок лет дружбы с травкой сделали его рассеянным.

Мой «Гибсон SG» стоял рядом с другими инструментами: чуть позже я собирался записать демо с местной рокабилли-группой «То, что надо». Я сел на стул и минут десять разминался на неподключенной гитаре — играл вещи вроде «Толстых кроссовок» и «Я снова в ударе». Сейчас я играл лучше, чем в молодые годы, гораздо лучше, но Клэптоном стать мне все же было не суждено.

Зазвонил телефон — хотя в студиях он на самом деле не звонил, просто загоралась голубая подсветка по периметру аппарата. Я отложил гитару и взял трубку.

— Вторая студия, Кертис Мейфилд на проводе.

— Как делишки на том свете, Кертис? — спросил Хью Йейтс.

— Темно. Но есть и хорошая сторона: я больше не парализован.

— Рад это слышать. Двигай в большой дом. Хочу тебе кое-что показать.

— Чувак, у нас же запись через полчаса. Та длинноногая кантри-штучка, если мне память не изменяет.

— Муки с ней управится.

— Нет, не управится, его здесь даже еще нет. И кстати, он не выключил пульт во второй студии. Опять.

Хью вздохнул.

— Я с ним поговорю. Короче, я тебя жду.

— Хорошо, но... Хью, позволь мне поговорить с Мукстером. Это же моя работа, верно?

Он засмеялся.

— Иногда я удивляюсь, что случилось с растяпой-молчуном, которого я когда-то нанял, — сказал он. — Давай. Обещаю взрыв мозга.

Большим домом звалось **ранчо** с припаркованным у входа винтажным «Континенталем». Хью питал слабость ко всему, что работает на высокооктановом топливе, и мог себе его позволить. Несмотря на то, что доходы «Волчьей пасти» лишь немногим превышали расходы, немало семейных сбережений Йейтсов хранилось в «голубых фишках», и Хью — дважды в разводе, оба раза с предусмотрительным оформлением добрачного контракта, без потомства — был последним побегом семейного древа. Он держал лошадей, кур, овец, пару свиней, но это было лишь хобби. То же относилось и к его коллекции легковых автомобилей и мощных пикапов. Что его на самом деле волновало — так это музыка, и к ней он относился серьезно. Хью рассказывал, что когда-то сам был музыкантом, хотя я никогда не видел, чтобы он брал в руки гитару или саксофон.

— Музыка — вот что имеет значение, — сказал он мне как-то раз. — О модных книжках забудут, телешоу закроются, а о фильмах, которые ты смотрел пару лет назад, ты и сам сейчас не вспомнишь. Но музыка останется. Даже попса. Особенно попса. Смейся над песенкой «Дождинки стучат по моей голове» сколько влезет, но люди будут слушать ее и через пятьдесят лет.

Нетрудно было вспомнить день, когда я с ним познакомился, потому что «Волчья пасть» выглядела точно так же, включая этот припаркованный у входа темно-голубой «Линкольн» с овальными окнами на широких задних стойках крыши. Единственное, что изменилось, — это я. Осенью 1992 года Хью встретил меня у дверей, пожал мне руку и провел в свой каби-

нет. Кресло, в которое он плюхнулся, стояло за таким огромным столом, что на нем, казалось, может приземлиться небольшой самолет. Я, идя за ним, сильно нервничал, и при виде всех этих знаменитостей, глядящих со стен, у меня во рту высохли остатки слюны.

Он оглядел меня с ног до головы — чувака в грязной футболке с логотипом AC / DC и еще более грязных джинсах — и сказал:

— Чарли Джейкобс мне звонил. Вот уже несколько лет я должен преподобному и вряд ли когда-нибудь смогу отдать этот долг, но он сказал, что теперь мы будем квиты.

Я так и стоял перед столом с пересохшим ртом. Я знал, как вести себя на прослушивании, но эта ситуация была несколько иной.

— Он сказал, что ты был наркоманом.

— Да, — ответил я. Отрицать это не было смысла.

— Говорит, что ты сидел на герыче.

— Да.

— Но сейчас слез?

— Да.

Я подумал, что сейчас он спросит, давно ли, но он не спросил.

— Присядь, бога ради. Хочешь колы? Пива? Лимонада? Может, чая со льдом?

Я сел, но все равно не мог расслабиться.

— Чай со льдом, если можно.

Он наклонился к интеркому.

— Джорджия? Два чая со льдом, лапочка. — И уже мне: — Это действующее ранчо, Джейми, но единственное поголовье, которое меня действительно заботит — это те животные, которые выходят на сцену с инструментами.

Я попытался улыбнуться, но почувствовал себя при этом так по-идиотски, что в конце концов сдался.

Он, похоже, этого не заметил.

— Рокеры, кантри-музыканты, солисты. Они — наш хлеб с маслом. Кроме того, мы делаем коммерческие джинглы для денверских радиостанций и записываем два-три десятка аудиокниг в год. Как-то раз тут Майкл Дуглас записывал роман Фолкнера, и Джорджия чуть не обмочила штаны. На публике он свой в доску, но, черт возьми, в студии такой перфекционист!

Я не знал, что на это ответить, а потому молчал и мечтал о чае со льдом. Во рту было сухо как в пустыне.

Он наклонился ко мне.

— Знаешь, что больше всего нужно любому ранчо?

Я покачал головой, но прежде, чем он продолжил, в кабинет вошла красивая молодая негритянка с двумя наполненными льдом стаканами на серебряном подносе. В каждом плавал листочек мяты. Я выжал в свой стакан две дольки лимона, но к сахарнице не притронулся. Когда я торчал на героине, то не мог без сладкого, но после того дня с наушниками в автомастерской любая сладость стала казаться мне приторной. Я купил батончик «Херши» в вагоне-ресторане поезда, увозившего меня из Талсы, и вдруг понял, что не могу его есть. Меня тошнило от одного его запаха.

— Спасибо, Джорджия, — сказал Йейтс.

— Всегда пожалуйста. Не забудьте о приемных часах. Они начинаются в два, Лес будет вас ждать.

— Не забуду. — Она вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь, и он повернулся ко мне. — Любому действующему ранчо нужен управляющий. Всем, что по фермерской части, в «Волчьей пасти» заведует Ру-

перт Холл. Он меня полностью устраивает. Но вот мой музыкальный управляющий сейчас лежит в больнице Боулдера. Лес Келлоуэй. Не думаю, что это имя тебе о чем-то говорит.

Я покачал головой.

— Как насчет «Экселлент борд бразерс»?

Об этом названии я слышал.

— Инструментальщики, да? Чуть присерфованные, типа «Дика Дейла и его Дель-Тонов»?

— Да, они. Что странно, потому что эти парни из Колорадо, откуда до любого из океанов как до луны. Одна их композиция даже вошла в список сорока лучших — «Алуна анакайя». Что в переводе с очень плохого гавайского значит «Давай перепихнемся».

— Конечно, эту я помню. — Иначе и быть не могло: моя сестра прокрутила ее не меньше миллиона раз. — Та, где девушка смеется всю песню.

Йейтс ухмыльнулся.

— Это смех стал их билетом на шоу одного хита, а я — тем самым волшебником, который выдал этот билет. Но на самом деле все вышло почти случайно. Тогда еще отец тут всем заправлял. И девчонка, которая на записи надрывает живот, тоже тут работает. Хиллари Кац, хотя сейчас она предпочитает, чтобы ее звали Пейган Старшайн. Сейчас она в завязке, но в тот день была под закисью азота и просто не могла перестать смеяться. Тут-то я ее и записал, а она и понятия не имела. Запись стала хитом, и они отвалили Хиллари семь штук.

Я кивнул. История рока помнит немало таких счастливых случайностей.

— Так или иначе, «Экселлент борд бразерс» съездили в тур, а потом словили две «р». Знаешь, что это означает?

И я не просто знал, а знал по себе.

— Разорились и распались.

— Именно. Лес вернулся домой и стал работать на меня. Продюсер из него вышел куда как получше, чем музыкант, и он был моим рулевым по музыкальной части последние пятнадцать лет. Когда позвонил Чарли Джейкобс, у меня была мысль сделать тебя его дублером — это позволило бы тебе подрабатывать на стороне, пока ты не обучишься всем местным премудростям. Разовые концерты, вся эта обычная херня. Общая идея такой и остается, но лучше бы тебе обучиться всему максимально быстро, сынок, потому что на прошлой неделе у Леса случился сердечный приступ. С ним все будет в порядке, — по крайней мере, так мне сказали, — но ему придется здорово похудеть и принимать кучу таблеток. Сам он говорит, что хочет завязать с работой где-то через год. А это значит, что у меня есть достаточно времени, чтобы понять, чего ты стоишь.

Я почувствовал нечто вроде паники.

— Мистер Йейтс...

— Хью.

— Хью, я почти ничего не смыслю в звукозаписи. Единственные студии, в которых мне раньше доводилось бывать — с почасовой оплатой, когда их арендовали группы, где я играл.

— И чаще всего счета оплачивали родители соло-гитариста, — сказал он. — Или жена ударника — официантка, по восемь часов в день на больных ногах зарабатывающая чаевые.

Да, примерно так все и было. Пока женушка не поумнела и не выставила его за дверь.

Он наклонился ко мне и сложил руки.

— Ты или научишься, или нет. Преподобный сказал, что научишься. Мне этого достаточно. Да и как же иначе — в конце концов, я ему должен. Пока что будешь просто открывать студии по утрам, следить за РМ — ты же знаешь, что это такое, верно?

— Расписание музыкантов.

— Точно, и запираешь студии вечером. Я познакомлю тебя с парнем, который поможет тебе, пока Лес не выздоровеет. Его зовут Муки Макдональд. Если ты будешь в равной степени следить за тем, что он делает правильно, и тем, что он делает не так, научишься многому. И еще кое-что. Если ты покуливаешь травку — до тех пор, пока приходишь на работу вовремя и не устраиваешь тут пожаров, тебе тут рады. Но если я услышу, что тебя вновь потянуло на снежок...

Я заставил себя посмотреть ему в глаза.

— К этому я не вернусь.

— Смелое заявление. Слышал его множество раз, и некоторые из тех, кто мне это говорил, уже мертвы. Иногда, впрочем, эти слова оказываются правдой. Надеюсь, это твой случай. Но давай проясним раз и навсегда: хотя бы раз — и ты уходишь, каким бы большим ни был мой долг. Мы поняли друг друга?

Поняли. Что ж тут неясного.

В 2008 году Джорджия Донлин оставалась столь же прекрасной, как и в 1992, пусть и набрала несколько кило, обзавелась седыми прядями в темных волосах и носила очки с бифокальными линзами.

— Ты случайно не знаешь, с чего это он сегодня утром такой возбужденный?

— Понятия не имею.

— Сначала ругался, потом начал смеяться, потом опять заворчал. Сказал, что, черт возьми, так и знал. Сказал: «Вот сукин сын!», потом вроде бы швырнул что-то — по крайней мере, звук был такой. Он что, собрался кого-то уволить? Если так, то скажусь больной. Терпеть не могу склоки.

— Говорит женщина, которая прошлой зимой кинула кувшин в курьера.

— То другое дело. Тот тупоголовый сукин сын попытался ущипнуть меня за задницу.

— А у тупоголового сукина сына есть вкус, — заметил я и добавил, когда она бросила на меня уничтожающий взгляд: — Просто к слову.

— Ну-ну. Последние пару минут в кабинете тихо. Надеюсь, он не довел себя до инфаркта.

— Может, увидел что-то в новостях. Или в газете прочел.

— Он выключил телевизор через пятнадцать минут после моего прихода, а что касается газет — он уже два месяца не выписывает «Камеру» и «Пост». Говорит, что теперь все можно найти в интернете. Я ему сказала: «Хью, новости в интернете пишут мальчишки, которым рано браться за бритву, и девчонки, еще не изнашившие свой первый лифчик. Как этому можно верить?». А он думает, что я просто старая невежда. Вслух он этого не говорит, но я вижу по его глазам. Как будто у меня нет дочери, которая учится на компьютерных курсах в университете Колорадо. И это она сказала мне, что не стоит верить всей этой блогерской чепухе. Ладно, иди. Но если найдешь его в кресле

мертвым или с сердечным приступом — не проси меня делать ему СЛР.

И она ушла — высокая, царственная. Ее скользящая походка была той же, что и шестнадцать лет назад, когда она принесла в кабинет Хью чай со льдом.

Я постучал. Хью не был мертв, он сидел за своим огромным столом и тер виски, словно у него разыгралась мигрень. Перед ним стоял раскрытый ноутбук.

— Собираешься кого-то уволить? — спросил я.

Он посмотрел на меня.

— Что?

— Джорджия говорит, что если ты собираешься кого-то уволить, она берет больничный.

— Не собираюсь я никого увольнять. Что за глупости.

— Она говорит, ты тут чем-то швырялся.

— Чепуха. — Он сделал паузу. — Ну пнул я корзину, когда увидел эту чушь со святыми кольцами.

— Так расскажи и мне о святых кольцах. Я тоже совершу ритуальный пинок корзины и вернусь к работе. Мне сегодня нужно сделать шестнадцать миллиардов разных дел, в том числе разучить две мелодии для сессии с «То, что надо». Вот с корзины как раз и начну.

Хью снова принялся тереть виски.

— Я подозревал, что это может случиться, я знал, что в нем это есть, но никогда не думал, что все произойдет с таким... с таким размахом. Но ты знаешь старую присказку — все или ничего.

— Я вообще не понимаю, о чем ты толкуешь.

— Поймешь, Джейми. Поймешь.

Я присел на краешек стола.

— Каждое утро, когда качаю пресс и кручу педали тренажера, я смотрю шестичасовые новости. В основ-

ном потому, что созерцание крошки, читающей прогноз погоды, уже само по себе можно считать за аэробную нагрузку. И сегодня утром я увидел рекламу — но не ту, где предлагают чудесный крем от морщин или коллекцию золотых фильмов студии «Тайм-Уорнер». Я просто не мог поверить своим глазам. Просто, блядь, поверить не мог. И в то же время мог. — И тут он засмеялся, но не обычным смехом, а смехом, который говорил: «Я просто, блядь, не могу в это поверить». — Короче, я выключил зомбоящик и полез в интернет.

Я начал было обходить его стол, но Хью жестом остановил меня.

— Сначала я хочу спросить тебя, не составишь ли ты мне компанию. Я хочу взглянуть на человека, который — после нескольких фальстартов — в конце концов осознал свое предназначение.

— Конечно, почему бы и нет. Если только это не концерт Джастина Бибера. Для Биба я несколько староват.

— Что ты, это гораздо лучше Биба. Взгляни сам. Только глаза не сожги.

Я обошел стол и встретился со своим пятым персонажем в третий раз. Первое, что я заметил — пристальный взгляд гипнотизера. Он развел ладони в жесте фокусника, и на среднем пальце каждой руки красовалось толстое золотое кольцо.

Это была реклама на каком-то сайте. Ее заголовок гласил:

«Лечебно-восстановительный тур
пастора Ч. Дэнни Джейкобса-2008.

**ЧУДО ИСЦЕЛЕНИЯ —
КАК В СТАРЫЕ ДОБРЫЕ ВРЕМЕНА!**

С 13 ПО 15 ИЮНЯ
ЯРМАРКА ОКРУГА НОРРИС
ДВАДЦАТЬ МИЛЬ К ВОСТОКУ ОТ ДЕНВЕРА
БЫВШИЙ СОУЛ-ПЕВЕЦ ЭЛ СТАМПЕР
«ГОСПЕЛ РОБИНС» и ДИВИНА РОБИНСОН

А ТАКЖЕ

ПРОПОВЕДНИК Ч. ДЭННИ ДЖЕЙКОБС
ИЗВЕСТНЫЙ ПО СВОЕМУ ШОУ
«ЧАС ИСЦЕЛЯЮЩЕЙ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ СИЛЫ
С ДЭННИ ДЖЕЙКОБСОМ»

ОБНОВИ СВОЮ ДУШУ ЧЕРЕЗ ПЕСНЬ
ПОДКРЕПИ СВОЮ ВЕРУ ИСЦЕЛЕНИЕМ
ИСПЫТАЙТЕ ТРЕПЕТ
ОТ ИСТОРИИ СВЯТЫХ КОЛЕЦ,
РАССКАЗАННОЙ ТАК,
КАК ЭТО МОЖЕТ ДЕЛАТЬ ТОЛЬКО
ПАСТОР ДЭННИ!

«Приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых,
чтобы наполнился дом мой».

Лука, 14:21 и 23.

УЗРИТЕ БОЖЬЮ СИЛУ,
КОТОРАЯ ИЗМЕНИТ ВАШУ ЖИЗНЬ!

ПЯТНИЦА, 13 июня: 19.00

СУББОТА, 14 июня: 14.00 и 19.00

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 15 ИЮНЯ: 14.00 и 19.00

ПОСЛЕ ОГНЯ ВЕЯНИЕ ТИХОГО ВЕТРА,
И ТАМ ГОСПОДЬ (3 ЦАР, 19:12)
ГОСПОДЬ ИСЦЕЛЯЕТ ПОДОБНО МОЛНИИ
(МТФ, 24:27)

ПРИХОДИТЕ ПО ОДНОМУ!
ПРИХОДИТЕ ВСЕ ВМЕСТЕ!
ПРИМИТЕ ОБНОВЛЕНИЕ!»

Под афишей висела фотография мальчика, отбрасывающего костыли под восторженными взглядами толпы. Фотография была подписана так: «Роберт Райвард, исцеленный от мышечной дистрофии. 30 мая 2007 года, Сент-Луис, штат Миссури».

Я остолбенел, как, наверное, происходит с человеком, когда тот узнает, что его старый друг погиб или загремел в тюрьму за серьезное преступление. И все же часть меня — изменившаяся, исцеленная — не удивилась. Все эти годы она ждала чего-то подобного.

Хью рассмеялся и сказал:

— Старина, ты словно муху проглотил. — А затем произнес вслух ту единственную связную мысль, что крутилась у меня в голове: — Похоже, преподобный взялся за старые фокусы.

— Да, — сказал я и указал на цитату из Евангелия от Матфея. — Только этот стих не об исцелении.

Он приподнял брови.

— Не знал, что ты изучал Библию.

— Ты много не знаешь, — сказал я, — потому что мы никогда о нем не говорили. Я был знаком с Чарли Джейкобсом задолго до Талсы. Когда я был мальчишкой, он служил священником в нашей церкви. Это был его первый опыт духовной работы и, как я считал, последний. Теперь вижу, что ошибся.

Улыбка сошла с его лица.

— Шутишь! Сколько ему тогда было, восемнадцать?

— Около двадцати пяти, наверное. Мне было лет шесть или семь.

— Он и тогда исцелял?

— Да нет. — Если не считать моего брата Кона. — Тогда он был строгим методистом — виноградный сок

вместо вина, все такое. Все любили его. — По крайней мере, до Ужасной проповеди. — Когда его жена и ребенок погибли в аварии, он уехал.

— Преподобный был женат? У него был ребенок?

— Да.

Хью задумался.

— То есть он действительно имеет право носить по крайней мере одно из этих обручальных колец — если это действительно обручальные кольца. В чем я сомневаюсь. Смотри.

Он прокрутил страницу сайта наверх, навел курсор на слова «Свидетельства чуда» и кликнул. На экране возник столбик ютубовских роликов — по меньшей мере дюжина.

— Хью, если хочешь поглазеть на Чарли Джейкобса, я с удовольствием присоединюсь к тебе, но сегодня у меня нет времени его обсуждать.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Нет, не похоже, что ты муху проглотил. Скорей тебе только что дали под дых. Посмотри этот ролик, и можешь идти по своим делам.

На одном из стоп-кадров было лицо мальчика с афиши. Хью запустил его, и я увидел, что ролик чуть длиннее минуты уже набрал больше ста тысяч просмотров. Не интернет-бомба, но близко к этому.

Картинка ожила — кто-то тыкал микрофоном с надписью «КСДК» в лицо Роберту Райварду. Голос женщины за кадром произнес:

— Расскажи, что случилось после этого так называемого исцеления, Бобби.

— Да, мэм, — сказал Бобби. — Он взялся за мою голову, я чувствовал святые кольца прямо тут. — Он указал на свои виски. — Потом я услышал — щёлк!

Как будто ветка хрустнула. Я отключился на пару секунд, а потом по ногам пошло такое... я не знаю... тепло, и... — Мальчик заплакал. — И я встал! Я пошел! Я исцелился! Храни Господь пастора Дэнни!

Хью откинулся в кресле.

— Все эти свидетельства я осилить не смог, но те, что посмотрел, в целом такие же. Ничего не напоминает?

— Может быть, — сказал я. Осторожно. — А тебе?

Мы никогда не говорили об услуге, которую преподобный оказал Хью — услуге достаточно весомой, чтобы босс ранчо «Волчья пасть» нанял на работу едва завязавшего героинового торчка по первому телефонному звонку.

— Ты же торопишься. Какие планы на ланч?

— Собирался пиццу заказать. После кантри-певички у меня по плану парень из Лонгмонта... в расписании сказано, что он баритон, специализируется на каверах популярных песен...

Хью на секунду задумался, потом хлопнул себя ладонью по лбу.

— Боже, это не Джордж Деймон?

— Да, так его зовут.

— Иисусе, я думал, этот болван уже давно помер. Столько лет прошло... Это было еще до тебя. Это была наша первая запись — «Деймон поет Гершвина». Задолго до появления компакт-дисков, хотя «Стерео-8», наверное, уже были в ходу. Каждая песня, серьезно, каждая долбаная песня звучала как «Боже, благослови Америку» в исполнении Кейт Смит. Пусть им займется Муки. Они сработаются. А если Мукстер налажает, ты потом все поправишь на мастере.

— Уверен?

— Да. Если мы и в самом деле собираемся посетить единственный и неповторимый балаган преподобного, сначала я хочу услышать, что ты о нем знаешь. Наверное, мы должны были поговорить об этом много лет назад.

Я задумался.

— Ладно... но я попрошу кое-что взамен. Информация за информацию.

Он сложил руки на рубашке в стиле «вестерн», под которой скрывался упитанный живот, и качнулся назад.

— Мне нечего стыдиться, если ты об этом. Просто все это так... невероятно.

— Я поверю, — сказал я.

— Может быть. Но прежде, чем уйдешь, скажи мне, как звучит тот стих из Евангелия от Матфея... и откуда ты его знаешь.

— За точность цитаты после стольких лет не ручаюсь, но что-то вроде «и как молния исходит от востока до запада, так будет пришествие Иисуса». Там речь не об исцелении, а о конце света. А запомнил я этот стих потому, что у преподобного Джейкобса он был одним из любимых.

Я взглянул на часы. Длинноногая кантри-певичка — Мэнди-как-ее-там — обычно приходила пораньше, и, возможно, уже сидела на ступеньках первой студии со своей гитарой, но мне нужно было узнать кое-что еще.

— Почему ты сказал, что не веришь, будто эти кольца обручальные?

— А разве не ими он избавил тебя от твоей маленькой проблемы?

Я вспомнил пустую автомастерскую.

- Нет. Наушниками.
- Когда это было? В 1992?
- Да.

— Мой опыт общения с преподобным состоялся в 1983. Наверное, он усовершенствовал свой *modus operandi* к тому моменту, когда вы с ним встретились. А сейчас снова вернулся к кольцам, потому что они выглядят куда религиозней, чем наушники. Но я уверен, что со времени нашей встречи... и вашей... он сильно продвинулся в своих опытах. Таков уж преподобный, верно? Вечно пытается выйти на новый уровень.

— Ты зовешь его преподобным. Он что, проповедовал, когда вы встретились?

— И да, и нет. Тут все запутано. Давай, шевелись, девчонка тебя уже заждалась. Может, она сегодня в мини-юбке — это прогонит пастора Дэнни из твоей головы.

Она действительно пришла в мини, и ее ноги были просто великолепны. Но я едва это заметил, а уж что она пела — без взгляда в журнал и не вспомню. Мои мысли занимал исключительно Чарльз Дэниел Джейкобс, он же преподобный. Ныне известный как пастор Дэнни.

Муки Макдональд выслушал нотацию насчет пульта молча, склонив голову и кивая, а по окончании ее пообещал больше так не делать. Ему можно было верить — какое-то время так и будет. Но через неделю или две я снова обнаружу в первой, второй или обеих студиях включенные пульты. Я считаю, что сажать людей в тюрьму за ганджубас — идиотство, но в то же время не сомневаюсь, что при долгом и регулярном его

употреблении возникает синдром НХНП — Ни Хера Не Помню.

Он просиял, услышав, что мы будем писать Джорджа Деймона.

— Всегда любил этого чувака. Все его песни были похожи на...

— «Боже, благослови Америку» в исполнении Кейт Смит. Я знаю. Удачи тебе.

Позади большого дома в ольховой роще была симпатичная площадка для пикников. Там обедали Джорджия и еще парочка девушек из офиса. Хью подвел меня к столу подальше от них и вытащил из объемистой сумки два бутерброда и две банки «Доктора Пеппера».

— С куриным салатом и с тунцовым салатом, из «Табби». Выбирай.

Я выбрал тунец. Какое-то время мы ели молча, сидя под сенью больших гор. Потом Хью сказал:

— Я раньше тоже играл на ритм-гитаре, и получше тебя.

— Не ты один.

— К концу своей карьеры я оказался в мичиганской группе «Коты Джонсона».

— Из семидесятых? Ребята в военных рубашках, которые звучали как «Иглс»?

— На самом деле мы пробились наверх в начале восьмидесятых, но да, это мы. У нас было четыре хитовых сингла, все — из первого альбома. А знаешь, почему этот альбом вообще заметили? Из-за названия и обложки; и то, и другое придумал я. Он назывался «Твой дядя Джек играет все суперхиты», а на конверте было фото моего собственного дядюшки Дже-

ка Йейтса, который сидит в своей гостиной и играет на укулеле. Внутри — сплошной тяжеляк и мощный фуз. Неудивительно, что нам не досталась «Грэмми» за лучший альбом. Тогда королем был Тото. Чертова «Африка» — тот еще кусок говна.

Он нахмурился.

— Короче, я был с «Котами» два года, и на их лучшем диске играю я. Откатал с ними два тура, а потом пришлось уйти.

— Почему?

Наверняка наркота — в те времена причиной почти всегда была она. Но Хью меня удивил.

— Я оглох.

Тур «Котов Джонсона» начался в Блумингтонском цирке, а продолжился в Театре Конгресса в Оук-Парке. Маленькие помещения, концерты с местными лабухами на разогреве. Затем — Детройт, откуда должны были начаться серьезные выступления: тридцать городов, где уже «Коты» должны были играть на разогреве у Боба Сигера и «Силвер Буллет Бэнд». Рок-арены и все дела. О чем еще и мечтать?

У Хью начало звенеть в ушах еще в Блумингтоне. Сначала он списал это на цену, которую приходится платить, продавая душу рок-н-роллу: каждый уважающий себя музыкант время от времени страдает тиннитусом. К примеру, Пит Таунсенд. Эрик Клэптон, Нил Янг. Потом, в Оук-Парке, начались головокружение и тошнота. В разгар выступления Хью выскочил за кулисы и блеванул в ведро с песком.

— Как сейчас помню табличку, которая над ним висела, — сказал он мне. — «Только для мелких пожаров».

Он кое-как доиграл до конца, откланялся и ретировался за кулисы.

— Что это с тобой? — спросил Феликс Грэнби. Он был соло-гитаристом и вокалистом, и для аудитории в целом — для той, что интересовалась роком, — он, собственно, и представлял собой «Котов Джонсона».

— Пьяный, что ли?

— Желудочный грипп, — сказал Хью. — Мне уже лучше.

Он правда так считал. Как только выключили усилители, звон в ушах начал проходить. Но на следующее утро вернулся снова и стал почти единственным, что мог слышать Хью.

Двое из группы «Коты Джонсона» полностью осознали масштаб нависшей катастрофы — Феликс Грэнби и сам Хью. Через три дня их ждал «Сильвердоум» в Понтиаке. Вместимость — 90 тысяч человек. Боб Сигер был любимцем Детройта, так что ожидался аншлаг. «Коты» балансировали на грани славы, а в рок-н-ролле такой шанс редко выпадает во второй раз. Так что Феликс Грэнби поступил с Хью так же, как Келли Ван Дорн из «Белой молнии» — со мной.

— Я на него зла не держу, — сказал Хью. — На его месте я, может, поступил бы так же. Он нанял мне замену в студии «L'Amour» в Детройте, и этот парень вышел с ними на сцену в тот вечер в «Доуме».

Грэнби уволил Хью лично — с помощью записок, которые он писал и показывал ему. Он напомнил, что тогда как остальные «Коты» были выходцами из среднего класса, семья Хью была по-настоящему богата. Он мог полететь обратно в Колорадо первым классом и проконсультироваться с лучшими врачами. Последняя записка Грэнби, написанная заглавными буквами, гла-

сила: «НЕ УСПЕЕШЬ ОГЛЯНУТЬСЯ, КАК СНОВА БУДЕШЬ С НАМИ».

— Ага, щас, — сказал Хью, сидя в тенечке со своим бутербродом от «Табби».

— Скучаешь по сцене? — спросил я.

— Нет. — Долгая пауза. — Да.

В Колорадо он не вернулся.

— А если бы и вернулся, то уж точно не самолетом. Я боялся, что на высоте больше двадцати тысяч футов у меня голова лопнет. Кроме того, мне не хотелось домой. Хотелось одного — зализать раны, которые все еще кровоточили, и для зализывания Детройт подходил не хуже любого другого места. Так, по крайней мере, я сам себе говорил.

Симптомы не проходили: головокружения, умеренная, а то и резкая тошнота. И этот вечный звон, иногда тихий, а иногда такой громкий, что Йейтсу казалось, будто его голова вот-вот расколется. Изредка симптомы отступали, словно волны при отливе, и тогда он мог проспать десять, а то и двенадцать часов подряд.

Хотя Хью в деньгах не нуждался, жил он в клоповнике на Гранд-авеню. Две недели он откладывал визит к врачу из боязни, что тот найдет у него злокачественную и неоперабельную опухоль мозга. Наконец он заставил себя выбраться в кабинет на Инкстер-роуд, где его принял медик-индус, лет семнадцати на вид. Выслушав Йейтса, доктор кивнул, сделал парочку тестов, и направил его в больницу на дополнительные проверки, а также для получения экспериментального лекарства от тошноты, которого сам доктор, к своему сожалению, выписать не мог.

Вместо похода в больницу Хью начал выползать (когда не очень кружилась голова) на долгие и бесцельные прогулки по знаменитой детройтской Восьмой миле. Однажды он проходил мимо магазина с радиоприемниками, гитарами, магнитофонами, усилителями и телевизорами в пыльной витрине. «Новая и подержанная электроника Джейкобса», — гласила вывеска... хотя на взгляд Хью Йейтса вся электроника выглядела скорее раздолбанной, чем новой.

— Не могу сказать точно, почему я туда зашел. Может, при виде всего этого богатства на меня нахлынула ностальгия. Может, приступ самоедства. Может, понадеялся, что внутри работает кондиционер, и я смогу спрятаться от жары — ох, как же я с этим обломался! А, может, все из-за таблички над дверью.

— Что за табличка? — спросил я.

Хью улыбнулся.

— «Преп не подведет».

Кроме него в магазине никого не было. Товар на полках был куда экзотичней того, что стояло на витрине. Часть этого барахла была Хью знакома: счетчики, осциллографы, вольтметры и стабилизаторы, регуляторы амплитуды, выпрямители, инверторы. Кое-что он видел впервые. По полу змеились кабели питания, повсюду висели какие-то провода.

Открылась дверь, украшенная рождественскими гирляндами («Звонок, наверное, звякнул, когда я вошел, только я его, само собой, не услышал», — сказал Хью), и появился хозяин магазина. Мой старый знакомый, мой пятый персонаж был одет в потертые джинсы и простую белую рубашку с воротником на пуговицах. Хью прочел по его губам «Добрый день» и что-то

вроде «Чем я могу вам помочь?», махнул рукой в ответ, покачал головой и принялся изучать содержимое полок. Среди прочего он нашел «Стратокастер», взял пару аккордов и подумал — а настроена ли гитара?

Джейкобс следил за ним с интересом, но без настойчивости, которую вполне могли вызвать длинные невымытые патлы и столь же грязная одежда посетителя. Через пять минут, когда Хью наскучило бродить по магазину и он уже был готов вернуться в дыру, где теперь квартировал, у него снова закружилась голова. Он пошатнулся, попытался схватиться за что-нибудь рукой и опрокинул разобранные колонки. Хью почти справился с приступом, но ел он в последнее время немного, и мир перед его глазами начал сереть. За мгновение до того, как Хью упал на пыльный деревянный пол, наступила чернота. Та же история, что и со мной, только место другое.

Он очнулся с холодной тряпкой на лбу в кабинете Джейкобса. Хью извинился и пообещал возместить весь причиненный ущерб. Джейкобс отпрянул, заморгал от удивления — реакция, к которой Хью за последние недели уже привык.

— Прощу прощения, если говорю слишком громко, — сказал Хью. — Я просто не слышу себя. Я глухой.

Джейкобс вытащил блокнот из верхнего ящика своего захламленного стола (могу себе представить этот стол, заваленный мотками проволоки и батарейками). Он сделал запись в блокноте и показал ее Хью.

«Недавно? Вы только что играли на гитаре».

— Недавно, — согласился Хью. — У меня болезнь Меньера. Я музыкант. — Он понял, как это прозвучало, и рассмеялся... неслышно для себя, хотя Джейкобс и улыбнулся в ответ. — По крайней мере, был.

Джейкобс перевернул страницу в блокноте и написал: «Если это Меньер, я, возможно, могу кое-что для вас сделать».

— **И сделал, — сказал я.**

Обеденный перерыв закончился; девушки вернулись в офис. У меня тоже были дела — и немало, — но я не собирался уходить, пока Хью не завершит свой рассказ.

— Мы долго сидели в его кабинете: разговор идет медленно, когда одному из собеседников приходится писать свои реплики. Я спросил, как он сможет мне помочь. Он написал, что как раз недавно он экспериментировал с транскутанной электрической нервной стимуляцией — сокращенно ТЭНС. По его словам, идея стимулировать поврежденные нервы электричеством возникла тысячи лет назад у одного старика-римлянина...

Где-то на задворках моей памяти открылась пыльная дверь.

— У старика-римлянина по имени Скрибоний. Он обнаружил, что когда человек с больной ногой наступит на электрического угря, нога перестает болеть. И, Хью, все это «как раз недавно» — полная чушь. Преподобный игрался с ТЭНС еще до ее официального изобретения.

Вскинув брови, Хью на меня уставился.

— Продолжай, — сказал я.

— Ладно, но мы к этому еще вернемся, да?

Я кивнул.

— Ты мне — я тебе. Таков был уговор. Для затравки скажу: в моем рассказе тоже будет обморок.

— В общем... я сказал ему, что болезнь Меньера загадочна — врачи не знают, имеет ли она отношение к нервам, или это вирус, из-за которого в среднем ухе постоянно образовывается жидкость. Может, болезнь вызывает какая-то бактерия, а, может, дело в генетике. В ответ он написал: «Корень всех болезней — электричество». Я сказал, что это бред. Он улыбнулся, перевернул страницу в блокноте и принялся писать. Когда закончил, протянул блокнот мне. Всего не перескажу — давно дело было, но первого предложения мне не забыть никогда: «Электричество — основа всего сущего».

Старый добрый Джейкобс. Такая фраза была лучше отпечатков пальцев.

— Дальше было что-то вроде: «Взять, к примеру, сердце. Оно работает на микровольтах. Ток подается благодаря калию, электролиту. Тело преобразовывает калий в ионы — электрически заряженные частицы — и использует их не только для контроля сердца, но также мозга и ВСЕГО ОСТАЛЬНОГО».

— Последние слова он написал заглавными буквами и обвел их кружком. Когда я вернул ему блокнот, он что-то в нем чиркнул, а потом указал на мои глаза, уши, грудь, живот и ноги. Затем он показал мне рисунок. Это была молния.

Ну еще бы.

— Ближе к делу, Хью.

— В общем...

Хью сказал, что обдумает предложение. Мысль о том, что видит Джейкобса впервые в жизни, и откуда ему знать, что тот — не городской сумасшедший, он оставил при себе.

Джейкобс написал, что понимает опасения Хью, и что у него тоже их хватает.

— Предложив вам помочь, я уже иду на риск. Ведь я знаю вас не больше, чем вы меня.

— А это опасно? — спросил Хью голосом, который уже начинал приобретать выразительность робота.

Пожав плечами, преподобный написал:

«Врать не буду, в подаче электричества напрямую через уши есть некоторые риски. Но НАПРЯЖЕНИЕ БУДЕТ НИЗКИМ, ОКЕЙ? Скорее всего, худшим побочным эффектом для вас окажутся мокрые штаны».

— Бред какой-то, — сказал Хью. — Этот наш разговор — сплошное безумие.

Преподобный снова пожал плечами, но писать ничего не стал. Только смотрел.

Сидя в кабинете Джейкобса и сжимая в руке влажную, но уже потеплевшую тряпочку, Хью серьезно обдумывал его предложение. Несмотря на столь недавнее знакомство, это не казалось Хью странным: ведь его, гитариста, из-за глухоты вышвырнули из группы, которую он помог основать и которая вот-вот прогремит на всю страну. Да, некоторые музыканты и как минимум один великий композитор — Бетховен — тоже были глухими, но ведь потерей слуха беды Хью не заканчивались. Были еще головокружения, дрожь, периодическая потеря зрения. Была тошнота, рвота, понос, дикое сердцебиение. Но хуже постоянного звона в ушах не было ничего. Хью всегда думал, что глухота означает тишину. В его случае это было не так. В голове у Хью Йейтса не переставая звенела охранная сигнализация.

И было еще кое-что. Правда, которую он до тех пор не признавал, но время от времени замечал, словно уголком глаза: он остался в Детройте, чтобы набраться

храбрости. На Восьмой миле было полно ломбардов, и в любом из них можно было купить ствол. Разве то, что предлагал собеседник Хью, хуже, чем зажатое в зубах и нацеленное в небо дуло револьвера?

— Хер с ним! Я в деле! — прокричал он своим роботоподобным голосом.

Хью рассказал остальное, устремив взгляд на горы и поглаживая правое ухо. Кажется, он сам этого не замечал.

— Джейкобс вывесил в окне табличку «Закррито», запер дверь и опустил жалюзи. Потом усадил меня на стул у кассы и положил на прилавок стальной ящик размером с солдатский сундучок. Внутри лежали два металлических кольца, обернутых чем-то вроде золотой сетки. Величиной с сережки-обручи, которые надевает Джорджия, когда ей хочется распушить хвост. Понял, о чем я?

— Конечно.

— В нижней части колец были резиновые штучки, из которых торчали провода, подсоединенные к контрольному пульта размером с дверной звонок. Открыв доньшко пульта, он продемонстрировал мне что-то вроде тонкой пальчиковой батарейки. Я расслабился. «Такая меня точно не убьет», — подумал я, но моя уверенность улетучилась, когда Джейкобс надел резиновые перчатки — типа тех, в которых женщины посуду моют, — и вытащил кольца щипцами.

— Думаю, батарейки Чарли отличаются от тех, которые продаются в магазинах, — сказал я. — Они гораздо мощнее. Он с тобой не говорил о тайном электричестве?

— Да уж говорил, и не раз. Это же его конек. Но это было позже, и я так и не понял, о чем он толкует. Да он и сам, по-моему, не понимал. Вид у него становился...

— Озадаченный, — сказал я. — Озадаченный, обеспокоенный и возбужденный одновременно.

— Ага, вроде того. Он взял кольца щипцами, приложил к моим ушам и попросил меня нажать кнопку на пульте, поскольку у него руки были заняты. Я уж было отказался, но, вспомнив о пистолетах в витринах ломбардов, послушался.

— А потом отключился, — уверенно продолжил я, но Хью меня удивил.

— Обмороки случались, да, как и явления, которые я называл призматикой, но все это было потом. Тогда же, в магазине, у меня в голове оглушительно щелкнуло. Мои ноги судорожно выпрямились, а руки взмыли вверх, будто у школьника, которому не терпится, что-бы его вызвали.

Что-то это мне напоминало.

— А еще у меня во рту был привкус, будто я монетки сосал. Я попросил у Джейкобса стакан воды и, услышав свой вопрос, разрыдался. Рыдал я долго. Джейкобс меня обнимал. — Хью наконец отвел взгляд от гор и посмотрел на меня. — После этого, Джейми, я ради него был готов на все. На все.

— Знакомое чувство.

— Когда я оклемался, он отвел меня обратно в торговое помещение и нацепил мне на голову наушники «Косс». Включив какую-то FM-станцию, он начал потихоньку уменьшать звук и спрашивать, слышу ли я что-нибудь. Я говорил, что слышу, пока он не дошел до нуля, и я почти готов поклясться, что даже тогда я

кое-что слышал. Джейкобс не просто вернул мне слух: таким острым он у меня не был лет с четырнадцати, когда я джемил со своей первой группой.

Хью спросил, чем он может отплатить Джейкобсу. Преподобный — неопрятный, давно немывтый и нестриженный, — задумался.

— Вот что, — наконец сказал он. — Покупателей у меня здесь маловато, да и те, что приходят в магазин, часто какие-то подозрительные. Я хочу перевезти все это на склад на Норт-Сайде, пока буду думать, что делать дальше. Ты мог бы мне помочь.

— Я могу даже кое-что лучше, — ответил Хью, наслаждаясь звуком собственного голоса. — Оплатить аренду склада и нанять бригаду перевозчиков. По мне не скажешь, но я могу себе это позволить. Правда.

Джейкобс, похоже, пришел в ужас от этой идеи.

— Ни в коем случае! Мой товар — в основном всякий мусор, но оборудование стоит дорого, и большая часть того, что находится в задней комнате, в лаборатории, еще и хрупкая. Ты достаточно меня отблагодаришь, если поможешь с перевозкой. Но сперва тебе надо немного отдохнуть. Поесть. Набрать пару фунтов. Ты пережил тяжелые времена. Не желаете ли стать моим ассистентом, мистер Йейтс?

— Если хотите, — сказал Хью. — Мистер Джейкобс, я до сих пор поверить не могу, что вы говорите, а я вас слышу.

— Через неделю перестанешь удивляться, — сказал он небрежно. — С чудесами всегда так. И не стоит с этим бороться — это просто человеческая природа. Но поскольку мы в самом деле стали свидетелями чуда в этом заброшенном уголке Города Моторов, я больше

не потерплю, чтобы ты называл меня мистером Джейкобсом. Для тебя я — Преп.

— В смысле, «Преподобный»?

— Именно, — с ухмылкой подтвердил он. — Преподобный Чарльз Д. Джейкобс, в настоящее время — главный прелат Первой церкви Электричества. Обещаю, что не загоняю тебя до смерти. Спешить некуда: времени у нас полно.

— **Конечно, некуда, — сказал я.**

— Ты это к чему?

— Ни твои перевозчики, ни твои деньги ему не были нужны. Ему нужно было тебя задержать. Думаю, он тебя изучал. Высматривал побочные эффекты. А что думал ты?

— Тогда? Ничего. Я был на седьмом небе от счастья. Если бы Преп попросил меня ограбить Национальный банк Детройта, я бы вполне мог попробовать. Задним числом я теперь понимаю, что, возможно, ты прав. Ведь работы там было всего ничего, потому что, честно говоря, от товаров его магазин не ломился. В задней комнате кое-что было, но на подходящем грузовике мы бы перевезли все до последнего винтика за пару дней. Он же растянул это удовольствие больше, чем на неделю. — Хью призадумался. — Да, ты прав. Он за мной наблюдал.

— *Изучал.* Искал побочные эффекты.

Я взглянул на часы. Через пятнадцать минут меня ждали в студии, и если я посижу за столиком еще чуть-чуть, то опоздаю.

— Проводи меня до Первой студии и Расскажи мне о них.

По дороге Хью рассказал мне о периодах отключки, которые последовали за излечением от глухоты. В первые пару дней они случались часто, но ненадолго, и потери сознания Хью не чувствовал: просто внезапно он оказывался в другом месте и обнаруживал, что прошло пять минут. А то и десять. Дважды это случилось, когда они с Джейкобсом загружали оборудование и подержанные товары в старый фургон, который Джейкобс взял напрокат у какого-то сантехника (может, тот был еще одним благодарным пациентом, но если и да, то Хью об этом ничего не узнал — Преп о таких делах не распространялся).

— Я его спросил, что тогда происходило. Он ответил, что ничего: мол, мы грузили товары и разговаривали, как обычно.

— Ты ему поверил?

— Тогда — да. Теперь не знаю.

Хью рассказал, что однажды вечером — спустя пять или шесть дней после исцеления — он сидел на единственном стуле своего номера в клоповнике, читал книгу, и вдруг обнаружил, что стоит в углу комнаты, лицом к стене.

— Ты что-нибудь говорил? — спросил я, а в голове у меня вертелось: «Что-то случилось. Что-то, что-то, что-то».

— Нет. Но...

— Что «но»?

Хью покачал головой, вспоминая.

— Я снял штаны, потом снова обулся. Я просто стоял в углу в трусах и кроссовках. Бред какой-то, да?

— Мью лосо, — согласился я. — И долго тебя беспокоили такие провалы?

— За вторую неделю была всего парочка. К началу третьей недели они прекратились. Но был еще один побочный эффект, который длился дольше. Иногда у меня с глазами начинало твориться что-то странное. Не знаю, как толком описать эти явления. Я их называл призматикой. За следующие пять лет они у меня случались где-то десяток раз. Потом — как отрезало.

Мы подошли к студии. Там нас поджидал Муки в своей бейсболке «Бронкос», повернутой козырьком назад. Ни дать ни взять старейший в мире скейтер.

— Группа уже внутри. Репетирует. — Он понизил голос:

— Чуваки, такой херни я давно не слышал.

— Передай им, что мы начнем чуть позже, — сказал я. — Время мы им возместим.

Муки перевел взгляд с Хью на меня, потом обратно на Хью в попытке понять, грядет ли буря.

— Ребят, сегодня ведь никого не уволят, правда?

— Не уволят, если впредь будешь выключать пульт, — сказал Хью. — А теперь дуй в студию, дай взрослым поговорить.

Муки отсалютовал и ушел.

Хью повернулся ко мне.

— Призматика была гораздо удивительнее отключек. Даже не знаю, как ее описать. Как говорится, лучше один раз увидеть.

— А ты попробуй.

— Я всегда знал заранее, когда начнется приступ. Вот идет себе день своим чередом, все как обычно, и вдруг у меня вроде как обостряется зрение.

— Как слух после излечения?

Он покачал головой.

— Нет, со слухом все по-настоящему: у меня он и сейчас острее, чем до Преповой терапии, и я знаю, что тесты это подтвердят, хоть я ни разу ими не заморачивался. А вот со зрением... знаешь, как эпилептики предсказывают приступ по покалываниям в запястьях или по фантомному запаху?

— Ты о предвестниках.

— Точно. Так вот обострение зрения было этим самым предвестником. Дальше были... цвета.

— Цвета.

— Контуры предметов окрашивались красным, синим и зеленым. Цвета переливались друг в друга. Я словно смотрел на мир через призму, которая дробила предметы на кусочки, одновременно увеличивая их. — Хью с досадой похлопал себя по лбу. — Точнее описать не могу. И за те тридцать-сорок секунд приступа я будто пронзал взглядом наш мир и видел, что там, дальше, есть еще один. Более реальный.

Хью серьезно посмотрел на меня.

— Такая вот призматика. До сегодняшнего дня я никому о ней не рассказывал. Она пугала меня до чертиков.

— Даже Препу?

— Рассказал бы, но к тому времени мы уже расстались. Вместо слезных прощаний он оставил мне записку, что, мол, у него появилась возможность заработать в Джоплине. Первый приступ случился у меня уже в Недерленде, через полгода после излечения. Призматика... есть в ней какая-то неопишуемая красота, но надеюсь, что она ко мне больше не вернется. Если за нашим миром и правда есть еще один, я не хочу его видеть. А если он только у меня в голове, то пусть там и остается.

Вышел Муки.

— Они там уже разогрелись, Джейми. Могу поработать за пультом, если хочешь. Уж точно не напортачу, потому что по сравнению с этими гавриками «Мертвые молочники» — чистые «Битлз».

Может, и так, но ребята заплатили за сессию наличными.

— Не нужно. Я сейчас приду. Скажи им, через пару минут.

Муки скрылся.

— Итак, — сказал Хью. — Мою историю ты услышал. Теперь твоя очередь.

— Сегодня вечером около девяти у меня будет свободный часок. Я зайду в большой дом и все тебе расскажу. Много времени это не займет. Со мной случилось все то же самое: лечение, исцеление, побочные эффекты, которые со временем исчезли. — Не совсем так, но мне пора было на запись.

— И никакой призматика?

— Не-а. Всякое другое. Синдром Туретта без ругани, например.

О снах с участием моих мертвых родственников я пока решил помалкивать. Может, то были мои собственные видения из другого мира, о котором рассказывал Хью.

— Нам надо поехать на него взглянуть, — сказал Хью, схватив меня за руку. — Правда надо.

— Наверное, ты прав.

— Но никакого обеда в честь долгожданной встречи, ладно? Я даже не хочу с ним разговаривать, только понаблюдать.

— Хорошо, — сказал я, посмотрев на его руку. — А теперь отпусти меня, пока синяка не оставил. Мне работать надо.

Он отпустил. Я пошел в студию на запись местной панк-группы, весь косушно-булавочный репертуар которой «Рамонес» переиграли еще в 70-х, причем гораздо лучше. Обернувшись, я увидел, что Хью по-прежнему стоит у входа и смотрит на горы.

«Мир за гранью мира», — подумал я. Затем выкинул эту мысль из головы и принялся за работу.

Только год спустя я наконец сдался и приобрел ноутбук, но в Первой и Второй студиях компьютеров хватало — к 2008 году мы почти все записывали с помощью маковского софта. Так что во время своего перерыва, около пяти часов, я погуглил Ч. Дэнни Джейкобса и получил тысячи результатов. Очевидно, я многое пропустил с тех пор, как «Ч. Дэнни» впервые появился на национальной сцене десять лет назад, но я себя не винил. Телевизор я смотрю редко, из всей поп-культуры интересуюсь исключительно музыкой, в церковь не хожу уже много лет. Неудивительно, что я ничего не знал о священнике, которого Википедия называла «Оралом Робертсом 21 века».

У него не было своей мега-церкви, но его еженедельный «Час целительной евангельской силы» транслировался от побережья до побережья на кабельных каналах, где плата за эфирное время была невысока, а приток пожертвований, по всей видимости, не разочаровывал. Передачи записывались на его Религиозных бдениях в шатрах, с которыми он объездил всю страну (кроме Восточного побережья, где люди чуть менее доверчивы). На снимках, сделанных на протяжении

этих лет, я видел, как Джейкобс стареет и седеет, но взгляд его не менялся: все тот же фанатизм и боль.

За неделю до того, как мы с Хью отправились посмотреть на Джейкобса в естественной среде обитания, я позвонил Джорджии Донлин и попросил номер телефона ее дочери, которая изучала компьютеры в университете Колорадо. Звали ее Брианна.

Наш разговор с Бри получился исключительно интересным.

VIII

Балаган. Ярмарка округа Норрис.

Ярмарка округа Норрис находилась в семидесяти милях от Недерленда, так что времени на разговоры у нас с Хью было полно. Но мы не произнесли почти ни слова, пока не оказались восточнее Денвера; просто сидели и смотрели на пейзажи. Если не считать вечного смога над Арвадой, день был по-летнему прекрасным.

Потом Хью выключил радио — KXKL один за другим крутила старые хиты — и спросил:

— У твоего брата Конрада были какие-нибудь последствия, когда Преп починил его связки или что там было не в порядке?

— Нет, и это вполне понятно. Джейкобс сказал, что его лечение — фальшивка, плацебо, и я всегда ему верил. Скорей всего, так и было. Он же тогда только начинал, и его самым масштабным проектом была улучшенная телеантенна. Мозгу Кона просто надо было получить разрешение на то, чтобы выздороветь.

— Вера — мощная штука, — согласился Хью. — Как и религия. Посмотри, сколько групп и солистов стоят у нас в очереди на запись, хотя их диски уже

никто не покупает. Ты что-нибудь нарыл на Ч. Дэнни Джейкобса?

— И немало. Мне помогает дочка Джорджии.

— Я тоже кое-что почитал, и там много случаев, похожих на излечение твоего брата. Люди с психосоматическими болезнями, которые решили, что исцелились, когда пастор Дэнни коснулся их своими волшебными кольцами.

Может, оно и так, но, понаблюдав за Джейкобсом на ярмарке в Талсе, я был уверен, что он знает, как заработать хорошие чаевые: надо бросить лохам хоть кусочек стейка, а не только дать послушать, как он скворчит. Женщины, которые уверяют, что у них прошла мигрень, и мужчины, исцеленные от радикулита, — все это прекрасно, но не очень зрелищно. В отличие, скажем так, от Молниеносных портретов.

Существовало по крайней мере два десятка сайтов, разоблачающих его чудеса, в том числе один под названием «Ч. Дэнни Джейкобс — жулик от веры». Сотни людей постили на этих сайтах, что «раковые опухоли», которые извлекал пастор Дэнни, — это свиные печенки и козы кишки. На бдения Ч. Дэнни запрещалось проносить фотоаппараты, и если кто-то из билетеров замечал их, то пленка изымалась, но фотографий все же просочилось немало. Многие из них соответствовали официальным видео на сайте Ч. Дэнни, но на некоторых блестящие комки в руках пастора в самом деле смахивали на козы кишки. Я подозреваю, что опухоли и правда были поддельными: от них за милую душу несло ярмарочными приемчиками. Но это не значит, что вся деятельность Джейкобса была мошенничеством. В этом «Линкольне-Континентале»

величиной с яхту сидело двое мужчин, готовых это засвидетельствовать.

— У тебя был лунатизм и непроизвольные движения, — сказал Хью. — На сайте WebMD пишут, что это миоклония. В твоём случае — временная. И стремление втыкать в свое тело предметы, как будто подсознательно ты скучаешь по игле.

— Все верно.

— У меня были моменты, когда я ходил и разговаривал, будучи в отрубе, — как с перепоею, только без спиртного.

— И призматика, — вставил я.

— Угу. Дальше, та девушка из Талсы, про которую ты мне рассказывал. Та, что украла сережки. Самое наглое в мире ограбление.

— Она считала, что сережки — ее, потому что такие же были на ее фотографии. Она небось и платье искала по бутикам Талсы.

— Она помнила, как разбила витрину?

Меня уже давно не было в Талсе, когда Кэти Морс предстала перед судом, но Брианна Донлин нашла короткую заметку о ней в интернете. Морс утверждала, что ничего не помнит, и судья ей поверил. Он поручил провести психологическую экспертизу и выпустил ее под опеку родителей, после чего она исчезла из виду.

Хью надолго умолк. Я тоже. Мы смотрели на разворачивающуюся впереди дорогу. Горы остались позади, и она уходила к горизонту, прямая, как стрела. Наконец он сказал:

— Зачем ему это все, Джейми? Ради денег? Он несколько лет работает на ярмарках и в один прекрасный день решает: «Да пошло оно, это дерьмо собачье! Начну-ка я исцелять людей и заработаю большие деньги!»?

— Может, и так, но мне никогда не казалось, что Чарли Джейкобс гонится за деньгами. Бог его тоже давно не волнует — разве что он совершил поворот на 180 градусов после того, как вылетел из церкви в моем городке. В Талсе я не заметил в нем никаких признаков религиозного чувства. Его волнуют жена и сын — альбом с их фотографиями, который я нашел в трейлере, был засмотрен почти до дыр, — и я уверен, что опыты его тоже все еще волнуют. Он носится со своим тайным электричеством, как мистер Жаб с автомобилем.

— Не понял.

— Как одержимый. Я бы предположил, что ему нужны деньги для продолжения экспериментов. Больше, чем можно заработать в ярмарочном балагане.

— То есть исцеление — не конечный пункт? Не главная цель?

Я не мог знать этого точно, но мне так казалось. Исцеления, поставленные на конвейер, — безусловно, циничное извращение религии, которую он отверг, а также способ быстро заработать кучу денег на пожертвованиях. Но меня Джейкобс вылечил не ради денег. Это была старая добрая христианская «рука помощи» от человека, который отказался от сана, но не от двух его основополагающих принципов — благотворительности и милосердия.

— Я не знаю, какая у него конечная цель.

— А он-то знает?

— Думаю, да.

— Это тайное электричество — он хоть сам знает, что это такое?

Я не был уверен, что его это вообще волнует. И это меня пугало.

Норрисская окружная ярмарка проводилась во второй половине сентября. И с размахом, в чем я убедился пару лет назад, когда посетил ее с моей тогдашней подругой. Но в июне тут было пусто, за исключением одного брезентового шатра, который — какое совпадение — оказался бы в самой сомнительной части ярмарки, когда та набирает обороты (то есть среди игорных шалманов и стрип-шоу). Огромную стоянку заполнили легковушки и пикапы, в основном старые развалюхи с наклейками вроде «Иисус умер ради меня, я живу ради него» на бамперах. На верхушке шатра светился громадный крест (видимо, его прикрутили к центральному шесту), окрашенный в красные, белые и синие полосы, словно столбик парикмахера. Изнутри доносилось зажигательное пение госпел-хора и хлопанье публики. А народ все прибывал. По большей части пожилые, но и молодых тоже хватало.

— Кажется, они там неплохо проводят время, — сказал Хью.

— Да уж. Бразер Лав на спасительных гастролях.

С равнин дул прохладный ветерок, и температура была вполне комфортная — градусов шестьдесят пять. Внутри шатра было градусов на двадцать жарче. Я видел фермеров в комбинезонах и пожилых матрон с покрасневшими, счастливыми лицами. Я видел мужчин в костюмах и женщин в элегантных платьях, словно бы они прибыли сюда прямиком из денверских офисов. Была там и группа работников-чикано в джинсах и рабочих рубашках. У некоторых на руках под закатанными рукавами виднелись тюремные наколки. Я даже увидел несколько вытатуированных слезинок. В первом ряду сидела бригада инвалидов-колясочников. Секстет музыкантов раскачивался и наяривал вовсю.

Перед ними энергично притопывало полдюжины пышнотелых девиц в бордовых робах: Девина Робинсон и ее Госпел-Пташки. Они хлопали в ладоши у себя над головами, освещая свои коричневые лица белоснежными улыбками.

Сама Девина с радиомикрофоном в руке протанцевала вперед. Она издала музыкальный клич, словно Арета в ее лучшие годы, и начала петь.

«В моем сердце Иисус,
Так и есть, так и есть,
К Славе Его восхожу, взойдете и вы!
Могу уйти хоть сегодня,
Ведь Он смыл грехи мои,
В моем сердце Иисус, так и есть!»

Она призвала верующих к ней присоединиться, что они с радостью и сделали. Мы с Хью стали в заднем ряду, потому что к тому времени в шатре, который вмещал больше тысячи человек, было не протолкнуться. Хью наклонился ко мне и прокричал в ухо:

— Вот это голосина! Просто блеск!

Я кивнул и тоже принялся хлопать в ладоши. Всего в песне было пять куплетов с уймой «так и есть», и когда Девина закончила, по ее лицу струился пот, и даже колясочники разошлись не на шутку. Закончила она еще одной руладой в стиле Ареты, высоко задрав микрофон. Органист и ведущий гитарист очень долго держали этот аккорд.

Когда, наконец, музыка смолкла, Девина воскликнула:

— Скажите «аллилуйя», дорогие мои!

Народ так и сделал.

— А теперь повторите так, будто вы познали любовь Господа!

Они повторили так, будто познали любовь Господа.

Удовлетворившись этим, она спросила, готовы ли они встречать Эла Стампера. Публика была более чем готова.

Музыканты заиграли что-то медленно-изящное. Зрители сели на раскладные стулья. На сцену вышел лысый черный мужчина, неся свое трехсотфунтовое тело с завидной грацией.

Хью нагнулся ко мне. Теперь он мог говорить чуть тише.

— В семидесятых он пел в «Во-Лайтс». Тогда он был худой как щепка и с афро, в которой можно было спрятать журнальный столик. Я думал, он уже помер: кокса он вынюхал немеряно.

Стампер тут же это подтвердил.

— Я был большим грешником, — поведал он слушателям. — Но теперь, слава Богу, я лишь большой обжора.

Публика засмеялась. Посмеявшись с ней, он вновь посерьезнел.

— Я был спасен милостью Божьей и исцелен от моих пороков пастором Дэнни Джейкобсом. Некоторые из вас помнят те светские песни, которые я пел с «Во-Лайтс». Кое-кто помнит то, что я пел, выступая соло. Сейчас я пою совсем другие песни, посланные мне Богом, которого я когда-то отвергал...

— Восхвалим Иисуса! — крикнул кто-то из слушателей.

— Воистину, брат мой, и именно этим я сейчас и займусь.

И он затянул «Пусть светят маяки», гимн, хорошо знакомый мне из детства. Его голос был таким глубоким и чистым, что у меня заболело горло. К концу

гимна большинство верующих ему подпевало, глаза их сияли.

Спев еще две песни (мелодия второй подозрительно напоминала «Останемся вместе» Эла Грина), он снова представил публике Госпел-Пташек. Они пели; он пел с ними; они радостно зывали к Господу и ввергли собравшихся в иисусохвалебный экстаз. Пока публика стояла, истово хлопая в ладоши, свет в шатре потух, за исключением светлого пятна на сцене, в которое вошел Ч. Дэнни Джейкобс. Да, это был мой Чарли и Преп Хью, но как же он изменился с тех пор, как я видел его в последний раз.

Его просторный черный плащ — похожий на тот, в котором выступал Джонни Кэш, — частично скрывал его худобу, но изможденное лицо его выдавало. И я видел кое-что еще. Думаю, большинство людей, переживших большие потери — большие трагедии — выходят на распутье. Может, не сразу, а когда ослабевает потрясение. Может, на это требуются месяцы, а, может, годы. Так вот они либо расширяются от пережитого, либо сжимаются. И если это звучит хипповато (наверное, так и есть), то извиняться я не собираюсь. Я знаю, о чем говорю.

Чарльз Джейкобс сжался. Его рот превратился в бледную щель. Голубые глаза сверкали, но в появившейся вокруг них сетке морщин они словно бы стали меньше и отчужденнее. Бодрый молодой человек, который помог мне выкопать пещеры в Череп-горе, когда мне было шесть, человек, который с таким сочувствием выслушал мой рассказ о немоте Кона... этот человек теперь напоминал школьного учителя из Новой Англии 19 века, приготовившегося высечь строптивного ученика.

Потом он улыбнулся, и я понадеялся, что тот парень, с которым я когда-то подружился, все еще жил в этом балаганном зазывале. Улыбка осветила его лицо. Публика зааплодировала. Думаю, с некоторым облегчением. Подняв руки, он опустил их ладонями вниз.

— Садитесь, братья и сестры. Садитесь, мальчики и девочки. Проникнемся нашим с вами братством.

Публика с шорохом расселась. В шатре стало тихо. Все смотрели на него.

— У меня для вас благая весть, которую вы уже слышали: Бог любит вас. Любит всех и каждого. Тех, кто живет достойно, и тех, кто по уши в грехе. Так любит, что отдал Сына Своего Единородного — Иоанн 3:16. Накануне распятия Его Сын молился, чтобы Бог удержал вас от греха — Иоанн 17:15. Когда Бог наказывает, когда Он налагает на нас бремена страданий, Он делает это из любви к нам — Деяния 17:11. И разве не сможет Он облегчить эти бремена также из любви?

— Да, слава Господу! — раздался ликующий крик из ряда колясочников.

— Я стою здесь перед вами, странник на лице Америки, сосуд любви Господней. Примете ли вы меня так, как я принял вас?

Народ закричал, что да. У меня по лицу струился пот, как и у Хью, и у тех, кто стоял рядом с нами, но лицо Джейкобса было сухим и блестящим, хотя софит, в свете которого он стоял, должен был обдавать его жаром. Добавьте к этому его черный плащ.

— Когда-то у меня были жена и маленький сын, — сказал он. — Случилась страшная трагедия, и они утонули.

Мне будто брызнули в лицо ледяной водой. Он солгал без всякой причины. Во всяком случае, я ее не видел.

Слушатели загомонили — чуть ли не застонали. Многие женщины плакали, как и некоторые мужчины.

— Тогда я отвернулся от Бога и проклял Его в сердце своем. Я блуждал в пустыне. О, то были Нью-Йорк и Чикаго, Талса и Джоплин, Даллас и Тихуана; то были Портленд в Мэне и Портленд в Орегоне, но все это было одно: пустыня. Я отстранился от Господа, но я не отстранялся от памяти о моей жене и сыне. Я отринул учение Иисусово, но не отринул этого.

Подняв левую руку, он продемонстрировал публике золотое кольцо, слишком широкое и толстое, чтобы быть обычным обручальным.

— Меня пытались соблазнить женщины — ведь я мужчина, и Потифарова жена всегда среди нас, — но я не поддался.

— Слава Господу! — воскликнула какая-то женщина. Она-то уж наверняка считала, что узнает Потифарову жену, если увидит, — эту похотливую шлюшку в одежде приличной матроны!

— И вот однажды, когда я устоял перед особенно сильным... особенно соблазнительным искушением... Господь послал мне видение, как Савлу по дороге в Дамаск.

— Слово Господа! — завопил мужчина, простирая руки к небу (или к своду шатра).

— Господь сказал мне, что меня ждет работа, и что работа эта — облегчать тяготы и скорби ближних. Он пришел ко мне во сне и велел надеть еще одно кольцо — символ моего венчания с учением Господним через Его Священное Слово и с учением его сына, Иисуса

Христа. Я тогда жил в Финиксе и работал в безбожном ярмарочном балагане, и Господь приказал, чтобы я удалился в пустыню без воды и пищи, как ветхозаветный паломник. Он сказал мне, что в пустыне я найду кольцо, которым совершится мой второй и последний брак. Если я останусь верным этому браку, то совершу большое благо и воссоединюсь с женой и сыном на небесах, и наш истинный брак будет освящен заново Его священным тронном и Его священным светом.

Снова крики и возгласы. Женщина в строгом деловом костюме, телесных чулках и стильных туфлях на низком каблуке упала на землю в проходе и заговорила на языке, казалось, полностью состоявшем из гласных. Сопровождавший ее мужчина — муж или друг — встал на колени рядом, придерживая ее голову, ласково улыбаясь и поощряя ее продолжать.

— Он не верит ни одному своему слову, — сказал я, потрясенный. — Каждое слово — ложь. Они не могут этого не видеть!

Но они не видели, а Хью меня не слышал. Он смотрел прямо перед собой, словно пригвожденный к месту. В шатре бушевали волны восторга, над которыми поднимался голос Джейкобса, перекрывая осанну благодаря силе электричества (и беспроводному микрофону).

— Я шел весь день. В зоне для пикников я нашел в мусорном ящике какие-то объедки и съел их. Я нашел возле тропы полбутылки «Кока-колы» и выпил ее. Потом Господь велел мне сойти с тропы, и хотя уже стемнело, и в этой пустыне случалось погибать и более опытным путешественникам, я послушал его.

«К этому времени ты уже, небось, дошел до пригородов, — подумал я. — Может, даже прошел полпути до Норт-Скоттсдэйла, где живут богачи».

— Ночь была темная и облачная, ни звездочки на небе. Но сразу после полуночи тучи разошлись, и луч лунного света упал на горку камней. Я подошел к ним и под ними обнаружил... вот это.

Он поднял правую руку. На среднем пальце красовалась еще одно широкое золотое кольцо. Публика разразилась аплодисментами и аллилуйями. Я пытался найти в этом какой-то смысл, но не мог. Эти люди ежедневно пользуются компьютером, чтобы общаться с друзьями и родными и быть в курсе новостей; они принимают как должное существование метеорологических спутников и трансплантации легких; они могут рассчитывать, что проживут на тридцать-сорок лет дольше своих прапрадедов. И тем не менее верят в сказочку, по сравнению с которой Санта-Клаус и Зубная фея выглядят суровым реализмом. Он скармливал им брехню, а они были в восторге. Я смутно подозревал, что он и сам в восторге, а это было еще хуже. Это был не тот человек, которого я знал в Харлоу, и не тот, который взял меня к себе в тот вечер в Талсе. Хотя, вспоминая, как он обошелся с растерянным и раздавленным горем папашей-фермером, я вынужден был признать, что этот человек тогда уже зародился в нем.

«Не знаю, ненавидит ли он этих людей, — подумал я, — но презирает, это уж точно».

А может, и нет. Может, ему просто было наплевать. На все, кроме того, что оказывалось в корзинке для пожертвований в конце шоу.

А Джейкобс тем временем продолжал свой рассказ. Оркестр начал играть на заднем плане, взвинчивая

зрителей еще больше. «Госпел-Пташки» раскачивались и хлопали, и публика присоединилась к ним.

Джейкобс говорил о своих первых робких излечениях кольцами — символами двух его браков, земного и небесного. О том, как понял, что Бог хочет, чтобы он донес Его послание любви и исцеления до широкой аудитории. Как он много раз, корчась на коленях, заявлял, что недостойн. Как Бог отвечал, что Он никогда не снабдил бы его кольцами, если бы это было так. Джейкобс изобразил это так, словно бы они с Господом подолгу беседовали обо всем этом в какой-то небесной курилке, возможно, попыхивая трубками и любуясь райскими холмами.

Мне ужасно не нравилось, как он теперь выглядел — узкое лицо директора школы и голубой огонь глаз. И черный плащ не нравился. Ярмарочники называют их «клифты». Это-то я успел узнать, работая в джейкобсовском аттракционе «Молниеносные портреты» в парке развлечений Белла.

— Давайте помолимся вместе, — предложил Джейкобс и упал на колени, как мне показалось, поморщившись от боли. Ревматизм? Артрит? «Пастор Дэнни, исцелился сам», — подумал я.

Собравшиеся преклонили колена под шорох одежды и возбужденное бормотание. Так же поступили и мы, стоявшие в задних рядах. Я чуть было не остался стоять — даже для бывшего методиста это все попахивало кощунством и шоу-бизнесом, но меньше всего мне хотелось сейчас привлечь его внимание, как в Талсе.

«Он спас тебе жизнь, — подумал я. — Не надо об этом забывать».

Верно. И последующие годы я прожил хорошо. Я закрыл глаза — не в молитвенном экстазе, а в расте-

рянности. Мне уже казалось, что зря я сюда пришел, хотя выбора у меня не было. Не в первый раз я пожалел, что попросил Джорджию Донлин связать меня с ее дочерью — спецом по компьютерам.

Но было поздно.

Пастор Дэнни помолился за присутствующих. Он молился за лежащих больных, которые хотели бы быть с нами, но не могли. Он молился за всех женщин и мужчин доброй воли. Он молился за Соединенные Штаты Америки и за то, чтобы на их правителей снизошла Божья мудрость. Потом он перешел к делу и попросил Бога ниспослать исцеление через его руки и священные кольца, согласно воле Его.

А оркестр все играл.

— Есть ли среди вас те, кто хочет исцелиться? — спросил он, поднимаясь с колен и снова морщась от боли. Эл Стампер дернулся было помочь ему, но Джейкобс махнул бывшему соул-певцу — мол, не надо.

— Есть ли среди вас те, кто хочет снять с души тяжкий груз, избавиться от скорбей?

Собрание подтвердило, — и очень громко, — что такие есть. Колясочники и хроники смотрели на него с восторгом. Как и зрители из задних рядов — многие из них казались изможденными, почти умирающими. Здесь были и марлевые повязки, и уродства, и кислородные маски, и высохшие конечности, и шины. Некоторые дергались и раскачивались в такт раздраженным колебаниям их больного мозга внутри черепных коробок.

Девина и «Госпел-Пташки» запели «Иисус сказал: шагни вперед» нежно, будто весенний ветерок в пустыне. Словно по волшебству, появились капельдинеры

в отглаженных джинсах, белых рубашках и зеленых жилетах. Одни начали выстраивать жаждущих исцеления в очередь в центральном проходе. Другие — многочисленные — зеленые жилеты циркулировали среди зрителей с корзинками для сбора пожертвований, огромными, как переметные сумы. Я слышал звон монет, но лишь изредка. В основном люди бросали в корзинки сложенные купюры — «лавэ», как говорят ярмарочники. Женщине, говорившей на языках, муж или бойфренд помог подняться и снова сесть на складной стул. Растрепанные волосы обрамляли ее раскрасневшееся, восторженное лицо, а пиджак был измазан грязью.

Я и сам чувствовал себя, словно вымазанный грязью, но дело наконец дошло до того, ради чего я приехал. Я вытащил из кармана блокнот и ручку. В блокноте уже было несколько записей: часть — результат моих собственных исследований, большинство — плоды трудов Брианны Донлин.

— Что ты делаешь? — тихо спросил Хью.

Я покачал головой. Исцеление должно было вот-вот начаться, и я видел достаточно видео на сайте пастора Дэнни, чтобы знать, как оно проходит. «По старинке», сказала Бри, увидев несколько клипов.

Вперед выехала женщина в инвалидной коляске. Джейкобс спросил, как ее зовут, и поднес микрофон к ее губам. Дрожащим голосом она назвалась: Ровена Минтур, школьная учительница, приехавшая аж из Де-Мойна. У нее такой сильный артрит, что она не может ходить.

Я записал ее имя в блокноте под Мэйбл Йоргенс, излеченной от травмы позвоночника месяц назад в Альбукерке.

Джейкобс сунул микрофон в наружный карман своего клифта и обхватил ее голову руками, прижав кольца к вискам, а голову — к своей груди. Он закрыл глаза. Его губы беззвучно шевелились, произнося молитву... или стишки «Бегом вокруг шелковицы» — кто его знает. Внезапно женщина дернулась. Она раскинула руки в стороны и захлопала ими, как крыльями. В ее широко раскрытых, направленных на Джейкобса глазах застыло то ли изумление, то ли шок от удара электричества.

Потом она встала.

Толпа завопила «аллилуйя!». Ровена обнимала Джейкобса и покрывала его щеки поцелуями. Несколько мужчин подбросили шляпы в воздух — мне случалось видеть это в кино, но не в жизни. Джейкобс схватил ее за плечи и повернул к зрителям — возбужденным до предела, не исключая меня. Он полез в карман за микрофоном привычным жестом ярмарочного зазывалы.

— Иди к своему мужу, Ровена! — прогремел он в микрофон. — Иди к нему и благословляй Иисуса с каждым шагом. Благословляй Господа с каждым шагом! Благословляй Его святое имя!

Она заковыляла к мужу, растопырив руки, чтобы удержать равновесие, и рыдая. Капельдинер в зеленом жилете катил за ней ее кресло на случай, если у нее подкосятся ноги. Но они не подкосились.

Все это продолжалось около часа. Музыка не прекращалась все это время, как и рейды капельдинеров с огромными корзинами. Джейсон исцелил не всех, но могу вам сказать, что его сборщики взносов выгребли все дочиста вплоть до кредитных карт этих лохов — несомненно, с превышенным кредитом. Многие из

Колясочной бригады не смогли встать после наложения священных колец, но с полдесятка — встали. Я записал все имена, а затем вычеркнул тех, кто после целительного прикосновения Джейкобса остался все той же развалиной.

Женщина с катарактой заявила, что прозрела. В ярком свете казалось, что молочная пленка и в самом деле исчезла с ее глаз. Чья-то скрюченная рука распрямилась. Вопящий младенец с пороком сердца прекратил вопить, словно его выключили. Мужчина, вышедший на сцену на костылях, с опущенной головой, сорвал с шеи ортез и отбросил костыли. Женщина с хронической обструкцией легких сорвала с себя кислородную маску. Она объявила, что может свободно дышать, и груз, давивший ей на грудь, исчез.

Многие случаи исцеления трудно было проверить, и весьма вероятно, что некоторые из них были подсадками. Например, мужчина с язвой, который утверждал, что у него впервые за три года прошла боль в животе. Или женщина с диабетом, — одна нога ампутирована ниже колена, — которая сказала, что снова чувствует свои ладони и пальцы на оставшейся ноге. Пара человек, страдавших от хронических мигреней, заявили, что боль у них прошла, хвала Господу, совсем прошла.

Я все равно записал их имена и города и штаты, из которых они приехали, — если они их называли. Бри Донлин хорошо работала, она заинтересовалась проектом, и я хотел дать ей как можно больше материала.

В тот вечер Джейкобс извлек только одну опухоль, и я даже не стал записывать имя страждущего, потому что увидел, как одна рука Джейкобса нырнула в недра клифта перед тем, как он приложил кольца к пациенту. То, что он затем предъявил ахающей, восторженной

толпе, было подозрительно похоже на кусок телячьей печенки из супермаркета. Он передал ее одному из зеленых жилетов, и тот кинул ее в банку и торопливо скрылся из виду.

Наконец Джейкобс заявил, что на сегодня его целительная сила истощилась. Не знаю, как насчет исцеления, но он в самом деле явно устал. Вымотался до смерти. Лицо его оставалось сухим, но рубашка прилипла к груди. Когда он отступил назад от неохотно расходящейся толпы верующих, которые не успели исцелиться (многие наверняка поедут за ним на следующее выступление), то споткнулся. Эл Стампер вовремя подхватил его, и на сей раз Джейкобс не отказался от помощи.

— Помолимся, — сказал Джейкобс. Он задыхался, и у меня появились опасения, что он сейчас свалится в обморок или его хватит инфаркт прямо на сцене. — Вознесем хвалу к Господу, как мы возносим к Нему мольбы. А затем, братья и сестры, Эл и Девина с «Госпел-Пташками» проводят нас песней.

На этот раз он даже не пытался встать на колени, но его паства их преклонила, включая нескольких из тех, кто вряд ли надеялся еще раз сделать это в земной жизни. Послышался шорох одежды, который почти заглушил звуки рвотных спазмов рядом со мной. Я обернулся как раз вовремя и успел увидеть, как клетчатая рубашка Хью исчезает за дверями шатра.

Я нашел его под фонарем в пятнадцати футах от шатра. Он стоял, согнувшись пополам и упираясь руками в колени. Похолодало, и лужа у его ног слегка дымилась. Хью содрогнулся в рвотном спазме, и она увеличилась. Когда я коснулся его руки, он дернулся

и зашатался, чуть не упав в собственную блевотину. Обратный путь мог бы оказаться весьма ароматным.

Хью бросил на меня панический взгляд животного, оказавшегося в ловушке лесного пожара. Потом расслабился и выпрямился, вытащил из кармана старомодную фермерскую бандану и вытер ей рот. Руки у него тряслись, лицо заливала мертвенная бледность. Отчасти в этом был виноват безжалостный свет фонаря — но только отчасти.

— Прости, Джейми. Ты меня напугал.

— Я заметил.

— Это все от жары, наверно. Может, поедем уже?

Пока народ не ломанул.

Он двинулся к «Линкольну». Я коснулся его локтя. Он уклонился. Нет, не совсем так. Он шарахнулся.

— Что случилось? На самом деле?

Он ответил не сразу — продолжал идти к дальнему концу парковки, где ждала его детройтская махина. Я шел рядом. Подойдя к машине, он положил руку на покрытый росой капот, словно ища поддержки.

— Призматика. Давненько мы с ней не виделись. Я почувствовал ее приближение, когда он исцелял последнего — парня, которого парализовало ниже пояса после аварии. Когда тот встал с кресла, все обрело резкость. Стало четким. Понимаешь?

Я не понимал, но все равно кивнул. Позади нас паства радостно хлопала и распевала во все горло «Как же я люблю Иисуса!».

— Потом... когда Преп начал молиться... цвета. — Хью взглянул на меня. Губы его дрожали, и он словно бы постарел на двадцать лет. — Они были такие яркие, что все распалось на части.

Он ухватился за мою рубашку с такой силой, что оторвал две пуговицы. Это была хватка утопающего. В его расширенных глазах стоял ужас.

— Потом.... потом все части снова собрались в одно целое, но цвета не исчезли. Они танцевали и извивались, как северное сияние зимней ночью. А люди... это были уже не люди.

— А кем они были, Хью?

— Муравьи, — прошептал он. — Гигантские муравьи, такие, наверно, живут в тропических лесах. Коричневые, черные и рыжие. Они смотрели на него мертвыми глазами, а из пастей у них капал этот их яд, муравьиная кислота. — Он испустил долгий прерывистый вздох. — Если я еще раз увижу что-нибудь подобное, я покончу с собой.

— Но сейчас все прошло, так ведь?

— Прошло. Слава Богу.

Он вытащил из кармана ключи и уронил в грязь. Я подобрал их.

— Я поведу.

— Да, давай уж ты. — Он двинулся к пассажирской дверце, потом взглянул на меня. — Ты тоже, Джейми. Я повернулся к тебе, смотрю — а рядом со мной гигантский муравей. Ты обернулся... посмотрел на меня...

— Хью, не было этого. Я вообще не сразу заметил, что ты вышел.

Он словно бы не слышал.

— Ты обернулся... посмотрел на меня... и, кажется, попытался улыбнуться. Вокруг тебя играли цвета, но глаза у тебя были мертвые, как у всех остальных. А во рту полно яда.

Больше он не произнес ни слова, пока мы не подъехали к большим деревянным воротам «Волчьей пасти». Они были закрыты, и я начал вылезать из машины, чтобы их отпереть.

— Джейми...

Я повернулся к нему. Лицо у него немного порозовело — но только немного.

— Больше не упоминай при мне его имени. Никогда. Если произнесешь его — ты уволен. Все понятно?

А как же. Но это не значило, что я собирался все так и оставить.

IX

Чтение некрологов в постели. Снова Кэти Морс. Латчес.

Как-то утром в начале августа 2009 года мы с Брианной лежали в постели и просматривали некрологи. Благодаря какому-то компьютерному гиковскому фокусу Бри умела собирать извещения о смертях из десяти ведущих американских газет в один алфавитный список.

Мы не впервые занимались этим в такой приятной обстановке, но оба понимали, что наш последний раз не за горами. В сентябре она должна была ехать в Нью-Йорк на собеседования в компьютерные фирмы, предлагавшие начинающим шестизначные зарплаты, — у нее в ежедневнике уже значилось четыре даты, — а у меня были свои планы. Но наше общение во всех отношениях пошло мне на пользу, и когда она говорила, что ей тоже со мной хорошо, я не видел причин сомневаться.

Я не первый мужчина, связавшийся с женщиной вдвое моложе себя, и если вы скажете, что нет хуже дурака, чем старый дурак, я не стану спорить. Но

иногда такие союзы не так уж плохи, по крайней мере, на какое-то время. Ни один из нас не был слишком привязан к другому и не строил иллюзий о долгосрочных отношениях. Просто так сложилось, и первый шаг сделала Брианна. Это случилось месяца через три после балаганного исцеления в округе Норрис и четыре — после начала наших компьютерных изысканий. Я не особенно упирался, особенно когда она как-то вечером в моей квартире сбросила блузку и юбку.

— Ты точно этого хочешь? — спросил я.

— Абсолютно. — Она сверкнула улыбкой. — Скоро я окажусь лицом к лицу со всем огромным миром, так что лучше заранее проработать свои проблемы с папочкой.

— Твой папаша был белым гитаристом?

Она засмеялась.

— В темноте все кошки серы, Джейми. Так что, мы будем дело делать или нет?

Мы сделали дело, и это было прекрасно. Не буду врать, что меня не возбуждала ее молодость — ей было двадцать четыре, — и не буду врать, что всегда мог за ней угнаться. Растянувшись рядом с ней на кровати в тот первый вечер, практически выжатый досуха после второго захода, я спросил, что скажет Джорджия.

— От меня она ничего не узнает. А от тебя?

— Нет, но Недерленд — маленький городок.

— Это верно, и в маленьких городах и в самом деле не так легко спрятаться. Если что, я напому ей, что когда-то она не только бухгалтерию вела у Хью Йейтса.

— Что, серьезно?

Она захихикала.

— Белые парни иногда так тупят!

Мы сидели, опираясь спиной на подушки; между нами стоял ее ноутбук, возле нее — чашка кофе, возле меня — чай. Лучи летнего солнца — утреннего, самого лучшего, — бросали на пол продолговатый отсвет. На Бри была только моя футболка; короткие волосы венчали голову курчавой шапочкой.

— Ты спокойно мог бы продолжать без меня, — сказала она. — Ты прикидываешься полным чайником в компьютерах, в основном чтобы был предлог держать меня под рукой по ночам, но поисковые машины — не бином Ньютона. Да ты и так уже достаточно набрал информации, правда?

На самом деле она была права. Мы начали с трех имен на страничке «Свидетельства чудес» с сайта Ч. Дэнни Джейкобса. Роберт Райвард, мальчик, излеченный от мышечной дистрофии в Сент-Луисе, возглавлял список. К этим троим Бри добавила тех участников Норрисского исцеления, в которых я был уверен — таких, как Ровена Минтур, чье внезапное выздоровление было трудно оспорить. Если она притворялась, когда, рыдая, неверной походкой шла к мужу, то заслужила «Оскар».

Бри проследила весь путь пастора Дэнни Джейкобса от Колорадо до Калифорнии в ходе «тура Возрождения». Всего в нем было десять пунктов. Мы вместе просмотрели новые клипы с Ютуба, появившиеся на страничке «свидетельств чудес», с энтузиазмом морских биологов, изучающих новую породу рыб. Мы обсудили правдоподобность каждого случая (сначала у меня в гостиной, затем в постели) и распределили их по четырем категориям: «полная херня», «скорей всего херня», «невозможно проверить» и «трудно не поверить».

Таким образом, наш список понемногу удлинялся. К тому солнечному утру в моей спальне на втором этаже он включал в себя пятнадцать имен. Это были случаи исцеления, в которые мы верили на девяносто восемь процентов, отобранные из семисот пятидесяти возможных. Среди них значился Роберт Райвард; были там и Мэйбел Джергенс из Альбукерке, и Ровена Минтур и Бен Хикс — человек, который сорвал с себя шейный корсет и отбросил костыли в балагане на Норрисской ярмарке.

Случай Хикса был интересным. Они с женой подтвердили подлинность исцеления в статье в «Денвер Пост», опубликованной через пару недель после отъезда джейкобсовского каравана из города. Хикс, профессор истории в Городском колледже Денвера, пользовался безупречной репутацией. Он называл себя религиозным скептиком и писал, что сеанс в округе Норрис был для него «последним средством». Его жена это подтверждала. «Мы потрясены и исполнены благодарности», говорила она, добавляя, что они снова начали ходить в церковь.

Райвард, Йоргенс, Минтур, Хикс и все прочие люди в нашем основном списке подверглись прикосновению «святых колец» с мая 2007 по декабрь 2008 года, когда Тур Возрождения завершился в Сан-Диего.

Бри взялась за работу с легким сердцем, но к октябрю 2008-го ее отношение изменилось. Она обнаружила статью — точнее, заметку, — о Роберте Райварде в «Уикли Телеграмм», газете округа Монро. Там было сказано, что «чудо-мальчик» поступил в детскую больницу Сент-Луиса «по причинам, не связанным с мышечной дистрофией, которой он страдал ранее».

Бри навела справки, как по телефону, так и через интернет. Родители Райварда отказались с ней разговаривать, но медсестра из детской больницы наконец сдалась, когда Бри сказала ей, что пытается разоблачить Ч. Дэнни Джейкобса как мошенника. Это была не совсем правда, но она добилась своей цели. Получив заверения, что Бри не упомянет ее имени ни в статье, ни в книге, медсестра рассказала, что Бобби Райвард поступил с «циклическими», как она выразилась, головными болями. Его обследовали на предмет опухоли мозга. Ее не обнаружилось. Позже мальчика перевели в Гэдс-Ридж в Оуквилле, штат Миссури.

— Это что за больница? — спросила Бри.

— Психиатрическая, — ответила сестра. И добавила, пока Бри переваривала эту новость:

— Обычно из Гэдса не возвращаются.

Все попытки Бри что-то разузнать в Гэдс-Ридже уперлись в непроницаемую стену. Поскольку я считал Райварда нашим «пациентом номер ноль», то полетел в Сент-Луис, взял машину напрокат и отправился в Оуквилль. Проведя несколько вечеров в ближайшем к больнице баре, я нашел санитару, который согласился кое-что рассказать в обмен на скромное вознаграждение — шестьдесят долларов. Роберт Райвард по-прежнему нормально ходит, сказал санитар, но не дальше, чем до угла своей палаты. А когда дойдет до него, то так и стоит там, как наказанный ребенок, пока кто-нибудь не отведет его к кровати или к стулу. В хорошие дни он ест сам, в плохие периоды, которые случаются чаще, его кормят внутривенно. Его состояние определяется как полу-кататоническое. «Овоц», по словам санитары.

— Он все еще страдает от циклических головных болей? — спросил я.

Санитар пожал мясистыми плечами.

— Кто его знает?

И в самом деле, кто?

Насколько нам было известно, с девятью людьми из нашего списка все было нормально. В их число входила Ровена Минтур, вернувшаяся к работе в школе, и Бен Хикс, с которым я сам разговаривал в ноябре 2008 года, через пять месяцев после исцеления. Я не все сказал ему (например, не упомянул ни об обычном, ни об особом электричестве), но пооткровенничал достаточно, чтобы завоевать его доверие: пристрастие к героину, вылеченное Джейкобсом в начале девяностых, и тревожные последствия, которые постепенно сошли на нет. Я хотел узнать, были ли последствия у него: потеря сознания, вспышки света, лунатизм, непроизвольная речь в духе синдрома Туретта.

«Нет, нет и нет», ответил он. С ним все в полном порядке.

— Уж не знаю, Бог им руководит или нет, — сказал мне Хикс за чашкой кофе в его кабинете. — Моя жена в это верит, и прекрасно, но мне все равно. У меня ничего не болит, и я прохожу две мили в день. Через пару месяцев мне должны разрешить играть в теннис — только парный, чтобы не приходилось пробегать больше нескольких шагов. Вот это мне не все равно. И если он сделал для вас то, о чем вы рассказали, то вы меня понимаете.

Я его понимал, но я знал и другое.

Что Роберт Райвард радуется своему исцелению в дурдоме, посасывая глюкозу через капельницу, а не «Кока-колу» через соломинку.

Что Патриция Фармингдейл, вылеченная от периферической нейропатии в Шайенне, штат Вайоминг, насыпала соли себе в глаза, явно пытаясь себя ослепить. Она не помнит, как это делала, и тем более — почему.

Что Стефан Дрю из Солт-Лейк-Сити после исцеления от предполагаемой опухоли мозга начал уходить в долгие походы — иногда миль на пятнадцать. Они не сопровождались провалами в памяти; по его словам, им просто овладевало желание идти, и он ничего не мог с собой сделать.

Что Вероника Фримонт из Анахайма страдала, как она выражалась, «провалами зрения». В результате одного из них она столкнулась на небольшой скорости с другим водителем. В ее крови не нашли ни наркотиков, ни алкоголя, но она все равно сдала права, боясь, что это может случиться снова.

Что в Сан-Диего после чудесного излечения от травмы шеи Эмиль Кляйн иногда ощущает настоящее желание выйти во двор и поесть земли.

И был еще Блейк Гилмор из Лас-Вегаса, который утверждал, что Ч. Дэнни Джейкобс излечил его от лимфомы в конце лета 2008 года. Месяц спустя он потерял свою работу крупье, потому что начал выкрикивать оскорбления клиентам — в духе «Ну ходи, ходи уже, еб твою мать, жопа ссыкливая!». Когда он начал орать нечто подобное своим детям, жена его выгнала. Он переехал в занюханный мотель к северу от Фэшн-Шоу-драйв. Две недели спустя его нашли мертвым на полу ванной с тубиком супер-клея в руке. С его помощью он намертво заклеил себе ноздри и рот. Это

был не единственный некролог, связанный с Джейкобсом, который Бри нашла своей поисковой машиной, но только в нем мы были полностью уверены.

Пока не пришел черед Кэти Морс.

Меня снова клонило в сон, несмотря на крепкий черный чай. Я обвинил в этом автопрокрутку на ноутбуке Бри. Полезная штука, но гипнотизирует, сказал я.

— Позвольте переврать Эла Джолсона: это ты еще ни хера не видел, — отозвалась она. — В будущем году «Эппл» выпустит компьютер планшетного типа, который произведет революцию...

Ее прервало пиканье ноутбука, и автопрокрутка остановилась. Бри уставилась в экран, на строку, подсвеченную красным.

— Та-ак... Это одно из имен, которые ты мне дал в самом начале.

— Что?

Точнее, кто. Я тогда назвал ей всего несколько имен, в том числе — своего брата Кона. Джейкобс утверждал, что это было плацебо, но...

— Не психуй, дай кликнуть по ссылке.

Я наклонился взглянуть. Моей первой реакцией было облегчение. Не Кон; конечно, нет. А потом нахлынул ужас.

Некролог в «Талса Ворлд» был посвящен некой Кэтрин Энн Морс, тридцати восьми лет. Скоропостижно скончалась, значилось в нем. И далее: родители Кэти просят вместо венков посылать пожертвования в фонд профилактики самоубийств. Взносы исключаются из суммы, подлежащей обложению налогом.

— Бри, — сказал я. — Проверь прошлую неделю...

— Я знаю, что делать. Не мешай. — И, еще раз взглянув на мое лицо:

— Ты как?

— Нормально, — сказал я, хоть и не был в этом уверен. Я все вспоминал, как Кэти Морс поднималась на сцену «Молниеносных портретов» столько лет назад — симпатичная девчушка с загорелыми ногами, сверкающими из-под джинсовой юбочки с бахромой. Каждая хорошенькая девушка несет положительный заряд, сказал Джейкобс. Но в какой-то момент заряд Кэти превратился в отрицательный. В некрологе ни слова о муже, хотя у такой красивой девушки не могло не быть поклонников. О детях тоже ни слова.

«Может, ей нравились девушки», — подумал я, но это было явно притянута за уши.

— Ну вот, нашла, — сказал Бри. Она повернула ноутбук так, чтобы мне было видно. — Та же газета.

«Женщина совершила смертельный прыжок с моста Сайруса Эйвери», гласил заголовок. Кэти Морс не оставила записки, и ее убитые горем родители ничего не могли понять. «Может быть, кто-то ее толкнул», — сказала миссис Морс. Но, если верить статье, вероятность насильственной смерти была исключена — правда, там не объяснялось, почему.

«Такое уже случалось?», — спросил меня мистер Морс в 1992 году. После того, как дал моему пятому персонажу в морду и рассек ему губу. — Он уже свихнул кому-нибудь мозги так, как моей Кэти?»

«Да, сэр, — подумал я теперь. — Да, сэр, похоже, что свихнул».

— Джейми, ты не можешь точно этого знать, — сказала Бри, трогая меня за плечо. — Шестнадцать лет — долгий срок. Может быть, дело вообще в дру-

гом. Может, она узнала, что у нее запущенный рак или другое смертельное заболевание. Смертельное и мучительное.

— Это он, — возразил я. — Я это знаю, да и ты, наверно, тоже. Большинство его пациентов спокойно живут себе дальше, но некоторые ходят с часовой миной в голове. Как Кэти Морс. И ее мина взорвалась. Сколько их еще сработает в ближайшие десять-двадцать лет?

Я не исключал, что сам окажусь среди них, и Бри, конечно, знала и об этом. Про Хью я ей не рассказывал — не моя тайна. Его «призматика» не возвращалась после того вечера в шатре, — когда ее, вероятней всего, вызвал стресс, — но приступ мог повториться, и хотя мы не обсуждали эту тему, я знал, что Хью знает об этом не хуже меня.

Часовые мины.

— И ты собираешься его разыскать.

— Точно.

Некролог Кэтрин Энн Морс оказался последним свидетельством, закрепившим мое решение.

— И заставить остановиться.

— Если смогу.

— А если нет?

— Тогда не знаю.

— Я поеду с тобой, если хочешь.

Но она этого не хотела. Это было написано у нее на лице. Она взялась за работу с присущим умным девушкам энтузиазмом, а наш роман добавлял процессу остроты. Но теперь расследование уже нельзя было назвать чистой наукой, и она видела достаточно, чтобы здорово перепугаться.

— Ты к нему даже близко не подойдешь, — сказал я. — Но он уже восемь месяцев не ездит по гастролям, а вместо новых еженедельных шоу показывают повторы. Мне надо узнать, где у него логово.

— Это я могу. — Она отставила ноутбук в сторону и потянулась под одеяло. — Но сначала я бы занялась кое-чем другим, если ты в настроении.

Я был в настроении.

Незадолго до дня труда мы с Бри Донлин распрощались в той же самой кровати. В основном прощание имело физический характер и принесло нам обоим и удовлетворение, и грусть. В основном, наверное, грустил я. Ее ждала жизнь хорошенькой, ничем не обремененной девушки, делающей карьеру в Нью-Йорке; меня — красивая цифра 55 менее чем через два года. Я предполагал, что больше мне молодых красоток не обломится, и в этом отношении оказался абсолютно прав.

Она выскользнула из постели, длинноногая и прекрасная в своей наготе.

— Я нашла то, что ты хотел, — сказала она, роясь в своей сумке, стоявшей на туалетном столике. — Это оказалось трудней, чем я думала, потому что он теперь живет под именем Дэниел Чарльз.

— Да, это точно он. Не псевдоним, но близко к тому.

— Наверное, скорее предосторожность. Как звезды поселяются в отель под выдуманным именем или измененным настоящим, чтобы сбить со следа охотников за автографами. Он снял свое нынешнее жилье на имя Дэниела Чарльза, и это вполне законно, если у него есть банковский счет, и его чеки не возвращаются обратно. Но иногда просто приходится пользоваться

настоящим именем, если хочешь остаться по эту сторону закона.

— И что в данном случае означает это «иногда»?

— В прошлом году он купил машину в Поукипси, в штате Нью-Йорке. Ничего особенного, обычный «Форд-Таурус». Он зарегистрировал его на свое настоящее имя. — Она легла обратно в постель и вручила мне листок бумаги. — Держи, красавчик.

На листке было написано: «Дэниел Чарльз (он же Чарльз Джейкобс, он же Ч. Дэнни Джейкобс), штат Нью-Йорк 12561, Латчмор, «Латчес».

— И что собой представляет этот «Латчес», когда сидит у себя дома, задрав ноги вверх?

— Дом, который он снимает. Собственно, это поместье. Поместье за оградой с воротами, имей в виду. Латчмор находится чуть севернее Нью-Палтца, у них один индекс. Это в Катскильских горах, где Рип Ван Винкль в свое время играл в боулинг с гномами. Только тогда — м-м-м, какие у тебя теплые руки, — это называлось «кегли».

Она прижалась ко мне теснее, и я сказал то, что мужчинам в моем возрасте приходится говорить все чаще и чаще: что я ценю ее предложение, но не чувствую в себе сил принять его прямо сейчас. Задним числом я жалею, что не приложил больше усилий. Еще один, последний разочек мне бы не помешал.

— Не страшно, милый. Просто обними меня.

Я послушался. Кажется, мы задремали, потому что когда я снова пришел в себя, солнечное пятно переползло с кровати на пол. Бри вскочила и начала одеваться.

— Пора бежать. У меня сегодня еще тысяча дел.

Она застегнула лифчик и взглянула на меня в зеркале.

— Когда ты к нему поедешь?

— Наверное, не раньше октября. Хью пригласил парня из Миннесоты мне на замену, но раньше он приехать не сможет.

— Ты только будь на связи. Пиши, звони. Если не будешь связываться со мной каждый день, пока ты там, я начну волноваться. Может, даже приеду убедиться, что с тобой все в порядке.

— Не надо.

— Не пропадай со связи, белый красавчик, и мне не придется этого делать.

Уже одетая, она присела на край кровати.

— Может, тебе и не стоит ехать. Ты об этом не думал? Гастролей больше не ожидается, сайт заброшен, по телевизору повторяют его старые шоу. На днях я нашла пост в блоге под названием «Куда подевался пастор Дэнни?». Там несколько страниц комментариев.

— И к чему ты клонишь?

Она взяла меня за руку и сплела пальцы с моими.

— Мы знаем, — ну, точно не знаем, но почти уверены, — что одним людям он навредил, а другим помог. Это уже сделано, и изменить ничего нельзя. Но если он бросил целительство, то больше никто не пострадает. И какой тогда смысл на него наезжать?

— Если он прекратил исцелять, то только потому, что заработал достаточно, чтобы двигаться дальше.

— Куда?

— Не знаю, но судя по его прошлому, это может быть опасно. Бри... Послушай. — Я сел в постели и взял ее за другую руку. — Не говоря про все осталь-

ное, кто-то должен призвать его к ответу за то, что он сделал.

Она поднесла мои руки к губам и поцеловала одну, потом другую.

— И это обязательно должен быть ты? Ведь в конце концов, ты — одна из его удач.

— Наверно, как раз поэтому. И потом, мы с Чарли... мы давние знакомые. Очень давние.

Я не провожал ее в Денверском аэропорту, — это была привилегия ее матери, — но Бри позвонила мне после посадки, бурля от возбуждения и беспокойства. Она смотрела вперед, а не назад. Я был рад за нее. Когда спустя двадцать минут телефон снова зазвонил, я решил, что это снова она. Но нет. Это была ее мать. Джорджия спросила, можем ли мы поговорить. Может быть, за обедом?

«Та-ак», — подумал я.

Мы пообедали у «Макджи» — хорошая еда, приятный разговор, в основном о музыкальном бизнесе. Отказавшись от десерта и согласившись на кофе, Джорджия оперлась на стол своим внушительным бюстом и перешла к делу.

— Ну так что, Джейми? Между вами все кончено?

— Я... э-э-э... Джорджия...

— Господи, да не лепечи ты! Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю, и никто не собирается откусывать тебе голову. Если бы я хотела это сделать — сделала бы в прошлом году, когда она в первый раз прыгнула к тебе в койку. — Увидев выражение моего лица, она улыбнулась. — Нет, она мне не говорила, а я не спрашивала. Зачем? Я ее насквозь вижу. Спорим, она

сказала тебе, что я в свое время занималась тем же самым с Хью? Так ведь?

Я сделал жест, будто застегиваю губы на «молнию». Она засмеялась.

— Вот это хорошо. Это мне нравится. И ты мне нравишься, Джейми. Почти с самого начала, когда ты был тощий как жердь и еще не оклемался от всей той дряни, которой себя накачивал. Ты был похож на Билли Айдола, которого протащили через канаву. И я не имею ничего против межрасовых интрижек. Или разницы в возрасте. Знаешь, что мне подарил отец, когда я доросла до водительских прав?

Я покачал головой.

— «Плимут» 1960 года без половины решетки радиатора, с лысой резиной, ржавыми порошками и мотором, который жрал бензин как не в себя. Он назвал его «гроза полей». И сказал, что каждый водитель-новичок должен начинать с такой развалюхи, прежде чем перейти к машине, которая могла бы пройти техосмотр. Понимаешь, к чему это я?

Я прекрасно ее понял. Бри не была монашкой — до меня у нее случались сексуальные приключения. Но со мной у нее впервые возникли долгие отношения. В Нью-Йорке она перейдет на класс повыше — найдет мужчину если не своей расы, то точно ближе к ней по возрасту.

— Я просто хотела покончить с этой темой, прежде чем перейти к тому, ради чего пришла. — Она еще сильнее наклонилась вперед, угрожая опрокинуть могучей грудью свою чашку с кофе и стакан с водой. — Она мало мне рассказывала об исследованиях, которые для тебя проводила, но я знаю, что они ее пугали. Я

попыталась задать вопрос Хью, но он чуть не откусил мне голову.

«Муравьи», подумал я. Вся паства казалась ему муравьями.

— Речь идет о том священнике. Это я знаю.

Я молчал.

— Язык прикусил?

— Можно и так сказать.

Она кивнула и откинулась назад.

— Это пожалуйста. Как хочешь. Только отныне не втягивай в это Брианну. Хорошо? Хотя бы потому, что я никогда не просила тебя держать свой пожилой член подальше от трусов моей дочери.

— Она больше этим не занимается. Мы с ней договорились.

Джорджия деловито кивнула.

— Хью говорит, что ты берешь отпуск.

— Да.

— Поедешь к священнику?

Я молчал. Молчание означало «да», и она это знала.

— Будь осторожен. — Она протянула руку через стол и переплела пальцы с моими, как любила делать ее дочь. — Не знаю, что вы с Бри разведали, но это ее здорово потрясло.

В начале октября я прилетел в аэропорт Стюарт в Ньюбурге. Листья уже начали желтеть и краснеть, и дорога до Латчмора была очень красивой. Я добрался до места уже под вечер и поселился в местном «Мотеле номер шесть». В нем не было даже модного интернета, не говоря про WiFi, так что мой ноутбук не имел доступа к миру вне стен мотельного номера. Но мне не нужен был интернет, чтобы найти «Лат-

чес». Бри сделала это за меня. Поместье находилось в четырех милях к востоку от Латчмора, на Двадцать седьмом шоссе. Когда-то оно принадлежало семье потомственных богачей Ван дер Занден. В начале двадцатого века семейные богатства, видимо, закончились, потому что «Латчес» продали и превратили в дорогой санаторий для дам с лишним весом и джентльменов — любителей выпить. Он продержался там почти до начала двадцать первого века. С тех пор поместье было выставлено для продажи или аренды.

Я думал, что не смогу уснуть, но вырубился почти мгновенно, посреди размышлений, что сказать Джейкобсу, когда его увижу. Если увижу. Проснувшись рано и обнаружив за окном еще одно ясное осеннее утро, я решил, что лучше всего будет действовать по наитию. Если я не стану прокладывать рельсы, рассуждал я (возможно, ошибочно), то меня с них никто и не столкнет.

В девять утра я сел в свою прокатную машину, проехал четыре мили, ничего там не обнаружил. Примерно еще через милю я остановился у прилавка с последним урожаем сезона. На мой взгляд деревенского парня, картошка была так себе, зато тыквы — просто бомба. За прилавком хозяйничали двое подростков. Судя по сходству — брат и сестра. На их лицах была написана невыносимая скука. Я спросил, как добратсья в «Латчес».

— Вы его проехали, — ответила девочка, старшая из двоих.

— Да про это-то я догадался. Только не понимаю, как. У меня вроде бы были точные координаты, да и поместье — не иголка.

— Там раньше была табличка, — сказал мальчик, — но дядька, который снимает дом, ее убрал. Папа говорит, что он, наверно, любит жить сам по себе. А мама говорит, что он воображала.

— Вилли, заткнись. Мистер, вы будете что-нибудь покупать? Папа не разрешает нам закрываться, пока не продадим товара на тридцать долларов.

— Я куплю тыкву, если вы мне толково объясните дорогу.

Она испустила театральный вздох.

— Одна тыква! Полтора бакса. Вот счастье-то.

— Как насчет одной тыквы за пять долларов?

Вилли и его сестра переглянулись, и она улыбнулась.

— Пойдет.

Я ехал обратно той же дорогой, и моя весьма дорогая тыква лежала на заднем сиденье, как оранжевая луна. Девочка сказала, чтобы я искал большой валун с надписью краской «Металлика» рулит». Увидев его, я сбросил скорость до десяти миль в час. Через триста пятьдесят ярдов показалось ответвление дороги, которое я в первый раз пропустил. Оно было заасфальтировано, но въезд на него зарос травой и был завален палой листвой. Мне показалось, что это маскировка. Когда я спросил детей за прилавком, чем занимается новый жилец, они только пожали плечами.

— Папа говорит, что он, наверно, сколотил состояние на бирже, — сказала девочка. — Денег у него небось полно, раз он может жить в таком месте. Мама говорит, там комнат штук пятьдесят.

— А зачем вы к нему едете? — спросил мальчик.

Сестра пихнула его локтем в бок.

— Вилли, невежливо о таком спрашивать!

Я ответил:

— Если он тот, на кого я думаю, то мы были знакомы много лет назад. И благодаря вам я привезу ему подарок.

Я взвесил на руке тыкву.

— Из нее выйдет много пирогов, это точно, — сказал мальчик.

«Или фонарь на Хэлоуин, — подумал я, сворачивая на аллею, ведущую к «Латчес». Ветки хлестали по бортам машины. — С яркой электрической лампочкой вместо свечи. Позади дырок для глаз».

Дорога — а после пересечения с шоссе она становилась именно дорогой, широкой и хорошо заасфальтированной, — поднималась вверх серпантином. Дважды мне пришлось остановиться, чтобы пропустить оленей. Они смотрели на машину без всякого страха. Наверное, в этих лесах давным-давно никто не охотился.

Через четыре мили я уперся в закрытые кованые ворота, обрамленные табличками: слева — «Частная собственность», справа — «Проход запрещен». На столбе из бутового камня виднелась коробка селектора с видеокамерой, направленной на потенциальных посетителей. Я нажал кнопку. Сердце у меня колотилось, и я весь вспотел.

— Эй! Есть там кто-нибудь?

Сначала — тишина. И наконец:

— Чем могу вам помочь?

Звук был намного чище, чем у большинства селекторных систем — просто отличный. Но, с учетом интересов Джейкобса, это меня не удивило. Голос принадлежал не ему, но показался мне знакомым.

— Я приехал к Дэниелу Чарльзу.

— Мистер Чарльз не принимает посетителей без предварительной договоренности, — сообщил селектор.

Я обдумал это и снова нажал кнопку «Говорите».

— А как насчет Дэна Джейкобса? Под этим именем он выступал в Талсе с ярмарочным аттракционом «Молниеносные портреты».

Голос из динамика произнес:

— Я не понимаю, о чем речь. Уверен, что и мистер Чарльз не понял бы.

До меня внезапно дошло, чей это был тягучий тенор.

— Скажите ему, что это Джейми Мортон, мистер Стампер. И напомните, что я присутствовал при его первом чуде.

Последовала долгая пауза. Я уже решил было, что беседа окончена, и я остался посреди реки без весел. Оставалось разве что протаранить ворота моей скромной прокатной машиной, и я был почти уверен, что в этой схватке ворота победили бы.

Когда я собрался разворачиваться, Эл Стампер спросил:

— Что это было за чудо?

— Мой брат Конрад потерял голос. Преподобный Джейкобс его вернул.

— Взгляните в камеру.

Я взглянул. Через несколько секунд из селектора раздался другой голос.

— Заезжай, Джейми, — сказал Чарльз Джейкобс.

— Как я рад тебя видеть!

Заурчал электрический мотор, и ворота отъехали в сторону по скрытым колеям. «Как Иисус, пересекающий Мирное озеро», — подумал я, садясь в машину

и заводя мотор. Ярдов через пятьдесят дорога снова круто заворачивала, и еще не добравшись до поворота, я увидел, что ворота закрываются. Неудивительно, что моей первой ассоциацией были обитатели Рая, изгнанные за то, что съели запретное яблоко. В конце концов, я вырос на Библии.

Когда-то «Латчес» был обширным викторианским поместьем, но со временем превратился в мешанину архитектурных экспериментов. Четырехэтажный дом щеголял множеством фронтонов, а в западном торце — закругленной и застекленной пристройкой, из которой открывался вид на лощины и пруды Гудзонской долины. Через пылающий красками ландшафт тянулось ниточкой Двадцать седьмое шоссе. Главное здание было облицовано белыми деревянными панелями, как и несколько больших служебных построек. Мне стало интересно, в какой из них находилась лаборатория Джейкобса (в ее наличии я не сомневался). За постройками начинался еще более крутой, лесистый подъем.

У портика, где когда-то швейцары выгружали из шикарных машин курортников и алкашей, теперь стоял скромненький «Форд-Таурус», который Джейкобс зарегистрировал на свое имя. Припарковавшись за ним, я поднялся по ступенькам на крыльцо длиной с футбольное поле. Я уж было потянулся к звонку, но тут дверь открылась. В проеме стоял Эл Стампер. На нем были брюки клеш в стиле семидесятых и майка-варенка. С тех пор, как я видел его в том ярмарочном шатре, он поправился еще больше и напоминал теперь перевозочный фургон.

— Здравствуйте, мистер Стампер. Джейми Мортон. Большой поклонник вашего раннего творчества. — Я протянул руку.

Он ее не пожал.

— Не знаю, чего вы хотите, но мистеру Джейкобсу не нужно лишнее беспокойство. У него много работы, а чувствует он себя неважно.

— Вы пастора Дэнни имеете в виду? — спросил я, не удержавшись от подколки.

— Пойдемте на кухню, — пригласил он меня теплым, раскатистым голосом соул-певца, но на лице его читалось: «Для таких, как ты, хватит и кухни».

Меня это устраивало, но не успел он отвести меня туда, как раздался еще один, хорошо знакомый мне, голос:

— Джейми Мортон! Умеешь ты появляться в самое подходящее время!

Он шел мне навстречу, немного хромя и кренясь на правый борт. Его волосы почти совсем побелели и отступили от висков, обнажив блестящую кожу. Но голубые глаза не потеряли остроты. Губы раздвинулись в улыбке, довольно хищной, на мой взгляд. Не обращая никакого внимания на Стампера, он протянул мне правую руку. Сегодня кольца на ней не было. На левой же было простое золотое колечко, тоненькое и потертое. Я был уверен, что его копия лежит в земле на кладбище в Харлоу, на пальце, от которого осталась лишь кость.

Мы пожали друг другу руки.

— До Талсы отсюда далеко, а, Чарли?

Он кивнул, тряся мою руку, словно политик на охоте за избирателями.

— Далеко, очень далеко. Сколько тебе сейчас, Джейми?

— Пятьдесят три.

— Как твои родные? У них все хорошо?

— Я с ними редко вижуся. Терри все еще в Харлоу, ведет топливный бизнес. У него трое детей — два мальчика и девочка. Они уже выросли. Кон по-прежнему на Гавайях, звездами любитесь. Энди умер несколько лет назад. От инсульта.

— Очень сожалею. Зато ты выглядишь прекрасно. Цветешь и пахнешь.

— И вы тоже, — нагло соврал я. Я мельком подумал о трех периодах жизни американского мужчины: молодость, средний возраст и «выглядишь офигенно».

— Вам ведь... сколько? Семьдесят?

— Почти угадал. — Он все еще пожимал мне руку. Пожимал крепко, но все равно я чувствовал дрожь у него под кожей.

— А как Хью Йейтс? Все еще на него работаешь?

— Да, и у него все хорошо. Слышит, как в соседней комнате падает булавка.

— Чудесно. Чудесно. — Наконец он отпустил мою руку. — Эл, нам с Джейми надо о многом поговорить. Принесешь нам по лимонаду? Мы будем в библиотеке.

— Вы там только не перенапрягайтесь, ладно? — Стампер смотрел на меня с опаской и неприязнью. «Он ревнует, — подумал я. — Со времени последних гастролей Джейкобс был только в его распоряжении, и Стампера это полностью устраивает». — Вам нужно беречь силы для работы.

— Все будет нормально. Визит старого друга весьма бодрит. Идем, Джейми.

Он повел меня по коридору, мимо столовой длиной с пульмановский вагон слева и одну-две-три гостиных справа (в той, что посредине, висела люстра, будто бы взятая со съемочной площадки «Титаника» Джеймса Кэмерона). Мы прошли через ротонду, где полированный паркет сменился полированным мрамором, и где наши шаги отдавались эхом. Снаружи было тепло, но в доме царила приятная прохлада. Я слышал мягкое шуршание кондиционеров и прикидывал, во сколько обходится охлаждение дома в августовскую жару. Судя по мастерской в Талсе, в очень небольшую сумму.

Библиотекой служила та самая круглая пристройка в дальнем конце дома. На закругленных полках стояли тысячи книг, но я не понимал, как здесь вообще можно было читать, с таким-то видом. Западная стена была полностью застекленной, и передо мной простиралась на многие лиги Гудзонская долина с кобальтовой синевой реки вдалеке.

— Исцеление — дело прибыльное. — Я снова подумал о клубе «Козья гора», этой игровой площадке для богачей, отгороженной воротами от деревенщин вроде Мортон. Некоторые виды можно купить лишь за деньги.

— Во многих смыслах, — ответил он. — Даже не буду спрашивать, по-прежнему ли ты в завязке — мне все понятно по цвету твоего лица. И по глазам.

Напомнив, что я у него в долгу, он пригласил меня присесть.

Теперь, когда мы были лицом к лицу, я не знал, с чего начать. Да мне и не хотелось, пока мы тут сидели в ожидании Эла — он теперь исполнял роль дворецкого — с нашим лимонадом. Но все оказалось проще:

не успел я придумать, о чем бы поболтать, как бывший вокалист «Во-Лайтс» вернулся, хмурясь еще больше. На стол вишневого дерева между нами он поставил поднос.

— Спасибо, Эл, — сказал Джейкобс.

— Всегда пожалуйста. — Меня Эл нарочито игнорировал.

— Классные брючки, — сказал я. — Напоминают о временах, когда «Би Джиз» перешли с зауми на диско. Вам бы еще туфли на платформе.

Наградив меня взглядом, в котором не было ничего душевного (да и христианского тоже), Стампер удалился. С топотом.

Джейкобс пригубил свой лимонад. По кусочкам мякоти в стакане я определил, что лимонад — домашнего приготовления. А по кляцанью кубиков льда — что не ошибся насчет дрожи в руках хозяина. В тот день Шерлок мне и в подметки не годился.

— Как грубо, Джейми, — сказал Джейкобс, но голос у него был не сердитый. — Особенно со стороны гостя, да еще незваного. Лоре было бы за тебя стыдно.

Я пропустил мимо ушей упоминание о моей матери — наверняка не случайное.

— Званный, незванный, но вы вроде бы были рады меня видеть.

— Конечно. А почему нет? Попробуй лимонад. Тебе, похоже, жарко. И, честно говоря, похоже, что ты не в своей тарелке.

Так и было, но по крайней мере я больше не боялся. Злился — это да. Я сидел в этом гигантском доме, окруженном гигантским участком, где, несомненно, имелись гигантский бассейн и поле для гольфа — возможно, заросшее сорняками и непригодное для игры,

но все же. Роскошный дом, где Чарльз Джейкобс мог посвятить свои последние годы экспериментам с электричеством. А где-то в это время Роберт Райвард стоял в углу, скорее всего, в памперсах, потому что туалетные навыки его давно не волновали. Вероника Фримонт ехала на работу в автобусе, потому что боялась водить машину, а Эмиль Кляйн, возможно, жевал землю. Не говоря уже о Кэти Морс, хорошенькой оклахомочке, которая теперь лежала в гробу.

«Полегче, белый красавчик», — услышал я голос Бри. Тише едешь — дальше будешь.

Я отпил лимонада и поставил стакан на поднос. Не хотелось портить дорогую вишневую отделку стола — эта хреновина наверняка была антикварной. Ну да, может быть, мне все еще было страшно, но по крайней мере кубики льда в стакане не звякнули. Джейкобс тем временем закинул ногу на ногу, и я отметил, что ему пришлось помочь себе руками.

— Артрит?

— Да, но не сильный.

— Странно, что вы его не вылечили святыми кольцами. Или это считалось бы онанизмом?

Он, не отвечая, смотрел на раскинувшийся за окном пейзаж. Косматые седые брови — точнее, монобровь, — нависали над неистовыми голубыми глазами.

— Или, может быть, вы боитесь побочных эффектов. В этом дело?

Он поднял руку, останавливая меня.

— Достаточно обвинений. Не стоит их против меня выдвигать, Джейми. Наши судьбы слишком тесно переплетены.

— Я верю в судьбу не больше, чем вы — в Бога.

Он повернулся ко мне и снова осиял белозубой улыбкой, в которой не было теплоты.

— Я повторяю: достаточно. Расскажи, зачем ты приехал, а я расскажу, почему рад тебя видеть.

Ничего не оставалось, кроме как выложить все как есть.

— Я приехал сказать вам, что вы должны прекратить исцеления.

Он снова глотнул лимонада.

— И почему же, Джейми? Ведь они принесли столько добра стольким людям.

«Ты знаешь, зачем я приехал», — подумал я. А следом пришла еще более тревожная мысль: «Ты меня ждал».

Я отмахнулся от нее.

— Некоторым досталось не только добро.

Наш список был у меня в кармане, но доставать его не было нужды. Я помнил все имена и побочные эффекты. Я начал с Хью с его призматическими эпизодами и с приступа, который случился с ним на собрании в округе Норрис.

Джейкобс пожал плечами.

— Влияние стресса. Приступы потом повторялись?

— По крайней мере, он мне не говорил.

— Думаю, сказал бы, раз уж ты присутствовал при последнем. Уверен, с Хью все в порядке. А ты, Джейми? У тебя в последнее время проявлялись побочные эффекты?

— Дурные сны.

Он иронически хмыкнул.

— Они у всех бывают, не исключая и меня. Но провалов в памяти больше нет, так ведь? Непроизвольная

речь, миоклонические движения, попытки проколоть кожу — все это прошло?

— Да.

— Вот видишь? Это не страшнее, чем боль в руке после прививки.

— Я полагаю, некоторые ваши пациенты испытали кое-что посерьезнее. Роберт Райвард, скажем. Помните такого?

— Смутно припоминаю, но их было так много.

— Из Миссури, с мышечной дистрофией. Видео с ним было у вас на сайте.

— Ага, теперь вспомнил. Его родители сделали весьма щедрое пожертвование.

— Он распрощался с дистрофией, но и с рассудком тоже. Его отправили в больницу — из тех, которые называют овощными грядками.

— Мне очень жаль это слышать, — сказал Джейкобс и снова обратил взгляд к открывающемуся за окном виду на штат Нью-Йорк, полыхающий осенними красками в преддверии зимы.

Я перечислил остальных, хотя было ясно, что многое из того, о чем я говорил, уже было ему известно. Удивился он только раз, в самом конце, когда я рассказал о Кэти Морс.

— Господи, — сказал он. — Девушка с сердитым отцом!

— Я думаю, в этот раз сердитый отец не ограничился бытем, что дал вам в зубы. Если бы, конечно, смог вас найти.

— Возможно. Но, Джейми, ты забываешь про общую картину. — Он наклонился вперед, сцепив руки на костлявых коленях и уставившись мне в глаза. — Я излечил множество несчастных. Некоторые из них, чьи

проблемы носят психосоматический характер, исцеляют себя сами, как ты, несомненно, знаешь. Но другие вылечились благодаря тайному электричеству. Конечно, вся заслуга приписывается Богу.

Он обнажил зубы в короткой невеселой улыбке.

— Позволь мне предложить тебе гипотетическую ситуацию. Допустим, я — нейрохирург, и ты пришел ко мне со злокачественной опухолью. Прооперировать ее можно, но сложно. Риск высок. Предположим, я скажу тебе, что твои шансы на то, чтобы умереть на столе... м-м-м... скажем, двадцать пять процентов. Ты все равно пошел бы на это, зная, что альтернатива — мучения и неминуемая смерть? Ну конечно. Ты бы умолял меня оперировать.

Я ничего не сказал, потому что его логика была неоспорима.

— Как по-твоему, сколько человек я вылечил электричеством?

— Не знаю. Мы с помощницей включили в список только тех, в ком были уверены. Список был недлинный.

Он кивнул.

— Вы хорошо поработали.

— Рад, что вы одобряете.

— У меня есть свой список, намного длиннее. Потому что я знаю, когда это происходит. Когда исцеление удастся. Сомнений у меня не бывает. И, судя по моим исследованиям, лишь немногие страдают от побочных эффектов. Три процента; может быть, пять. По сравнению с нашим примером с опухолью мозга, я бы сказал, это прекрасная статистика.

Я завис на словах «мои исследования». У меня была только Брианна. У него — сотни или даже тысячи

приверженцев, которые с радостью следили бы за всеми излеченными, стоило ему только попросить.

— Вы знали обо всех этих случаях, кроме Кэти Морс, так ведь?

Он не ответил. Просто молча смотрел на меня. В его лице не было ни тени сомнения, только твердокаменная убежденность.

— Конечно, знали. Вы ведь ведете учет. Для вас они — лабораторные крысы, а кого волнует, если крыса заболит? Или умрет!

— Это чудовищно несправедливо.

— Не думаю. Вы прикрываетесь религиозной мишурой, потому что если бы все это происходило в лаборатории, которая у вас наверняка есть в «Латчес», вас бы арестовали за эксперименты над людьми... и убийство некоторых из них. — Я наклонился вперед, глядя ему в глаза. — Газеты называли бы вас Йозефом Менгеле.

— А нейрохирурга называют Йозефом Менгеле за то, что некоторые его пациенты умирают?

— Они к вам не с опухолью мозга приходят.

— Некоторые — с опухолью, и многие из них сегодня живут и наслаждаются жизнью. Показывал ли я фальшивые удаленные опухоли на своих выступлениях? Да, и не горжусь этим, но иначе было нельзя. Потому что нельзя показать то, что уже исчезло. — Он задумался. — Да, многие из тех, кто приходит на сеансы, не страдают от смертельных болезней. Но в каком-то смысле им еще хуже. Они могут жить долго, но в постоянных мучениях. Иногда — в агонии. А ты сидишь тут и осуждаешь.

Он печально покачал головой, но в глазах его не было печали. Они были полны ярости.

— Кэти Морс не было больно, и она не вызывалась добровольно. Вы выбрали ее из толпы, потому что она была хорошенькая. Чтобы лохам было на что посмотреть.

Как и Бри, Джейкобс заметил, что у Морс могли быть другие причины для самоубийства. Шестнадцать лет — долгий срок. Многое могло случиться.

— Вы знаете, что это не так.

Он отпил из стакана и поставил его обратно уже заметно трясущейся рукой.

— Этот разговор лишен смысла.

— Потому что вы не остановитесь?

— Потому что я остановился. Ч. Дэнни Джейкобс больше никогда не раскинет шатра для исцеления. В интернете пока еще обсуждают этого парня, но надолго их не хватит. Скоро он изгладится из памяти людей.

Если это было правдой, значит, я явился вышибать дверь, которая и так была открыта. Но эта мысль не умиротворила меня, а усилила беспокойство.

— Через полгода-год на сайте появится объявление, что пастор Джейкобс ушел на покой из-за слабого здоровья. И потом он закроется.

— Почему? Потому что вы закончили исследования?

Не верилось мне, что исследования Чарли Джейкобса когда-нибудь будут завершены.

Он снова обратил взгляд к виду за окном. Расцепил ноги и поднялся, опираясь на ручки кресла.

— Пойдем, Джейми. Я хочу тебе кое-что показать.

Эл Стампер сидел за столом на кухне, эдакая гора жира в брюках в стиле 70-х. Он разбирал почту. Перед ним стояла стопка пропитанных маслом и сиропом вафель. Рядом была картонная коробка из-под

спиртного. На полу, рядом со стулом, выстроились три пластиковых почтовых контейнера, доверху наполненные письмами и посылками. Я смотрел, как Стампер разорвал один из конвертов и вытряхнул из него исписанный детскими каракулями листок, фотографию мальчишки в инвалидном кресле и десятидолларовую купюру. Положив десятку в картонку, он пробежался глазами по письму, не переставая жевать. Рядом со Стампером Джейкобс казался худым как никогда. Теперь мне вспомнились не Адам и Ева, а Джек Спрэт и его жена.

— Может, шатер уже и свернули, — сказал я, — но вижу, что пожертвования текут рекой.

Наградив меня взглядом, полным злобного безразличия, — если такое возможно, — Стампер вернулся к сортировке. И к вафлям, конечно же.

— Мы читаем все письма, — сказал Джейкобс. — Правда, Эл?

— Да.

— И отвечаете тоже на все? — спросил я.

— Было бы неплохо, — ответил Стампер. — Так, по крайней мере, считаю я. И отвечали бы, будь у меня помощники. Одного хватило бы. Да еще компьютер на замену тому, который пастор Дэнни забрал себе в мастерскую.

— Мы уже это обсуждали, Эл, — сказала Джейкобс. — Как только мы начнем переписываться с просителями...

— Конца этому не будет, знаю. Просто интересно, куда делся труд Божий.

— Им занимаешься ты, — сказал Джейкобс. Тон его был мягок, но в глазах стояла усмешка: так человек смотрит на выполняющую трюк собаку.

Не ответив, Стампер перешел к следующему конверту. На этот раз без фотографии: только письмо и пять баксов.

— Идем, Джейми, — сказал Джейкобс. — Не будем ему мешать.

С подъездной дорожки хозяйственные постройки выглядели аккуратными и элегантными, но вблизи оказалось, что доски кое-где треснули и постройкам не помешал бы ремонт. Газон из бермудской травы, без сомнения влетевший в копеечку тем, кто проектировал здешний ландшафтный дизайн, нуждался в стрижке. Если с этим промедлить еще немного, два акра дорожного газона скоро превратятся в пастбище.

Джейкобс остановился.

— В каком из этих зданий, по-твоему, моя лаборатория?

Я указал на амбар. Он был больше остальных, размером с автомастерскую в Талсе.

Он улыбнулся.

— Ты знал, что количество ученых, задействованных в «Манхэттенском проекте», до первых испытаний атомной бомбы в Уайт-Сэндс постоянно сокращалось?

Я покачал головой.

— К тому моменту, как бомба была взорвана, несколько общежитий для участников проекта опустели. Малоизвестное правило научных исследований: как только ты приближаешься к конечной цели, необходимость во вспомогательных работах сходит на нет.

Он подвел меня к небольшому сараю, вытащил связку ключей и открыл дверь. Я думал, что внутри будет жарко — однако там было так же прохладно, как и в большом доме. По левой стороне сарая тянул-

ся верстак, на котором стояли несколько ноутбуков и один «Мак». На мониторах крутился скринсейвер: бесконечно галопирующие кони. Перед «Маком» стояло кресло, эргономичное и явно недешевое.

Справа стояли полки, уставленные коробками, похожими на посеребренные сигаретные блоки... только сигаретные блоки не гудят, как усилители в режиме ожидания. На полу стояла еще одна коробка, зеленого цвета, размером с отельный мини-холодильник. На коробке стоял монитор. Джейкобс мягко хлопнул в ладоши, и монитор зажегся. По нему побежали разноцветные столбики — красные, синие и зеленые. Они поднимались и опускались будто бы в такт дыханию. С точки зрения развлекательной ценности — не чета «Большому Брату».

— Так вот где вы работаете?

— Да.

— А где оборудование? Где инструменты?

Он указал сначала на «Мак», затем на монитор.

— Там и там. Но самое главное... — Он приставил палец к виску, словно пистолет. — Тут. Ты сейчас находишься в самой продвинутой в мире электронной лаборатории. Мои здешние открытия затмевают все сделанное Эдисоном в Менло-Парке. Они могли бы изменить мир.

«Вот только к лучшему ли?», — подумал я. Мне не нравился тот мечтательный взгляд первооткрывателя, которым он окидывал это полупустое помещение. Но и бредом его заявления я считать не мог: в посеребренных блоках и зеленой коробке таилась какая-то сила. Я будто бы стоял рядом с работающей на полную катушку электростанцией, да так близко, что можно

было почувствовать, как в зубных пломбах играют шальные вольты.

— Сейчас я генерирую электричество посредством геотермики. — Джейкобс похлопал по зеленой коробке. — Это геосинхронный генератор. К нему подведена трубка, диаметром не больше, чем на молокозаводе средних размеров. И все же, трудясь вполсилы, эта машинка выдает достаточно сверхнагретого пара, чтобы обеспечить электричеством не только «Латчес», но и всю Гудзонскую долину. А на полной мощности она может вскипятить целый водоносный пласт, словно воду в чайнике. Правда, это все равно что рубить сук, на котором сидишь. — Джейкобс весело рассмеялся.

— Это невозможно, — сказал я. Но ведь удалять мозговые опухоли и сращивать позвоночники с помощью святых колец тоже вроде как невозможно.

— Уверяю тебя, Джейми, что это не так. С генератором чуть побольше этого, — а все детали для него можно заказать по почте, — я мог бы осветить все Восточное побережье, — спокойно, без хвастовства, сказал Джейкобс. — И я не делаю этого только потому, что производство энергии меня не интересует. Пусть мир потонет в собственных отходах; по мне так он большего и не заслуживает. Для моих же целей геотермика — тупиковый вариант. — Джейкобс задумчиво уставился на бегущих по экрану компьютера лошадей. — Я ожидал большего от этого места, особенно летом, когда... В общем, неважно.

— И все это работает не на электричестве в его сегодняшнем понимании?

— Нет, конечно. — Джейкобс смерил меня взглядом, полным веселого презрения.

— Значит, на тайном электричестве.

— Именно. Так я его называю.

— На том самом, которого за все эти годы после Скрибония так никто и не обнаружил. Кроме вас. Священника, мастерившего на досуге игрушки на батарейках.

— Да нет, о нем знают. Или знали. В своем трактате «De Vermis Mysteriis», написанном под конец пятнадцатого века, Людвиг Принн упоминает о нем. Он называет его *potestas magnum universum*, то есть силой, которая движет вселенной. Принн тут цитирует Скрибония. С тех пор как я покинул Харлоу, я посвятил свою жизнь *potestas universum*, ее поискам и обузданию.

Мне бы очень хотелось верить в его невменяемость, но исцеления и те странные трехмерные портреты, которые он создавал в Талсе, говорили об обратном. Может быть, самым важным было то, соврал он или нет насчет отправки на покой Ч. Дэнни Джейкобса. Если он покончил с чудесными исцелениями, то моя миссия выполнена. Так ведь?

— Чтобы понять, как мне удалось так далеко продвинуться и открыть столько нового в одиночку, — начал вещать Джейкобс, — ты должен признать, что во многих смыслах наука так же капризна, как модная индустрия. Испытание «Тринити» в Уайт-Сэндс произошло в 1945. Четыре года спустя русские взорвали свою первую атомную бомбу под Семипалатинском. В 1951 в Арко, штат Айдахо, впервые произвели электричество путем ядерного деления. В последующие полвека электричество превратилось в некрасивую подружку невесты, а ядерная энергия — в прекрасную виновницу торжества, по которой все вздыхают. Скоро дурнушкой станет деление ядра, а красавицей

— синтез. Что до исследований самого электричества, то гранты и дотации иссякли. И, что еще важнее, иссяк интерес. Сегодня электричество считается древностью, несмотря на то, что любой современный источник энергии должен быть преобразован в амперы и вольты.

Мой лектор потихоньку приходил в ярость.

— Несмотря на его огромную способность лечить и убивать, несмотря на те изменения, которое оно внесло в жизнь каждого человека на этой планете и несмотря на то, что оно по-прежнему остается загадкой, научные исследования в сфере электричества удостоиваются добродушно-презрительного отношения! Вот нейтроны — это да! А электричество скучно, эдакая запыленная кладовка, из которой уже давно вынесено все ценное, и в которой остался один лишь мусор. Но кладовка не пуста: там, сзади, есть потайная дверь, которая ведет в комнаты, доселе почти никем не виданные, полные вещей неземной красоты. И комнатам этим несть числа.

— Чарли, вы начинаете меня пугать, — хотел я сказать полушутливым тоном, но получилось на редкость серьезно.

Не обратив на меня внимания, он захромал от верстака к полкам и обратно, уставившись в пол. Каждый раз, проходя мимо зеленой коробки, он дотрагивался до нее, словно хотел удостовериться, что она никуда не делась.

— Да, некоторые побывали в тех комнатах — я не первый. К примеру, Скрибоний. Или Принн. Но большинство, как и я, оставили свои открытия при себе. Ведь мощь их необъятна. Непостижима. Ядерная энергия? Ха! Нелепая шутка! — Он коснулся зеленой коробки. — При наличии достаточно мощного источ-

ника питания эта штучка низведет ядерную энергию до уровня детского пистолетика.

Жалко, что я не принес с собой лимонад, потому что в горле у меня пересохло. Мне пришлось прокашляться, чтобы выдать хоть слово.

— Чарли, допустим, что ваш рассказ — правда. Но вы хоть понимаете, с чем имеете дело? Как все это работает?

— Хороший вопрос. Но у меня есть встречный. А ты понимаешь, что происходит, когда ты включаешь свет? Сможешь перечислить ту цепочку событий, которая приводит к изгнанию тьмы из комнаты?

— Нет.

— Ты хотя бы знаешь, замыкается контакт по мановению твоего пальца или размыкается?

— Понятия не имею.

— Но это не мешает тебе включать свет, правда? Или подсоединять электрогитару к усилителю?

— Верно, но я никогда не подключал гитару к усилку, способному осветить все Восточное побережье.

Он посмотрел на меня так подозрительно и злобно, что пахнуло паранойей.

— Не понимаю, о чем ты. Потрудись объяснить.

Кажется, он действительно не понимал, и в этом-то и заключалось самое страшное.

— Неважно. — Я остановил его, придерживая за плечо, и ждал, пока он на меня не посмотрит. Но даже когда он уставился мне в лицо, он, казалось, смотрел сквозь меня.

— Чарли, если с исцелениями вы покончили, и если вас не волнуют проблемы энергетики, то чего вы хотите?

Поначалу он не ответил. Казалось, он вошел в транс. Затем, сбросив мою руку со своего плеча, он снова заходил туда-сюда и вернулся к лекторскому тону.

— Устройства-проводники — те, которые я использовал на людях, — прошли несколько этапов. В излечении Хью Йейтса от глухоты я задействовал большие кольца, покрытые золотом и палладием. Сегодня они комичны в своей старомодности, эдакие видеокассеты в эпоху интернет-закачек. В твоем случае наушники были уже поменьше и помощнее. К тому времени как ты явился ко мне со своей героиновой зависимостью, я заменил палладий осмием. Осмий стоил меньше, — что важно для стесненного в средствах человека, каким я тогда был, — и наушники доказали свою эффективность, но для сеансов исцелений они не слишком подходили, правда? Разве Иисус носил наушники?

— Наверное, нет, — ответил я, — но и обручальных колец он тоже не носил, будучи холостяком.

Джейкобс пропустил это мимо ушей, расхаживая взад-вперед, словно заключенный по камере. Или какой-нибудь юродивый в большом городе, с его рассказами о ЦРУ, всемирном еврейском заговоре или тайнах розенкрейцеров.

— Поэтому я и вернулся к кольцам, сочинив к ним историю, чтобы они... прились по вкусу моей пастве.

— То бишь, замануху.

Это выдержало его из воспоминаний о прошлом. Он улыбнулся, и на миг ко мне вернулся преподобный Джейкобс из моего детства.

— Ну да, замануху. Тогда я уже использовал сплав золота и рутения, поэтому кольца были намного мень-

ше. И намного мощнее. Может, уйдем отсюда, Джейми? Ты вроде как не в своей тарелке.

— Так и есть. Может, я и не понимаю этот ваш потестас универсум, но я его чувствую. У меня будто кровь от него запузырилась.

Джейкобс рассмеялся.

— Точно! Можно сказать, атмосфера у нас тут наэлектризована до предела! Ха! Мне нравится, но я-то уже привык. Давай выйдем, подышим свежим воздухом.

Пока мы шли к дому, я не мог надышаться. Никогда еще воздух не казался мне таким сладким.

— Можно еще один вопрос, Чарли? Если вы не против.

Джейкобс вздохнул, но неудовольствия не выказал. Выйдя из своего клаустрофобного сарая-лаборатории, он, казалось, пришел в себя.

— Отвечу, если смогу.

— Вы говорите лохам, что ваши жена и сын утонули. Почему вы врете? Ради чего?

Он остановился и опустил голову. А когда поднял, я увидел, что спокойную нормальность как ветром сдуло, если она там вообще была. Лицо его так почернело от ярости, что я невольно сделал шаг назад. Ветерок прибил редеющие волосы Джейкобса к морщинистому лбу. Убрав их, он прижал ладони к вискам, словно от дикой головной боли. Но заговорил тихо, без всякого выражения. Не видя его лица, я бы принял такой голос за голос разума.

— Правды они не заслуживают. Ты назвал их лохами, и правильно сделал. Они отбросили свои мозги, — а у многих из них мозгов хоть отбавляй, — и уверова-

ли в гигантскую и жуликоватую страховую компанию под названием религия. Она сулит им вечную радость в загробной жизни, если они будут придерживаться правил в земной. И многие из них попытаются, но этого недостаточно. Когда приходит боль, они ждут чуда. Для них я чистой воды знахарь, который притрагивается к ним волшебными кольцами, а не трясет над головами костяной погремушкой.

— И никто из них не узнал правды?

Мои с Бри исследования убедили меня, что Фокс Малдер был прав в одном: истина где-то рядом, и в нашу эпоху стеклянных домиков каждый, кто имеет компьютер и выход в интернет, может до нее дотянуться.

— Ты меня вообще слушаешь? Они не заслуживают правды, и это нормально, потому что она им и не нужна. — Он обнажил в улыбке плотно сжатые зубы. — И блаженства Песни Соломона им тоже не нужны. Им нужно одно лишь исцеление.

Стампер даже не взглянул на нас, когда мы прошли через кухню. Два контейнера с почтой он уже опустошил и теперь работал над третьим. Картонка из-под джина заполнилась где-то наполовину. В ней были и чеки, но в основном смятые банкноты. Я вспомнил слова Джейкобса о знахарях. В Сьерра-Леоне его клиенты выстроились бы в очереди за дверью, держа в руках добытое тяжким трудом в поле, а также кур с только что скрученными шеями. Разницы, в общем-то, никакой: хабар — он и в Африке хабар.

В библиотеке Джейкобс присел с гримасой боли на лице и допил свой лимонад.

— Теперь весь вечер буду в туалет бегать, — сказал он. — Старость — не радость. Джейми, я был рад твоему появлению потому, что хочу тебя нанять.

— Что, простите?

— Ты меня слышал. Эл скоро меня покинет. Может, он и сам этого еще не знает, но я знаю. Он не желает участвовать в моей научной работе. Даже зная, что именно на ней базируются мои исцеления, он считает ее мерзостью.

«А вдруг он прав?», — едва не вырвалось у меня.

— Ты мог бы выполнять его работу — сортировать почту, записывать имена отправителей и их жалобы, откладывая подношения, раз в неделю ездить в Лэтчмор и класть чеки на счет. Отслеживать визитеров — их становится все меньше, но за неделю по-прежнему бывает не меньше десятка — и отправлять их восвояси.

Он повернулся и посмотрел мне в лицо.

— А еще ты мог бы делать то, от чего отказывается Эл: помогать мне на последних этапах пути к моей цели. Я близок к ней, но силы уже не те. Мне позарез нужен ассистент, и, судя по прошлому, мы неплохо сработаемся. Не знаю, сколько платит тебе Хью, но я удвою ставку — нет, даже утрою. Что скажешь?

Поначалу я не знал, что ответить — так он меня огорошил.

— Джейми? Я жду.

Я взял свой лимонад, и на этот раз тающие остатки кубиков льда клацнули и в моем стакане. Отпив, я поставил его на стол.

— Вы говорите о цели. Расскажите, в чем она состоит.

Он задумался. Или только сделал вид.

— Еще рано. Если перейдешь ко мне и познаешь чуть лучше мощь и красоту тайного электричества, то тогда, может, и расскажу.

Я встал и протянул руку.

— Приятно было снова вас увидеть. — Мы частенько говорим это для проформы, но эта ложь далась мне намного тяжелее, чем вранье о его цветущем облике.

— Берегите себя. И будьте осторожны.

Он встал, но не взял мою руку.

— Ты меня разочаровал. И, честно говоря, разозлил. Ты проделал долгий путь только для того, чтобы отчитать усталого старика, который когда-то спас тебе жизнь.

— Чарли, что если это ваше тайное электричество вырвется из-под контроля?

— Не вырвется.

— Готов поспорить, начальство в Чернобыле думало так же.

— Какая низость. Я впустил тебя в свой дом в ожидании благодарности и понимания. Вижу, что ошибся по обоим пунктам. Эл тебя проводит. А мне надо прилечь, я очень устал.

— Чарли, я действительно вам благодарен, и ценю все, что вы для меня сделали. Но...

— Но. — Лицо его застыло и посерело. — Всегда есть «но».

— Даже если вынести за скобки тайное электричество, я не могу работать на человека, который мстит сырым и убогим потому, что не может отомстить Богу за убийство своей жены и сына.

Он побледнел.

— Да как ты смеешь? Как ты смеешь?

— Может, кого-то из них вы и исцеляете, — сказал я, — но мочитесь на всех. Мне пора. Мистер Стампер может меня не провожать.

Я направился к выходу. Проходя через ротонду, щелкая каблуками по мрамору, я услышал усиленный здешней акустикой голос у себя за спиной:

— Мы с тобой еще не закончили, Джейми. Обещаю тебе. Далеко не закончили.

Стампер мне не понадобился даже для открытия ворот: когда я подъехал, они раздвинулись сами. У выезда на шоссе я остановился, посмотрел на мобильник и, увидев, что связь вернулась, позвонил Бри. Она ответила с первого гудка. Я и рта открыть не успел, а она уже спрашивала, все ли у меня хорошо. Я ответил, что да, и рассказал ей о предложенной Джейкобсом работе.

— Ты серьезно?

— Да. Я отказался и...

— Блин, еще бы ты не отказался!

— Но дело не в этом. Он говорит, что завязал с шатрами и исцелениями. По тому, как дулся мистер Эл Стампер, бывший певец «Во-Лайтс» и нынешний ассистент Чарли, я понял, что это на самом деле так.

— Так что, все закончено?

— Как говаривал Одинокый рейнджер своему верному напарнику-индейцу: «Тонто, мы свое дело сделали».

Если только он не взорвет планету этим своим тайным электричеством.

— Позвони мне, когда вернешься в Колорадо.

— Обязательно, солнышко. Как дела в Нью-Йорке?

— Обалденно! — В ее голосе было столько восторга, что я почувствовал себя гораздо старше своих пятидесяти трех лет.

Некоторое время мы поболтали о ее новой жизни в большом городе, а потом я свернул на шоссе и направился в аэропорт. Пару миль спустя я посмотрел в зеркало и увидел на заднем сидении оранжевую луну.

Тыкву Чарли так и не получил.

Х

Свадебные колокола. Как сварить лягушку. Семейное торжество. «Советую прочесть».

В последующие два года мы с Бри разговаривали много раз, но увидел я ее только 19 июня 2011 года, когда в церкви на Лонг-Айленде она стала Брианной Донлин-Хьюз. Поначалу главной темой наших телефонных разговоров был Чарльз Джейкобс и его жутковатые исцеления — мы накопили еще полдесятка случаев с вероятными побочными эффектами, — но со временем мы все больше говорили о ее работе и Джордже Хьюзе, с которым она познакомилась на вечеринке, и с которым они вскоре стали жить вместе. Он был влиятельным корпоративным адвокатом, афроамериканцем, которому только-только стукнуло тридцать. Я не сомневался, что мать Бри была довольна по всем пунктам... насколько мать вообще может быть довольна избранником своей единственной дочери.

Тем временем сайт пастора Дэнни закрылся, и в сети болтовня о нем почти сошла на нет. Поговаривали, что он либо умер, либо под вымышленным именем впадает в маразм в какой-нибудь частой клинике. К

концу 2010-го я нарыл лишь два достоверных факта, интересных, но не слишком информативных: Эл Стампер выпустил диск в жанре госпел под названием «Спасибо тебе, Иисус» (при участии Мэйвис Стэйплс, кумира Хью Йейтса); «Латчес» снова сдавался в аренду «подходящим частным лицам или организациям».

Чарльз Дэниел Джейкобс исчез с экрана радара.

Все работники ранчо прилетели на брачную церемонию на «Гольфстриме», который нанял Хью Йейтс. На свадьбе шестидесятые с блеском представлял Муки Макдональд в своей рубашке в огурцы с воздушными рукавами, брюках-дудочках, замшевых «битлах» на ногах и психоделической бандане. Мама невесты выглядела сногшибательно во взятом напрокат винтажном платье от Энн Лоу, корсаж которого во время обмена клятвами омыла обильными слезами. Жених, казалось, появился прямиком из романа Норы Робертс: высокий красивый брюнет. До церемонии мы с ним успели мило поболтать, когда торжество еще только начинало свой путь к танцевальному угару. Кажется, Бри не поведала ему о моей роли ржавого драндулета, на котором она училась, но когда-нибудь, конечно, поведаст: в постели после особенно хорошего секса, например. Ну и ладно, ведь меня там не будет, когда после рассказа ее муж непременно закатит глаза.

Недерлендские ребята вернулись в Колорадо с помощью «Американ Эйрлайнс», потому что «Гольфстрим», полет на котором оказался свадебным подарком от Хью, умчит новобрачных на Гавайи на их медовый месяц. Когда Хью объявил об этом во время тостов, Бри с девчоночьим визгом выпрыгнула из-за стола и крепко

обняла его. Уверен, что в тот миг она и думать забыла о Чарльзе Джейкобсе, и слава богу. Зато я не забыл.

Уже ближе к ночи я увидел, как Муки нашептывает что-то лидеру ансамбля (довольно неплохого рок-энд-блюз коллектива с отличным солистом и богатым репертуаром старых хитов). Тот кивнул и спросил меня, не хочу ли я поиграть с ними на гитаре пару заходов. Искушение было сильно, но я быстро одумался и отказался: рокеры — они, конечно, вечно молодые, но с годами навыки утрачиваются, а риск публичного позора растет.

Пенсионером я пока еще себя не считал, но вживую, перед слушателями, не выступал уже больше года и даже в студийных записях участвовал всего три или четыре раза, когда не было другого выхода. Ни разу я не показал себя молодцом. Во время прослушивания одной из них я заметил, как барабанщик корчит кислую мину. Увидев, что я на него смотрю, он сказал, что сфальшивил бас. Бас не сфальшивил, и мы оба это знали. Если пятидесятилетний мужик выглядит нелепо, играя в постельные игры с женщиной, которая ему в дочки годится, то столь же нелепо он выглядит, играя на гитаре «Грязную воду» группы «Стэнделлс» и при-топывая в такт музыке. И все равно, когда я смотрел, как наяривают эти ребята, меня не покидала щемящая тоска по прошлому.

Кто-то взял меня за руку. Повернувшись, я увидел Джорджию Донлин.

— Бередят они тебе душу, а, Джейми?

— Скорее вызывают уважение, — ответил я, — поэтому я тут и сижу. Играют здорово.

— А ты уже нет?

Я вспомнил тот день, когда вошел в комнату моего брата Кона и услышал, как его «Гибсон» шепотом вызывает ко мне. И уверяет, что я смогу сыграть «Вишенку».

— Джейми? — Она щелкнула пальцами у меня перед глазами. — Джейми, вернись.

— Поиграть для себя я еще могу, — сказал я, — но дни моих выступлений перед публикой закончились.

Как оказалось, в этом я ошибся.

В 2012-м мне исполнилось пятьдесят шесть, и Хью со своей давней подружкой вытащили меня на ужин. По пути домой я вспомнил старую байку — вы, вероятно, ее слышали — о том, как сварить лягушку. Бросаешь ее в холодную воду и начинаешь медленно прибавлять огонь. Если все делать достаточно плавно, безмозглое животное даже не поймет, что с ним происходит. Не знаю, правда это или выдумка, но, пожалуй, лучшей метафоры для старения не найти.

Когда я был подростком, то смотрел на тех, кому за пятьдесят, с жалостью и тревогой: еле ходят, еле говорят, вместо того, чтобы пойти в кино или на концерты — пялятся в телик; считают прекрасным сценарием вечеринки позвать соседей на жаркое и завалиться в постель после одиннадцатичасовых новостей. Но, как и большинство относительно здоровых людей за пятьдесят, шестьдесят и даже семьдесят, я не сильно огорчился, когда и сам стал таким. Потому что мозг не стареет, хотя и несколько коснеет в своих представлениях о мире, и люди начинают рассказывать про старые добрые деньки (последнего, по счастью, мне удалось избежать, поскольку мои так называемые старые добрые деньки я провел обдолбанным нарко-

маном). Думаю, обманчивые грезы жизни начинают рассеиваться обычно после пятидесяти. Дни ускоряются, болячки множатся, походка замедляется... но есть и положительная сторона. Со спокойствием приходит благодарность и — в моем случае — стремление как можно достойней прожить остаток дней: раз в неделю, например, разливать суп в Боулдерском приюте для бездомных, или волонтерствовать для политических деятелей, разделявших безумную идею о том, что Колорадо не обязательно закатывать в асфальт.

Я по-прежнему от случая к случаю встречался с дамами. Дважды в неделю играл в теннис и проезжал на велосипеде как минимум шесть миль в день, в результате чего не имел проблем с лишним весом и эндорфинами. Да, я замечал новые морщинки вокруг рта или глаз, но в целом, как мне казалось, выглядел так же, как и всегда. Это, конечно же, безобидная старческая иллюзия. В 2013 мне потребовалось вернуться в Харлоу, чтобы понять: я просто очередная лягушка в кастрюле. Хорошие новости: огонь прибавили лишь слегка. Плохие новости: никто не собирается его выключать. На самом деле три возраста мужчины — это юность, зрелость и «какого хера я так быстро постарел?».

Девятнадцатого июня 2013 года, ровно через два года после свадьбы Бри и Джорджа Хьюза и через год после рождения их первенца, я вернулся домой с не особенно удачного сеанса звукозаписи и обнаружил в почтовом ящике конверт, разрисованный веселенькими воздушными шариками. Обратный адрес был мне знаком: «Мэн, Харлоу, Методист-роуд». Внутри обнаружилась фотография семьи моего брата Терри с

такой подписью: «Один — хорошо, двое — еще лучше! Приходите на наш праздник!»

Я помедлил, прежде чем прочесть письмо, глядя на седину Терри, животик Аннабел и троих взрослых людей, в которых превратились их дети. Девочка, которая когда-то с хохотом носилась среди поливалок в мокрых трусах со Смurfеттой, превратилась в красивую женщину, державшую на руках ребенка — мою внучатную племянницу Кару-Линн. Один из племянников, тощий парень, напоминал Кона. Другой, покрупнее, был пугающе похож на нашего отца... и немного на меня, бедняга.

Я перевернул приглашение.

«Помогите нам отпраздновать две большие даты!

31 августа 2013 года!

35-летие свадьбы Теренса и Аннабел!

Первый день рождения Кары-Линн!

Время: с полудня до?

Место: наш дом, затем «Амбар»

Еда: полным-полно!

Музыка: «Все звезды Касл-Рока»

Приносить выпивку с собой: не вздумайте! Вино и пиво будут литься рекой!»

Ниже была приписка от моего брата. Хотя Терри недавно исполнилось шестьдесят, он писал все такими же каракулями, как в начальной школе. Однажды его учительница прикрепила к его табелю записку: «Теренс ДОЛЖЕН исправить свой почерк!»

«Джейми, привет! Приезжай на вечеринку, ладно? И никаких отговорок. У тебя целых два месяца, чтобы вписать ее в свой график. Если Конни прилетит

*аж с Гавайев, ты из Колорадо и подавно можешь до-
браться. Мы соскучились, братик!»*

Я сунул приглашение в плетеную корзинку, висевшую на кухонной двери. Она у меня называлась «корзина «Как-нибудь потом»», потому что была набита письмами, на которые я надеялся как-нибудь ответить... что на самом деле означает «никогда», как вам наверняка известно. Я сказал себе, что у меня нет ни малейшего желания возвращаться в Харлоу. Может, и так, но семейные узы не ослабевали. Спрингстин, пожалуй, не зря писал, что нет ничего лучше, чем кровь на крови.

Ко мне приходила убираться женщина по имени Дарлин. Раз в неделю она пылесосила, вытирала пыль и меняла постельное белье (мне до сих пор было стыдно препоручать это кому-то другому, потому что в детстве меня приучили перестилать постель самому). Мрачная она была старушка, и я старался не сидеть дома в дни ее визитов. Однажды после ее ухода я обнаружил, что она выудила приглашение из «корзины «Как-нибудь потом»» и поставила на кухонный стол. Раньше Дарлин не делала ничего подобного, и я воспринял это как знамение. В тот же вечер я сел за компьютер, вздохнул и послал Терри письмо из двух слов: «Хорошо, буду».

Выходные на День труда прошли отлично. Я получил огромное удовольствие и не мог поверить, что чуть не отказался приехать... или не оставил письмо без ответа, что скорее всего разорвало бы навсегда и без того истрепанные семейные узы.

В Новой Англии было жарко, и в пятницу посадка в портлендском аэропорту получилась необыкновен-

но тряской из-за воздушных завихрений. На север в округ Касл я ехал медленно, но не из-за пробок. Я просто крутил головой по сторонам при виде знакомых мест — ферм, каменных стен, магазина «У Брауни», уже закрытого и темного, — и не мог на них насмотреться. Как будто мое детство все еще было здесь, едва видимое под полупрозрачным куском пластика, который со временем покрылся царапинами и пылью.

Когда вечером я подъехал к дому, уже перевалило за шесть часов. К нему была добавлена пристройка, которая увеличила его чуть ли не вдвое. На подъездной дорожке стояла красная «Мазда», явно взятая напрокат в аэропорту (как и мой «Форд-Эклипс»), а на газоне — грузовик с надписью «Топливо Мортон» на борту. Грузовик был украшен таким количеством цветов и гофрированной бумаги, что напоминал парадную платформу. На передние колеса опиралась большая табличка. На ней было написано:

«Счет: Терри и Аннабел — 35, Кара-Линн — 1! Выигрывают все! Вечеринка здесь! Милости просим!»

Я припарковался, поднялся на крыльцо и уже было хотел постучать, но потом подумал «какого черта, я же здесь вырос» и просто вошел.

На миг я, казалось, прыгнул назад во времени, в те годы, когда мой возраст состоял лишь из одной цифры. Моя семья сидела за столом в гостиной, совсем как в шестидесятые. Они говорили наперебой, смеялись и препирались, передавая друг другу свиные отбивные, пюре и блюдо, накрытое влажным кухонным полотенцем: так когда-то мама накрывала початки вареной кукурузы, чтобы не остыли.

Поначалу я не узнал седовласого мужчину внушительного вида в дальнем конце стола, а сидящий рядом

с ним симпатяга-брюнет точно был мне незнаком. Но когда при виде меня «заслуженный профессор» встал со стула и расплылся в улыбке, я понял, что это мой брат Кон.

— Джейми! — крикнул он, и ринулся ко мне, едва не сбив Аннабел со стула. Он заключил меня в медвежьих объятиях и осыпал поцелуями лицо. Я со смехом хлопал его по спине. Потом к нам присоединился еще и Терри, обнял нас обоих, и втроем мы неуклюже исполнили эдакий хасидский танец, да так, что пол затрясся. Я видел слезы на лице Кона, и мне самому немножко захотелось всплакнуть.

— Хватит, ребята! — взмолился Терри, не переставая прыгать. — Мы так в подвал провалимся!

Мы попрыгали еще некоторое время. Мне казалось, что по-другому было нельзя. И это было хорошо. Это было правильно.

Кон представил здоровяка, который был моложе его лет на двадцать, как «своего друга с кафедры ботаники Гавайского университета». Пожимая «другу» руку, я подумал, потрудились ли они снять в «Касл-Рок-инн» два отдельных номера. Вряд ли, в наше-то время. Не помню, когда я понял впервые, что Кон — гей; наверное, когда он учился в аспирантуре, а я все еще играл «Страну 1000 танцев» с «Камберлендами» в Мэнском университете. Родители, конечно, узнали гораздо раньше. Поскольку они не придали этому большого значения, то не придали и мы: для детей, мне кажется, негласный пример гораздо полезнее наставлений и поучений.

Лишь однажды я услышал, как отец намекнул на сексуальную ориентацию своего второго сына. Было

это в конце восьмидесятых. На меня, должно быть, это произвело большое впечатление, потому что то были мои черные годы, и я старался звонить домой как можно реже. Я хотел, чтобы отец знал, что я все еще жив, но каждый раз боялся, что он услышит в моем голосе нотки близкой смерти, мысль о которой меня уже не пугала.

— Я молюсь о Конни каждую ночь, — сказал отец во время того разговора. — Этот чертов СПИД... Его как будто специально распространяют.

Этой напасти Кон избежал и сейчас лучился здоровьем, но все равно было видно, как он постарел, особенно на фоне сидящего рядом друга с кафедры ботаники. Я вспомнил, как когда-то Кон с Ронни Пакеттом сидели бок о бок на диване в гостиной и пели «Дом восходящего солнца» с потугами на гармонию... до которой им явно было как до Луны.

Наверное, что-то отразилось на моем лице, потому что Кон улыбнулся, вытирая от слез глаза.

— Много воды утекло с тех пор, как мы спорили, кому идти снимать белье с веревок.

— Много, — согласился я и снова подумал о глупой лягушке, которая не понимает, что вода в ее пруду на плите становится все горячее.

К нам присоединилась Дон, дочь Терри и Аннабел, с Карой-Линн на руках. Глазки ребенка были, как когда-то говорила мама, по-мортоновски синими.

— Привет, дядя Джейми. Это ваша внучатая племянница. Завтра ей исполняется год, а еще у нее вырос новый зубик.

— Красавица. Можно мне ее подержать?

Дон застенчиво улыбнулась чужаку, которого видела в последний раз, когда еще носила зубные скобы.

— Можете попробовать, но обычно она начинает рыдать, когда ее берет кто-то незнакомый.

Я взял девочку на руки с намерением ее вернуть при первом же всхлипе. Но его не последовало. Поизучав меня, Кара-Линн протянула ручку и ущипнула меня за нос. И засмеялась. Семейство заахало и заплодировало. Девочка в испуге покрутила головкой, а потом вновь посмотрела на меня. Глазами моей матери.

И снова залилась смехом.

Вечеринка на следующий день прошла почти в таком же составе, если не считать массовки. Кое-кого я узнал сразу, другие казались смутно знакомыми. Я вдруг понял, что некоторые из этих людей — дети тех, кто когда-то работал на отца. Теперь они сами работали на Терри, чья империя все расширялась. Кроме топливного бизнеса он владел сетью круглосуточных магазинчиков «Быстролавки Мортонa» по всей Новой Англии. Плохой почерк, похоже, никак не влияет на успех в делах.

Ресторанчики из Касл-Рока колдовали над четырьмя грилями, раздавая гамбургеры и хот-доги. От обилия салатов и десертов голова шла кругом. Из стальных кегов разливали пиво, из деревянных — вино. Когда я набивал брюхо очередной беконовой калорийной бомбой, ко мне подошел один из продавцов Терри — веселый, пьяный и болтливый. Он сказал, что Терри, кроме прочего, владеет «Сплэш-сити» во Фрайбурге и гоночным треком «Литтлтон» в Нью-Гэмпшире.

— Трек не приносит и цента, — сказал продавец, — но ты же знаешь Терри — он от скорости без ума.

Я вспомнил, как они с отцом трудились в гараже над разными вариациями «Дорожной ракеты» — оба в

промасленных футболках и обвисших комбинезонах — и внезапно осознал, что мой братец, эта деревенщина, неплохо поднялся. Возможно, даже разбогател.

Всякий раз, когда Дон с Карой-Линн оказывались рядом, малышка тянула ко мне ручонки. Кончилось тем, что большую часть вечера я протаскал ее на руках, и она в конце концов уснула у меня на плече. Ее отец заметил это и избавил меня от ноши.

— С ума сойти, — сказал он, укладывая девочку на одеяло в тени самого большого из деревьев на заднем дворе. — Она ни с кем так себя не ведет.

Я ответил, что польщен, и поцеловал малютку в покрасневшую от режущихся зубов щеку.

В тот день много говорили о старых временах — байки из тех, что сказочно интересны для участников описываемых событий и чрезвычайно скучны для всех остальных. Ничего из алкоголя я не пил, так что когда все собрались в амбар «Эврика», что находился в четырех милях оттуда, я оказался одним из водителей. Передачи монструозного пикапа, принадлежащего топливной компании, я переключал с трудом — последний раз я водил механику лет тридцать назад, — и мои нетрезвые пассажиры (дюжина, если считать семерых или около того в кузове) всякий раз принимались хохотать, когда я ошибался и машина начинала дергаться. Просто чудо, что никто из них не выпал на дорогу.

Сотрудники сервис-службы оказались там раньше нас, так что к нашему приезду вокруг столь памятного мне танцпола уже стояли столы. Я просто стоял и смотрел на их гладкую деревянную поверхность, пока Кон не встряхнул меня за плечо.

— Что, братик, воспоминания накатили?

Я вспоминал о том, как впервые поднялся на сцену — напуганный до смерти, вонь из подмышек стояла чуть ли не под потолком. И о том, как мама с папой вальсировали под «Кто остановит дождь».

— Даже не представляешь, какие, — ответил я.

— Кажется, представляю, — сказал он и обнял меня. И снова прошептал на ухо:

— Кажется, представляю.

К полудню за столом в доме собралось человек семьдесят; к семи часам в амбар «Эврика» набилось вдвое больше. Вот где пригодились бы волшебные кондиционеры Чарли Джейкобса вместо вяло вращавшихся под потолком вентиляторов. Я прихватил фирменный харлоуский десерт — лаймовое желе с застывшими в нем кусочками консервированных фруктов — и вышел на улицу. Ковыряя желе ложечкой, завернул за угол и оказался у пожарной лестницы, под которой впервые поцеловал Астрид Содерберг. Я вспомнил, как мех капюшона обрамлял идеальный овал ее лица. Вспомнил вкус ее клубничной помады.

«Тебе понравилось?» — спросил я. А она ответила: «Повтори, тогда решу».

— Привет, салага. — Раздавшийся сзади голос заставил меня подпрыгнуть. — Хочешь сегодня вечером поиграть на гитаре?

Я не сразу узнал его. Тощий, длинноволосый юнец, когда-то принявший меня ритм-гитаристом в «Хромовые розы», обзавелся лысиной, обрамленной седыми прядями, и брюшком, нависавшим над тугим поясом брюк. Я уставился на него, держа в одной руке бумажный стаканчик с тающим желе.

— Норм? Норм Ирвинг?

Он широко улыбнулся, продемонстрировав золотой зуб в глубине рта. Я уронил желе и обнял его. Засмеявшись, он тоже обхватил меня руками. Мы сказали друг другу, что прекрасно выглядим. Мы сказали друг другу «Сколько лет, сколько зим!». И, конечно, повспоминали прошлое. Норм рассказал, что сделал ребенка Хэтти Грир и женился на ней. Брак продержался лишь несколько лет, но, после нескольких желчных послеразводных лет, они решили не поминать старое и остаться друзьями. Их дочери Дениз было под сорок, и она владела парикмахерской в Вестбруке.

— В полной собственности, выплатила банку все подчистую. У меня двое мальчишек от второй жены, но скажу тебе по секрету, Дениз — моя любимица. У Хэтти тоже сын от второго мужа. — Он наклонился ко мне с мрачной ухмылкой. — Из тюрьмы не вылезает. Парень не стоит даже пули, которая бы потребовалась, чтобы отправить его в пекло.

— Как Кенни и Пол?

Кенни Лафлин, наш басист, тоже женился на своей подружке времен «Хромовых роз», и они по-прежнему были вместе.

— У него страховое агентство в Льюистоне. Дела идут неплохо. Он тоже здесь. Ты его не видел?

— Нет.

А может, и видел; просто не узнал, как и он меня.

— А Пол Бушар... — Норм покачал головой. — Лазал по горам в заповеднике Акадия и упал. Два дня еще прожил, потом скончался. В девяностом году. Может, и к лучшему. Док сказал, что он остался бы парализованным ниже шеи, если бы выжил. Полный паралитик, что называется.

На секунду я вообразил, что было бы, если бы наш барабанщик остался жить. Лежал бы в постели, подсоединенный к машине, которая за него дышит, и смотрел пастора Дэнни по телевизору. Я вытряхнул из головы эту мысль.

— А что с Астрид? Не знаешь, где она?

— Где-то на востоке. Кастайн, Рокленд... — Он покачал головой. — Не помню. Знаю, что она бросила колледж и вышла замуж, и родители на нее за это разозлились. Наверно, еще больше разозлились, когда она развелась. Вроде бы она держит ресторан, одну из этих забегаловок с омарами, но зуб не дам. У вас ведь с ней все было серьезно, да?

— Да, — сказал я. — Это уж точно.

Он кивнул.

— Первая любовь. Ничто с ней не сравнится. Наверное, я не хотел бы увидеть ее сейчас, потому что в те времена старушка Сода-Бургер была ходячий динамит. Живая бомба. Верно?

— Да, — согласился я, думая о хижине на Скайтопе. И железном столбе. Как он засветился красным, когда в него ударила молния. — Верно.

Мы немного помолчали, и он хлопнул меня по плечу.

— Ну так что? Сыграешь с нами? Лучше соглашайся, потому что фиговая это будет группа — без тебя.

— Ты в группе? «Все звезды Касл-Рока»? И Кенни тоже?

— А как же. Мы теперь редко выступаем, не как прежде. Но от этого предложения мы не могли отказаться.

— Это идея моего брата Терри?

— Может, он и подумал, что ты сыграешь песню-другую, но нет. Он просто хотел группу из прежних времен, а из всех наших только мы с Кенни все еще живы, все еще торчим в этой глуши и все еще играем. На ритм-гитаре у нас плотник из Лисбон-Фоллз, но в прошлую среду он упал с крыши и сломал обе ноги.

— Ой, — сказал я.

— Ему ой, а мне счастье, — ответил Норм. — Мы собирались играть втроем, что, как известно, полная лажа. Трое из четверых «Хромовых роз» — неплохо, с учетом того, что в последний раз мы играли на танцах Полицейской ассоциации больше тридцати пяти лет назад. Короче, соглашайся. Гастроли по случаю воссоединения и все такое.

— Норм, у меня и гитары-то нет.

— У меня в пикапе три, — отозвался он. — Выбери. Только помни, мы начинаем с «Постой, Слупи».

Мы поднялись на сцену под восторженные аплодисменты, подпитываемые алкогольными парами. Лицо Кенни Лафлина, по-прежнему тощего, украсилось несколькими несимпатичными бородавками. Он помахал мне из-за своего «Фендера Р-Bass». Я не нервничал, как в тот первый раз, когда стоял на этой сцене с гитарой в руках, но чувствовал себя словно в необыкновенно ярком сне.

Норм, как всегда, поправил микрофон одной рукой и обратился к публике, которой уже не терпелось подергаться под старый добрый рок-н-ролл.

— На барабанах написано «Все звезды Касл-Рока», но сегодня у нас на ритм-гитаре играет почетный гость,

так что ближайшие пару часов с вами снова «Хромовые розы». Валяй, Джейми.

Я вспомнил, как целовал Астрид под пожарной лестницей. Вспомнил ржавый микроавтобус Норма и его отца Цицерона — как он сидел на продавленном диване в их старом трейлере, сворачивал косяк и говорил мне, что если я хочу с первого раза сдать на права, то лучше подстричь нафиг свои патлы. Я вспомнил, как мы играли на танцульках для подростков на Обернском роллердроме и никогда не останавливались, когда начиналась неизбежная драка между ребятами из школ Эдварда Литтона и Лисбонской старшей, или из Льюистонской старшей и Сент-Дома; мы только прибавляли звук. Я вспомнил, какой была жизнь до того, как до меня дошло, что я всего лишь лягушка в кастрюле.

Я прокричал: «Раз, два, начали!»

И мы начали.

С ноты ми.

Все это дерьмо начинается с ми.

В семидесятых мы, наверно, играли бы до часу ночи, до комендантского часа. Но семидесятые остались позади, и к одиннадцати мы уже облились потом и устали как собаки. Но это было не страшно: по указанию Терри, в десять унесли вино и пиво, и в отсутствие огненной воды толпа быстро начала редеть. Большинство оставшихся уселись на свои места: танцевать они уже не могли, но готовы были послушать.

— Ты намного лучше играешь, чем раньше, салага,

— сказал Норм, когда мы собирали инструменты.

— Ты тоже.

Это было такое же вранье, как «ты прекрасно выглядишь». В четырнадцать лет я ни за что не поверил бы, что настанет день, когда я буду лучшим гитаристом, чем Норм Ирвинг, но он настал. Он улыбнулся мне, давая понять, что сам знает о том, о чем лучше не говорить. Кенни присоединился к нам, и все трое оставшихся членов «Хромовых роз» обнялись — в школе мы, несомненно, назвали бы это пидорскими штучками.

К нам подошел Терри с Терри-младшим, его старшим сыном. Брат выглядел усталым, но совершенно довольным.

— Слушай, Кон и его друг повезли домой несколько гостей, которые слишком нагрузились, чтобы вести машину до Касл-Рока. Ты не прихватишь несколько человек до Харлоу на «Кинг Кэбе», если Терри-младший поедет с тобой вторым пилотом?

Я сказал, что готов, и после окончательного прощания с Нормом и Келли (и вялых рыбьих рукопожатий, которые в обычае у музыкантов) собрал своих пьянчужек и отправился в путь. Сначала племянник говорил мне, куда ехать, хотя указания не были мне нужны даже в темноте, но к тому времени, когда мы выгрузили последние две-три парочки на Стакпоул-роуд, он умолк. Взглянув на него, я увидел, что парень крепко спит, прислонившись к окну. Я разбудил его, когда мы добрались до дома на теперешней Методист-роуд. Он поцеловал меня в щеку (это тронуло меня больше, чем он мог себе представить) и сонно поплелся к дому, где, наверное, собирался отоспаться до полудня, как водится у подростков. Не в моей ли бывшей комнате, подумал я, но решил, что скорей всего он расквартирован

в новой пристройке. Время меняет все, и, возможно, так и должно быть.

Я повесил ключи от «Кинг Кэба» на вешалку в прихожей, направился к своей прокатной машине и тут заметил свет в амбаре. Заглянув внутрь, я увидел Терри. Он переоделся из парадного костюма в рабочий комбинезон. Его новая игрушка, «Шевроле-SS» конца шестидесятых, поблескивала под верхним светом, как голубой драгоценный камень. Он был занят ее полировкой.

Когда я вошел, Терри поднял голову.

— Что-то не спится. Перевозбудился. Поработаю немного с этой малюткой и в койку.

Я провел рукой по капоту.

— Красота какая.

— Сейчас-то да. Видел бы ты, в каком виде я ее привез с аукциона в Портсмуте. Большинство покупателей сочло, что это металлолом, но я решил, что смогу ее довести до ума.

— Воскресить, — сказал я. На самом деле я обращался не к Терри.

Он задумчиво взглянул на меня и пожал плечами.

— Можно и так сказать. Вот поставлю новую коробку передач, и машина будет почти готова. Не очень-то она похожа на старые «Дорожные ракеты», верно?

Я засмеялся.

— Помнишь, как первая полетела вверх тормашками на гонках?

Терри закатил глаза.

— На первом же круге! Черт бы подрал Дуэйна Робишо. Небось купил права в универмаге.

— Он еще жив?

— Нет, десять лет как умер. Если не больше. Рак мозга. Когда его обнаружили, у бедолаги уже не было шансов.

«А если бы я был нейрохирургом? — спросил меня Джейкобс в тот день в «Латчес». — Если бы я сказал тебе, что ты умрешь с двадцатипятипроцентной вероятностью. Ты бы все равно согласился?»

— Да, паршиво.

Он кивнул.

— Помнишь, как мы говорили в детстве? «Что паршиво? — Жизнь. — Что такое «Жизнь»? — Журнал. — Сколько он стоит? — Пятнадцать центов. — А у меня только десять. — Паршиво. — Что паршиво? — Жизнь». И так без конца.

— Помню. Тогда мы считали, что это шутка.

Я поколебался.

— Ты часто думаешь о Клер, Терри?

Он бросил в ведро тряпку, которой полировал корпус, и пошел к раковине мыть руки. В прежние времена там был всего один кран — холодный, но теперь их стало два. Он открыл их, взял брусок мыла «Лава» и принялся намыливаться. До локтя, как учил папа.

— Каждый божий день. Я и про Энди думаю, но реже. Там, можно сказать, был естественный ход вещей, хотя он мог бы пожить подольше, если бы не так активно работал ножом и вилкой. Но то, что случилось с Клер... Неправильно это, мать его. Понимаешь?

— Да.

Он прислонился к капоту, глядя в никуда.

— Помнишь, какая она была красивая? — Он медленно покачал головой. — Наша красавица сестра. Этот ублюдок, этот зверюга отобрал у нее все годы,

которые она могла бы прожить, и сбежал из жизни, как трус.

Он провел рукой по лицу.

— Давай не будем говорить о Клер. Опять я расчувствовался.

Я тоже расчувствовался. Клер, которая была старше меня как раз настолько, чтобы я относился к ней как к некой запасной маме. Клер, наша красавица-сестра, которая никому не сделала ничего плохого.

Мы шли через двор, слушая песню сверчков в высокой траве. Они всегда поют громче всего в августе и начале сентября, как будто знают, что лету конец.

Терри остановился у подножия лестницы, и я увидел, что у него в глазах все еще стоят слезы. Это был хороший день, но длинный и полный напряжения. И я напрасно заговорил о Клер в его конце.

— Заночуй у нас, братик. Диван раскладывается.

— Нет, — сказал я. — Я обещал Конни позавтракать с ним и его партнером в гостинице.

— С партнером, — повторил он и закатил глаза.

— Ну-ну.

— Ладно тебе, Терренс. Нечего тут разводить двадцатый век. Они могли бы пожениться в десятке штатов, если бы захотели. В том числе и в этом.

— Да плевать мне на это. Какое мне дело, кто на ком женится. Только этот парень — не партнер, что бы Конни ни думал. Я халявщика за версту учую. Боже, да он вдвое моложе Кона!

Это напомнило мне о Брианне, которая была более чем вдвое моложе меня.

Я обнял Терри и чмокнул его в щеку.

— До завтра. Я заеду пообедать перед отлетом

— Давай, Джейми. И знаешь что? Ты сегодня мощно отыграл.

Я поблагодарил его и направился к машине. Когда я уже открывал дверцу, он окликнул меня. Я обернулся.

— Помнишь, как преподобный Джейкобс в последний раз поднялся на кафедру? Мы потом называли это «Ужасной проповедью».

— Да, — сказал я. — Отлично помню.

— Мы все тогда были в шоке и списали это на скорбь из-за потери жены и сына. Но знаешь что? Когда я думаю о Клер, мне хочется найти его и пожать ему руку. — Терри стоял, сложив на груди руки, мускулистые, как у отца. — Потому что теперь я думаю, что он настоящий храбрец, что сказал все это. Теперь я думаю, что он был прав в каждом слове.

Хоть Терри и разбогател, но остался бережливым, и обедали мы остатками вчерашнего угощения. Я почти все время держал на коленях Кару-Линн и кормил ее кусочками разных блюд. Когда мне пришлось время уезжать и я передал ее Дон, малышка потянулась ко мне.

— Нет, солнышко, — сказал я, целуя неправдоподобно гладкий лобик. — Мне надо уходить.

Ее словарь включал всего с дюжину слов — теперь в него входило и мое имя. Но я читал, что дети понимают больше, чем могут произнести, и она явно поняла, что я ей сказал. Ее личико сморщилось, она снова протянула ко мне руки, и слезы выступили на голубых глазах — того же оттенка, что у моей матери и покойной сестры.

— Беги скорей, — сказал Кон, — не то тебе придется ее удочерить.

И я ушел. Назад к прокатной машине, назад в аэропорт Портленда, назад в Денверский Международный, назад в Недерленд. Но я все время думал об этих пухлых протянутых ко мне ручках, об этих полных слез глазах мортоновского голубого цвета. Ей был всего год, но она не хотела меня отпускать. Вот так ты и узнаешь, что приехал домой, думается мне. И неважно, как далеко ты уехал от этого дома или как давно там не был.

Дом — это место, откуда тебя не хотят отпускать.

В марте 2014 года, когда большинство лыжников уже покинули Вейл, Аспен, Стимбоут-Спрингс и наш Элдора-Маунтин, в новостях сообщили о приближении грандиозного бурана. Задевший нас хвост полярного вихря уже засыпал Грили четырьмя футами снега.

Большую часть дня я провел в Волчьей Пасти, помогая Хью и Муки задраить наглухо студии и большой дом. Я пробыл там, пока ветер не начал усиливаться и со свинцового неба не посыпалась первая снежная крупа. Потом появилась Джорджия — в теплой куртке, наушниках и сувенирной кепке ранчо «Волчья Пасть». Настроена она была серьезно.

— Отправляй ребят домой, — велела она Хью.

— Или ты хочешь, чтобы они застряли где-нибудь в кювете до июня?

— Как экспедиция Доннера, — сказал я. — Но я не стал бы есть Муки. Жестковат он.

— Ладно, уматывайте, — разрешил Хью. — Только проверьте еще раз двери студий по дороге.

Мы так и сделали и на всякий случай заглянули и в амбар. Я даже покормил лошадей яблочными долька-ми, хотя Бартлби, мой любимец, умер три года назад.

К тому времени, как я довез Муки до его пансиона, снег валил вовсю, и ветер завывал, усилившись миль до тридцати в час. В центре Недерленда было пусто. Светофоры раскачивались под проводами, а перед дверями магазинов, закрывшихся пораньше, уже начало наметать сугробы.

— Езжай прямо домой! — посоветовал Муки, стараясь перекричать ветер. Он завязал рот и нос банданой и стал похож на пожилого преступника.

Я последовал его совету. Ветер всю дорогу толкал мою машину в борт, как злой хулиган. Меня он толкал еще яростнее, когда я шел к двери, прикрывая воротником лицо, чисто выбритое и не готовое к фокусам колорадской зимы, когда та взялась за дело всерьез. Мне пришлось надавить на дверь обеими руками, чтобы закрыть ее за собой.

В моем почтовом ящике лежало единственное письмо. Вытащив его, я с первого взгляда понял, от кого оно. Почерк Джейкобса стал менее разборчивым, но остался узнаваемым. Единственной неожиданностью оказался обратный адрес: «До востребования, Моттон, Мэн». Не мой родной городок, но совсем рядом. Слишком близко для моего спокойствия.

Я похлопал конвертом по ладони и чуть было не поддался первому импульсу — разорвать его на части, открыть дверь и развеять клочки по ветру. Я и сейчас представляю это себе — каждый день, иногда каждый час, — и гадаю, что бы тогда изменилось. Вместо этого я перевернул конверт и увидел единственное предложение, написанное тем же дрожащим почерком: «Советую прочесть».

Читать мне не хотелось, но я все же вскрыл письмо. Внутри был конверт поменьше, обернутый в лист

бумаги. На втором конверте значилось: «Прочти мое письмо, прежде чем вскрывать это». Так я и сделал.

Так я и сделал, помоги мне Господь.

«4 марта 2014 г.

Дорогой Джейми!

Я раздобыл оба адреса твоей электронной почты, рабочий и личный (как ты знаешь, у меня есть свои способы), но я уже старик со своими стариковскими привычками и считаю, что о важных делах лучше всего говорить в письме, по возможности — написанном от руки. Как видишь, я все еще в состоянии писать от руки, хотя не знаю, надолго ли меня хватит. Я перенес микроинсульт осенью 2012 года, а прошлым летом — еще один, посерьезнее. Надеюсь, ты простишь меня за чудовищный почерк.

Есть еще одна причина, почему я выбрал обычную почту. Электронное письмо слишком легко удалить; лист бумаги, на котором кто-то потрудился написать тебе ручкой с чернилами, уничтожить сложнее. Я припишу одну строчку на оборотной стороне конверта, чтобы увеличить вероятность того, что ты это прочтешь. Если не получу ответа, придется посылать гонца, но мне не хотелось бы этого делать: времени не так много».

Гонца. Это мне не понравилось.

«При нашей последней встрече я попросил тебя стать моим ассистентом. Ты отказался. Я повторяю свою просьбу и уверен, что в этот раз получу согласие. Ты должен согласиться, потому что моя работа достигла финального этапа. Остается один

последний эксперимент. Я уверен в его успехе, но не решаюсь продолжать в одиночку. Мне нужен помощник и, что не менее важно, свидетель. Поверь мне, ты заинтересован в этом эксперименте почти так же сильно, как я.

Ты думаешь, что откажешься, но я хорошо знаю тебя, мой старый друг, и думаю, что, прочитав прилагаемое письмо, ты изменишь свое мнение.

*С наилучшими пожеланиями,
Чарльз Д. Джейкобс».*

Ветер выл; снег стучал по двери, словно мелкий песок. Дорогу в Боулдер скоро закроют, если уже не закрыли. Я взялся за меньший конверт, думая: «Что-то случилось». Я не хотел знать, что именно, но, похоже, поворачивать назад было уже поздно. Я уселся на ступени лестницы, ведущей к моей квартире, и открыл конверт. Сильный порыв ветра сотряс весь дом. Почерк был такой же дрожащий, как у Джейкобса, и строчки сползали вниз, но я сразу узнал его. Еще бы мне не узнать. Я получал написанные этим почерком любовные письма, иногда — довольно страстные. Внутри у меня все обмякло, и на секунду мне показалось, что сейчас я лишусь сознания. Я опустил голову и обхватил ее свободной рукой. Когда дурнота прошла, я почти пожалел об этом.

Я прочел письмо.

«25 фев., 2014.

Дорогой пастор Джейкобс!

Вы — моя последняя надежда.

Эти слова звучат безумно, но так оно и есть. Я пытаюсь связаться с Вами по настоящему моей

подруги Дженни Ноултон. Она — профессиональная медсестра и говорит, что никогда не верила в чудесные исцеления (хотя в Бога она верит). Несколько лет назад она пришла на одно из Ваших выступлений в Провиденсе, Род-Айленд, и Вы вылечили ее от артрита, такого сильного, что она с трудом сжимала и разжимала кулаки и «сидела» на оксиконтине. Она сказала мне: «Я убеждала себя, что иду только послушать Элла Стампера, потому что у меня есть все его старые пластинки. Но в глубине души, наверное, знала, зачем на самом деле пришла, потому что когда он спросил, есть ли желающие исцелиться, я встала в очередь». Она говорит, что когда Вы коснулись ее висков своими кольцами, у нее прошла не только боль в руках, но и зависимость от оксиконтинина. В это мне поверить еще труднее, чем в излечение от артрита, потому что в наших местах много наркоманов, и я знаю, как трудно «слезть» с наркотика.

Пастор Джейкобс, у меня рак легких. У меня вылезли все волосы от сеансов облучения, а от химиотерапии меня все время рвет (я похудела на 60 фунтов), но после всех этих адских процедур рак никуда не делся. Теперь врач предлагает операцию — удалить одно из легких, но моя подруга Дженни усадила меня напротив себя и сказала: «Я скажу тебе горькую правду, дорогая. Обычно они назначают операцию, когда уже слишком поздно. И они это знают, но все равно оперируют, потому что больше ничего не остается».

Я перевернул страницу. В висках у меня стучало. Впервые за многие годы мне захотелось ширнуться.

Под кайфом я смог бы взглянуть на подпись, ждущую меня внизу, не испытывая желания закричать.

«Дженни говорит, что почитала в интернете про примеры Ваших исцелений, и многие из них выглядят достоверно. Я знаю, что Вы больше не ездите по стране. Может быть, Вы ушли на покой, может, болеете, а может, даже умерли (молюсь, чтобы это было не так, и ради Вас, и ради себя). Так что я понимаю, что это все равно что бросить за борт послание в бутылке. Но что-то — не только Дженни — заставляет меня все-таки попробовать. В конце концов, иногда бутылку выбрасывает на берег, и кто-то находит послание.

Я отказалась от операции. Вы — действительно моя последняя надежда. Я знаю, насколько она призрачна и, наверно, даже глупа, но в Библии говорится: «Все возможно верующему». Я буду ждать ответа... или его отсутствия. В любом случае, да благословит Вас Бог.

*Ваша, с надеждой,
Астрид Содерберг.*

*Мэн, 04660, о-в Маунт-Дезерт,
Морган-Питч-роуд, 17.
(207) 555-6454».*

АСТРИД. ГОСПОДИ.

Астрид, через столько лет. Я закрыл глаза и увидел ее под пожарной лестницей, ее юное и прекрасное лицо, обрамленное капюшоном парки.

Я открыл глаза и прочитал приписку Джейкобса под ее адресом.

«Я видел ее медицинскую карту и последние снимки. Можешь в этом не сомневаться; как я писал в первом письме, у меня есть свои способы. Облучение и химиотерапия уменьшили опухоль в левом легком, но не уничтожили ее, и метастазы появились в правом легком. Ее положение очень серьезно, но я могу ее спасти. В этом ты тоже можешь мне верить. Но такие опухоли похожи на пожар в сухом кустарнике — они распространяются быстро. Времени у нее мало, так что решай сразу».

«Если времени так мало, — подумал я, — почему же ты не позвонил или хотя бы не прислал свой договор с дьяволом экспресс-почтой?».

Но я знал, почему. Он хотел, чтобы времени было мало, потому что его волновала не Астрид. Астрид была пешкой. Я, с другой стороны, был одной из фигур в заднем ряду. Почему — этого я не знал, но был уверен, что это так.

Письмо задрожало в моей руке, когда я читал последние строки.

«Если ты согласишься помочь мне в завершении работы этим летом, твоя давняя подруга (и, вероятно, любовница) будет спасена, и рак покинет ее тело. Если ты откажешься, я позволю ей умереть. Конечно, тебе это кажется жестоким и даже чудовищным. Но если бы ты понимал, насколько огромно значение моей работы, то воспринял бы все иначе. Да, даже ты! Мои номера телефонов, стационарного и мобильного, указаны ниже. Я пишу это, положив рядом листок с номером мисс Содерберг. Если ты мне

позвонишь — конечно, с благоприятным ответом, — я позвоню ей.

Решай сам, Джейми».

Я просидел на лестнице две минуты, глубоко дыша и стараясь замедлить сердцебиение. Я все думал о том, как ее бедра прижимались к моим, как пульсировал мой член, затвердев, словно прут арматуры, и как она одной рукой гладила мою шею и выпускала мне в рот табачный дым.

Наконец я встал и поднялся к себе, зажав в руке оба письма. Лестница была не длинная и не крутая, и я был в хорошей форме благодаря велосипеду, и все же мне пришлось дважды останавливаться, чтобы отдышаться, а рука у меня тряслась так, что пришлось держать ее второй, чтобы попасть ключом в скважину.

День был пасмурный, и в квартире было темно, но я не стал включать свет. То, что мне предстояло, лучше всего было сделать быстро. Я отцепил телефон от ремня, рухнул на диван и набрал мобильный номер Джейкобса. Раздался единственный гудок.

— Привет, Джейми, — откликнулся он.

— Мерзавец, — сказал я. — Чертова скотина.

— Я тоже рад тебя слышать. Что ты решил?

Много ли он знал о нас? Рассказывал ли я ему что-нибудь? А Астрид? Если нет, то сколько он сумел накопать? Этого я не знал, и это не имело значения. По его тону было ясно, что вопрос задан для проформы.

Я сказал ему, что немедленно приеду.

— Если хочешь, приезжай, конечно. Я буду рад. Но вообще-то ты мне не нужен до июля. Если ты не хочешь ее видеть... я имею в виду, такой, как сейчас...

— Я сяду в самолет, как только погода позволит. Если вы можете это сделать до моего приезда... вылечить ее... исцелить... то валяйте. Но не отпускайте ее, пока я ее не увижу. Ни в коем случае.

— Не доверяешь мне, а?

В голосе его слышалась глубокая печаль, но я не особо в нее поверил. Он всегда умел имитировать эмоции.

— С какой стати, Чарли? Я видел вас в деле.

Он вздохнул. Очередной порыв ветра сотряс здание, завывая под карнизом.

— Где вы остановились в Моттоне? — спросил я... но, как и Джейкобс, только для проформы. Жизнь — колесо, и она всегда возвращается в начальную точку.

XI

Козья гора. Она ждет. Дурные вести из Миссури.

Вот как вышло, что через полгода с небольшим после краткой реинкарнации «Хромовых роз» я снова приземлился в портлендском аэропорту и снова отправился на север, в округ Касл. Но на сей раз — не в Харлоу. Не доехав пяти миль до родного городка, я свернул с Девятого шоссе на дорогу, ведущую к Козьей горе. День был теплый, но несколько дней назад по Мэну тоже пронеслась весенняя метель, и повсюду слышны были звуки капли. Сосны и ели по-прежнему стояли у самой дороги, и их ветки гнулись под тяжестью снега. Но сама дорога была расчищена и мокро блестела на послеполюденном солнце.

Я на пару минут остановился в Лонгмедоу, где произошло столько пикников БЮМ, и задержался подольше у поворота, ведущего к Скайтопу. Не было времени доехать до развалюхи, где мы с Астрид потеряли девственность, да я бы все равно туда не поехал. Гравийную дорогу заменила асфальтированная, тоже расчищенная, но путь преграждали крепкие деревянные

ворота с висячим замком размером с орочий кулак. На случай, если до кого-то не дошло, имелась еще большая табличка: «Проход строго запрещен! Нарушители будут преследоваться по закону».

Проехав еще милю, я оказался перед сторожкой Козьей Горы. Дорога была открыта, но в будке сидел охранник в легкой куртке поверх коричневой формы. Куртка была расстегнута — то ли из-за тепла, то ли чтобы подъезжающим было лучше видно кобуру у него на бедре. Кобура была немаленькая.

Я опустил окно, но не успел охранник спросить мое имя, как дверь сторожки открылась, и вышел Чарли Джейкобс. Его мешковатая парка не могла скрыть, насколько он исхудал. Если в последнюю нашу встречу он был худым, то теперь — тощим. Мой пятый персонаж хромал еще сильнее, и даже если он считал, что улыбается теплой и радушной улыбкой, на самом деле левый уголок его рта едва приподнялся в зловещей ухмылке. «Инсульт», — подумал я.

— Джейми, рад тебя видеть!

Он протянул руку, и я пожал ее... хотя и не без колебаний.

— Я ждал тебя только завтра.

— В Колорадо быстро открывают аэропорты после бурь.

— Конечно, конечно. Подвезешь меня обратно? — Он кивнул в сторону охранника. — Сэм привез меня сюда в машине для гольфа, и в сторожке есть обогреватель, но я теперь легко мерзну, даже в такой почти весенний день. Помнишь, как мы называли весенний снег, Джейми?

— Удобрение для бедных, — сказал я. — Садитесь.

Джейкобс захромал к пассажирскому месту, резко сбросив руку Сэма, когда тот попытался взять его под локоть. Несмотря на онемевшее лицо и хромоту, он выглядел достаточно бодро. «Как человек, у которого есть цель», — подумал я.

Он уселся со стоном облегчения, включил обогреватель и начал растирать скрюченные руки над вентиляционным отверстием, словно греясь у открытого огня.

— Надеюсь, ты не против.

— На здоровье.

— Тебе это не напоминает подъезд к «Латчес»? — спросил он, все еще потирая руки с неприятным шуршанием, похожим на шорох бумаги. — Мне — да.

— Ну... если не считать этого.

Я указал налево, где когда-то проходила лыжная трасса средней сложности под названием «Туманная тропа». Или «Туманный поворот». Теперь один из кабелей подъемника оборвался, и пара кресел наполовину скрылась под сугробами, которые продержатся еще недель пять, если не установится теплая погода.

— Безобразие, — согласился он. — Но чинить смысла нет. Я велю убрать подъемники, как только сойдет снег. Вряд ли мне еще придется покататься на лыжах, верно? Ты приезжал сюда в детстве, Джейми?

Приезжал, раз пять-шесть, с Коном и Терри и их друзьями с равнин. Но я не мог больше вести светские беседы.

— Она здесь?

— Да, приехала около полудня. Ее привезла подруга, Дженни Ноултон. Они надеялись быть здесь еще вчера, но на востоке буря была намного сильнее. И прежде чем ты задашь следующий вопрос — нет, я ее еще не лечил. Бедняжка совершенно обессилена.

На это будет достаточно времени завтра, как и на то, чтобы ты с ней увиделся. Хотя можешь посмотреть на нее сегодня, если хочешь, когда она будет ужинать — сколько уж там сможет проглотить. В ресторане есть камеры наблюдения.

Я начал было говорить ему, что я об этом думаю, но он поднял ладонь.

— Спокойно, друг мой. Не я их поставил. Они там уже были, когда я купил имение. Наверное, начальство следило за тем, хорошо ли персонал исполняет свои обязанности.

Его кривая улыбка стала еще ехиднее. Может, мне это показалось, но вряд ли.

— Что, торжествуете? — спросил я. — Довольны, что затащили меня сюда?

— Нет, конечно.

Он полуобернулся, глядя на тающие сугробы по обе стороны дороги, потом снова повернулся ко мне.

— Ну... Может быть. Немного. В прошлый раз ты вел себя так заносчиво. Так надменно.

Сейчас я не ощущал в себе ни заносчивости, ни надменности. Я чувствовал себя загнанным в ловушку. В конце концов, я приехал из-за девушки, которую не видел больше сорока лет. Она сама купила свою судьбу, пачка за пачкой, в ближайшем магазинчике. Или в аптеке в Касл-Роке, где сигареты продавались за прилавком у самого входа. А если тебе нужны собственно лекарства — изволь идти в самую глубину. Очередная ирония судьбы. Я представил себе, как высаживаю Джейкобса у отеля и просто уезжаю. В этой идее была своя привлекательность.

— Вы бы правда позволили ей умереть?

— Да.

Он по-прежнему грел руки над вентиляционным окошком. Теперь я вообразил, как хватаю одну из них и ломаю искривленные пальцы один за другим, как хлебные палочки.

— Почему? Какого черта вы так в меня вцепились?

— Потому что ты — моя судьба. Наверное, я это понял еще тогда, в первый раз, когда ты копался в грязи на своем дворе, стоя на коленках. — Он говорил с терпеливой интонацией истинно верующего. Или сумасшедшего. На самом деле, может, разницы и нет. — И убедился в этом, когда ты появился в Талсе.

— Чем вы занимаетесь, Чарли? Для чего я вам нужен летом?

Я задавал этот вопрос не впервые, но были и другие, которые я не осмеливался произнести. «Насколько это опасно? Вы это знаете? Вам на это не плевать?»

Казалось, он раздумывает, отвечать или нет... но на самом-то деле я никогда не знал, о чем он думает. И тут впереди показался курорт «Козья гора» — еще больше, чем «Латчес», но уродливый и «по-современному» угловатый — взбесившийся Фрэнк Ллойд Райт. Может быть, богачам, приезжавшим сюда развлекаться в шестидесятых, он казался модерновым и даже футуристическим. Теперь дом был похож на кубистского динозавра со стеклянными глазами.

— Ага! — сказал Джейкобс. — Приехали. Можешь привести себя в порядок и отдохнуть. Мне так точно не помешает отдых. Я очень рад твоему визиту, Джейми, но это и несколько утомительно. Я определил тебя в люкс «Сноуи» на третьем этаже. Руди тебя проводит.

Руди Келли оказался гигантом в выцветших джинсах, просторном рабочем халате и мокасинах на каучуко-

вой подошве. Он сказал, что работает у Джейкобса сиделкой и личным помощником. Судя по габаритам, Келли был еще и телохранителем — во всяком случае, рукопожатие его не шло ни в какое сравнение с вялым потряхиванием, принятым у музыкантов.

Ребенком я бывал в вестибюле курортной гостиницы — как-то раз мы обедали там с Коном и семьей одного из его друзей (я смертельно боялся взять не ту вилку или закапать едой рубашку), — но наверх не поднимался ни разу. Лифт оказался дребезжащей развалиной, вроде тех старинных приспособлений, которые в страшных романах вечно застревают между этажами, так что я решил всегда ходить пешком, сколько бы ни пришлось тут пробыть.

Здание хорошо отапливалось (благодаря тайному электричеству Чарли Джейкобса, в этом я не сомневался), и кое-где видны были следы ремонта, но все они казались беспорядочными. Все лампы горели, паркет под ногами не скрипел, но в воздухе витало ощущение запустения. Люкс «Сноуи» находился в дальнем конце коридора. Вид из окон огромного номера был почти так же хорош, как и на Скайтопе, но тут и там на обоях виднелись водяные разводы, а запахи свежей краски и воска для пола, которые я ощутил в лобби, уступили место слабому аромату плесени.

— Мистер Джейкобс хотел бы отужинать с вами у него в номере в шесть часов, — сказал Руди. Он говорил мягко и спокойно, но выглядел, как заключенный из киношки про тюрьму. Причем не тот, который спланировал побег, а смертник, готовый убить любого охранника, вставшего у беглецов на пути. — Вы не против?

— Вовсе нет, — ответил я и запер за ним дверь.

Я принял душ — напор был мощным, и горячая вода пошла сразу же — и начал раскладывать вещи. Когда с этим было покончено, до ужина оставалось еще немного времени, и я завалился на покрывало двуспальной кровати. Предыдущую ночь я почти не спал, а в самолетах и вовсе никогда не мог заснуть, так что подремать бы не помешало. Впрочем, отключиться мне так и не удалось. Я все думал об Астрид: какой она была, какой стала. Астрид, которая находилась в этом же здании, только тремя этажами ниже.

Когда без двух минут шесть Руди осторожно постучал в дверь, я был уже одет. На мое предложение воспользоваться лестницей вместо лифта он отреагировал снисходительной улыбкой — дескать, по тебе сразу видно: слабак.

— Лифт абсолютно безопасен. Мистер Джейкобс лично контролировал ремонт некоторых участков, в том числе лифта.

Я не стал возражать. Я думал о том, как же так вышло, что мой старый пятый персонаж перестал быть преподобным, Препом и пастором. На этом жизненном отрезке он вернулся к «мистеру», а давление ему измеряет чувак, похожий на Вина Дизеля после неудачной подтяжки лица.

Номер Джейкобса располагался на первом этаже западного крыла. Он переоделся в темный костюм, под которым виднелась белая рубашка с расстегнутым воротником. Чарльз поднялся поприветствовать меня, ухмыляясь своей перекошенной улыбкой.

— Спасибо, Руди. Скажешь Норме, что через пятнадцать минут можно нести еду, хорошо?

Руди кивнул и вышел. Джейкобс повернулся ко мне и снова потер руки с этим неприятным шуршащим

звук. За окном, без освещения и лыжников, бороздящих весенний снег, спускалась в темноту лыжная трасса — дорога в никуда.

— Боюсь, будет только суп и салат. Я отказался от мяса два года назад. От него мозги заплывают жиром.

— Суп и салат сойдут.

— И еще хлеб на Норминой закваске. Пальчики оближешь.

— Звучит аппетитно. Я хочу увидеть Астрид, Чарли.

— Норма накроет стол для них с Дженни Ноултон около семи. Когда они поедят, Дженни даст Астрид обезболивающее и поможет с вечерним туалетом. Я предлагал мисс Ноултон помощь Руди, но она и слышать об этом не пожелала. Увы, Дженни Ноултон, похоже, мне больше не доверяет.

Я вспомнил письмо Астрид.

— Даже несмотря на то, что вы излечили ее от артрита?

— О, тогда я был пастором Дэнни. Теперь, когда я избавился от необходимости расставлять религиозные капканы — и рассказал им об этом, потому что чувствовал, что так надо, — мисс Ноултон стала подозрительной. Вот что творит правда, Джейми. Она делает людей подозрительными.

— А у Дженни были... последствия?

— Никаких. Ей просто неудобно от того, что ее лишили всей этой истории с чудесным исцелением. Но раз уж ты заговорил о последствиях, позволь мне кое-что показать тебе в кабинете. Как раз есть время, пока не принесли ужин.

Кабинетом оказался небольшой альков рядом с гостиной. Компьютер Джейкобса был включен. По

огромному дисплею все так же бесконечно галопировали лошади. Он сел, поморщившись от боли, и нажал на клавишу. Лошади уступили место голубому рабочему столу, на котором находились лишь две папки. Одна называлась А, вторая — Б.

Он кликнул по первой, открыв список имен и адресов в алфавитном порядке. Он нажал еще одну клавишу, и список начал медленно прокручиваться.

— Знаешь, кто это?

— Полагаю, исцеленные.

— Подтвержденные случаи, все — благодаря непосредственному воздействию электрического тока на мозг. Не того тока, впрочем, с которым работают электрики. Больше трех тысяч человек. Поверишь мне на слово?

— Да.

Он повернулся ко мне, хотя это движение определенно причинило ему боль.

— Уверен?

— Да.

Удовлетворившись ответом, он закрыл папку А и открыл папку Б. Снова имена и адреса, и на этот раз список прокручивался достаточно медленно, чтобы я узнал некоторые из них. Стефан Дрю, лунатик. Эмиль Кляйн, дегустатор грязи. Патриция Фармингдейл, насыпавшая соли себе в глаза. Этот список оказался гораздо короче первого. Прежде чем он закончился, я успел увидеть в нем имя Роберта Райварда.

— А это те, кто испытывал ощутимые последствия лечения. Всего восемьдесят семь человек. Как я уже, по-моему, говорил тебе в день последней нашей встречи, это меньше трех процентов от общего числа. Когда-то второй список состоял из ста семидесяти имен, но у

многих из них проблемы закончились — как выражаются врачи, произошло самоизлечение. Как в твоём случае. Я перестал следить за своими пациентами восемь месяцев назад, иначе, уверен, второй список стал бы еще короче. Способности человеческого тела восстанавливаться после травм феноменальны. При правильном воздействии нового вида электричества на кору мозга и нервные окончания эти возможности практически безграничны.

— Кого вы пытаетесь убедить? Меня или себя?

Он с отвращением выдохнул.

— Всего лишь пытаюсь успокоить, наконец, твою душу. Мне бы хотелось, чтобы мой помощник работал искренне, а не через силу.

— Я здесь и сделаю все, что обещал... если вы вылечите Астрид. Давайте остановимся на этом.

В дверь тихо постучали.

— Войдите, — сказал Джейкобс.

У вошедшей женщины была пухлая фигура доброй бабушки из детских сказок и глаза-бусинки хамки-продавщицы. Она поставила поднос на стол в гостиной, сложила руки на груди поверх черного платья и застыла в ожидании. Джейкобс поднялся, снова скривившись от боли, и покачнулся. Первое, что я сделал как его помощник — по крайней мере, на этом жизненном отрезке, — поймал его за локоть. Он поблагодарил меня и вышел из кабинета.

— Норма, позволь представить тебе Джейми Мортонa. Он останется с нами как минимум до завтрака, а потом вернется летом на более долгий срок.

— Приятно познакомиться, — сказала она и протянула мне руку. Я пожал ее.

— Ты даже не представляешь, чего стоит это рукопожатие для Нормы, — сказал Джейкобс. — Она с детства испытывала глубокую неприязнь к физическим контактам с другими людьми. Верно, дорогая? Проблема, как видишь, не физическая, а психологическая. Тем не менее, она от нее избавилась. Я нахожу это интересным, а ты?

Я сказал Норме, что рад ее видеть, задержав ее руку в своей чуть дольше, чем следовало. Увидел беспокойство в ее глазах и отпустил: проблема ушла, но, похоже, не совсем. Это мне тоже показалось интересным.

— Мисс Ноултон говорит, что сегодня она приведет вашу пациентку на ужин чуть раньше обычного, мистер Джейкобс.

— Все в порядке, Норма. Спасибо.

Она ушла. Мы поужинали. Еда была легкой, но в животе все равно осела тяжесть. Мои нервы обострились до предела, обжигая кожу. Джейкобс ел медленно, словно издеваясь, но, в конце концов, отставил в сторону пустую тарелку. Он потянулся было за еще одним куском хлеба, потом взглянул на часы и отодвинулся от стола.

— Идем, — сказал он. — Думаю, тебе пора увидеться со старой подружкой.

На двери напротив висела табличка: «Вход только для сотрудников». Джейкобс провел меня через большой холл, меблированный голыми столами и пустыми стеллажами. Дверь в сам кабинет была заперта.

Он сказал:

— Не считая круглосуточной охраны, которую обеспечивает агентство, мой штат состоит лишь из Руди и

Нормы. И хотя я доверяю им обоим, но предпочитаю не искушать. А понаблюдать за тем, кто об этом не подозревает — сильное искушение, верно ведь?

Я не ответил. Не уверен, что смог бы выдавить хоть слово. Рот у меня пересох, как старый ковер. В кабинете была дюжина мониторов — в три ряда по четыре штуки. Джейкобс нажал кнопку на том, на котором значилось «Ресторан, 3 камера».

— Вроде бы этот.

Голос у него был веселый, как у помеси пастора Дэнни и ведущего телешоу.

Казалось, прошла вечность, прежде чем на экране появилась черно-белая картинка. Ресторан был большой, столиков на пятьдесят, не меньше, но занят был только один. За ним сидели две женщины, но сперва я увидел только Дженни Ноултон, потому что вторую заслонила Норма, наклонившись, чтобы поставить перед ними тарелки с супом. Дженни оказалась симпатичной темноволосой женщиной за пятьдесят. Я увидел, как она беззвучно шевельнула губами, благодаря Норму. Та кивнула, выпрямилась, отошла от стола, и я увидел то, что осталось от моей первой возлюбленной.

Если бы я писал любовный роман, то сказал бы что-то вроде «Несмотря на неизбежные перемены, вызванные возрастом и разрушительным действием болезни, ее красота осталась нетленной». Хотел бы я так написать, но если сейчас начать врать, то грош цена всему, что уже рассказано.

Астрид превратилась в старуху в инвалидном кресле. Темные глаза безучастно смотрели с бледного изможденного лица на еду, которая явно ее не интересовала. Компаньонка надела ей на голову нечто вроде

шотландского берета, но тот сполз набок, обнажив лысый череп с белесой щетиной.

Она взяла ложку исхудавшей рукой, состоявшей из одних жил, но тут же положила обратно. Темноволосая женщина начала уговаривать. Бледное существо кивнуло. При этом берет упал с головы, но Астрид, похоже, этого не заметила. Она зачерпнула ложкой суп и медленно поднесла ее к губам. Большая часть груза потерялась по дороге. Она проглотила оставшееся, выпятив губы так, что я вспомнил, как покойный Бартлби брал из моей руки дольку яблока.

У меня подкосились колени. Если бы перед мониторами не было стула, я бы рухнул на пол. Джейкобс стоял рядом, заложив изуродованные руки за спину и покачиваясь взад-вперед с легкой улыбкой на лице.

И поскольку это правдивый рассказ, а не любовный роман, я должен сказать, что почувствовал подступающее облегчение. Мне не придется выполнять свою часть сделки с дьяволом, потому что женщина в инвалидном кресле не может выздороветь. Рак — настоящий питбуль, и он сжал ее в своих неумолимых челюстях. И не собирался останавливаться, пока не разорвет на части.

— Выключите, — прошептал я.

Джейкобс подался ко мне.

— Что-что? Прошу прощения, слух у меня не такой, как ког...

— Вы меня прекрасно слышали, Чарли. Выключите. Он выполнил мою просьбу.

Мы целовались под пожарной лестницей амбара «Эврика №7», и на нас падал снег. Астриддохнула табачным дымом мне в рот, и кончик ее языка заскользил

туда-сюда по моей нижней губе, а потом пробрался внутрь и принялся ласкать край десны. Я сжимал рукой ее грудь, хотя через толстую куртку мало что можно было нащупать.

«Целуй меня вечно, — думал я. — Целуй меня вечно, чтобы мне никогда не пришлось увидеть, что сделало с нами время и во что ты превратилась».

Но ни один поцелуй не длится бесконечно. Она оторвалась от меня, и я увидел под меховой опушкой капюшона пепельно-серое лицо, тусклые глаза, обвисший рот. Язык, только что побывавший у меня во рту, почернел и разлагался. Я целовался с трупом.

Или нет, потому что губы его искривила улыбка.

— Что-то случилось, — сказала Астрид. — Верно, Джейми? Что-то случилось, и Мать скоро будет здесь.

Я дернулся, охнул и проснулся. В постель я ложился в трусах, но теперь стоял в углу голый. В правой руке у меня была авторучка с ночного столика, и я тыкал ей в левое предплечье, где уже образовалось маленькое, но быстро растущее созвездие синих точек. Я уронил ручку на пол и, шатаясь, попятился.

«Стресс, — подумал я. — На сеансе в округе Норрис к Хью вернулась «призматика» в результате стресса, и ты сегодня тоже пережил стресс. И потом, ты хоть не сыплешь соль себе в глаза. И не просыпаешься во дворе с полным ртом земли».

Была четверть пятого — тот мертвый предутренний час, когда снова засыпать уже поздно, а вставать еще рано. Я вытащил книгу из меньшей из двух сумок, уселся у окна и раскрыл ее. Глазами я скользил по строчкам так же, как ел Нормин суп и салат: не ощу-

щая вкуса. Наконец я сдался и просто смотрел в темноту, дожидаясь рассвета.

Он настал нескоро.

Я позавтракал в люксе Джейкобса. Если, конечно, можно назвать завтраком полчашки чаю и один тост. Зато Чарли оприходовал мисочку с фруктами, яичницу и приличную порцию жареной картошки. Куда только все это девалось, при его-то худобе? На столе у двери стояла шкатулка красного дерева. В ней, как он сообщил, находились его инструменты для исцеления.

— Кольцами я больше не пользуюсь. После окончания моей гастрольной карьеры в них нет нужды.

— Когда вы начнете? Я хочу поскорей с этим покончить и убраться отсюда.

— Очень скоро. Твоя старая подруга дремлет целыми днями, но по ночам спит плохо. Последняя ночь прошла для нее особенно беспокойно, потому что я велел мисс Ноултон не давать ей обезболивающего в полночь — оно подавляет мозговые импульсы. Мы займемся этим делом в Восточной комнате. В это время суток она — моя любимая. Если бы мы с тобой не знали, что Бог — не что иное, как прибыльная и самодостаточная концепция мировых церквей, утренний свет мог бы снова превратить нас в верующих.

Он наклонился вперед и серьезно взглянул на меня.

— Ты можешь в этом не участвовать. Я видел, как ты вчера расстроился. Мне понадобится твоя помощь будущим летом, но сегодня утром моим ассистентом может побыть Руди или миссис Ноултон. Давай ты приедешь завтра? Загляни пока в Харлоу. Навести брата и его семью. Думаю, вернувшись сюда, ты заставишь совершенно другую Астрид Содерберг.

В каком-то смысле этого я и боялся, потому что после отъезда из Харлоу Чарли Джейкобс поднаторел в мошенничестве. Будучи пастором Дэнни, он предъявлял публике свиную печенку под видом удаленных опухолей. Такой послужной список не возбуждал доверия. Мог ли я быть полностью уверенным, что женщина в инвалидном кресле — действительно Астрид Содерберг?

Мое сердце говорило, что да; мозг говорил сердцу: будь осторожней и никому не доверяй. Эта Ноултон может быть сообщницей — подсадкой, как говорят ярмарочники. В ближайшие полчаса меня ждало непростое испытание, но я не собирался сбежать, позволив Джейкобсу инсценировать излечение. Конечно, для этого ему понадобилась бы настоящая Астрид, но после стольких лет успешной ярмарочной карьеры он, наверно, сумел бы это устроить, особенно если моя бывшая подруга к старости оказалась в сложном финансовом положении.

Да, конечно, сценарий маловероятный. Но главное — я считал себя обязанным довести дело до, несомненно, печального конца.

— Я останусь.

— Как хочешь. — Он улыбнулся, и хотя один уголок его рта так и не смог приподняться, на этот раз в улыбке не было ни тени насмешки. — Приятно будет снова с тобой поработать. Как в старые добрые времена в Талсе.

В дверь негромко постучали. Вошел Руди.

— Женщины в Восточной комнате, мистер Джейкобс. Мисс Ноултон говорит, что они готовы. Говорит, чем скорей, тем лучше, потому что мисс Содерберг неважно себя чувствует.

Я не отставал от Джейкобса, идя со шкатулкой под мышкой к дверям Восточной комнаты. И только на пороге нервы меня подвели, и я пропустил его вперед, оставшись в дверях.

Он ничего не заметил. Все его внимание — как и значительные запасы обаяния — было сосредоточено на женщинах.

— Дженни и Астрид! — сердечно воскликнул он.
— Мои две любимые дамы!

Дженни Ноултон символически прикоснулась к его протянутой руке — я успел разглядеть, что пальцы у нее были прямые, без видимых следов артрита. Астрид даже не пыталась пожать ему руку. Она смотрела на него снизу из своего инвалидного кресла. Нижнюю половину ее лица прикрывала кислородная маска, рядом на тележке стоял баллон с кислородом.

Дженни что-то сказала Джейкобсу так тихо, что я не расслышал, и он с энтузиазмом закивал.

— Да, времени терять нельзя. Джейми, будь добр...

Он оглянулся, заметил мое отсутствие и нетерпеливо поманил меня к себе.

Мне нужно было сделать всего несколько шагов к центру комнаты, залитой ярким утренним светом, но путь показался мне очень долгим. Я словно бы шел под водой.

Астрид взглянула на меня без интереса, как человек, тратящий все силы на борьбу с болью. Она ничем не показала, что узнала меня, и снова опустила взгляд на свои колени. Я испытал мимолетное облегчение. И тут ее голова дернулась, и челюсть отпала под кислородной маской. Она закрыла лицо руками, роняя маску. Думаю, не только от потрясения. В основном — от ужаса, что я вижу ее такой.

Она бы так и пряталась за руками, но сил у нее было мало, и кисти безвольно упали на колени. Астрид плакала. Слезы омыли ее глаза, вернув им молодость. Если у меня и были какие-то сомнения, теперь они развеялись. Конечно, это была Астрид. Та же юная девушка, которую я любил, но теперь заключенная в теле старой развалины.

— Джейми? — Голос у нее был хриплый, как у галки.

Я встал на одно колено, словно собираясь сделать предложение.

— Да, моя хорошая. Это я.

Взяв ее за руку, я поцеловал ладонь. Она была холодная.

— Пожалуйста, уходи. Я не хочу, чтобы ты... — Она со свистом втянула дыхание. — ...видел меня в таком состоянии. Я вообще не хочу, чтобы кто-нибудь меня такой видел.

— Все в порядке.

«Потому что Чарли тебя вылечит», — хотел я сказать, но не смог. Астрид никто уже не мог помочь.

Джейкобс отвел Дженни в сторону и беседовал с ней, давая нам возможность поговорить с глазу на глаз. Это-то и было страшнее всего — то, что иногда он вел себя так деликатно.

— Сигареты, — сказала она своим хриплым галочьим голосом. — Какой дурацкий способ себя угробить. И самое глупое — я ведь знала, что это вредно. Все это знают. Хочешь, насмешу? Меня до сих пор тянет покурить. — Она засмеялась, и смех перешел в приступ кашля, который явно причинял ей боль. — Я протащила сюда контрабандой три пачки. Дженни на-

шла их и отобрала. Как будто это еще имеет какое-то значение.

— Т-с-с-с, — сказал я.

— Я бросала. На целых семь месяцев. Если бы ребенок не умер, я бы и не начинала снова. Что-то...

— Она со свистом втянула в себя воздух. — Что-то заставляет нас это делать. Вот что я думаю.

— Я так рад тебя видеть.

— Как ты складно врешь, Джейми. Чем он тебя шантажирует?

Я промолчал.

— Ладно, неважно. — Она положила руку мне на затылок, как когда-то в юности, когда мы миловались под лестницей, и на одно ужасное мгновение я решил, что сейчас она поцелует меня этим умирающим ртом.

— Волосы у тебя все такие же густые и красивые. А я облысела от химиотерапии.

— Ничего, обрастешь.

— Нет. Все это... — Она обвела взглядом комнату. В груди у нее что-то посвистывало, как детская игрушка-пищалка. — Мартышкин труд. И мартышка тут я. Джейкобс вернулся вместе с Дженни.

— Пора приступать.

Он повернулся к Астрид:

— Это совсем недолго, дорогая, и больно тебе не будет. Ты скорее всего потеряешь сознание, но большинство людей этого не чувствует.

— Я бы с удовольствием потеряла сознание навсегда, — ответила Астрид со слабой улыбкой.

— Нет, нет, даже не думай об этом. Я никогда не даю полной гарантии, но думаю, что очень скоро тебе станет намного лучше. Начнем, Джейми. Открывай шкатулку.

Я открыл ее. Внутри в своих бархатных гнездах лежали два коротких стальных стержня с наконечниками из черного пластика и белый пульт с ползунком-переключателем. Он был в точности похож на тот, которым пользовался Джейкобс в день, когда мы с Клер привели к нему Кона. У меня промелькнула мысль, что в комнате находятся три идиота и один псих.

Джейкобс вытащил стержни из гнезд и сдвинул вместе пластиковые наконечники.

— Джейми, возьми пульт и передвинь переключатель, совсем чуть-чуть. Ты услышишь щелчок.

Я послушался, и он развел наконечники. Проскочила яркая голубая искра, и раздался мощный гул. Он исходил не от стержней, а из дальнего угла — словно бы странное электрическое чревоушание.

— Отлично, — сказал Джейкобс. — Можно начинать. Дженни, положите руки на плечи Астрид. У нее начнутся судороги, а мы ведь не хотим, чтобы она очутилась на полу.

— Где ваши святые кольца? — спросила Дженни. С каждой секундой в ее голосе и выражении лица росло сомнение.

— Эти штуки лучше, чем кольца. Мощнее. Более святые, если хотите. Руки на плечи, пожалуйста.

— Смотрите не убейте ее током!

Своим хриплым, как у галки, голосом Астрид сказала:

— Это меня меньше всего пугает, Джен.

— Не убью, — сказал Джейкобс, переходя на тон, каким обычно читал лекции. — Это невозможно. При ЭШТ — шоковой терапии, проще говоря, — врачи используют напряжение в сто пятьдесят вольт, провоцируя большой эпилептический припадок. Но этот

прибор... — Он сдвинул стержни вместе. — Даже на полной мощности его ток едва сдвинул бы с нуля стрелку вольтметра. Энергия, которую я собираюсь использовать, — энергия, присутствующая в этой комнате, окружающая нас в этот самый момент, — не может быть измерена обычными инструментами. Она, по сути, непознаваема.

«Непознаваема» — отнюдь не то слово, которое мне хотелось бы услышать.

— Пожалуйста, давайте уже начнем, — сказала Астрид. — Я очень устала, и в груди у меня сидит крыса. К тому же горящая.

Джейкобс взглянул на Дженни. Она заколебалась.

— На сеансах все было совсем иначе. Совсем!

— Может, и так, — сказал Джейкобс, — но это все равно возрождение. Вы увидите. Положите руки ей на плечи, Дженни. Приготовьтесь надавить изо всех сил. Ей не будет больно.

Она выполнила его инструкцию.

Джейкобс перешел ко мне.

— Когда я приложу кончики стержней к вискам Астрид, передвинь ползунок. Считай щелчки. Когда услышишь четвертый, остановись и жди новых указаний. Готов? Поехали.

Он приложил наконечники к провалам ее висков, где пульсировали нежные голубые жилки. Голосом воспитанной девочки Астрид сказала: «Я так рада тебя видеть, Джейми». И закрыла глаза.

— Она может повести себя беспокойно, так что будьте готовы ее удержать, — напомнил Джейкобс Дженни. — Давай, Джейми.

Я передвинул ползунок. Щелк... щелк... щелк... щелк.

Ничего.

«Стариковские бредни, — подумал я. — Что бы он там ни делал в прошлом, сейчас он уже ничего не мо...»

— Еще два щелчка, пожалуйста, — отчеканил Джейкобс.

Я так и сделал. Снова ничего. Под весом рук Дженни у себя на плечах Астрид совсем сгорбилась. Дышала она с таким свистом, что больно было слушать.

— Еще один щелчок, — сказал Джейкобс.

— Чарли, я уже почти дошел до ко...

— Ты меня слышишь?! Еще один!

Я сдвинул ползунок. Послышался еще один щелчок, и на этот раз жужжание в дальнем конце комнаты намного усилилось: из «мммм» оно переросло в «ММ-МАУУУ». Никакой видимой вспышки не последовало (по крайней мере, я ее не помню), но на мгновение я все равно ослеп: в недрах моего мозга будто бы взорвалась глубинная бомба. Кажется, Дженни Ноултон вскрикнула. Я смутно увидел, как в инвалидном кресле дернулась Астрид, да так сильно, что отбросила Дженни — далеко не пушинку — и едва не сбила ее с ног. Ножки-палочки Астрид дернулись вперед, расслабились, снова дернулись. Завыла охранная сигнализация.

В комнату вбежал Руди, за ним — Норма.

— Я же тебе сказал выключить эту чертову штуковину! — заорал Джейкобс на Руди.

Астрид вскинула руки вверх. Одна чуть не вмазалась в лицо Дженни, которая вернулась, чтобы снова надавить Астрид на плечи.

— Виноват, мистер Джейкобс...

— Выключи сигнализацию, идиот!

Вырвав у меня пульт, Чарли вернул ползунок в исходное положение. Астрид сдавленно забулькала.

— Пастор Дэнни, она задыхается! — закричала Дженни.

— Ерунда! — бросил Джейкобс. Щеки его порозовели, глаза сияли. Он будто помолодел на двадцать лет. — Норма! Позвони в сторожку! Скажи им, что сигнализация сработала случайно!

— Может, мне...

— Ну же! Бегом! Бегом, чтоб тебя!

Она убежала.

Глаза Астрид открылись, только это были не глаза — одни выпученные белки. Еще раз дернувшись, она начала соскальзывать с кресла, не переставая бить ногами. Она молотила по воздуху руками, словно тонущий пловец. А сигнализация все выла и выла. Ухватив Астрид за бедра, я вернул ее в кресло, пока она не оказалась на полу. Ее брюки потемнели в паху, и в нос мне ударил резкий запах мочи. Посмотрев вверх, я увидел, что в уголке рта Астрид запузырилась пена. Она стекала по подбородку и падала на воротник ее блузки, от чего тот тоже потемнел.

Сигнализация смолкла.

— Слава тебе, Господи, — сказал Джейкобс. Положив руки на ляжки, он наклонился вперед и наблюдал за конвульсиями Астрид с интересом, но без тревоги.

— Нам нужен доктор! — крикнула Дженни. — Мне ее не удержать!

— Вздор, — бросил Джейкобс. На его губах играла полуулыбка (другой у него не получалось). — Вы думали, что будет легко? Господи, ведь это же рак. Подождите минутку, и она...

— В стене есть дверь, — промолвила Астрид.

Из ее голоса исчезла хрипота. Глаза вернулись в нормальное положение... но не вместе, а один за другим. А вернувшись, уставились на Джейкобса.

— Вы эту дверь не увидите. Ее увил плющ. Мертвый плющ. А там, на другой стороне, над разрушенным городом и бумажным небом ждет Она.

Вообще-то в буквальном смысле кровь не может застыть в жилах, но моя, похоже, нарушила это правило. «Что-то случилось, — подумал я. — Что-то случилось, и Мать скоро будет здесь».

— Кто? — спросил Джейкобс, взяв Астрид за руку. Его полуулыбку как ветром сдуло. — Кто ждет?

— Да. — Астрид не спускала глаз с Джейкобса. — Она.

— Кто, Астрид? Кто?

Она помолчала, а потом ее губы растянулись в жуткой ухмылке, обнажившей все зубы.

— Не та, кто нужен вам.

Он отвесил ей пощечину. Голова Астрид откинулась в сторону. Полетела слюна. Вскрикнув от неожиданности, я схватил Джейкобса за руку, когда тот поднял ее для очередного удара. Я его остановил, но с большим трудом: он оказался сильнее, чем я мог себе представить. Такую силу может придать истерия. Или всплеск ярости.

— Не смейте ее бить! — закричала Дженни. Убрав руки с плеч Астрид, она обходила кресло, чтобы помешать Джейкобсу. — Не смейте, псих вы эда...

— Хватит, — сказала Астрид. Тихо, но четко. — Успокойся, Дженни.

Дженни оглянулась. От увиденного глаза ее округлились: на бледных щеках Астрид проступил румянец.

— Почему ты на него кричишь? Что-то случилось?

«Да, — подумал я. — Что-то случилось. Что-то определенно случилось».

Астрид повернулась к Джейкобсу.

— Когда вы начнете? Лучше поспешите, потому что боль очень... очень...

Мы втроем усталились на Астрид. Даже не втроем — впятером: в дверях Восточной комнаты уже стояли Руди с Нормой, и они тоже смотрели во все глаза.

— Подождите, — сказала Астрид. — Одну минутку.

Она принялась себя ощупывать. Накрыла ладонями иссохшие грудки. Нажала на живот.

— Вы уже закончили, так ведь? Я это точно знаю, потому что боль ушла! — Она набрала в легкие воздух и выдохнула его с ошеломленным смешком. — И я могу дышать! Дженни, я снова могу дышать!

Дженни Ноултон упала на колени, приложила ладони к вискам и затараторила «Отче наш», словно пластинка-сорокапятка на удвоенной скорости. Ей вторил еще один голос. Нормин. Она тоже стояла на коленях.

Джейкобс бросил на меня озадаченный взгляд, прочитать который было несложно: «Вот видишь, Джейми? Всю работу делаю я, а вся хвала достается Небесному Папаше».

Астрид попыталась встать, но исхудавшие ноги ее не держали. Я поймал и обнял ее, не дав ей упасть ничком.

— Еще рано, солнышко, — сказал я. — Ты слишком слаба.

Она таращилась на меня, пока я возвращал ее в кресло. Забытая кислородная маска съехала с ее лица и теперь висела на шее.

— Джейми? Это ты? Что ты здесь делаешь?

Я посмотрел на Джейкобса.

— Потеря краткосрочной памяти после лечения — обычное явление, — сказал он. — Астрид, кто у нас сейчас президент?

Вопрос, казалось, ее озадачил, но ответила она без колебаний:

— Обама. Вице-президент — Байден. Мне правда лучше? И это надолго?

— Да и да, но оставим это. Скажи мне...

— Джейми? Это на самом деле ты? У тебя так волосы побелели!

— Да, — ответил я, — и чем дальше, тем белее. Послушай Чарли.

— Я по тебе с ума сходила, — сказала она, — и хотя играть ты умел, хорошо танцевать у тебя получалось только под кайфом. После выпускного мы ужинали в «Старленде», и ты заказал... — Она запнулась и облизала губы. — Джейми?

— Я здесь.

— Я могу дышать. Я снова могу дышать!

Астрид плакала.

Джейкобс щелкнул пальцами у нее перед лицом, словно гипнотизер.

— Сосредоточься, Астрид. Кто тебя сюда привез?

— Дж-Дженни.

— Что ты вчера ела на ужин?

— Зуб. Зуб и салат.

Он снова щелкнул пальцами перед ее блуждающими глазами. Астрид моргнула и отпрянула. Казалось, мышцы у нее под кожей крепились прямо на глазах. Это было чудесно и в то же время страшно.

— Суп и салат.

— Прекрасно. Что еще за дверь в стене?

— Дверь? Я не...

— Ты сказала, что она увита плющом. И что на другой стороне разрушенный город.

— Я... не помню.

— Ты сказала, она ждет. И что... — Всмотревшись в непонимающее лицо Астрид, Джейкобс вздохнул. — Неважно. Тебе надо отдохнуть, дорогая моя.

— Да, наверное, — ответила Астрид, — но больше всего мне хочется танцевать. Танцевать и веселиться.

— Всею свое время. — Джейкобс потрепал ее по руке. Он улыбался, но я подозревал, что он глубоко раздосадован неспособностью Астрид вспомнить про дверь и город. Мне же совсем не хотелось знать, что она увидела, когда по самым укромным закоулкам ее мозга проносилось тайное электричество. Мне не хотелось знать, что таилось за скрытой дверью, о которой она говорила, но, к своему ужасу, я это, кажется, знал.

Мать.

Над бумажным небом.

Астрид проспала все утро и большую часть дня. Проснувшись, она заявила, что голодна как волк. Это обрадовало Джейкобса, и он велел Норме Голдстоун принести «нашей пациентке» сэндвич с расплавленным сыром и маленький кусочек торта без глазури. Он считал, что глазурь будет слишком большой нагрузкой для ее измученного желудка. Мы с Джейкобсом и Дженни следили за тем, как Астрид поглощала весь сэндвич и половину торта. Наконец она отложила вилку.

— Я бы и остальное съела, — объявила она, — но не лезет.

— Не торопись, — сказала Дженни. Она все время теребила салфетку, расстеленную у нее на коленях,

и, похоже, не могла подолгу смотреть на Астрид, а на Джейкобса и вовсе не глядела. Это она придумала обратиться к нему, и не сомневаюсь, что ее радовала перемена к лучшему в состоянии подруги, но было очевидно, что увиденное накануне в Восточной комнате глубоко потрясло ее.

— Я хочу домой, — сказала Астрид.

— Солнышко, я даже не знаю...

— Сил у меня уже достаточно. Правда.

Астрид бросила извиняющийся взгляд на Джейкобса.

— Я, конечно, вам очень благодарна и буду помнить вас в молитвах до конца жизни, но мне хочется домой. Если только вы не...

— Нет-нет, — сказал Джейкобс. Я заподозрил, что ему и самому не терпелось от нее избавиться теперь, когда дело было сделано. — Нет лучшего лекарства, чем сон в собственной постели. И если вы выедете в ближайшее время, то попадете домой вскоре после заката.

Дженни больше не возражала и снова начала теревить салфетку. Но до того, как она опустила голову, я успел заметить облегчение на ее лице. Она хотела уехать не меньше Астрид, хотя, возможно, по другим причинам.

Вернувшийся к Астрид румянец был лишь частью происшедших с ней перемен. Она сидела в своем кресле прямо, глаза были ясные и внимательные.

— Не знаю, как мне вас благодарить, мистер Джейкобс, и уж точно не представляю, чем вам отплатить. Но если вам когда-нибудь что-нибудь понадобится — только скажите, и я сделаю все, что смогу.

— Вообще-то есть несколько таких вещей. — Он принялся загибать искривленные пальцы правой руки.

— Ешь. Спи. Старайся восстановить силы. Сможешь?

— Да. Конечно. И больше я в жизни не возьму в рот сигарету.

Он отмахнулся.

— Тебе и не захочется. Верно, Джейми?

— Скорей всего нет, — сказал я.

— Мисс Ноултон?

Она дернулась, будто он ущипнул ее за зад.

— Астрид должна найти физиотерапевта, или вы должны найти его для нее. Чем скорее она встанет с этого чертова кресла, тем лучше. Правильно я говорю? Шарик у меня крутится куда надо, как мы раньше говорили?

— Да, пастор Дэнни.

Он нахмурился, но не поправил ее.

— И еще кое-что вы можете сделать для меня, милые дамы, и это очень важно: не упоминайте моего имени. У меня в ближайшие месяцы будет много работы, и меньше всего мне нужны тут толпы больных в надежде на исцеление. Вы меня поняли?

— Да, — сказала Астрид.

Дженни кивнула, не поднимая глаз.

— Астрид, когда ты придешь к своему врачу и он выразит изумление — а он непременно его выразит, ты скажешь ему только, что молилась о ремиссии и получила ответ на свои молитвы. Его вера или неверие в эффективность молитвы не имеет значения; в любом случае он будет вынужден поверить в то, что увидит на снимках. Не говоря уже про твое счастливое, улыбающееся лицо. Счастливое и здоровое.

— Хорошо. Как скажете.

— Давай я отвезу тебя в номер, — сказала Дженни.
— Если мы уезжаем, то пора собираться.

«Выпустите меня отсюда» — вот каков был подтекст. И в этом они с Чарли были полностью едины. Шарики у них крутились куда надо.

— Хорошо. — Астрид робко взглянула на меня.
— Джейми, принесешь мне колу? Я хочу с тобой поговорить.

— Хорошо.

Джейкобс проводил взглядом Дженни и Астрид,двигающихся через пустой ресторан к дальней двери, и повернулся ко мне.

— Ну так что? Сделка в силе?

— Да.

— И ты не устроишь мне СНЮ?

«СНЮ» на ярмарочном сленге значило «свинтить на юг», то есть свернуть шатер и смыться.

— Нет, Чарли. Не устрою.

— Вот и хорошо.

Он смотрел на дверь, через которую ушли женщины.

— Мисс Ноултон не в восторге от меня после того, как я покинул команду Иисуса, верно?

— Боится она вас.

Он пожал плечами. Как и улыбка, пожатие вышло несколько перекошенное.

— Десять лет назад я не смог бы вылечить нашу мисс Содерберг. Может, даже пять лет назад. Но сейчас дело пошло быстрее. К лету...

— Что — «к лету»?

— Кто знает? — ответил он. — Кто знает?

«Ты», — подумал я.

— **Посмотри-ка,** — сказала Астрид, когда я принес ей напиток.

Она выбралась из своего инвалидного кресла и проковыляла три шага к стулу рядом с окном. Потом оперлась на него, повернулась и уселась, выдохнув от облегчения и удовольствия.

— Не бог весть что, конечно...

— Шутишь? Это невероятно. — Я протянул ей стакан колы со льдом. На удачу я даже прицепил на краешек дольку лайма. — И с каждым днем тебе будет только лучше.

Комната была полностью в нашем распоряжении — Дженни извинилась и сказала, что ей надо собираться, хотя мне казалось, что все у нее уже упаковано. Пальто Астрид лежало на кровати.

— Похоже, я перед тобой в долгу так же, как и перед мистером Джейкобсом.

— Это не так.

— Не лги, Джейми, а то нос вырастет. Он наверняка получает тысячи писем с мольбами о помощи — даже теперь. Не думаю, что на мое он откликнулся случайно. Может, ты разбираешь его почту?

— Нет, этим занимается Эл Стампер, старый кумир твоей Дженни. Со мной Чарли связался позже.

— И ты приехал, — сказала она. — Спустя все эти годы — ты приехал. Почему?

— Потому что иначе не мог. Вряд ли мне удастся объяснить лучше, хотя могу добавить, что когда-то ты была всем моим миром.

— Ты ничего ему не пообещал? Не было никакого... как это называется... квипрокво?

— Нет, — солгал я не моргнув глазом. В свои героиневы времена я в совершенстве овладел искусством

вранья, и грустная правда жизни в том, что это умение нельзя утратить.

— Подойди ко мне. Встань рядом.

Я подошел. Без малейшего колебания она положила руку мне на ширинку.

— В тот раз ты был так нежен, — сказала Астрид.

— Не все парни вели бы себя так на твоём месте. У тебя не было опыта, но ты умел быть добрым. Для меня ты тоже был всем миром. — Она убрала руку и взглянула мне в глаза, в которых больше не гнездились отчаяние и боль. Теперь они светились жизнью... и беспокойством. — Ты ему что-то пообещал. Я это знаю. Не буду спрашивать, что именно, но если ты когда-то любил меня, будь с ним осторожен. Я обязана ему жизнью, но, как бы ужасно это ни звучало, мне кажется, что он — опасный человек. Наверно, ты и сам это знаешь.

Значит, не так уж я и преуспел во вранье. Или теперь, после исцеления, она видела больше.

— Астрид, тебе не о чем волноваться.

— Джейми... можно попросить тебя поцеловать меня? Пока мы одни? Знаю, выгляжу я не очень...

Я опустился на колени — снова чувствуя себя героем любовного романа — и поцеловал ее. Да, выглядела она не очень, но по сравнению со вчерашним — великолепно. И все же это было просто соприкосновение губ. Никаких тлеющих углей этот поцелуй не разжег. Во всяком случае, для меня. Но мы все равно были связаны друг с другом. А узлом был Джейкобс.

Она погладила меня по затылку.

— Все те же прекрасные волосы, хоть и седые. Жизнь так мало оставляет нам... а это, глянь-ка, тебе оставила. Прощай, Джейми. И спасибо тебе.

На обратном пути я остановился, чтобы перекинуться парой слов с Дженни. Больше всего мне хотелось знать, далеко ли она живет от Астрид и сможет ли присмотреть за ней, пока та будет восстанавливаться.

Она улыбнулась.

— Мы с Астрид подружки-разведенки. Познакомились, когда я переехала в Портленд и стала работать в местной больнице. А когда Астрид заболела, я переехала к ней.

Я дал ей номер своего мобильного и телефон «Волчьей пасти».

— Могут быть последствия.

Она кивнула.

— Пастор Дэнни говорил. То есть мистер Джейкобс. Я так и не привыкла называть его этим именем. Он сказал, что она может ходить во сне, пока ее мозговые волны не придут в норму. Говорит, это может длиться от четырех до шести месяцев. Я видела такое поведение у своих пациентов — обычно это следствие передозировки снотворного.

— Да, это вероятнее всего. — А еще не исключены поедание земли, синдром Туретта, клептомания и «призматика» Хью Йейтса. Насколько я знал, снотворное таких побочных эффектов не дает. — Но если случится что-нибудь другое... звоните.

— Насколько сильно вы беспокоитесь? — спросила она. — Чего мне ожидать?

— Точно не могу сказать, и, скорее всего, с ней все будет в порядке. — Как с большей частью пациентов Джейкобса, по его собственным словам. И хотя я ему не доверял, мне оставалось лишь надеяться на правоту этих слов. Сделанного не воротишь.

Дженни встала на цыпочки и поцеловала меня в щеку.

— Ей лучше. Это милость Божья, Джейми, что бы там не думал мистер Джейкобс. Без этого — без него — через шесть недель ее бы уже не было в живых.

По рампе для инвалидов Астрид съехала на коляске, но в «Субару» забралась без посторонней помощи. Джейкобс закрыл за ней дверь. Она высунулась в окно, взяла его руку в свои и поблагодарила еще раз.

— Я был рад помочь, — сказал он. — Не забывайте свое обещание. — Он высвободил руку и приложил палец к ее губам. — Никому ни слова.

Я наклонился и поцеловал ее в лоб.

— Ешь, — сказал я. — Отдыхай. Лечись. Радуйся жизни.

— Вас понял, капитан, — ответила она. Потом взглянула мне за спину, увидела, как Джейкобс медленно поднимается по ступенькам крыльца, посмотрела мне в глаза и еще раз повторила: — Будь осторожен.

— Не волнуйся.

— Все равно буду. — В ее глазах стояла смертельная тревога. Она, как и я, постарела, но теперь, когда болезнь ее покинула, я снова видел перед собой девчонку, танцующую вместе с Хэтти, Кэрол и Сюзанной перед сценой под музыку «Хромовых роз». Девчонку, которую я целовал под пожарной лестницей. — Буду волноваться.

Я поднялся на крыльцо к Чарли Джейкобсу, и мы вместе наблюдали за тем, как маленький аккуратный «Аутбэк» Дженни Ноултон катит к воротам по подъездной дороге. Стояла приятная теплая погода. Снег

сошел, обнажив зеленеющую траву. Удобрение для бедных, так мы его когда-то называли.

— Они не проболтаются? — спросил Джейкобс.

— Нет. — Во всяком случае, не раньше, чем он закончит свои дела — если он действительно так близок к завершению, как мне рассказывал. — Они же пообещали.

— А ты, Джейми? Ты сдержишь свое обещание?

— Да.

Это, похоже, его успокоило.

— Может, переночуешь тут?

Я покачал головой.

— Я уже заказал номер в гостинице. Надо успеть на утренний рейс.

А еще мне не терпелось убраться отсюда, как не терпелось убраться из «Латчес».

Этого я вслух не произнес, но, уверен, он и сам это прекрасно знал.

— Хорошо. В таком случае, жди звонка.

— Что вам нужно, Чарли? Письменное заверение? Я сказал, что приеду — значит, приеду.

— Здорово. Большую часть жизни мы отталкивались друг от друга, как пара бильiardных шаров, но все когда-то заканчивается. К концу июля — самое позднее, к середине августа — наши отношения прекратятся.

И в этом он был прав. В этом он был прав, помоги ему Господь.

Если, конечно, Он существует.

Даже с пересадкой в Цинциннати я прилетел в Денвер еще до часу дня: ничто так не способствует путешествию во времени, как полет на запад на реактив-

ном самолете. Включив телефон, я обнаружил два сообщения. Первое было от Дженни. Она сказала, что перед сном заперла комнату Астрид, но за всю ночь «радионяня» даже не пикнула, а когда в полседьмого Дженни проснулась, Астрид все еще спала как сурок.

«На завтрак она съела вареное яйцо и два тоста. А как она выглядит... мне по-прежнему приходится убеждать себя, что все это не иллюзия».

Это была хорошая весть. Плохая пришла от Брианны Донлин, то есть уже Брианны Донлин-Хьюз. Она оставила его за несколько минут до моей посадки: «Джейми, умер Роберт Райвард. Подробности не знаю». Но к вечеру она их выяснила.

Медсестра рассказала Бри, что большинство пациентов клиники «Гэдз-Ридж» остаются в ней до самой смерти. Это определенно относилось и к мальчику, которого пастор Дэнни исцелил от мышечной дистрофии. Его нашли в палате висящим в скрученной из джинсов петле. «Я все время вижу проклятых. Их черед не кончается», — говорилось в его предсмертной записке.

XII

Запретные книги. Мои мэнские каникулы. Печальная история Мэри Фэй. Шторм надвигается.

Примерно через шесть недель я получил электронное сообщение от своей давней напарницы по сыскной работе.

Кому: Джейми

От кого: Бри

Тема: К сведению

Ты написал мне электронное письмо — после того, как побывал в нью-йоркском поместье Джейкобса — и упомянул в нем книгу под названием «De Vermis Mysteriis». Название запало мне в память — возможно потому, что моих знаний латыни хватило, чтобы понять перевод: «Мистерии Червя». Полагаю, от привычки копаться в делах Джейкобса сложно откаться: я тут же начала рыть в этом направлении. Без ведома мужа — он-то считает, что я с этим завязала.

В любом случае, дело серьезное. Если верить католической церкви, «*De Vermis Mysteriis*» — одна из полудюжины так называемых Запретных книг. Все они известны под общим названием «гримуары». Другие пять — это «Книга Аполлония» (который был лекарем во времена Христа), «Свод Альберта Великого» (заклинания, талисманы, беседы с мертвыми), «Малый ключ Соломона» (якобы написанный самим царем Соломоном) и «Гримуар Пикатрикс». Последняя, наряду с «*De Vermis Mysteriis*», стала, вероятно, основой для вымышленного Говардом Лавкрафтом «Некрономикона».

Любую из Запретных книг легко найти, КРОМЕ «*De Vermis Mysteriis*». Согласно Википедии, тайные агенты католической церкви (привет Дэнну Брауну) сожгли все экземпляры — к концу двадцатого века уцелело всего шесть или семь штук (папская армия, кстати, теперь вообще отрицает существование этой книги). Все они предположительно утеряны или осели в руках частных коллекционеров.

Джейми, все Запретные книги описывают ЭНЕРГИЮ и учат, как ею управлять — с помощью алхимии (которую мы сейчас зовем «наукой»), математики и жутких оккультных ритуалов. Наверняка это полный бред, но мне почему-то не по себе — ты рассказывал, что Джейкобс жизнь положил на изучение феномена электричества, и, судя по его успехам в лечении, поневоле приходишь к выводу, что он смог овладеть некой мощной силой. Что напоминает мне старую поговорку: «Поймавший тигра за хвост не дерзнет отпустить его».

Еще пара фактов тебе на заметку.

Первый: до середины семнадцатого века в Католической церкви изучение potestas magnum univēsum (силы, что движет миром) наказывалось отлучением.

Второй: Википедия утверждает, — безо всяких, впрочем, подтвержденных ссылок, — будто бы самая известная цитата из лавкрафтовского «Некрономикона» списана с экземпляра «De Vermis», к которому у писателя был доступ (сам он был слишком беден, чтобы купить такую редкость). Вот эта цитата: «». Мне снились кошмары от этих строк. Я не шучу.

Ты иногда называл Чарльза Дэниела Джейкобса «своим старым пятым персонажем». Надеюсь, ты с ним наконец покончил. Раньше я бы посмеялась надо всем этим, но раньше я считала, что чудесные исцеления на ярмарках — чепуха для лохов.

Позвони мне как-нибудь, ладно? Дай знать, что оставил Джейкобса позади.

*Как всегда, с любовью,
Бри*

Я распечатал письмо и перечитал его дважды. Потом нагуглил «De Vermis Mysteriis» и обнаружил все то, о чем Бри написала в письме — и еще кое-что, чего в письме не было. В блоге об антикварных книгах под названием «Темные фолианты магии и заклинаний» кто-то назвал оберегаемый от чужих глаз гримуар Людвиг Принна «самой опасной из когда-либо написанных книг».

Я вышел из квартиры, спустился на улицу и купил пачку сигарет впервые после краткого флирта с табаком в колледже. В нашем доме курить было запрещено, так что пришлось усесться на ступеньки. После

первой же затылки я закашлялся, голова закружилась, и я подумал: «Эта дрянь убила бы Астрид, если бы не вмешался Чарли».

Да. Чарли и его чудесные исцеления. Чарли, который схватил тигра за хвост и не хочет отпускать.

«Что-то случилось, — сказала в моем сне Астрид с ухмылкой, в которой не было ни тени ее прежней прелести. — Что-то случилось, и Мать скоро будет здесь».

И потом, когда Джейкобс впустил в ее голову свое тайное электричество: «В стене есть дверь. Ее увил плющ. Мертвый плющ. Она ждет». А когда Джейкобс спросил, кто ждет, Астрид ответила: «Не та, кто нужен вам».

«Я могу нарушить обещание, — подумал я, отбрасывая сигарету. — Мне не впервой».

Да, но только не в этот раз. Не это обещание.

Я поднялся к себе, смяв пачку сигарет и выкинув ее в урну возле почтовых ящиков. Наверху я набрал мобильный номер Бри, собираясь оставить сообщение, но она ответила. Я поблагодарил ее за письмо и сказал, что не собираюсь больше встречаться с Чарли Джейкобсом. Ни сомнений, ни угрызений совести за эту ложь я не испытывал. Муж Бри был прав; ей надо было покончить со всем, что связано с Джейкобсом. А когда придет время вернуться в Мэн и выполнить свое обещание, я солгу Хью Йейтсу по той же причине.

Давным-давно двое подростков влюбились друг в друга так сильно, как могут только подростки. Несколько лет спустя они занялись любовью в разрушенной хибаре под рокот грома и вспышки молний — прямо как в романе Виктории Холт. Прошло время, и Чарльз Джейкобс спас их обоих от страшной расплаты за их дурные привычки. Я задолжал ему вдвойне.

Конечно же, вы это понимаете, и я мог бы на этом и закончить, но тогда я умолчал бы о более важной истине: мне было любопытно. Помогите мне Бог, я хотел увидеть, как он снимет крышку с ящика Пандоры и заглянет внутрь.

— **Это ты мне так ненавязчиво намекаешь,** что хочешь выйти на пенсию, а? — весело спросил Хью Йейтс, но в глазах его читалось беспокойство.

— Ничего подобного. Просто хочу взять отпуск на пару месяцев. Может, на полтора, если заскучаю. Хочу побыть с семьей в Мэне, пока не поздно. Я ведь не молодею.

От семьи я собирался держаться как можно дальше. Мои родичи и так жили ближе к Козьей горе, чем мне бы хотелось.

— Ты еще мальчишка, — мрачно сказал он. — Этой осенью мне будет столько лет, сколько тромбонов на большом параде. Весной ушел Муки, и если теперь меня покинешь еще и ты, то, скорее всего, мне придется закрыть лавочку.

Хью тяжело вздохнул.

— Были бы у меня дети, которые взяли бы бразды правления в свои руки, когда меня не станет... но часто ли так получается? Нет. Ты им говоришь, что хочешь передать им семейное дело, а они тебе: «Прости, пап, но мы с моим друганом-укурком, которого ты терпеть не мог, уезжаем в Калифорнию и будем там продавать серфингистам доски с вай-фаем».

— Теперь, когда ты выговорился...

— Давай, возвращайся к корням, чего уж там. Играй в ладушки с малюткой-племянницей и помогай

брату реставрировать очередную классическую тачку. Сам знаешь, как у нас тут летом.

Ну еще бы: полный штиль. Летом даже самые паршивые группы завалены работой, и пока они выступают в барах и на полусотне летних фестивалей в Колорадо и Юте, на студийные записи у них времени уже не остается.

— Джордж Деймон что-нибудь запишет, — сказал я. — Он с помпой вернулся в строй.

— Ага, — сказал Хью. — Во всем Колорадо только у него «Я тебя увижу» и «Боже, благослови Америку» могут звучать одинаково.

— А то и во всем мире. Хью, у тебя ведь больше не было случаев призматика?

Он бросил на меня удивленный взгляд.

— Нет. Ты это к чему?

Я пожал плечами.

— У меня все нормально. Пару раз за ночь бегаю отлить, но, думаю, в моем возрасте это обычное дело. Хотя... хочешь, расскажу смешную штуку? Правда, для меня она скорее жуткая, чем смешная.

Я не был уверен, хочу ли, но отказываться не стоило. Было начало июня. Джейкобс еще не позвонил, но я знал, что позвонит обязательно.

— Я часто вижу один и тот же сон. Мне снится, что я в Арваде, в доме, в котором вырос. В дверь стучат. Даже не стучат — колотят. Открывать я не хочу, потому что знаю: это моя мать, и она мертва. Довольно глупо, потому что в Арваде она еще была жива и здорова как лошадь. Но я все равно знаю, что это она. Я иду по коридору. Хочу остановиться, но не могу — ноги меня не слушаются, как это и бывает во сне. К тому времени она уже молотит в дверь кула-

ками изо всей силы. И тут в голове у меня всплывает рассказ-страшилка, который мы проходили в старшей школе. Кажется, «Августовская жара».

«Не «Августовская жара», — подумал я. — «Обезьянья лапа». Это там колотят в дверь».

— Я тянусь к ручке и просыпаюсь весь в поту. Что думаешь? Мое подсознание пытается меня подготовить к скорому уходу?

— Возможно, — рассеянно согласился я, думая о другой двери. О дверце, увитой мертвым плющом.

Джейкобс позвонил первого июля, когда я обновлял программы от «Эппл» в одной из студий. Услышав его голос, я уселся перед пультом и уставился в окно репетиционной, в которой не было ничего, кроме разобранной ударной установки.

— Очень скоро тебе придется сдержать свое обещание, — пробормотал он, как пьяный, хотя при мне он никогда не пил ничего крепче черного кофе.

— Хорошо, — довольно спокойно ответил я. И почему нет? Ведь я ждал этого звонка. — Когда мне приехать?

— Завтра. Самое позднее — послезавтра. Подозреваю, ты не захочешь остановиться в моей гостинице, по крайней мере, не сразу...

— Правильно подозреваете.

— ...но когда ты мне понадобишься, ты должен будешь приехать максимум через час. По моему звонку.

Я подумал об еще одной страшилке под названием «Ты свистни — тебя не заставлю я ждать».

— Договорились, — сказал я. — Но, Чарли...

— Что?

— Я вам уделю два месяца — не больше. Ко Дню труда мы с вами расстанемся, что бы ни случилось.

Он снова замолчал, но я слышал его дыхание. Дышал он с трудом, и это напомнило мне Астрид в инвалидном кресле.

— Что ж... договорились.

«Договорилишь».

— Что с вами?

— Пережил еще один инсульт. — («Инсульт»). — Говорю я не так ясно, как раньше, но голова ясна как никогда, уверяю тебя.

«Пастор Дэнни, исцели себя», — подумал я уже не впервые.

— Я вам кое-что сообщу, Чарли: Роберт Райвард мертв. Помните того мальчика из Миссури? Он повесился.

— Очень сожалею. — Непохоже, судя по его голосу, и на выяснение подробностей он времени тратить не стал. — Когда приедешь, сообщи мне, где ты остановился. И помни: не дальше, чем в часе езды от меня.

— Ладно, — сказал я и положил трубку.

Несколько минут я сидел в невероятно тихой студии, разглядывая развешанные по стенам обложки альбомов в рамочках. Потом позвонил в Рокленд Дженни Ноултон. Она ответила с первого гудка.

— Как там наша дама? — спросил я.

— Отлично. Набирает вес и проходит по миле в день. Помолодела на двадцать лет.

— Побочные эффекты были?

— Ни одного. Ни припадков, ни лунатизма, ни провалов в памяти. О событиях в «Козьей горе» она мало что помнит, но, думаю, оно и к лучшему, правда?

— А как вы, Дженни? У вас все хорошо?

— Нормально, но мне пора. У нас в больнице сегодня аврал. Слава Богу, у меня скоро отпуск.

— Вы же не оставите Астрид одну, да? Мне кажется, это было бы неразу...

— Нет, нет, что вы! — В ее голосе промелькнула нервозность. — Джейми, меня вызывают. Мне надо бежать.

Я сидел у потухшего пульта. Смотрел на обложки, теперь уже не пластинок, а компакт-дисков, размером с открытку. Порамышлял о временах, когда получил в подарок на день рождения свою первую машину, «Форд-Галакси» 66-го года выпуска. Как мы потом рассекали на ней с Нормом Ирвингом. Как он подначивал меня давить на газ на двухмильном отрезке 27 шоссе, который мы называли Харлоуским треком: мол, надо проверить, на что старушка способна. На восьмидесяти милях в час передок начинал вибрировать, но мне не хотелось выглядеть слабаком (в семнадцать лет это очень важно), и я продолжал давить на педаль. На восьмидесяти пяти вибрация прекращалась. На девяноста автомобиль приобретал плавную, опасную легкость, почти утрачивая сцепление с дорогой, и я понимал, что вот-вот потеряю управление. Не касаясь тормозов — отец говорил, что на большой скорости это очень опасно, — я отпускал газ, и машина потихоньку замедлялась.

Хотел бы я сейчас сделать то же самое.

Отель «Эмбасси Суитс» возле аэропорта показался мне пристойным, когда я останавливался там после чудесного выздоровления Астрид, так что я снова поселился в нем. Была мысль в ожидании звонка пожить в «Касл-Рок Инн», но слишком велик был риск нат-

кнуться на старого знакомого — на Норму Ирвинга, к примеру. И это непременно дошло бы до моего брата Терри. Он пожелал бы знать, что я делаю в Мэне и почему остановился не у него. Отвечать на эти вопросы мне не хотелось.

Время шло. Четвертого июля я наблюдал за фейерверками на набережной Портленда среди тысяч других людей. Мы ахали и охали, глядя, как над нашими головами расцветают пионы, хризантемы и диадемы, а их двойники покачиваются в волнах Каско-Бэй. После этого я посетил зоопарк в Йорке, музей трамваев в Кеннебанкпорте и маяк на мысе Пемакид-Пойнт. Я осмотрел Портлендский художественный музей, где были представлены три поколения Уайеттов, и сходил на дневной спектакль «История Бадди Холли» в Оганкитском театре — главный герой играл и пел неплохо, но до Гэри Бьюзи ему было далеко. Я съел столько омаров, что уже смотреть на них не мог. Я подолгу гулял вдоль скалистого побережья. Дважды в неделю я заходил в книжный магазин в «Мэн-Молле» и покупал книжки в бумажных обложках, которые читал у себя в номере, пока меня не начинало клонить в сон. Я повсюду брал с собой мобильный, ожидая звонка от Джейкобса, но тот не звонил. Пару раз я подумывал связаться с ним сам и говорил себе, что сама эта мысль безумна. Зачем пинать спящую собаку?

Погода стояла как на заказ: низкая влажность, чистое небо, температура чуть за 70 градусов, и так день за днем. Иногда шли короткие дожди — в основном ночами. Как-то вечером я услышал, как Джо Купо в прогнозе погоды назвал такой дождь «деликатным». Еще он сказал, что это самое прекрасное лето за все тридцать пять лет его работы в программе.

В Миннеаполисе отыграли матч всех звезд, возобновился бейсбольный сезон, и чем ближе подступал август, тем больше я надеялся, что вернусь в Колорадо, так и не повидавшись с Чарли. Мне пришло в голову, что с ним мог приключиться четвертый инсульт, на этот раз — роковой, и я следил за страницей некрологов в «Портленд Пресс Геральд». Не то чтобы с надеждой, но...

Да мать твою, чего уж там. С надеждой.

В выпуске местных новостей от двадцать пятого июля Джо Купо с прискорбием сообщил мне и остальным зрителям южного Мэна, что хорошенького понемножку: жара, от которой мучился Средний Запад, к выходным дойдет до Новой Англии. Всю последнюю неделю июля ожидается температура в районе +95 F, и август будет не лучше, по крайней мере, его начало. «Проверьте свои кондиционеры, друзья мои, — посоветовал Купо. — Не зря эти дни называют «собачьим пеклом».

Джейкобс позвонил в тот же вечер. «В воскресенье, — сказал он. — Жду тебя не позже девяти утра».

Я сказал, что буду у него.

Джо Купо был прав насчет жары. Она началась в субботу после полудня, и когда я сажился во взятую напрокат машину в половине восьмого утра в воскресенье, уже стояла духота. Дороги были пусты, и я быстро добрался до Козьей горы. По пути к главным воротам я заметил, что ответвление, ведущее на Скай-топ, снова открыто, и солидные деревянные ворота распахнуты.

Меня ждал все тот же охранник Сэм, но уже не в форме. Он сидел на откинутах заднем борте пикапа

«Такома» в джинсах и ел бублик. При виде меня Сэм аккуратно отложил его на салфетку и подошел к моей машине.

— Здравствуйте, мистер Мортон. Как вы рано!

— Пробок не было, — пояснил я.

— Да, летом лучше всего ехать с утра пораньше. Скоро набегут эти южане, повалят к пляжам. — Он взглянул на небо, чья голубизна уже начала выпцветать от зноя. — Пусть себе жарятся и зарабатывают рак кожи. Лично я собираюсь сидеть дома под кондиционером и смотреть игру «Сокс».

— Скоро сменяешься?

— Все, кончились наши смены, — ответил он. — Как только я позвоню мистеру Джейкобсу и скажу, что вы приехали, на этом все. Конец моей работе.

— Желаю хорошо провести остаток лета.

Я протянул ему руку. Он пожал ее.

— Что он вообще задумал-то? Я никому не скажу, я же тоже с ним повязан.

— Я знаю не больше тебя.

Он подмигнул мне, словно говоря, что его не обманешь, и махнул рукой, чтобы я проезжал. Не успел я завернуть за первый поворот, как он прихватил свой бублик, поднял борт «Такомы» и уселся за руль.

«Все. Конец моей работе».

Хотел бы я сказать то же самое.

Джейкобс медленно и осторожно спустился ко мне с крыльца. В левой руке он держал трость. Рот с момента нашей последней встречи искривился еще сильнее. На парковке я заметил одинокую машину и сразу ее узнал: маленький аккуратный «Субару-Аутбэк». На заднем бампере красовалась наклейка: «Спас одну

жизнь — герой, спас тысячу — медсестра». Мое сердце упало.

— Джейми! Какая радостная встреча!

«Встреча». Он протянул свободную от трости руку. Жест явно дался ему с трудом, но я все равно его проигнорировал.

— Если Астрид здесь — она должна уехать. Сию же секунду. Я не шучу.

— Успокойся, Джейми. Астрид в ста тридцати милях отсюда, продолжает поправляться в своем уютном гнездышке к северу от Рокленда. А вот ее подруга Дженни любезно согласилась ухаживать за мной, пока я не закончу свою работу.

— Почему-то я сомневаюсь, что дело в любезности. Поправьте, если ошибаюсь.

— Заходи внутрь. На улице становится жарковато. Машину припаркуешь потом.

По ступенькам он ковылял медленно, даже с тростью, и мне пришлось поддерживать его. Рука, за которую я его взял, казалась лишь костью, обтянутой кожей. К тому моменту, как мы поднялись, он тяжело дышал.

— Мне нужно передохнуть, — сказал он и опустился в одну из качалок, выстроившихся на крыльце.

Я уселся на перила и посмотрел на Джейкобса.

— А где Руди? Я думал, это он за вами ухаживает.

Джейкобс одарил меня своей характерной улыбкой, кривой как никогда.

— Вскоре после моего сеанса с мисс Содерберг в Восточной комнате Руди с Нормой решили уволиться. В наше время трудно найти хороших помощников, Джейми. Ты, конечно, не в счет.

— И вы наняли Ноултон.

— Да, нанял. И, поверь, не прогадал. Она забыла о врачебном уходе больше, чем Руди Келли когда-либо знал. Подашь мне руку?

Я помог ему подняться, и мы вошли в прохладу комнаты.

— На кухне есть сок и печенье. Чувствуй себя как дома. Встретимся в гостиной.

Я обошелся без печенья, но налил себе апельсинового сока из графина, стоявшего в холодильнике. Когда я ставил графин назад, то осмотрел хранившиеся в холодильнике запасы и обнаружил, что еды в нем хватит дней на десять. Даже на две недели, если экономить. Хватит ли нам этого времени? Не придется ли мне или Дженни Ноултон совершить продуктовый марш-бросок в Ярмут — ближайший, наверное, город с супермаркетом?

Охранник тут больше не работал. Джейкобс нанял новую сиделку — что меня не удивило, учитывая его состояние, но не экономку. Это, кроме прочего, означало, что Дженни еще и готовила для него, и, вероятно, меняла ему постель. В доме мы были втроем — по крайней мере, я так думал.

На самом деле нас было четверо.

Вся северная стена большой гостиной была стеклянной, и через нее открывался вид на Лонгмедуу и Скайтоп. Хижину не было видно, но я разглядел тот самый железный шест, поднимающийся к раскаленному небу. Смотря на него, я наконец начал складывать в уме картину... но даже тогда — очень медленно, и к тому же Джейкобс скрывал один важный фрагмент, который мог бы ее прояснить. Вы можете сказать, что я все равно должен был догадаться: все элементы были

налицо. Но я — гитарист, а не детектив, и если доходит до дедукции, меня нельзя назвать самой быстрой гончей в своре.

— Где Дженни? — спросил я. Джейкобс сел на диван, я — напротив него, в кресло с изогнутой спинкой, которое попыталось проглотить меня целиком.

— Занята.

— Чем?

— Пока что не твое дело, хотя скоро оно станет твоим. — Он наклонился вперед, сложив руки на набалдашнике трости, и стал похож на хищную птицу. Птицу, которая скоро будет слишком стара, чтобы взлететь. — У тебя есть вопросы. Я это понимаю лучше, чем ты думаешь, Джейми. Я знаю, что любознательность сыграла важную роль в том, что ты приехал сюда. Ты получишь все ответы в свое время, но, скорее всего, не сегодня.

— А когда?

— Трудно сказать. Но скоро. А пока будешь готовить нам еду и приходить, когда я позвоню.

Он показал мне белую коробочку, похожую на ту, с которой я имел дело в тот день в Восточной комнате. Только на этой вместо ползунка была кнопка, и на ней значилось название фирмы — «Нотифлекс». Он нажал кнопку, и звук колокольчика наполнил все большие комнаты нижнего этажа.

— Тебе не придется водить меня в туалет — это я пока в состоянии сделать сам, но, боюсь, ты должен будешь находиться рядом, когда я принимаю душ. На случай, если я поскользнусь. Мне прописали мазь, которой ты будешь дважды в день натирать мне спину и бедра. И еду тебе придется в основном носить ко мне в номер. Не потому, что я ленив или хочу превратить

тебя в прислугу, но потому, что я быстро устаю и мне нужно беречь силы. Я должен сделать еще одно дело. Это большое и жизненно важное дело, и когда придет время, надо, чтобы у меня хватило на него сил.

— Я с радостью буду готовить и подавать еду, Чарли, но что касается обязанностей сиделки, я думал, что Дженни Ноултон...

— Она занята, как я уже сказал, так что тебе придется принять у нее вахту... Почему ты так на меня смотришь?

— Вспоминаю день, когда мы познакомились. Мне было всего шесть лет, но я так ясно все помню. Я возвел гору из земли...

— Точно, точно. Я тоже хорошо это помню.

— ...и играл со своими солдатиками. На меня упала тень. Я поднял глаза и увидел вас. И вот сейчас я подумал, что ваша тень накрывала меня всю жизнь. Мне бы сейчас сесть за руль и уехать от нее навсегда.

— Но ты не уедешь.

— Нет. Не уеду. Но кое-что скажу вам. Я помню, каким вы тогда были, как вы встали на колени рядом со мной и вступили в игру. Я помню вашу улыбку. Сейчас, когда вы улыбаетесь, я вижу ухмылку. Когда вы говорите, я слышу только приказы: «сделай то, сделай это, а уж потом я скажу тебе, зачем». Что с вами случилось, Чарли?

Он с трудом поднялся с дивана, отмахнувшись, когда я попытался ему помочь.

— Если ты задаешь мне этот вопрос, значит, из умного мальчика вырос глупый мужчина. По крайней мере, потеряв жену и сына, я не стал наркоманом.

— У вас было тайное электричество. Это ваш наркотик.

— Спасибо за ценный психоанализ, но поскольку в этой дискуссии нет смысла, давай ее на этом закончим, хорошо? На втором этаже приготовлено несколько комнат. Уверен, ты найдешь одну себе по вкусу. На обед я хотел бы сэндвич с яичным салатом, стакан обезжиренного молока и овсяное печенье с изюмом. Говорят, грубая пища полезна для кишечника.

— Чарли...

— Довольно, — сказал он, ковыляя к лифту. — Скоро ты все узнаешь. А пока что держи при себе свои буржуазные суждения. Обед в полдень. Принесешь его в люкс «Купер».

Я остался один, слишком потрясенный, чтобы произнести хотя бы слово.

Прошло три дня.

На улице стояла страшная жара, и горизонт был затянут туманной дымкой. Внутри же было прохладно и приятно. Я готовил нам еду, и хотя во второй вечер Чарльз поужинал со мной внизу, все остальные трапезы происходили у него в номере. Принося их, я слышал, как орет телевизор — видимо, слух у него тоже ухудшился. Похоже, ему особенно нравился канал с прогнозом погоды. Когда я стучал в дверь, он всегда выключал телевизор, прежде чем пригласить меня войти.

Эти дни превратились для меня во вводный курс в мастерство сиделки. Он пока еще мог сам раздеться и включить душ по утрам — у него было специальное инвалидное кресло, в котором он мог намыливаться и ополаскиваться. Я сидел на его кровати и ждал, когда он меня позовет. Потом выключал воду, помогал ему выбраться из душа и вытирал его. Его тело превра-

тилось в жалкий огрызок того, каким он был в дни своего служения в церкви и потом — выступлений на ярмарках. Тазовые кости у него торчали, как кости у индюшки в День благодарения; каждое ребро отбрасывало отдельную тень, а ягодицы стали размером чуть больше печенья. Из-за последствий инсульта Чарли всего перекашивало вправо, когда я вел его обратно к кровати.

Я растирал его «Вольтареном», который должен был облегчить боли, потом приносил пластиковый футляр с таблетками, в котором было не меньше отделений, чем клавиш у фортепиано. К тому времени, как Чарли с ними управлялся, начинал действовать «Вольтарен», и он мог одеться сам — за исключением правого носка. Его приходилось надевать мне, но я всегда ждал, пока он натянет трусы. Мне не хотелось оказаться нос к носу с его старческими причиндалами.

— Ну вот, — говорил он, когда носок оказывался натянутым на его тощую голень. — Дальше я сам. Спасибо, Джейми.

Он всегда говорил «спасибо», и телевизор всегда включался сразу же, как только я закрывал дверь.

Эти дни тянулись долго. В курортном бассейне воду уже спустили, а для прогулок было слишком жарко. Правда, там был спортзал, и когда я не читал (в отеле обнаружилась плохонькая библиотечка, в основном состоявшая из книг Эрла Стенли Гарднера, Луиса Ламура и старых приложений к «Ридерз Дайджест» — сокращенных версий романов), то тренировался в одиночестве в этом кондиционированном раю. Я пробегал милю за милей на дорожке, проезжал милю за милей на велотренажере, шагал на степпере, занимался с гантелями.

Телевизор в моей комнате принимал только одну станцию — 8 канал из Поланд-Спринг, да и то с такими помехами, что смотреть было невозможно. То же относилось и к огромному экрану в Закатной гостиной. Видимо, где-то была спутниковая тарелка, но подключен к ней был только Чарли Джейкобс. Я хотел было попросить его подключить и меня, но передумал. Он мог бы и согласиться, а я больше не хотел ничего от него принимать. На дарах Чарли всегда болтался ярлычок с ценой.

Несмотря на все тренировки, спал я отвратно. После стольких лет вернулся старый кошмар: мертвые члены моей семьи за столом в столовой и заплесневелый именинный торт, исторгавший из себя громадных насекомых.

Тридцатого июля в начале пятого утра меня разбудил какой-то шум на первом этаже. Решив, что это отголоски сна, я снова улегся и закрыл глаза и уж было задремал, но тут шум послышался вновь: приглушенный звон. Возможно, кастрюль.

Я встал с постели, надел джинсы и побежал на первый этаж. На кухне никого не было, но в окне я заметил, как кто-то спускается по лестнице со стороны погрузочной платформы. Когда я выбежал на крыльцо, Дженни Ноултон садилась за руль гольф-кара с надписью «Козья гора» на борту. На пассажирском сидении стояла миска с четырьмя яйцами.

— Дженни! Подождите!

Она вздрогнула, но при виде меня улыбнулась. Я бы с радостью поставил ей «отлично» за старание, но улыбка вышла плохонькой. Со времени нашей последней встречи Дженни, казалось, постарела на десять

лет, а темные круги под глазами говорили о том, что не только я мучился бессонницей. Она перестала краситься, и у корней глянцевого-черного волос проступила седина.

— Я вас разбудила, да? Простите, но вы сами виноваты. На сушилке полно кастрюль, а я задела ее локтем. Вас мама не научила пользоваться посудомойкой?

Нет, потому что посудомойки у нас никогда не было. Зато она научила меня сушить посуду на воздухе, если ее не слишком много. Но кухонные дела меня сейчас не интересовали.

— Что вы здесь делаете?

— За яйцами пришла.

— Вы знаете, что я не это имел в виду.

Дженни отвела взгляд.

— Не могу сказать. Я дала обещание. Даже подписала контракт. — Она усмехнулась. — В суде его вряд ли примут всерьез, но все равно я не собираюсь его нарушать. За мной должок, так же, как и за вами. К тому же вы скоро все сами узнаете.

— Я хочу все узнать сейчас.

— Мне пора, Джейми. Он не хочет, чтобы мы общались. Если узнает — разозлится. Мне просто захотелось яиц. Уже мутит от бесконечных «Чириос» и «Фростед Флейкс».

— Может, у вас в машине сел аккумулятор? А то вы могли бы съездить в Ярмут и купить сколько угодно яиц.

— Мне нельзя никуда выезжать, пока все не закончится. И вам тоже. Больше меня ни о чем не спрашивайте. Я хочу сдержать обещание.

— Ради Астрид.

— Ну... он мне платит за исполнение обязанностей медсестры, да так, что хватит на безбедную старость, но в основном ради Астрид, да.

— Кто за ней присматривает, пока вы здесь? Только не говорите, что никто. Не знаю, что вам рассказал Чарли, но его исцеления иногда сопряжены с побочными эффектами, которые могут быть...

— О ней прекрасно заботятся, вам не о чем волноваться. У нас... много друзей в общине.

На этот раз улыбка получилась более естественной и уверенной, и тут до меня кое-что дошло.

— Вы любовницы, правильно? Вы с Астрид?

— Партнерши. Почти сразу после легализации в Мэне однополых браков мы назначили дату свадьбы. А потом Астрид заболела. Больше я вам ничего не скажу. Я пошла. Мне нельзя надолго отлучаться. Не волнуйтесь, я не все яйца забрала.

— Почему вам нельзя надолго отлучаться?

Она покачала головой, не глядя мне в глаза.

— Мне пора.

— Когда мы с вами говорили по телефону, вы уже были здесь?

— Нет... но знала, что буду.

Я смотрел, как она катила вниз по склону, оставляя следы в бриллиантах росы. Скоро они исчезнут: день едва начался, а у меня на лбу и руках уже выступил пот. Дженни скрылась за деревьями. Я знал, что если спущусь туда, то найду тропу. А по ней доберусь до хижины. Той самой, в которой я когда-то лежал бок о бок с Астрид Содерберг. Давно, в другой жизни.

Тем же утром, в начале одиннадцатого, я читал «Загадочное происшествие в Стайлзе» (одну из любимых

книг моей покойной сестры), когда по первому этажу прокатился звон. Это Джейкобс нажал на кнопку вызова. Я поднялся в люкс «Купер» в надежде, что Чарли не лежит там на полу со сломанным бедром. Волновался я зря. Он уже оделся и теперь стоял у окна, опираясь на трость. Когда Джейкобс повернулся ко мне, глаза его сияли.

— Возможно, сегодня наш день, — сказал он. — Будь готов.

Но он ошибся. Когда я принес ужин — ячменный суп и бутерброд с сыром, — телевизор молчал, а дверь он открывать отказался, крикнув мне уходить, словно капризный ребенок.

— Вам нужно поесть, Чарли.

— Мне нужен покой! Оставь меня!

Я вернулся около десяти вечера с намерением постоять у двери и послушать, работает ли телевизор. Если да, то я бы спросил Чарли, не хочет ли он перед сном съесть хотя бы тост. Телик был выключен, но Джейкобс не спал, а разговаривал слишком громким голосом, который глуховатые люди обычно используют в беседах по телефону.

— Пока я не готов, она не уйдет! Ты об этом позаботишься! За это я тебе и плачу, поэтому потрудись!

Какие-то проблемы. Поначалу я подумал, что с Дженни, которая вот-вот готова все бросить и куда-то уйти. Скорее всего, вернуться домой, к Астрид. Но тут меня осенило: что если Чарли именно с Дженни и говорит? Тогда что это значит? Единственное, что пришло в голову — это смысл, который приобретает глагол «уйти» для стариков вроде Джейкобса.

Я ушел, не постучавшись.

То, чего ждал Джейкобс — чего ждали мы все, — случилось на следующий день.

Его звонок раздался в час дня, вскоре после того, как я отнес ему обед. Дверь в его номер была открыта, и, подходя к ней, я слышал, как очередная говорящая голова рассказывает, как сильно нагрет Мексиканский залив и что это сулит для приближающегося сезона ураганов. Затем последовала череда резких звуковых сигналов. Войдя, я увидел красную «бегущую строку» внизу экрана. Она исчезла раньше, чем я успел ее прочитать, но штормовое предупреждение трудно с чем-нибудь спутать.

Предупреждение во время долгого периода жары означают грозы, грозы означают молнии, а для меня молнии означали Скайтоп. И для Джейкобса тоже; в этом я готов был поклясться.

Он снова был полностью одет.

— Сегодня тревога не ложная, Джейми. Грозовые тучи сейчас в штате Нью-Йорк, но они движутся на восток, продолжая сгущаться.

Снова раздались звуковые сигналы, и в этот раз я прочитал текст на экране: «Экстремальные погодные условия в округах Йорк, Камберленд, Андроскогин, Оксфорд и Касл до 14-00 1 августа. Вероятность сильных гроз — 90 %. Грозы могут принести с собой проливной дождь, штормовой ветер, град размером с мяч для гольфа. Не рекомендуется покидать дома».

«И не говори, Шерлок», — подумал я.

— Эти тучи не могут рассеяться или изменить курс, — сказал Чарли. В его голосе звучало спокойствие то ли безумца, то ли абсолютно уверенного в себе человека. — Это невозможно. Она долго не протянет, а

я слишком стар и слаб, чтобы начинать все заново. Подведи гольф-кар к погрузочной платформе и будь готов выехать в любую минуту.

— На Скайтоп, — сказал я.

Он улыбнулся своей кривой улыбкой.

— Иди. Мне надо следить за этой грозой. В районе Олбени молния сейчас ударяет больше ста раз в час. Правда, чудесно?

Я бы вряд ли употребил это слово. Мне не удалось вспомнить, сколько вольт, по его словам, производит каждый разряд, но много — это точно.

Миллионы.

В начале шестого Чарли позвонил снова. Я пошел наверх. С одной стороны, я надеялся застать его расстроенным и злым, с другой — просто-таки сгорал от любопытства. Похоже было, что я удовлетворю его в тот же день: на западе сгустились тучи, и до меня доносилось ворчание грома, пока далекое, но приближающееся. Небесное воинство.

Джейкобс по-прежнему кренился на правый борт, но от возбуждения, которое его так и распирало, казалось, помолодел на много лет. Его шкатулка красного дерева лежала на столике. Телевизор он выключил, зато включил ноутбук.

— Смотри, Джейми! Какая красота!

На мониторе была погодная карта НАОА. Она показывала красно-оранжевый конус, который проходил прямо над округом Касл. Согласно временной шкале, вероятность штормовой погоды достигала пика между семью и восемью вечера. Мои часы показывали четверть шестого.

— Правда же? Правда же красиво?

— Как скажете, Чарли.

— Присядь, но сначала принеси мне, пожалуйста, стакан воды. Мне надо многое тебе объяснить, и, пожалуй, сейчас самое время. Хотя скоро мы кое-куда отправимся, да. Свинтим, как говорят балаганщики.

— Он хихикнул.

Я достал из бара-холодильника бутылку воды и наполнил уотерфордский стакан (для постояльцев люкса «Купер» — только самое лучшее). Отпив, Чарли довольно причмокнул губами, без чего я вполне мог обойтись. Громыкнул гром. Он обернулся на звук с улыбкой, словно в ожидании встречи со старым другом. Потом снова переключился на меня.

— Как ты знаешь, я сколотил приличное состояние, изображая пастора Дэнни. Но вместо самолетов, собачьих будок с подогревом и позолоченной сантехники я тратил свои деньги на две вещи. Во-первых, на спокойную личную жизнь — я был сыт по горло воспевающими Иисуса крикунами-язычниками. Во-вторых, на дюжину частных исследовательских фирм, самых лучших, расположенных в самых больших городах Америки. Я дал им задание обнаруживать и отслеживать людей, страдающих некоторыми болезнями. Сравнительно редкими. Всего восемь заболеваний.

— Больных? Не тех, кого вы исцелили? Мне вы говорили только о них.

— О, они отслеживали некую репрезентативную выборку исцеленных — побочные эффекты интересовали не только тебя, — но это не было их основной работой. За последние десять лет они отыскивали несколько сотен подходящих мне бедолаг и регулярно сообщали мне о них. На каждого было заведено досье, и их вел Эл Стампер, когда еще работал на меня. После его

ухода ими занимаюсь я. Многие из этих несчастных уже умерли; их сменили другие. Сам знаешь, что удел человеческий — болезни и горести.

Я не ответил, зато ответил гром. Небо на западе хмурилось все больше.

— По мере продвижения в моих исследованиях...

— А касались ли они книги под названием «De Vermis Mysteriis», а, Чарли?

Казалось, он испугался, но затем расслабился.

— Молодец. «De Vermis...» был не просто одним из предметов моих исследований, но их основой. Принн сошел с ума, знаешь ли. Свои дни он закончил в замке в Германии, изучая головоломную математику и поедая жуков. Отрастив жуткой длины ногти, он выдрал себе горло глубокой ночью и умер в возрасте тридцати семи лет, рисуя на полу уравнения собственной кровью.

— Серьезно?

В ответ он криво пожал плечами и криво улыбнулся.

— Кто знает? Если это правда, то история назидательная, но о таких первопроходцах, как Принн, обычно писали те, кто желал удостовериться, что больше никто не пойдет по их стопам. В основном верующий люд, представители Небесной страховой компании. Но оставим это — о Принне мы поговорим в другой раз.

«Сомневаюсь», — подумал я.

— По мере продвижения в моей работе исследователи начали процесс отсеивания. Из сотен больных были отобраны десятки. В начале этого года десятки сократились до десяти. В июне из десяти осталось три. — Он наклонился вперед. — Я искал того единственного, которого называл про себя пациентом Омега.

— Последнего кандидата на исцеление.

Это, казалось, его позабавило.

— Можно и так сказать. Почему бы и нет? И вот мы подошли к печальной истории Мэри Фэй. Я как раз успею тебе ее рассказать, а потом мы перейдем в мою мастерскую. — Он издал хриплый смешок, который напомнил мне Астрид до ее исцеления. — В мастерскую Омега, так сказать. Правда, это еще и хорошо оборудованная больничная палата.

— Под руководством медсестры Дженни.

— Дженни — настоящая находка! Руди Келли растерялся бы... или заскулил бы и убежал, словно щенок с осой в ухе.

— Рассказывайте, — сказал я. — Пора мне узнать, во что я ввязался.

Он снова подался назад.

— В семидесятых годах мужчина по имени Франклин Фэй женился на женщине по имени Дженнис Шелли. Они учились в аспирантуре на кафедре английского языка в Колумбийском университете, а потом пошли в преподаватели. Франклин был публикуемым поэтом — я читал его стихи, и они весьма хороши. Со временем он мог бы стать одним из лучших. Жена его защитила диссертацию по Джеймсу Джойсу и преподавала ирландскую литературу и английский. В 1980-м у них родилась дочь.

— Мэри.

— Да. В 1983-м, в рамках двухлетней программы по обмену, им предложили ставки в Американском колледже в Дублине. Пока все понятно?

— Да.

— Летом 1985-го, когда ты играл на гитаре, а я выступал на ярмарках с Молниеносными портретами, Фэй решили попутешествовать по Ирландии перед

возвращением в Штаты. Они взяли напрокат кемпер — наши ирландские и британские братья зовут их караванами — и отправились в путь. Однажды они остановились пообедать в пабе в графстве Оффали, а вскоре после этого столкнулись с фермерским грузовиком. Мистер и миссис Фэй погибли на месте. Девочка, которая была пристегнута ремнем на заднем сиденье, серьезно пострадала, но выжила.

Эта авария была практически полным повторением той, в которой погибли его жена и сын. Тогда я думал, что он наверняка это понимает, но теперь сомневаюсь. Иногда, когда сталкиваешься с чем-то вплотную, теряется перспектива.

— Они ехали по встречной полосе, понимаешь? Видимо, слегка перебрав пива или вина, Франклин забыл, что он в Ирландии, и по привычке перестроился на правую полосу. По-моему, то же самое случилось с каким-то американским актером, вот только имени его я не помню.

Я помнил, но сказать не потрудился.

— В больнице маленькой Мэри сделали несколько переливаний крови. Понимаешь, к чему я веду? — А когда я покачал головой:

— Кровь была заражена, Джейми. Прионом, который вызывает болезнь Крейтцфельдта-Якоба, известную также как коровье бешенство.

Снова гром. Он уже не ворчал, а громыхал.

— Мэри взяли на воспитание дядя с тетей. Она хорошо училась в школе, стала судебным секретарем, потом вернулась в колледж, чтобы получить юридическую степень, но спустя два семестра бросила учебу и продолжила работать по специальности. Это было в 2007-м. Болезнь, которая поселилась в ней, никак

себя не проявляла. До прошлого лета, когда у Мэри появились симптомы, обычно связываемые с употреблением наркотиков или нервным расстройством. Она уволилась с работы. С деньгами у нее было туго, а к октябрю 2013-го начались физические отклонения: миоклония, атаксия, припадки. Прион пробудился и принялся за работу, проедаая дыры в ее мозгу. Анализ спинномозговой жидкости и МРТ выявили виновника.

— Бог ты мой, — сказал я. Мне вспомнились новостные кадры, вероятно виденные по телевизору в каком-то мотеле, когда я еще колесил по стране: корова в грязном стойле; ноги разъехались, голова задрана, глаза вращаются; в попытках подняться корова бессмысленно мычит.

— Бог Мэри Фэй помочь не может, — сказал он.

— Но вы можете.

В ответ он как-то странно на меня посмотрел. Потом отвернулся и уставился в темнеющее небо.

— Поддай мне руку. Не хочу опоздать на свидание с молнией. Я ждал ее всю жизнь. — Он указал на шкатулку на столике. — Возьми ее. Мне понадобится то, что внутри.

— Волшебные палочки вместо волшебных колец.

Но он покачал головой.

— На этот раз — нет.

Мы вызвали лифт. Чарли самостоятельно добрался до вестибюля и рухнул в одно из кресел у незажженного камина.

— Сходи в кладовку в конце коридора в Восточном крыле. Там ты найдешь предмет, которого я всеми силами избегал.

Это оказалось старомодное инвалидное кресло с плетеным сиденьем и железными колесами, скрежещавшими как проклятые. Я прикатил его в вестибюль и помог Чарли в него забраться. Он протянул руки за шкатулкой, и я передал ее ему — не без внутреннего сопротивления. Он прижал ее к груди, как младенца, и, пока я вез его через ресторан в пустую кухню, возобновил свой рассказ, начав с вопроса.

— Как ты думаешь, почему мисс Фэй бросила юридический факультет?

— Потому что заболела.

Он укоризненно покачал головой.

— Ты что, не слушаешь? Прион был тогда в латентной фазе.

— Ей там разонравилось? Она плохо училась?

— Ни то, ни другое. — Он повернулся ко мне и захватски пошевелил бровями. — Мэри Фэй — героиня нашего времени, одинокая мать. Ребенку, мальчику по имени Тревор, сейчас семь лет. Я его не видел — Мэри не пожелала нас знакомить, но она показывала мне фотографии, когда мы обсуждали его будущее. Он напомнил мне моего собственного сына.

Мы дошли до дверей погрузочного дока, но я не стал их открывать.

— У мальчика та же болезнь?

— Нет. По крайней мере, пока.

— Но он заболит?

— Полностью быть уверенным нельзя, но анализ на прион С-Ј отрицательный. По крайней мере, пока.

Снова загредел гром. Ветер начал усиливаться, зашатав двери и взыв под карнизом.

— Пойдем, Джейми. Нам действительно пора.

Лестница погрузочного дока была слишком крутой для Чарли с его тростью, так что я снес его на руках. Он оказался пугающе легким. Усадив его на пассажирское сиденье гольф-кара, я сел за руль. Когда мы съехали с гравийной дороги на лужайку на склоне за отелем, раздался очередной удар грома. На западе стояла багрово-черная стена туч. На моих глазах ее вздутое чрево исторгло одновременно три молнии. Гроза уже никак не могла нас обойти, и когда она доберется до нас, весь мир содрогнется.

Чарли заговорил:

— Много лет назад я рассказал тебе, как железный стержень на Скайтопе притягивает молнии. Гораздо больше, чем обычный громоотвод. Помнишь?

— Да.

— Ты когда-нибудь приезжал сюда, видел это своими глазами?

— Нет.

Я соврал без малейших колебаний. То, что случилось на Скайтопе летом 1974 года, касалось только меня и Астрид. Может, я рассказал бы об этом Бри, если бы она спросила про мой первый раз, но не Чарли Джейкобсу. Только не ему.

— В «De Vermis Mysteriis» Принн пишет о «гигантских механизмах, которые приводят в движение вселенную» и о реке энергии, которая питает эти механизмы. Он называет эту реку...

— Potestas magnum universum, — сказал я.

Он уставился на меня, и брови поползли вверх, туда, где у него когда-то росли волосы.

— Я ошибался на твой счет. Ты совсем не глуп.

От сильного порыва ветра по давно не стриженной траве пробежала рябь. Ветер пока еще оставался теплым. Когда он похолодает, пойдет дождь.

— Это же молния, да? — сказал я. — Эта самая *potestas magnum universum*.

— Нет, Джейми, — ответил он почти мягко. — Несмотря на все вольты, молния — это всего лишь струйка энергии, одна из многих, которые питают тайное электричество. Но и само это электричество, каким бы потрясающим оно ни было, — всего лишь приток. Он вливается в нечто куда более мощное, силу, превосходящую людское понимание. Это и есть *potestas magnum universum*, о которой писал Принн, и к ней-то я и надеюсь сегодня подключиться. Молния... и это, — он поднял шкатулку своими костлявыми руками, — лишь средства достижения цели.

Мы въехали в лес, следуя той же дорогой, которой уехала Дженни, забрав яйца. Над нами качались ветви и взволнованно перешептывались листья, которые вот-вот мог сорвать ветер и град. Я резко снял ногу с педали акселератора, и гольф-кар мгновенно остановился, как любая электрическая машина.

— Если вы планируете подключиться к тайнам вселенной, Чарли, то я, пожалуй, пас. С меня хватило и исцелений. То, о чем вы говорите, — это же... не знаю... какая-то дверь.

«Маленькая, — подумал я. — Увитая мертвым плющом».

— Успокойся, — сказал он. — Да, дверь есть; о ней пишет Принн, и, как я понимаю, о ней же говорила Астрид. Но я не хочу ее открывать. Я хочу только заглянуть в замочную скважину.

— Бога ради, зачем?

Он взглянул на меня с изумленным презрением.

— Так ты все-таки глуп? Как назвать дверь, которая закрыта для всего человечества?

— Может, сами мне скажете?

Он вздохнул, словно убедившись, что я безнадежен.

— Поезжай, Джейми.

— А если я не поеду?

— То я пойду пешком, а когда ноги откажут — по-ползу.

Он, конечно же, блефовал. Без меня он не смог бы продолжить. Но тогда я этого не знал, так что поехал дальше.

Хижины, в которой мы с Астрид занимались любовью, больше не было. На том месте, где она когда-то стояла, покосившаяся, покрытая граффити, теперь был аккуратненький коттедж, белый с зеленой отделкой. Квадратный газон перед ним порос яркими летними цветами, которым предстояло быть сорванными грозой. Восточнее коттеджа асфальтированная дорога переходила в гравийную, памятную мне по поездкам на Скайтоп с Астрид. Она заканчивалась тем самым громадным гранитным куполом, из которого вздымался к черному небу железный шест.

На крыльце стояла Дженни в цветастой блузке и белых нейлоновых брюках санитарки, скрестив руки на груди и обхватив ладонями локти, будто ей было холодно. На шее у нее висел стетоскоп. Я остановил гольф-кар у самых ступенек и обошел его, чтобы помочь Джейкобсу выбраться. Дженни присоединилась ко мне.

— Слава Богу, вы здесь!

Ей приходилось кричать, чтобы слова не заглушал ветер, гнувший сосны и ели.

— Я уж думала, не приедете!

Ударил молния, и когда за ней последовал раскат грома, она вздрогнула.

— В дом! — заорал я на нее. — Быстро!

Ветер стал ледяным, и моя вспотевшая кожа, как термометр, зарегистрировала изменение температуры. До грозы оставались считанные минуты.

Мы завели Джейкобса на крыльцо, поддерживая с обеих сторон. Ветер развеивал жалкие остатки его волос. Он по-прежнему держал трость и крепко прижимал к груди шкатулку красного дерева. Я услышал какой-то шорох, обернулся к Скайтопу и увидел, как ветер гонит по склону и сбрасывает с обрыва обломки гранита, отколотые предыдущими грозами.

Когда мы зашли внутрь, Дженни никак не могла закрыть за нами дверь. Мне это удалось, хотя и стоило больших усилий. После этого вой ветра немного утих. Я слышал, как поскрипывает деревянный скелет коттеджа, но он казался достаточно прочным. Вряд ли его могло сдуть ветром, а железный прут притянет все молнии, бьющие поблизости. По крайней мере я на это надеялся.

— В кухне есть полбутылки виски. — Джейкобс запыхался, но в остальном был спокоен. — Если только вы его не прикончили, мисс Ноултон.

Дженни покачала головой. Она побледнела, расширенные глаза блестели — не от слез, а от страха. Она подпрыгивала от каждого удара грома.

— Налей мне чуть-чуть, — велел мне Джейкобс. — На один палец. И себе и мисс Ноултон тоже. Выпьем за успех нашего предприятия.

— Я не хочу пить и не хочу никаких тостов, — сказала Дженни. — Я хочу одного: чтобы все это закончилось. Как я могла в это ввязаться?

— Иди, Джейми, — сказал Джейкобс. — Три порции. И поживей. Время не ждет.

Бутылка стояла на столе у раковины. Я взял три стакана и плеснул в каждый понемногу. Пил я очень редко, опасаясь, что алкоголь приведет меня обратно к наркотикам, но в этот раз он был мне необходим.

Когда я вернулся в гостиную, Дженни там не было. В окнах сверкали голубые вспышки молний; лампы то гасли, то снова ярко вспыхивали.

— Ей пришлось отлучиться к нашей пациентке, — сказал Джейкобс. — Я выпью ее порцию. Если, конечно, ты не захочешь.

— Вы отослали меня в кухню, чтобы с ней поговорить, Чарли?

— Чепуха.

Здоровая половина его лица улыбалась; другая оставалась серьезной и настороженной. «Ты знаешь, что я лгу, — словно бы говорила эта половина, — но теперь уже поздно. Так ведь?»

Я подал ему стакан, а тот, что предназначался Дженни, поставил на столик у дивана с художественно разбросанными журналами. Мне пришло в голову, что, возможно, я впервые вошел в Астрид на том самом месте, где теперь стоял столик. «Не двигайся, милый, — сказала она, а потом: — Это чудесно».

Джейкобс поднял стакан:

— Вышьем за...

Я опрокинул свой раньше, чем он успел закончить.

Он взглянул на меня с упреком и выпил содержимое стакана, за исключением одной капли, стекшей из парализованного уголка рта.

— Я вызываю у тебя омерзение, да? Мне очень жаль. Ты и не представляешь, насколько.

— Не омерзение — страх. Меня пугает любой человек, который заигрывает с силами, неподвластными его пониманию.

Он взял стакан, который предназначался Дженни. Стекло увеличило парализованную половину его лица, как лупа.

— Я мог бы возразить, но стоит ли? Гроза почти дошла до нас, а к тому времени, как небо снова прояснится, мы будем квиты. Имей мужество признаться хотя бы, что тебе любопытно. Любопытство сыграло большую роль в том, что ты здесь. Ты хочешь знать. Как и я, как и Принн в свое время. Против воли здесь находится только бедная Дженни. Она расплачивается по долгу любви. И это придает ей благородство, на которое мы не можем претендовать.

Дверь позади него открылась. Я уловил запахи болезни — моча, лосьон, средство для дезинфекции. Дженни закрыла за собой дверь, увидела стакан в руке Джейкобса и выхватила его. Она проглотила виски с гримасой, от которой у нее на шее вздулись мышцы.

Джейкобс склонился над своей тростью, пристально глядя на сиделку.

— Могу ли я заключить...

— Да.

Загрохотал гром. Она вскрикнула и выпустила стакан из рук. Он покатился по ковру.

— Возвращайтесь к ней, — сказал Джейкобс. — Мы с Джейми очень скоро к вам присоединимся.

Дженни молча вернулась в комнату больной. Джейкобс повернулся ко мне.

— Слушай меня очень внимательно. Когда мы войдем, слева от тебя будет бюро. В верхнем ящике — револьвер. Его добыл для меня Сэм, охранник. Вряд ли тебе придется пустить его в ход, но если придется, Джейми... не раздумывай.

— С какой стати я...

— Мы говорили о некой двери. Эта дверь ведет в смерть. Рано или поздно каждый из нас сжимается, и от него остается только разум и дух. И в таком виде мы проходим в нее, оставляя тела позади, как сброшенные перчатки. Иногда смерть естественна и милосердна; она кладет конец страданиям. Но слишком часто она является как убийца, бесчувственный, жестокий, лишенный сострадания. Мои жена и сын, чьи жизни унес бессмысленный случай, — тому пример. Как и твоя сестра. Три человека из миллионов. Большую часть жизни я выступал против тех, кто пытается объяснить эту глупость и бессмысленность болтовней о вере и детскими сказками про небеса. Эта чушь никогда меня не утешала, и я уверен, что тебя тоже. И все же... что-то там есть.

«Да, — подумал я, услышав, как близкий раскат грома сотряс стекла в окнах. — Что-то есть там, за дверью, и что-то случится. Что-то ужасное. Если я его не предотвращу».

— В ходе своих экспериментов я видел намеки на это «что-то». Я замечал его тень в каждом случае исцеления с помощью тайного электричества. Я знаю о нем по побочным эффектам — некоторые из них тебе известны. Это знаки некой неведомой сути за пределами нашей жизни. Все рано или поздно задумываются

о том, что лежит за стеной смерти. Сегодня, Джейми, мы увидим это своими глазами. Я хочу знать, что случилось с моими женой и сыном. Я хочу знать, что готовит нам вселенная после того, как заканчивается эта жизнь, и я намерен это выяснить.

— Нам не положено этого видеть.

От шока я почти лишился голоса и не был уверен, что он расслышит мои слова сквозь вой ветра, но он услышал.

— Неужели ты не думаешь о своей сестре Клер каждый день? Не гадаешь, существует ли она где-то до сих пор?

Я ничего не сказал, но он кивнул, словно услышал ответ.

— Конечно же, да, и скоро мы узнаем ответ. Его даст нам Мэри Фэй.

— Но как? — Мои губы онемели, и причина была не в алкоголе. — Как она даст ответ, если вы ее исцелите?

Он взглянул на меня, будто не веря в такую бестолковость.

— Я не могу ее вылечить. Эти восемь болезней, о которых я говорил, были выбраны потому, что их невозможно исцелить тайным электричеством.

Свист ветра усилился до воя, и первые капли дождя ударили по восточному фасаду с такой мощью, будто кто-то швырялся пригоршнями гальки.

— Мисс Ноултон отключила Мэри Фэй от искусственного вентилятора легких, пока мы сюда ехали. Мэри умерла почти пятнадцать минут назад. Ее кровь остывает. Компьютер, находящийся внутри ее черепа, поврежденный болезнью, но все же достойный восхищения, выключился.

— Вы думаете... вы в самом деле думаете...

Закончить мне не удалось. Я был потрясен.

— Да. У меня ушли годы изысканий и экспериментов, чтобы достигнуть этой точки, но — да. Используя молнии как путь к тайному электричеству, а тайное электричество — как канал к potestas magnum univēsum, я намереваюсь вернуть Мэри Фэй к какому-то подобию жизни. Я собираюсь узнать правду о том, что находится по ту сторону двери, ведущей к Царству смерти. Узнать из уст того, кто там побывал.

— Вы сошли с ума. — Я повернулся к двери. — Я не собираюсь в этом участвовать.

— Если ты в самом деле захочешь уйти, я не смогу тебе помешать, — сказал он, — хотя в такую грозу это было бы верхом легкомыслия. А что если я скажу, что продолжу и без тебя, и это подвергнет риску жизнь мисс Ноултон и мою? Какая печальная это была бы ирония, если бы она погибла так скоро после спасения Астрид.

Я обернулся, продолжая держаться за дверную ручку. Дождь барабанил по обратной стороне двери. Молния бросила голубой отсвет на ковер.

— Ты можешь узнать, что случилось с Клер.

Он говорил теперь тихим, мягким голосом, в самой убедительной манере пастора Дэнни.

Голосом дьявола-искусителя.

— Может быть, ты даже сможешь с ней пообщаться... услышать, как она говорит, что любит тебя. Разве это не прекрасно? Если, конечно, она остается разумным существом... Неужели тебе не хочется это узнать?

Снова сверкнула молния, и сквозь зазор в защелке шкатулки мелькнул зеленовато-пурпурный свет — вспыхнул и погас.

— Если тебя это успокоит, мисс Фэй согласилась на этот эксперимент. Все бумаги в полном порядке, включая подписанное ей разрешение прекратить так называемые чрезвычайные меры по поддержанию ее жизни. В обмен на кратковременное и вполне уважительное использование останков Мэри я сделаю щедрый взнос в трастовый фонд ее сына, которого ему хватит на долгие годы. Жертв здесь нет, Джейми.

«Если верить тебе, — подумал я. — Если верить».

Загрохотал гром. На этот раз перед ударом молнии я услышал слабый щелчок. Джейкобс тоже его заметил.

— Время пришло. Идем со мной в комнату, или уходи.

— Я войду, — сказал я. — И буду молиться, чтобы ничего не получилось. Потому что это не эксперимент, Чарли. Это дьявольщина.

— Думай что хочешь и молись сколько влезет. Может быть, тебе это поможет больше, чем мне... хотя сомневаюсь.

Он открыл дверь, и я вошел вслед за ним в комнату, где умерла Мэри Фэй.

XIII

Возрождение Мэри Фэй

В комнате, где умерла Мэри Фэй, большое окно выходило на восток, но из-за бури, которая уже бушевала прямо над нами, я не видел в нем ничего, кроме тускло-серебристой завесы дождя. Свет настольной лампы не мог разогнать темноты. Левым плечом я задел комод, о котором говорил Джейкобс, но даже не вспомнил о револьвере в верхнем ящике. Мое внимание было приковано к неподвижной фигуре на больничной кровати. Видел я ее хорошо, потому что все мониторы были выключены, а капельница — отодвинута в угол.

Мэри была красавицей. Смерть стерла все следы, оставленные поразившей ее мозг болезнью, и ее лицо — белоснежное, в обрамлении копны каштановых волос — украсило бы собой любую камею. Глаза Мэри были закрыты. Густые ресницы касались щек. Рот слегка приоткрыт. Тело до плеч накрывала простыня, поверх которой лежали сомкнутые на груди руки. Мне вспомнился отрывок стихотворения, что-то из пройденного в 12-м классе: «С красотой гиацинтовых нежных

волос... Ты как статуя в нише окна предо мной...»
(Перевод К. Бальмонта — Прим. пер.)

Дженни Ноултон стояла, заламывая руки, у теперь уже бесполезного аппарата ИВЛ.

Сверкнула молния. В ее вспышке я увидел железный стержень на Скайтопе, который уже бог знает сколько лет бросал вызов грозам.

Джейкобс держал в руках шкатулку.

— Помоги мне, Джейми. Нам надо торопиться. Возьми и открой ее. Все остальное сделаю я.

— Не надо, — взмолилась Дженни из своего угла.

— Ради Бога, пусть девушка покоится с миром.

Джейкобс, возможно, ее не услышал из-за шума дождя и воя ветра. Я услышал, но внимания не обратил. Вот так мы и навлекаем на себя проклятие: плюем на голос, умоляющий нас остановиться. Остановиться, пока еще есть время.

Я открыл шкатулку. Внутри не было ни палочек, ни пульта. Вместо них в шкатулке лежал металлический головной ободок, шириной с ремешок на женской туфельке. Джейкобс осторожно — даже благоговейно — вынул его и развел концы. Я увидел, как ободок растянулся. А со следующим ударом молнии, которому опять предшествовало щелканье, по нему прокатилось зеленое свечение, и мертвый металл на миг показался похожим на что-то другое. На змею, например.

— Мисс Ноултон, приподнимите ей голову, — попросил Джейкобс.

Дженни так сильно замотала головой, что ее волосы разлетелись по сторонам.

Он вздохнул.

— Тогда ты, Джейми.

Я подошел к кровати, словно во сне. Подумал о Патриции Фармингдейл, которая насыпала соли себе в глаза. Об Эмиле Кляйне с грязью во рту. О Хью Йейтсе, на глазах у которого верующие в шатре пастора Дэнни превратились в огромных муравьев. «За любое исцеление надо платить», — подумал я.

Раздался еще один щелчок, за которым последовала вспышка молнии. От удара грома затрясся дом. Лампа на прикроватном столике потухла, и на мгновение комната погрузилась во тьму, пока не заурчал генератор.

— Быстрее! — болезненно вскрикнул Джейкобс. У него на ладонях вздулись волдыри, но ободок он не уронил. Ведь это был его последний проводник, последний канал связи с *potestas magnum universum*, и я верю по сей день, что даже смерть от электрического шока не заставила бы его выпустить полоску металла.

— Быстрее, пока молния не ударила в стержень!

Я приподнял голову Мэри Фэй. Каштановые волосы полились водопадом с такого безупречного (и такого неподвижного) лица и рекой растеклись по подушке. Чарли стоял рядом со мной, наклонившись и порывисто дыша. Из рта у него воняло старостью и немощью. Я подумал, что через пару месяцев он смог бы узнать, что таится на другой стороне, уже на собственном опыте. Но он, само собой, хотел совсем другого. В основе любой устоявшейся религии лежит священная тайна, которая поддерживает веру и благодаря которой самые ярые ее приверженцы готовы принять мученическую смерть. Хотел ли Джейкобс знать, что таится за смертной дверью? Да. Но я верю всем сердцем, что еще больше он хотел надругаться над тайной. Вытащить ее наружу и выставить на всеобщее обозрение с криком: «Вот она! Вот ради чего

вы выступали в крестовые походы и убивали во имя Господа! Как вам? Нравится?»

— Волосы... приподними ей волосы. — Джейкобс с упреком взглянул на съежившуюся в углу женщину. — Черт, я же просил тебя их обрезать!

Дженни не ответила.

Я приподнял волосы Мэри Фэй. Мягкие и тяжелые, словно шелк. И я понял, почему Дженни их не остригла: у нее просто рука не поднялась.

Джейкобс надел обруч Мэри на лоб, чтобы он плотно сжимал ей виски.

— Вот так, — сказал он, распрямляясь.

Я осторожно вернул на подушку голову мертвой женщины, и, глядя на касающиеся ее щек черные ресницы, подумал: ничего у него не получится. Исцеления — это одно; воскрешение женщины, которая уже пятнадцать минут как умерла, — даже не пятнадцать, а все тридцать, — совсем другое. Это просто невозможно. И даже если от многомиллионного разряда молнии у нее дернутся пальцы или повернется голова — это будет значить не больше, чем подергивание лапки мертвой лягушки от тока из батарейки. Чего Джейкобс надеется добиться? Даже если до этого мозг Мэри был полностью здоров — сейчас-то он уже разлагается. Смерть мозга необратима — даже я это знал.

Я сделал шаг назад.

— Что дальше, Чарли?

— Дальше мы ждем, — ответил он. — Уже скоро.

Прикроватная лампа погасла во второй раз, через полминуты или около того, и больше не включалась. За воем ветра я почти не слышал рева генератора. Джейкобс, закрепив металлическую ленту на лбу Мэри

Фэй, казалось, вообще потерял к ней интерес. Он вперился взглядом в окно, сложив руки за спиной — точно капитан на мостике. Железный шест был неразличим за стеной дождя, даже смутно, но когда в него попадет молния — мы его увидим. Если попадет. Пока этого не случилось. Возможно, подумал я, Бог все же существует, и сейчас он не на стороне Джейкобса.

— Где пульт управления? — спросил я его. — Куда выходят контакты от того стержня?

Он посмотрел на меня как на дебила.

— Молнией невозможно управлять. Она даже титан превратит в золу. А что касается контактов... Это ты, Джейми. Ты что, до сих пор не догадался, зачем ты тут? Готовить мне еду?

Как только он это произнес, я поразился, почему не додумался до этого раньше. Почему соображал так долго. Тайное электричество все это время было во мне — как и во всех исцеленных пастором Дэнни. Иногда оно спит, как болезнь, так долго прятавшаяся в мозгу Мэри Фэй. Иногда просыпается и заставляет есть грязь, сыпать соль в глаза и вешаться на штанах. Эта дверца открывается двумя ключами. Мэри Фэй — один из них.

Я — другой.

— Чарли, вы должны прекратить это.

— Прекратить? Ты сошел с ума?

«Нет, — подумал я. — Это ты рехнулся. Я-то как раз пришел в себя».

Оставалось лишь надеяться, что не слишком поздно.

— На другой стороне нас кто-то ждет. Астрид называла это существо Матерью. Не думаю, что вы мечтаете с ней повстречаться. Я-то точно не хочу.

Я наклонился, чтобы снять металлический ободок со лба Мэри Фэй. Джейкобс обхватил меня обеими руками и стал оттаскивать назад. Я должен был легко вырваться из его костлявых рук, но не мог. По крайней мере, не сразу. Он вцепился в меня со всей силой своей одержимости.

Пока мы боролись в этой мрачной, наполненной тенями комнате, ветер неожиданно стих. Дождь ослаб. Сквозь окно снова можно было разглядеть шест. По сморщенной глыбе гранита, зовущейся Скайтопом, бежали ручейки воды.

«Слава Богу, — подумал я. — Буря уходит».

Я перестал сопротивляться как раз в тот момент, когда почти освободился — и тем самым упустил свой шанс остановить грядущую мерзость до того, как она началась. Буря не ушла — лишь набирала в грудь воздух перед главным ударом. Ветер снова обрушился на дом, на сей раз с ураганной мощью, и за секунду до удара молнии я почувствовал то же самое, что и в тот далекий день с Астрид: все волосы на моем теле встали дыбом, воздух в комнате загустел, как масло. Дженни в ужасе закричала.

Кривая огненная ветвь протянулась из облаков и ударила в железный шест на Скайтопе, окрасив его в голубой цвет. Раздался грохот, похожий на выстрел мелкокалиберного орудия, и мою голову наполнил бесконечный хор воплей. Я понял, что это — все те, кого Чарльз Джейкобс когда-либо исцелил, плюс все те, кого он сфотографировал своей Молниеносной камерой. Не только те, кто страдал от побочных эффектов — вообще все. Тысячи. Если бы эти крики продолжались хотя бы секунд десять, они свели бы меня с ума. Но как только покров холодного огня, окутавший

шест, стал спадать, а сам шест окрасился в вишневый красный цвет, как свежеразплавленный металл, агонирующие голоса утихли.

Громыхнул раскат грома, зарядил яростный ливень с градом.

— О Боже! — завопила Дженни. — О Боже, смотрите!

Ободок на голове Мэри Фэй пульсировал ярким зеленым светом. Я видел это не только глазами, но и рассудком — в конце концов, я был контактом. Я был проводником. Сияние стало ослабевать, и тут еще одна молния ударила в шест. Хор завизжал снова. На этот раз обод сменил цвет с зеленого на сверкающий белый — такой яркий, что на него было невозможно смотреть. Я закрыл глаза и прижал ладони к ушам. В темноте передо мной маячило бледно-голубое остаточное изображение обода.

Вопли смолкли. Я открыл глаза и увидел, как сияние, окружавшее ободок, тоже ушло. Джейкобс широко открытыми, замороженными глазами смотрел на труп Мэри Фэй. Из парализованной части его рта капала слюна.

Град щедро сыпанул напоследок и прекратился. Дождь тоже начал утихать. Я видел, как молнии бьют в деревья за Скайтопом, но теперь буря и в самом деле уходила на восток.

Дженни резко выскочила из комнаты, оставив дверь открытой. Я услышал, как она ударилась обо что-то, выбегая из гостиной. Хлопнула, стукнувшись о стену, входная дверь — та самая, которую я закрыл с таким трудом. Дженни ушла.

Джейкобсу до этого не было никакого дела. Он склонился над мертвой женщиной, что лежала с закры-

тыми глазами, чьи темные ресницы касались бледной кожи. Теперь ободок был просто куском железа. В темноте комнаты он даже не поблескивал. Если он и обжег ее лоб, отметина осталась под металлом. Впрочем, я бы учуял запах горелой плоти, будь оно так.

— Очнись, — сказал Джейкобс. Когда ответа не последовало, он заорал: — Очнись!

Он встряхнул ее руку — сначала мягко, затем жестче.

— Очнись! Очнись, мать твою, очнись!

Ее голова болталась из стороны в сторону, словно говоря «нет».

— ОЧНИСЬ, СУКА, ОЧНИСЬ!

Еще немного и он стащил бы ее с кровати на пол. Не желая допустить, чтобы это кощунство продолжалось, я схватил его за правое плечо и оттащил назад. Мы закружились в нелепом танце и врезались в бюро.

Он повернулся ко мне, лицо его было перекошено яростью и разочарованием.

— Пусти! Пусти! Я спас твою жалкую жизнь и требую...

А потом что-то случилось.

С кровати донеслось тихое мычание. Я ослабил хватку. Труп лежал в той же позе, только руки были раскинуты в стороны после трепки, которую задал ему Чарли.

«Это всего лишь ветер», — подумал я. Со временем мне наверняка удалось бы себя в этом убедить, но не успел я даже попробовать, как звук раздался снова: слабое мычание издавала женщина на кровати.

— Она возвращается, — сказал Чарли. Глаза у него выскочили из орбит, как у жабы, которую стиснул жестокий ребенок. — Она возрождается. Она жива.

— Нет, — возразил я.

Если Чарли и услышал, то не обратил внимания. Он видел только женщину, лежавшую на кровати, чье бледное лицо тонуло в тенях, скользивших по комнате. Он рванулся к ней, как Ахаб на палубе «Пекода», приволакивая больную ногу. Язык свисал из полупарализованного рта. Чарли задыхался.

— Мэри! — сказал он. — Мэри Фэй!

Мычание раздалось снова, низкое, глухое. Ее глаза оставались закрытыми, но, холодея от ужаса, я увидел, что они двигаются под веками, словно мертвая женщина видела сон.

— Ты слышишь меня? — В его голосе слышалось почти непристойное нетерпение. — Если слышишь, подай знак.

Мычание продолжалось. Джейкобс положил ладонь на ее левую грудь и повернулся ко мне. Как ни трудно в это поверить, он ухмылялся. В полумраке его лицо было похоже на череп.

— Сердце не бьется, — сказал он. — И все-таки она жива. Жива!

«Нет, — подумал я. — Она ждет. И ожидание подошло к концу».

Джейкобс снова повернулся к ней и приблизил свое наполовину парализованное лицо почти вплотную к ее — мертвому. Ромео со своей Джульеттой.

— Мэри! Мэри Фэй! Вернись к нам! Вернись и расскажи, где ты была!

Мне тяжело думать о том, что произошло после, а тем более — писать об этом, но я должен это сделать.

Быть может, мои слова послужат предупреждением кому-нибудь, кто замышляет такой же дьявольский эксперимент, и отвратят его от этой мысли.

Она открыла глаза.

Мэри Фэй открыла глаза, но в них уже не было ничего человеческого. Молния сбила замок с двери, которую нельзя было открывать, и в нее проникла Мать.

Сначала глаза казались голубыми. Ярко-голубыми. В них не отражалось ничего. Они были совершенно пусты. Глаза смотрели в потолок сквозь алчущее ответа лицо Джейкобса, сквозь потолок, сквозь покрытое тучами небо над ним. Потом взгляд вернулся к нему. Глаза заметили Чарли, и некое понимание — некое осознание — забрезжило в них. Она снова издала это мычание, но я не видел, чтобы она хотя бы раз вдохнула. Зачем? Она была мертва... за исключением этих нечеловеческих пристальных глаз.

— Где ты была, Мэри Фэй? — Его голос дрожал. Слюна по-прежнему стекала из онемевшего уголка рта, оставляя на простыне мокрые пятна. — Где ты была, что ты видела? Что ждет нас за пределами смерти? Что там, на другой стороне? Отвечай!

Ее голова запульсировала, словно мертвый мозг стал слишком велик для своего вместилища. Глаза потемнели — сначала до лавандового цвета, потом до фиолетового, потом до индиго. Губы растянула улыбка; она стала шире и превратилась в ухмылку. Одна рука поползла по стеганому покрывалу, как паук, и ухватила Джейкобса за запястье. Он охнул, почувствовав ледяную хватку, и замахал свободной рукой в поисках равновесия. Я взялся за нее, и мы трое — двое живых и одна мертвая — оказались соединены. Ее голова

пульсировала на подушке. Росла. Раздувалась. Мэри уже не была ни красавицей, ни даже человеческим существом.

Комната не исчезла; она осталась на месте, но я увидел, что это иллюзия. Все было иллюзией: коттедж, Скайтоп, курорт. Весь живой мир — иллюзия. То, что я считал реальностью, оказалось маскировкой, тонкой, как старый нейлоновый чулок.

Истинный мир лежал за ней.

Глыбы базальта вздымались к черному небу, испещренному воющими звездами. Наверно, эти глыбы были останками огромного разрушенного города. Он стоял среди бесплодных земель. Бесплодных, да, но не пустых. Через них тянулась широкая и, казалось, бесконечная череда голых людей, которые шли с опущенными головами, спотыкаясь. Этот кошмарный парад простирался до далекого горизонта. Людей подгоняли похожие на муравьев существа, большинство — черные, некоторые — темно-красные, как венозная кровь. Когда люди падали, «муравьи» набрасывались на них, кусали и били, пока те не поднимались на ноги. Я видел молодых мужчин и старух. Я видел подростков с младенцами на руках. Я видел детей, которые пытались помогать друг другу. И на всех лицах застыло одинаковое выражение абсолютного ужаса.

Они маршировали под воющими звездами, они падали; их избивали и рывком ставили на ноги; на их руках, ногах и животах зияли бескровные раны от укусов. Бескровные, потому что все они были мертвы. Глупый мираж земной жизни развеялся, и вместо рая, который обещали им священники всех деноминаций, их ждал мертвый город с циклопическими глыбами камня под небом, которое само по себе было маскиро-

вочной сеткой. Воюющие звезды на самом деле не были звездами. Это были дыры, и доносящийся из них вой исходил от истинной *potestas magnum universum*. За этим небом обитали сущности — живые, всемогущие и совершенно безумные.

Побочные эффекты — это остаточные фрагменты неведомой сущности за пределами нашей жизни, как сказал Чарли. И эта сущность совсем рядом, в этом стерильном месте, в призматическом мире безумной истины, которая свела бы с ума любого человека, увидевшего ее хоть на миг. Муравьеподобные твари служили этим гигантским сущностям, так же, как марширующие голые мертвецы служили тварям.

Быть может, и город был не городом, а муравейником, где все мертвецы Земли сначала становились рабами, а потом — пищей. А после этого — умирали ли они окончательно? Вероятно, нет. Мне не хотелось вспоминать строки, которые процитировала в письме Бри, но я ничего не мог с собой поделаться: «То не мертво, что вечно недвижимо: спустя эонов тьмы умрет и смерть».

Где-то в этой толпе маршировали Пэтси Джейкобс и Морри-Я-с-вами. Где-то там была Клер, которая заслужила царствие небесное, а вместо него получила вот это: стерильный мир под пустым небом, мертвецкое королевство, где муравьеподобные охранники то ползли, то шли на двух ногах, а в их лицах было нечто пугающе человеческое. Этот кошмар и был загробной жизнью, и он ждал не только грешников, но всех нас.

Мой разум пошатнулся. Я испытал облегчение и чуть было не поддался безумию. Одна мысль спасла мой рассудок, и я продолжаю держаться за нее

и сейчас: этот кошмарный ландшафт тоже мог быть иллюзией.

— Нет! — закричал я.

Шагающие мертвецы обернулись на мой голос. Повернулись ко мне и «муравьи», скрежеща жвалами и пронзая меня своими тошнотворными (тошнотворными, но разумными) глазами. Небо над нами начало разрываться с громоподобным треском. В разрыве показалась гигантская черная нога, покрытая клочьями жесткого меха. Нога завершалась громадным когтем, состоящим из человеческих лиц. Ее владелец хотел только одного — заглушить голос отрицания.

Это была Мать.

— Нет! — снова закричал я. — Нет, нет, нет, нет!

Причиной видения была наша связь с возрожденной покойницей — я понимал это, несмотря на охвативший меня ужас. Рука Джейкобса сжимала мою, как наручник. Если бы это оказалась его правая, здоровая рука, я бы ни за что не успел вовремя освободиться. Но рука была левая, слабая. Я рванулся со всей мочи в тот самый момент, когда чудовищная нога потянулась ко мне, и коготь из вопящих лиц готов был подцепить меня и выдернуть в неведомую и жуткую вселенную, поджидавшую за черным бумажным небом. Сквозь разрыв в его тверди я уже мог разглядеть безумный свет и цвета, которых не должно было видеть ни одно смертное существо. Цвета были живыми. Я чувствовал, как они заползают на меня.

Я в последний раз дернулся, освобождаясь от хватки Чарли, и отлетел назад. Пустынная равнина, огромный разрушенный город, шарящий коготь — все исчезло. Я снова оказался в спальне коттеджа, распростертый на полу. Мой старый пятый персонаж стоял у кро-

вати. Мэри Фэй — или то темное существо, которое вселилось в ее труп и мертвый мозг благодаря тайному электричеству Джейкобса, — вцепилась в его руку. Ее голова превратилась в пульсирующую медузу с кое-как набросанными на ней чертами человеческого лица. Ее ухмылка... казалось бы, невозможно буквально ухмыляться от уха до уха, но мертвая женщина, которая уже не была мертва, делала именно это. Нижняя половина ее лица превратилась в черную яму, которая дрожала и трепетала.

Джейкобс выпучил на нее глаза. Его лицо приобрело цвет бледно-желтого сыра.

— Патриция? Пэтси? Где ты? Где Морри?

Существо заговорило в первый и последний раз.

— Ушли служить Великим, в Ничто. Без смерти, без света, без отдыха.

— Нет, — его грудь выгнулась, и он закричал: — Нет!

Он попытался освободиться. Она — оно — держало его мертвой хваткой.

Из зияющего рта трупа показалась черная нога с изогнутым когтем. Коготь был живым; коготь был лицом. Я узнал его: это был Морри-я-с-вами, и он кричал. Со зловещим шорохом, который я до сих пор слышу в кошмарах, нога начала продираться сквозь губы. Она выбралась наружу, она вытянулась, она коснулась простыни и принялась скрести по ней, точно бескожий палец, оставляя опалины с поднимающимися вверх тонкими струйками дыма. Черные глаза существа, когда-то бывшего Мэри Фэй, набухли, вылезли из глазниц и срослись в районе переносицы в один огромный шар, уставившийся на нас с тупой алчностью.

Голова Чарли откинулась назад, из его горла донеслось бульканье. Он встал на цыпочки, словно в последней отчаянной попытке освободиться от хватки существа, пытавшегося проникнуть из безумного потустороннего мира — который, как я теперь знаю, так близок к нашему. Потом он рухнул на колени и упал лицом на кровать, словно в молитве.

Существо отпустило его и переключило внимание на меня. Оно отбросило простыню и попыталось подняться. Черная нога все лезла из разверстой пасти. Теперь к лицу Морри добавилось лицо Пэтси. Сросшиеся в единое целое, они корчились и извивались.

Я поднялся, опершись спиной на стену и помогая себе ногами. Раздутое, пульсирующее лицо Мэри Фэй потемнело, словно существо внутри душило ее. Черный глаз смотрел в мою сторону. Мне почудилось, что я вижу в нем отражение огромного города и бесконечную череду шагающих мертвецов.

Не помню, как я открыл бюро. Знаю только, что в какой-то момент обнаружил в руке пистолет. Наверно, если бы он был автоматическим и стоял на предохранителе, я бы так и жал на бесполезный спусковой крючок — а существо бы тем временем поднялось, прошаркало через комнату и добралось до меня. Этот коготь затащил бы меня через чудовищный рот в тот другой мир, где я понес бы неопишемую кару за то, что посмел произнести единственное слово — «нет».

Но пистолет не был автоматическим. Это оказался револьвер. Я выстрелил пять раз, и четыре пули попали в существо, пытающееся встать со смертного ложа Мэри Фэй. Да, я точно знал, сколько пуль выпустил — слышал грохот выстрелов, видел вспышки в темноте, чувствовал, как оружие подпрыгивает в

моей ладони, — но мне казалось, что все это происходит с кем-то другим. Существо завалилось на бок и упало. Слившиеся лица закричали сросшимися ртами. Помню, как в тот момент подумал: «Мать пулями не убьешь, Джейми. Только не ее».

Но она не двигалась. Дрянь, вылезшая изо рта, вяло сползала по подушке. Лица жены и сына Джейкобса начали растворяться. Я закрыл глаза руками и заорал. Орал и орал, пока не охрип. Когда я опустил руки, коготь исчез. Исчезла и Мать.

Я слышу ваши слова: «если она вообще там была» — и не виню вас за них. Если бы меня там не было, я и сам был это не поверил. Но я был. И они — мертвые — тоже были там. И она.

Теперь, впрочем, здесь была только Мэри Фэй — женщина, чей посмертный покой уничтожили четыре пули. Ее тело лежало поперек кровати — волосы разбросаны, рот открыт. Я увидел два пулевых отверстия в ночной рубашке и еще два — чуть ниже, в простыне, обернутой вокруг ее бедер. Еще я заметил опалины, оставленные тем чудовищным когтем. Других следов от него не осталось.

Джейкобс начал медленно сползать на левую сторону. Я потянулся к нему, но движение вышло вялым и сонным. Схватить его я не успел, и он, как был с согнутыми коленями, упал на бок. Его широко распахнутые глаза уже успели застыть. Лицо исказила гримаса невыносимого ужаса.

«Чарли, тебя будто током ударило», — подумал я и засмеялся. О, как я смеялся! Согнувшись пополам, охватив руками колени, чтобы не упасть... тот смех был почти беззвучным — голос у меня сел — но ис-

кренним. Ну ведь правда же смешно. Током ударило! Какое шокирующее развитие событий! Просто умора.

И все же, пока я смеялся — до конвульсий, до боли — мои глаза неотрывно следили за Мэри Фэй в ожидании момента, когда волосатая нога с вопящими лицами на когте снова начнет вылезать из ее рта.

В конце концов я выполз из той комнаты в гостиную. На ковре лежали ветки, занесенные ветром через открытую Дженни Ноултон входную дверь. Они хрустели под моими ногами точно кости, и мне опять захотелось кричать, но я слишком устал. Так устал.

Грозовые тучи уходили на восток, изредка выплевывая по пути разряды молний. Скоро улицы Брансуика и Фрипорта зальет вода, град заполнит собой сточные канавы, но сейчас между этими тучами и местом, где я стоял, над просторами округа Андроскоггин раскинула свою разноцветную арку радуга. Вроде бы в тот день, когда мы приехали сюда с Астрид, тоже была радуга?

«Господь дал Ною радужный знак», — пели мы когда-то на четверговых собраниях Братства юных методистов, и Пэтси Джейкобс раскачивалась на скамье перед пианино, а ее волосы, собранные в хвост, мотались из стороны в сторону. Обычно радуга считается хорошим знаком и означает конец грозы, но эта привела меня в ужас и наполнила отвращением, потому что напомнила про Хью Йейтса. Хью и его призматiku. Хью, который видел людей-муравьев.

Мир начал темнеть. Я понял, что сейчас упаду в обморок, и был этому рад. Может, когда я очнусь, мой разум смоет все это прочь. Так будет даже лучше. Даже безумие будет лучше, если в нем не останется места для Матери.

Но лучше всего была бы смерть. Роберт Райвард знал это; Кэти Морс тоже это знала. Я вспомнил о револьвере. Конечно, в нем осталась пуля и для меня — но такое решение выглядело никудышным. Возможно, я думал бы иначе, не услышь я слов Матери, обращенных к Джейкобсу: без смерти, без света, без отдыха.

«Только Великие», — сказала она.

Только Ничто.

У меня подкосились колени, я упал рядом с дверью и отключился.

XIV

Побочные эффекты.

Все это случилось три года назад. Теперь я живу в Кейлуа, неподалеку от моего брата Конрада. Это симпатичный прибрежный городок на Большом острове. Я поселился на Онеава-стрит, довольно далеко от побережья и еще дальше — от фешенебельных районов. Но квартира просторная и дешевая — по крайней мере, для Гавайев. К тому же от нее близко до Куулеи-роуд, и это важное соображение. Психиатрический центр Брендона Л. Мартина находится на Куулеи-роуд, и именно там принимает мой психиатр.

Эдвард Брейтуэйт утверждает, что ему сорок один год, но выглядит на тридцать. Я обнаружил, что когда тебе шестьдесят один год — столько мне исполнится в августе, — все мужчины и женщины от двадцати пяти до сорока пяти для тебя выглядят на тридцать. Трудно принимать всерьез людей, для которых как будто бы только что миновали бури третьего десятилетия (по крайней мере, мне — трудно), но с Брейтуэйтом я стараюсь, потому что он мне очень помог... хотя надо признать, антидепрессанты помогли больше. Я знаю,

что некоторые их не любят. Они утверждают, что таблетки притупляют их разум и эмоции, и я могу это подтвердить.

И слава Богу.

Я встретился с Эдом благодаря Кону, который забросил гитару ради спорта, а спорт — ради астрономии... хотя он и сейчас настоящий монстр волейбола, да и на теннисном корте не опозорится.

Я рассказал доктор Брейтуэйту все, о чем вы прочли на этих страницах. Ничего не скрыл. Конечно, он не поверил в большую часть — да и кто бы в здравом уме поверил? Но сам рассказ принес мне облегчение. Некоторые части истории озадачили доктора, потому что их можно проверить. Пастор Дэнни, например. Даже сегодня, если погуглить его имя, выпадет почти миллион результатов; попробуйте сами, если не верите. Были ли подлинными его исцеления — вопрос открытый, но это относится и к Папе Иоанну-Павлу, который при жизни якобы излечил французскую монашку от болезни Паркинсона, а через шесть лет после своей смерти — женщину из Коста-Рики от аневризма. (Неплохой трюк!) То, что случилось со многими излеченными — что они проделывали с собой и с другими, — тоже скорее факты, чем предположения. Эд Брейтуэйт считает, что я вплетаю их в свое повествование, чтобы придать ему достоверности. Он почти прямо сказал об этом в конце прошлого года, процитировав Юнга: «Самых блестящих собеседников можно найти в сумасшедшем доме».

Я не в сумасшедшем доме; после визита в Психиатрический центр Мартина я могу уйти и вернуться в свою тихую, солнечную квартиру. Я благодарен судьбе за это. Благодарен и за то, что все еще жив, в отличие

от многих пациентов пастора Дэнни. С лета 2014 года по осень 2015 они десятками совершали самоубийства. А может, и сотнями, — точно это не известно. Я не могу не воображать, как они пробуждаются вновь в том, другом мире, и маршируют нагишом под воющими звездами, подгоняемые чудовищными муравьями-солдатами, и не радоваться, что меня нет среди них. Думаю, эта благодарность за жизнь, чем бы она ни была вызвана, свидетельствует о том, что мне удалось сохранить основу своего рассудка. То, что часть его покинула меня навсегда, ампутированная, как рука или нога, тем, что я увидел у смертного одра Мэри Фэй, — факт, с которым я научился жить.

В течение пятидесяти минут по вторникам и четвергам, с двух часов до двух пятидесяти, я говорю.

И как говорю!

Утром после бури я проснулся на одном из диванов в вестибюле курортной гостиницы «Козья гора». Лицо болело, мочевого пузыря разрывался, но мне не хотелось идти в мужской туалет напротив ресторана: там были зеркала, а я боялся увидеть в них собственное отражение даже случайно.

Выйдя наружу помочиться, я увидел уткнувшийся в крыльцо гольф-кар. На сиденье и на простенькой приборной панели была кровь. Кровью была залепана и моя рубашка. Я вытер рукой распухший нос, и на пальце остались темно-красные чешуйки. Значит, я приехал на гольф-каре, вмазался в крыльцо и ударился лицом о панель, хотя ничего подобного я не помнил.

Не выразить словами, как мне не хотелось возвращаться в коттедж на Скайтопе, но иначе было нельзя. Забраться в гольф-кар — это легко. Пробираться на нем через лес было сложнее: раз за разом я останавли-

вался и убирал с дороги упавшие ветки, и чем дальше — тем труднее было продолжать путь. Нос пульсировал, голова раскалывалась.

Дверь коттеджа по-прежнему была открыта. Припарковавшись, я вылез из кара. Поначалу я лишь стоял там, потирая распухший нос, пока из него снова не засочилась кровь. Был прекрасный солнечный день — парилка закончилась вместе с бурей, — но комната за открытой дверью тонула во мраке.

«Бояться нечего, — сказал я себе. — Ничего не случится. Все закончилось».

А если нет? Вдруг там все еще что-то происходит?

Что если она меня ждет, с когтем из лиц наготове?

Сделав над собой усилие, я начал медленно подниматься по ступенькам. Где-то в лесу у меня за спиной каркнула ворона, и я вскрикнул, съежился и прикрыл голову руками. От бегства меня удержало лишь одно: я знал, что если не загляну внутрь, комната, в которой умерла Мэри Фэй, будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь.

Никакой пульсирующей одноглазой мерзости в комнате не было. Пациентка Омега лежала там же, где и раньше, с двумя пулевыми отверстиями в ночной рубашке и еще двумя — в простыне, накрывавшей ее до талии. Рот был открыт, и хотя никакой черной конечности сейчас из него не вылезало, я даже не пытался себя убедить, что мне все почудилось: я знал, что это не так.

Металлический ободок, теперь темный и тусклый, все еще оббивал лоб Мэри.

Положение Джейкобса изменилось. Он уже не лежал на боку около кровати, подогнув колени, а сидел у другой стены, прислонившись спиной к бюро. Сна-

чала я подумал, что когда я убежал, Джейкобс был еще жив: от ужаса у него случился еще один инсульт, который убил его не сразу. Придя в себя, Джейкобс дополз до бюро, и умер уже там.

Возможно, так все и произошло, вот только в руке у него был револьвер.

Я долго смотрел на оружие, наморщив лоб в попытке вспомнить хоть что-нибудь. Но не смог, а позже — отказался от предложения Эда Брейтуэйта добраться до воспоминаний с помощью гипноза. Частично потому, что боюсь выхода на поверхность содержимого темных закоулков моего мозга. Но основная причина в другом: я догадываюсь, что произошло на самом деле.

Я отвернулся от тела Чарли (на его лице по-прежнему читался ужас) и посмотрел на Мэри Фэй. Из револьвера я выстрелил пять раз — в этом у меня не было сомнений, — но в нее попали только четыре пули. Одна прошла мимо, что неудивительно в моем тогдашнем состоянии. Но, взглянув на стену, я увидел в ней ДВА отверстия.

Может, вчера вечером я вернулся в гостиницу, а потом снова приехал сюда? Возможно, но вряд ли я заставил бы себя сделать подобное даже в невменяемом состоянии. Нет, я все устроил перед бегством из коттеджа. И уже потом вернулся в гостиницу, врезался в крыльцо, поднялся в вестибюль и завалился спать на диване.

Чарли не сам дополз до бюро — его оттащил я. Усадил, вложил ему в правую руку оружие и выстрелил в стену. Возможно, копы, которые обнаружат эту жуткую сцену, не потрудятся проверить руку Чарли на следы пороха, но если проверят, то найдут.

Я хотел накрыть лицо Мэри Фэй, но ничего менять было нельзя. Больше всего мне хотелось поскорее убраться из этой мрачной комнаты. Но я задержался еще немного. Встав на колени перед своим пятым персонажем, я прикоснулся к его запястью.

— Надо было вам остановиться, Чарли, — сказал я. — Еще очень давно.

Но мог ли он это сделать? Легче всего было бы сказать «да», потому что тогда понятно, кого винить. Но тогда мне пришлось бы винить и себя, ведь я тоже не остановился. Любопытство — страшная штука, но таковы люди.

Таковы люди.

— **Меня там вообще не было,** — сказал я доктору Брейтуэйту. — Так я решил, и оставался лишь один человек, который мог засвидетельствовать обратное.

— Медсестра, — сказал Эд. — Дженни Ноултон.

— Я подумал, что у нее просто нет выбора, кроме как помочь мне. Мы должны были помочь друг другу — сказать, что мы оба уехали из «Козьей горы», как только Джейкобс потребовал отключить Мэри Фэй от системы жизнеобеспечения. Я считал, что Дженни не будет возражать — хотя бы для того, чтобы обеспечить мое молчание о ее роли в этих событиях. Номера ее мобильного у меня не было, но я знал, что у Джейкобса он должен быть. Его записная книжка лежала в люксе «Купер», и, действительно, там был номер Дженни. Я позвонил ей и попал на автоответчик. Я попросил ее перезвонить мне. Телефон Астрид тоже был в записной книжке, так что я позвонил и ей.

— И снова — автоответчик.

— Да. — Я закрыл ладонями лицо. К тому моменту Астрид уже не могла ответить ни на один телефонный звонок. — Да, именно так.

Вот что случилось. Дженни доехала на гольф-каре до курорта; Дженни села в свою «Субару»; Дженни добралась до дома без единой остановки. Все, что ей было нужно — покой и уют. То есть Астрид, и Астрид в самом деле ее ждала. Их тела нашли сразу за входной дверью. Астрид, должно быть, воткнула разделочный нож в горло своей любовницы, как только та перешагнула порог. Потом она вскрыла себе запястья. Крест-накрест — не самый рекомендуемый способ; зато сразу до костей. Я представляю себе, как они лежат там в лужах высыхающей крови. Сначала звонит телефон Дженни в ее сумочке. Потом — телефон Астрид, на кухонной полке под стойкой с ножами. Я не хочу этого представлять, но ничего не могу с собой поделать.

Не все пациенты Джейкобса покончили с собой, но в течение следующих двух лет так поступили очень многие. Не все из них прихватили с собой своих близких, но таких набралось больше пятидесяти; я знаю об этом благодаря своим исследованиям, результатами которых поделился с Эдом Брейтуэйтом. Он хотел бы списать это на совпадение. Это ему не совсем удастся, хотя он охотно оспаривает мой вывод из этого парада безумия, самоубийств и убийств: Мать требует жертвоприношений.

Патриция Фармингдейл, дама, которая сыпала соль себе в глаза, достаточно прозрела, чтобы задушить в постели своего пожилого отца и вышибить себе моз-

ги «ругером» своего мужа. Эмиль Кляйн, поедатель земли, застрелил жену и сына, потом пошел в гараж, облился бензином, который держал для газонокосилки, и зажег спичку. Элис Адамс, излеченная от рака на сеансе в Кливленде, зашла в магазин с «AR-15» своего бойфренда и разрядила его, убив трех случайных людей. Когда обойма опустела, она вытащила из кармана тупорылый пистолет 38 калибра и выстрелила себе в небо. Маргарет Тремейн, одна из излеченных пастором Дэнни в Сан-Диего (гранулематоз), выбросила маленького сына с балкона своей квартиры на девятом этаже и прыгнула вслед за ним. Свидетели утверждают, что, падая, она не издала ни звука.

Далее — Эл Стампер. О нем вы наверняка слышали; нельзя было не заметить кричащих заголовков таблоидов в супермаркетах. Он пригласил на ужин обеих своих бывших жен, но одна из них — кажется, вторая, — на свое счастье попала в пробку и опоздала. Когда она вошла в незапертую дверь дома Стампера в Вестчестере, то обнаружила жену номер один привязанной к стулу за обеденным столом с пробоиной в верхней части черепа. Бывший солист «Во-Лайтс» вышел из кухни, помахивая бейсбольной битой, испачканной кровью с прилипшими к ней волосами. Жена номер два с криками выбежала из дома, а Стампер погнался за ней. На середине улицы он рухнул на тротуар, пораженный насмерть инфарктом. Ничего удивительного — весил он многовато.

Я наверняка узнал не обо всех случаях: они были разбросаны по всей стране и погребены среди многочисленных проявлений бессмысленного насилия, которое все больше становится частью нашей повседневной жизни. Бри могла бы найти остальные, но она не ста-

ла бы мне помогать, даже если бы была не замужем и оставалась в Колорадо. Бри Донлин-Хьюз больше не хочет иметь со мной ничего общего, и я ее понимаю.

Незадолго до прошлого Рождества Хью позвонил матери Бри и попросил зайти в его кабинет в большом доме. Он сказал, что ее ждет сюрприз, и не солгал. Он задушил свою бывшую любовницу шнуром от лампы, отнес труп в гараж и усадил на пассажирское место в своем антикварном «Линкольне-Континентале». Затем сел за руль, завел двигатель, поймал какой-то рок по радио и задохнулся в выхлопных газах.

Бри знает, что я обещал держаться подальше от Джейкобса... и знает, что я солгал.

— **Предположим, что все это правда,** — сказал Эд Брейтуэйт на одном из наших последних сеансов.

— Как смело с вашей стороны, — вставил я.

Он улыбнулся, но продолжил.

— Это не означает, что потусторонний мир, который вам пригрезился, существует на самом деле. Знаю, что это видение все еще преследует вас, но вспомните всех тех, кто, по их заверениям, собственными глазами видел ад и рай — включая Иоанна Богослова. Старики... Старухи... даже дети — и те уверяли, будто смогли заглянуть за эту грань. Книга «Небеса реальны» основана на видениях четырехлетнего мальчика, вышедшего из комы...

— Колтон Берпо, — сказал я. — Читал. Он еще рассказывал о лошадке, на которой может ездить только Иисус.

— Смейтесь сколько хотите, — пожал плечами Брейтуэйт. — Бог свидетель, над этим легко смеяться. Но Берпо видел там свою мертворожденную сестру,

о которой до того ничего не знал. Эту информацию легко проверить. Как и ваши истории с убийствами и самоубийствами.

— Убийств с самоубийствами много, а Колтон встретил только одну сестру, — сказал я. — Разница в количестве. Я никогда не изучал статистику, но уж это знаю.

— Я с радостью признаю видения мальчика фальшивкой, поскольку это подкрепляет мой тезис, что ваше видение — стерильный город, существа-муравьи, небо из черной бумаги — тоже ненастоящее. Понимаете, куда я клоню?

— Да. И с удовольствием бы в это поверил.

Конечно, поверил бы. Любой бы поверил. Потому что каждый человек в долгу у смерти, и мысль о том, что мне придется отправиться туда — в то место, что я видел, — не просто бросила тень на мою жизнь: она сделала ее пустой и неважной. И не только мою — любую жизнь. Поэтому я вцепился в единственную мысль. Это моя мантра. Первое, что говорю себе по утрам и последнее, с чем засыпаю.

Мать солгала.

Мать солгала.

Мать солгала.

Иногда я почти верю в это... но есть причины, которые меня останавливают.

Знаки.

Прежде чем вернуться в Недерланд — где мне предстояло узнать, что Хью покончил с собой, убив мать Бри, — я заехал в свой родной Харлоу. Причин у меня было две. Обнаружив тело Джейкобса, полиция могла связаться со мной и попросить объяснений, что я делал

в Мэне. Это казалось мне важным (хотя в итоге они так и не позвонили), но было и кое-что более важное: мне нужно было найти утешение в знакомом месте, среди людей, которые меня любили.

Я его не нашел.

Вы ведь помните Кару-Линн? Мою внучатую племянницу? Ту, которую я таскал на руках на вечеринке в День труда в 2013 году, пока она не уснула у меня на плече? Ту, что тянула ко мне ручки всякий раз, когда я оказывался рядом? Когда я вошел в дом, в котором вырос, Кара-Линн сидела между своими родителями на старомодном высоком стульчике — не исключено, что в нем в свое время сидел и я. Увидев меня, девочка закричала и начала так яростно дергаться из стороны в сторону, что упала бы на пол, если бы ее не подхватил отец. Она спрятала лицо у него на груди, продолжая вопить во весь голос. Замолчала она лишь, когда ее дедушка Терри вывел меня на крыльцо.

— Что за чудеса? — спросил он полушутливо. — В прошлый твой приезд мы ее оторвать от тебя не могли.

— Не знаю, — сказал я, но это была неправда. Я надеялся остаться на ночь или даже на две, впитывая в себя нормальность, как вампир питается кровью, но ничего не вышло. Не знаю, что именно Кара-Линн во мне учуяла, но я больше не хотел видеть ее перепуганное личико.

Я сказал Терри, что заехал только поздороваться и не останусь даже поужинать — спешу на самолет в Портленд. Я был в Льюистоне, сказал я, записывал группу, о которой мне рассказал Норм Ирвинг. Он утверждал, что у нее есть шанс выйти на национальный уровень.

— И что, есть?

— Не-а. Не того полета птицы.

Я демонстративно посмотрел на часы.

— Забудь ты про свой самолет, — сказал Тедди.

— Полетишь другим рейсом. Пойдем, поужинаешь с нами, братик. Кара успокоится.

Мне так не казалось.

Я сказал Терри, что в «Волчьей Пасти» меня ждут клиенты, и я не могу пропустить запись. В другой раз, сказал я ему. И когда он протянул ко мне руки, я стиснул его в объятиях, зная, что могу больше никогда его не увидеть. Тогда мне ничего не было известно об убийствах и самоубийствах, но я признавал, что несу в себе какую-то отраву и, возможно, она останется со мной до конца жизни. Меньше всего мне хотелось отравить ей тех, кого я любил.

По дороге к машине я остановился и взглянул на полосу земли между газоном и Методист-роуд. Дорогу давно заасфальтировали, но эта полоска выглядела точно так же, как когда я играл там с солдатыками, подаренными сестрой на мое шестилетие. Я стоял на коленках и играл с ними в тот осенний день 1962 года, и на меня упала тень.

И эта тень никуда не ушла.

— **Вы убили кого-нибудь?**

Эд Брейтуэйт задает мне этот вопрос раз за разом. Кажется, это называется «нарастающим повторением». В ответ я всегда улыбаюсь и отвечаю «нет». Да, я всадил четыре пули в несчастную Мэри Фэй, но к тому времени она уже была мертва, а Чарли Джейкобс скончался от последнего разрушительного инсульта. Если бы это не случилось в тот день, то произошло бы в другой — возможно, еще до конца года.

— И вы, очевидно, не совершили самоубийство,
— продолжает с улыбкой Эд. — Если только я не галлюцинирую.

— Вы не галлюцинируете.

— И желания не возникает?

— Нет.

— Даже в качестве теоретической возможности?
Когда, например, вы лежите ночью в постели и не можете заснуть?

— Нет.

Мою жизнь трудно назвать счастливой, но антидепрессанты вернули мне почву под ногами. Я не планирую покончить с собой. А учитывая то, что, возможно, ждет меня после смерти, я рассчитываю прожить как можно дольше. И это еще не все. У меня есть чувство — ошибочное или верное, — что я должен многое искупить. Поэтому я по-прежнему стараюсь быть паинькой: готовлю в бесплатной столовой на Аупуну-стрит, два дня в неделю волонтерствую в благотворительной организации «Гудвилл» на Кеолу-драйв, неподалеку от булочной «Гавайская казарка». Когда умрешь, уже ничего искупить не получится.

— Тогда скажите, Джейми, что в вас особенного? Почему вы не хотите вместе с остальными леммингами броситься со скалы? Откуда у вас этот иммунитет?

Я просто улыбаюсь и пожимаю плечами. У меня есть ответ, но он все равно не поверит. Мэри Фэй была дверью, через которую Мать проникла в наш мир, а я — ключом от нее. Стреляя в труп, нельзя никого убить — бессмертное создание вроде Матери вообще невозможно прикончить, — но когда я выстрелил из того пистолета, то запер дверь. Я сказал «Нет!» не только словами. Если бы я поведал своему психотера-

певту, что существо из другого мира, одно из Великих, оставило меня в живых для того, чтобы свершить финальный апокалиптический акт мести, он стал бы подумывать о принудительном лечении. А я этого не хочу, потому что у меня есть другая обязанность — которую я считаю более важной, чем готовка в бесплатной столовой или сортировка вещей в «Гудвилл».

После каждого сеанса с Эдом я выписываю чек его секретарю. Психотерапевта я могу себе позволить потому, что странствующий гитарист, который стал звукорежиссером, теперь богатый человек. Странно, правда? Умерев бездетным, Хью Йейтс оставил после себя значительное состояние (плод трудов его отца, деда и прадеда). Согласно завещанию, Малькольм (Муки) Макдональд и Хиллари Кац (она же Пейган Старшайн) получали некоторые суммы наличными, но большая часть имущества была поделена между мной и Джорджией Донлин.

Поскольку Хью убил Джорджию собственными руками, этот пункт завещания мог бы снабдить адвокатов по наследственным делам работой на двадцать лет вперед (с отличными гонорарами). Ничего оспаривать я не собирался, поэтому все решилось без лишних дразг: адвокаты Хью связались с Бри и сообщили ей, что она может предъявить права на долю своей покойной матери.

Но Бри отказалась. Адвокат, представлявший мои интересы, сказал мне, что Бри назвала деньги Хью «проклятыми». Может быть, и так, но свою долю наследства я взял без всяких угрызений совести. Частично потому, что в исцелении Хью я участия не принимал, но в основном потому, что уже считал себя

проклятым, и предпочитал при этом жить с комфортом, чем в бедности. Понятия не имею, что случилось с миллионами, которые должны были достаться Джорджии, да мне это и не интересно. Лишнее знание только вредит. Знаю по себе.

После приема у психиатра, оплатив счет, я выхожу из приемной Эда Брейтуэйта в широкий застеленный ковром коридор, в который выходят двери других кабинетов. Если повернуть направо, можно попасть в вестибюль, а оттуда — на Куулеи-роуд. Но я не сворачиваю направо. Я иду налево. На самом деле Эда я нашел чисто случайно; изначально я попал в Психиатрический центр Брендона Л. Мартина по другой причине.

Я прохожу по коридору, пересекаю полный ароматов ухоженный сад — зеленое сердце всего комплекса. Здесь пациенты греются под неизменным гавайским солнцем. Многие полностью одеты, некоторые — в пижамах или ночных рубашках, кое-кто (наверное, недавно поступившие) — в больничном белье. Одни ведут беседы с другими больными или с невидимыми компаньонами. Другие просто сидят и смотрят на деревья и цветы затуманенным лекарствами взглядом. Двух-трех сопровождают надзиратели, чтобы они не повредили себе или другим. Надзиратели обычно окликают меня по имени и здороваются. Они уже хорошо меня знают.

По другую сторону этого открытого атриума находится Косгроув-Холл, один из трех корпусов, где размещены стационарные пациенты. Остальные два предназначены для кратковременной госпитализации, в основном — для лечения наркоманов и алкоголиков.

Обычно они находятся здесь двадцать восемь дней. Косгроув — для больных, чьи проблемы нельзя решить так быстро. Если это вообще возможно.

Как и в главном корпусе, в Косгроуве широкий коридор застелен ковром. Как и в главном корпусе, воздух здесь кондиционирован. Но на стенах нет картин, и в коридоре не играет фоновая музыка, потому что некоторые пациенты слышат в ней голоса, бормочущие непристойности или отдающие зловещие приказы. В коридоре главного корпуса некоторые двери стоят открытыми. Здесь они все закрыты. Мой брат Конрад живет в Косгроув-Холле почти два года. Администраторы Центра Мартина и его лечащий психиатр хотят перевести его в заведение для долгосрочного лечения (они упоминали Алоха-Виллидж на Мауи), но пока что я против. Здесь, в Каилуа, я могу навещать его после визитов к Эду и благодаря щедрости Хью могу позволить себе оплачивать его содержание.

Хотя должен признать, что прогулки по коридору Косгроува — настоящее испытание.

Я стараюсь идти, глядя только под ноги. Это нелегко, потому что я знаю, что от дверей из атриума до маленькой палаты Кона — ровно сто сорок два шага. Это не всегда мне удается: иногда я слышу голос, шепчущий мое имя, но чаще всего — да.

Вы ведь помните партнера Кона, да? Красавчика с ботанического факультета Гавайского университета? Я не называл его имени и не собираюсь делать это сейчас, хотя, возможно, сделал бы, если бы он хоть раз навестил Конни. Но он не приходит. Если спросить его, он наверняка скажет: «С какой стати мне навещать человека, который пытался меня убить?».

Я могу назвать две причины.

Во-первых, Кон был не в своем уме... вообще не в уме, если на то пошло. Ударив красавчика по голове лампой, мой брат забежал в ванную, заперся и проглотил пригоршню валиума — маленькую пригоршню. Когда Ботаник пришел в себя (с окровавленной головой, на которую пришлось наложить швы, но в остальном целый и невредимый), он позвонил в службу спасения. Приехала полиция и взломала двери ванной. Кон вырубился и похрапывал в ванне. Медики осмотрели его и даже не позаботились прочистить желудок.

Кон не особенно старался убить Ботаника и самого себя — это вторая причина. Но, конечно, он был одним из первых пациентов Джейкобса. Вероятно, самым первым. В день, когда Чарли покидал Харлоу, он сказал мне, что Кон скорее всего излечил себя сам; остальное было просто трюком, ловкость рук и никакого мошенничества. «Этому учат в богословской школе, — сказал он. — У меня всегда хорошо получалось».

Но он солгал. Излечение было таким же настоящим, как теперешнее полукататоническое состояние Кона. Теперь я это знаю. Это меня обманул Чарли, и не однажды, а много раз. И все-таки — надо быть благодарным судьбе, да? Конрад Мортон много лет любовался на звезды до того, как я разбудил Мать. И он не безнадежен. В конце концов, он играет в теннис (хотя никогда не разговаривает), и, как я уже говорил, в волейболе он — настоящий монстр. Его врач говорит, что он начал демонстрировать больше внешненаправленных реакций (что бы это ни значило), и медсестры и санитары реже застают его стоящим в углу и бьющимся головой об стену. Эд Брейтуйэт считает, что со временем Кон может полностью прийти в

себя; что он может возродиться. Я предпочитаю в это верить. Говорят, пока есть жизнь — есть надежда, и я не возражаю против этого, но верю и в обратное.

Надежда есть, стало быть, я жив.

Дважды в неделю после разговоров с Эдом я сижу в гостиной у моего брата и снова разговариваю. Часть того, о чем я ему рассказываю, — правда: заварушка в Харбор-Хаус с вызовом полиции, необычно большое поступление почти новой одежды в «Гудвилл», как я наконец сподобился посмотреть все сезоны «Прослушки»; часть выдумана, например, про женщину, с которой якобы встречаюсь и которая работает в пекарне «Гавайская казарка», или о долгих разговорах по «Скайпу» с Терри. Наше общение сводится скорее к монологу, чем к диалогу, и поэтому выдумки необходимы. Моя настоящая жизнь не дает достаточно материала: сейчас она обставлена скудно, как номер в дешевом отеле.

Напоследок я всегда говорю ему, что он слишком худой и ему надо побольше есть, и что я люблю его.

«Ты меня любишь, Кон?» — спрашиваю я.

Пока что он ни разу не ответил, но иногда слегка улыбается. Согласитесь, это тоже своего рода ответ.

В четыре часа свидание заканчивается, и я возвращаюсь в атриум, в котором тени — от пальм, авокадо и большого, искривленного баньяна — уже начинают удлиняться.

Я считаю шаги, лишь изредка поглядывая на дверь в конце коридора. Все остальное время я смотрю в пол. Если только не услышу нашептывающий мое имя голос.

Иногда мне удастся от него отмахнуться.

Иногда — нет.

Иногда я все же отвожу взгляд от ковра и вижу, что пастельно-желтую стену коридора сменила древняя кладка серых камней, увитая плющом. Плющ мертв, и его ветви кажутся цепкими костлявыми лапами. Астрид была права: дверцы в стене не видно, но она есть. Голос доносится из-за нее, просачиваясь сквозь древнюю, ржавую замочную скважину.

Я упрямо иду вперед. А как же иначе? За дверцей таятся невообразимые ужасы. Не только царство смерти, но и страна за ее пределами, полная сумасшедших красок, безумных форм и бездонных пучин, где Великие живут вечными, чуждыми жизнями и думают вечные, злобные думы.

За дверцей — Ничто.

Я иду по коридору, а в голове у меня вертится двустихие из последнего электронного письма Бри: «То не мертво, что вечно недвижимо, спустя эонов тьмы умрет и смерть».

«Джейми, — шепчет старушечий голос сквозь замочную скважину на двери, которая видна только мне. — Приди. Приди ко мне и живи вечно».

«Нет, — отвечаю я, как и в прошлый раз. — Нет».

И... пока все хорошо. Но однажды что-нибудь да случится. Рано или поздно. И тогда...

Я приду к Матери.

6 апреля 2013-27 декабря 2013

От автора

ЧАК ВЕРРИЛЛ — мой агент. Он продал эту книгу и всячески помогал мне, пока я ее писал.

Редактировала книгу НЭН ГРЭМ, вооружившись острым взглядом и еще более острым карандашом.

РАСС ДОРР, мой неутомимый исследователь, снабжал автора всей необходимой ему информацией. Если я где-то облажался — лишь потому, что чего-то недопонял. В таких случаях вините меня, а не его.

СЮЗАН МОЛДОУ отвечала на все мои звонки, даже когда я был настоящей занозой в заднице — и убеждала не останавливаться.

МАРША ДеФИЛИППО и ДЖУЛИ ЮГЛИ взяли на себя мои заботы в реальном мире, чтобы я мог спокойно жить в своем воображении.

ТАБИТА КИНГ, моя жена и главный критик, указала на слабые места в книге и убедила меня их исправить, что я в меру своих способностей и сделал. Люблю ее до безумия.

Спасибо вам всем, и отдельное спасибо — участникам группы «Рок Боттом Римейндерс», которые доказали мне, что рок-н-ролл можно играть в любом возрасте. Благодаря им я с 1992 года зажигаю под песню «В полночный час» — в тональности ми-мажор. Все это дерьмо начинается с ми-мажор.

Бангор, Мэн

© Stephen King, 2014

© М. Замятина, С. Думаков, А. Могилевский —
перевод на русский язык, 2015

© М. Замятина, С. Думаков, А. Могилевский, А.
Викторов — вычитка, корректура и редакция, 2015

Верстка: Captain Crocus

НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ